

2949-2092 (ONLINE)

СИБ
СКРИПТ

TOM 26 № 6
2024



СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГТУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Ilia V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).



Уважаемые читатели и авторы!

Шестой номер журнала «СибСкрипт» объединил статьи по широкой тематике: от археологии и ранних японских религиозных культов до истории форм и методов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России. Надеемся, что научные проблемы, которые обсуждаются в статьях, будут интересны специалистам.

Открывает журнал раздел *Vita Brevis, Ars Longa*. Якову Абрамовичу Шеру посвящается..., в котором представлены статьи участников Всероссийского научного симпозиума «Vita brevis, ars longa», посвященного памяти доктора исторических наук, профессора, специалиста в области первобытного искусства Якова Абрамовича Шера. Непосредственно научный вклад выдающегося отечественного археолога представлен в статье Л. Ю. Китовой, Д. Ю. Гук, А. В. Фрибуса. Другие публикации данного раздела продолжают разработку проблем наиболее значимого направления исследований Я. А. Шера – изучения наскального искусства древности и Средневековья. А. Л. Заика вводит в научный оборот неизвестные наскальные рисунки на р. Кан в высокогорье Восточного Саяна. Тема шаманских атрибутов у антропоморфных наскальных изображений Среднего Енисея периода таштыкской культуры и Нового времени раскрывается в статье А. Л. Заики и И. В. Сирюкина. Зафиксировано присутствие одежды шаманов с такими аксессуарами, как ленты на куртке, халатах и шубах, шапки с перьями, другими зоо- или орнитоморфными элементами, а также бубны, жезлы («трехпалый» предмет с ручкой) и иные предметы. Вывод о поливариантности изображений человека в позе «по-восточному», т. е. сидящим «на полу» с согнутыми ногами, обосновывается в работе О. С. Советовой, Л. Н. Ермоленко и С. А. Зинченко.

В качестве предмета исследования выступают подобные изображения в наскальном искусстве Минусинской котловины. По мнению авторов, сравнение разных вариантов позы сидящих «по-восточному» персонажей петроглифов Минусинской котловины с аналогичными позами человеческих фигур в искусстве раннего железного века и раннего Средневековья позволило выявить очевидные соответствия, но не во всех случаях такие аналогии являются результатом заимствования, поскольку в схожих условиях существования человека могли независимо формироваться похожие «техники тела».

Вопросы религиозной, политической и интеллектуальной истории рассматриваются в статьях второго раздела. Тема увековечивания исторической памяти в России XIX – начала XX в. в форме мемориальных досок представлена в статье Е. Е. Абловой. Автор на основе сравнительного анализа особенностей установки мемориальных досок, их функциональных характеристик, нормативно-правовых документов по установке и охране таких объектов, отношения со стороны государства и общества стремится показать общие и особенные черты таких памятных процедур в разные периоды истории нашего отечества. В публикации Е. С. Гениной и В. А. Овчинникова прослеживаются основные тенденции изучения отечественными исследованиями в 2010-х – начале 2020-х гг. кампании по борьбе

с космополитизмом в СССР. Основное внимание в статье Н. А. Мязина уделяется распространению и деятельности пятидесятничества и харизматического движения после распада СССР. К особенностям движения в 1991–2020 гг. можно отнести численный рост сторонников данной религиозной конфессии, активное миссионерство, интеграцию части религиозных общин пятидесятников в Российский объединенный союз христиан веры евангельской, осуществление социальной деятельности (реабилитации алко- и наркозависимых). Интересную попытку показать социокультурные представления колхозников середины 1930-х гг. путем анализа отчетов о прохождении летних практик студентов Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета имени Я. М. Свердлова в колхозах, совхозах и на МТС ряда регионов европейской части РСФСР предпринял Н. В. Тихомиров. В результате исследователю удалось зафиксировать отдельные черты умонастроений крестьянства и, в частности, негативное отношение к использованию новых технических возможностей в колхозном хозяйстве, отказ в аренде тракторов и другой техники на МТС, негативное отношение к советской системе управления сельским хозяйством.

Раздел *История научно-технического развития России* включает статьи, авторы которых опираются на теорию модернизации. Проблемы реализации

решения Правительства СССР о создании производственных мощностей вычислительной техники и комплекса ЭВМ «Ряд» рассматриваются в публикации Е. В. Бодровой и В. В. Калинова. Оценивая результаты работ по данному проекту, исследователи отмечают отсутствие технической документации, элементной базы, достойного математического обеспечения, достаточного финансирования, дефицит производственных площадей и медленные сроки строительства, что не позволило преодолеть отставание СССР в сфере вычислительной техники. Вторая статья раздела содержит результат работы коллектива авторов (И. С. Соловенко, А. А. Рожков, К. А. Пинжин, А. П. Жолбин) над темой методов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.). Они делают вывод, что предприятия по угледобыче и энергетические комплексы в постсоветское время прошли путь от отдельных фактов использования автоматизации, информатизации и компьютеризации до комплексной цифровой трансформации, что позволило заметно укрепить энергетическую безопасность России.

Раздел **История Сибири XX века** объединяет статьи по истории Томской губернии, Кузбасса и Алтайского края. Статья Н. Н. Аблажей посвящена процессам паспортизации в 1933 г. в таких режимных городах Кузбасса, как Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий

и Анжеро-Судженск. Автор отмечает достаточно быстрые темпы паспортизации (всего 214 тыс. человек), что было связано с бурным индустриальным развитием региона. Это привело к формированию системы административного учета населения, усилению бюрократических и репрессивных практик (города покинули 27 тыс. человек, выслано – 4189 человек). В работе А. В. Куренкова изучен процесс формирования местных органов РКП(б) в Томской губернии после освобождения ее территории от колчаковских войск, рассмотрены процедуры выборов, функции партийных укомов, районных комитетов РКП(б), волостных парткомов. Серьезной проблемой исследователь считает нехватку партийных работников. В статье Д. С. Морозова охарактеризована реакция населения Кемеровской области на смерть И. В. Сталина. Контент-анализ источников позволил автору выявить основные формы такой реакции: «общая утрата», глубокое переживание «личного горя», связь образа И. В. Сталина с ключевыми достижениями советской страны и др. А. В. Рыков сосредоточил свое внимание на «письмах во власть», написанных представителями сельских сообществ в период реализации реформы административно-территориального деления на территории Алтайского края в 1962–1966 гг. Исследователь выявил две стратегии, которыми руководствовались сельчане. Осуществление попыток добиться полного восстановле-

ния ликвидированного района власти не приняли. А более компромиссный вариант – проведение перехода населенного пункта в подчинение соседнего района или региона для улучшения логики и управления – можно считать более успешной стратегией в диалоге с учреждениями власти.

Завершающий раздел **Проблемы всеобщей истории и международных отношений** включает две статьи. В публикации О. Ю. Семенова и Д. А. Белашенко проанализирована деятельность ФРГ в Совете Безопасности ООН в 1995–1996 гг. по урегулированию ситуации в Афганистане. Авторы показывают двойственность афганского направления внешней политики Германии: в Совете Безопасности представители ФРГ стремились обеспечить максимальную поддержку немецкого спецпосланника Норберта Холла – главы миссии ООН UNSMA в Афганистане. Основной же фокус дипломатических усилий Германии был сориентирован на Генеральную Ассамблею ООН. Д. А. Суровень обобщил сведения японских источников о религиозно-политических преобразованиях государя Мимаки (Судзин, 324–331 гг.). В результате данных реформ верховная жрица святилища Мива и принцесса-жрица культа бога-покровителя области Ямато – Ямато-но Ё-кунитама – были заменены жрецами-мужчинами, также было проведено упорядочивание культов.

Журнал «СибСкрипт» приглашает специалистов к публикации статей по проблемам археологии, отечественной и всеобщей истории, актуальным аспектам международных отношений.



Dear readers and authors!

This issue of SibScript brings together articles on a wide range of topics: from rock art and early Japanese cults to the Russian history of industrial digitalization. We hope that these studies will be of interest to specialists.

The journal opens with a set of articles first reported at the All-Russian Scientific Symposium *Vita Brevis, Ars Longa* dedicated to the memory of Professor Yakov A. Sher, Doctor of Historical Sciences, a unique specialist in the field of prehistoric art. L. Yu. Kitova, D. Yu. Hook, and A. V. Fribus describe Professor Sher's profound contribution to Russian archaeology. Other publications trace rock art from the dawn of history to the Middle Ages. A. L. Zaika introduces previously unknown petroglyphs from the archeological sites of the Kan River in the Eastern Sayan highlands. A. L. Zaika also cooperated with I. V. Siryukin to catalogue shamanic attributes in the anthropomorphic petroglyphs of the Middle Yenisei from the Tashtyk culture period to the modern era. The list of shamanic attributes includes such zoo- or ornithomorphic elements as ribboned coats, robes, and fur coats, feathered hats, three-clawed wands, etc. O. S. Sovetova, L. N. Ermoolenko, and S. A. Zintchenko describe a variety of cross-legged human images in the rock art of the Minusinsk Basin. Their analogies in the art of the early Iron Age and the early Middle Ages are not borrowings but a result of similar environments and techniques du corps.

Section two features a wide variety of issues of religious, political, and intellectual history. E. E. Ablova describes memorial plaques as a means of perpetuating historical memory in Russia in the XIX – early XX centuries. The author compared installation

protocols, functions, standardization, and social attitudes to show the general and specific features of this memorial practice. E. S. Genina and V. A. Ovchinnikov report the contemporary scientific approaches to the historical studies of the anti-cosmopolitan campaign in the USSR. N. A. Miazin focuses on the activities of Pentecostalism and the charismatic movement after the collapse of the USSR. Their popularity in the 1991–2020 could be explained by active missionary work, integration with other movements, and social activities in the sphere of rehabilitation of alcohol and drug addicts. N. V. Tikhomirov analyzes reports made by students of the All-Union Communist Agricultural University made during their summer practices on collective farms in the mid-1930s. The analysis reveals the socio-cultural mentality of collective farmers in the European part of Russia. The reports registered a negative attitude toward new farming technologies, machinery, and the Soviet system of agricultural management.

Russian History of Science and Technology includes articles united by the theory of modernization. E. V. Bodrova and V. V. Kalinov explain the failure of the Soviet government to set up a domestic line of competitive computing equipment. This lag in the field of computing technology was caused by poor technical documentation, element base, and mathematical support, as well as by insufficient funding,

production area, and construction rate. I. S. Solovenko, A. A. Rozhkov, K. A. Pinzhin, and A. P. Zholbin trace the early digitalization path followed by Russian fuel and energy enterprises. Coal mining enterprises and energy complexes started with sporadic automation, informatization, and computerization in the post-Soviet era to move to a comprehensive digital transformation, thus strengthening Russia's energy security.

The section of **Siberia in the XX Century** brings together articles on the history of the Tomsk Province, Kuzbass, and Altai Region. N. N. Ablazhey describes the passport campaign conducted by the Soviet government in 1933. Its rapid pace in the closed industrial cities of Kuzbass was associated with the general rapid industrial development in the region. However, the new system of administrative registration fueled bureaucratic and repressive practices: with a total of 214,000 passported citizens, 27,000 people left the cities, and 4,189 people were deported. A. V. Kurenkov studied the earliest party organizations in the Tomsk Province to find out that the constant lack of qualified party workers was a serious problem. D. S. Morozov describes the responses of the population of the Kemerovo Region to the death of Joseph Stalin. The method of content analysis revealed such patterns as "shared loss", "personal grief", "Stalin as father figure", etc. A. V. Rykov introduces the "letters to the authorities" written by rural

population during the administrative-territorial reform in the Altai Region in 1962–1966. Villagers always failed in their attempts to persuade the authorities to restore the administratively abolished settlements. Transferring such a settlement to the subordination of a neighboring region was a more successful strategy in the dialogue with governmental

institutions as it could improve the local logistics and management.

The final section entitled **General History and International Relations** includes two articles. O. Yu. Semenov and D. A. Belashchenko analyze Germany's policy in relation to Afghanistan in the UN Security Council in 1995–1996: Germany sought to support its special

envoy Norbert Hall, who was the head of the UNSMA mission in Afghanistan. D. A. Surowen summarizes rare Japanese sources on the religious and political reforms conducted by Emperor Mimaki (Sudzin, 324–331), as a result of which the high priestesses of the Miwa Shrine and the Yamato patron god were replaced by male priests.

We hope that you will find this New Year's issue insightful and valuable. The SibScript is always glad to welcome new authors to publish manuscripts on archeology, national and world history, and international relations.

Vita brevis, ars longa. Якову Абрамовичу Шеру посвящается...

Новая писаница высокогорья Восточного Саяна в контексте развития наскального творчества Средней Сибири	
Заика А. Л.	857
Шаманские атрибуты у антропоморфных персонажей в наскальном искусстве Среднего Енисея	
Заика А. Л., Сирюкин И. В.	874
Яков Абрамович Шер (1931–2019): вехи научного пути	
Китова Л. Ю., Гук Д. Ю., Фрибус А. В.	889
Сидящие «по-восточному» фигуры в наскальном искусстве Минусинской котловины (атрибуция, аналогии)	
Советова О. С., Ермоленко Л. Н., Зинченко С. А.	904

Вопросы религиозной, политической и интеллектуальной истории

Подходы к созданию и изучению фонда мемориальных досок в Российской империи, СССР и Российской Федерации	
Аблова Е. Е.	919
Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР (отечественная историография проблемы 2010-х – начала 2020-х гг.)	
Генина Е. С., Овчинников В. А.	929
Распространение пятидесятничества и харизматического движения в России в 1991–2020 гг.	
Мязин Н. А.	940
Социально-культурные представления колхозников середины 1930-х гг. по отчетам студентов коммунистического университета имени Я. М. Свердлова	
Тихомиров Н. В.	951

История научно-технического развития России

Реализация правительственных решений о создании производственных мощностей вычислительной техники и комплекса ЭВМ «Ряд»	
Бодрова Е. В., Калинов В. В.	965
История форм и методов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.)	
Соловенок И. С., Рожков А. А., Пинжин К. А., Жолбин А. П.	978

История Сибири XX века

Паспортизация населения режимных городов Кузбасса в 1933 г.	
Аблажей Н. Н.	990
Формирование местных органов РКП(б) на территории Томской губернии (конец 1919 – 1921 г.)	
Куренков А. В.	1002
Смерть И. В. Сталина в восприятии советских граждан (по материалам Кемеровской области)	
Морозов Д. С.	1016
Стратегии, тактики и формы взаимодействия сельского общества и органов власти в рамках реформы административно-территориального деления в 1962–1966 гг.: по материалам «писем во власть» из Алтайского края	
Рыков А. В.	1026

Проблемы всеобщей истории и международных отношений

Деятельность Германии в Совете Безопасности ООН в 1995–1996 гг. по урегулированию ситуации в Афганистане	
Семенов О. Ю., Белашенко Д. А.	1042
Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 3: Новый верховный жрец бога Мива и упорядочение культов Ямато	
Суровень Д. А.	1051

Указатель статей, изданных в 2024 г. в журнале «СибСкрипт»	1068
--	------

Vita Brevis, Ars Longa: Dedication to Professor Yakov A. Sher

New Petroglyphs of Eastern Sayan Highlands as Part of Central Siberian Rock Art

Zaika A. L. 857

Shamanic Attributes of Anthropomorphic Characters in the Rock Art of the Middle Yenisei

Zaika A. L., Siryukin I. V. 874

Yakov A. Sher (1931–2019): Milestones of Academic Career

Kitova L. Yu., Hookk D. Yu., Fribus A. V. 889

Cross-Legged Sitter in Minusinsk Rock Art: Attribution and Analogies

Sovetova O. S., Ermolenko L. N., Zintchenko S. A. 904**Religious, Political, and Intellectual History**

Memorial Plaques in the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation: Cataloguing and Studies

Ablova E. E. 919

Anti-Cosmopolitan Campaign in the USSR: Russian Historiography in 2010s – Early 2020s

Genina E. S., Ovchinnikov V. A. 929

Pentecostalism and Charismatic Movement in Russia in 1991–2020

Miazin N. A. 940

Socio-Cultural Worldview of Soviet Collective Farmers in Mid-1930s as Reported by Students of Sverdlov Communist Agricultural University

Tikhomirov N. V. 951**Russian History of Science and Technology**

Government Decisions on Production Facilities for Computing Equipment and Computer Complex Ryad

Bodrova E. V., Kalinov V. V. 965

Forms and Methods of Digitalization in Russia's Fuel and Energy Sector between XX and XXI Centuries

Solovenko I. S., Rozhkov A. A., Pinzhin K. A., Zholbin A. P. 978**Siberia in the XX Century**

Passport System Campaign in the Closed Cities of Kuzbass in 1933

Ablazhey N. N. 990

Formation of Local Organs of Russian Communist Party of Bolsheviks in Tomsk Province in late 1919 – 1921

Kurenkov A. V. 1002

Joseph Stalin's Death as Perceived by Soviet Citizens: Materials from the Kemerovo Region

Morozov D. S. 1016

Strategies, Tactics, and Forms of Interaction between Rural Communities and Governmental Bodies during the Administrative and Territorial Reform of 1962–1966: "Letters to the Authorities" from the Altai Region

Rykov A. V. 1026**General History and International Relations**

Germany's Policy on Afghanistan in the United Nations Security Council in 1995–1996

Semenov O. Yu., Belashchenko D. A. 1042

Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 3: New High Priest of Miwa and Arrangement of Yamato Cults

Surowen D. A. 1051

Index of articles published in 2024 in the journal "SibScript" 1073

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/znqokr>

Новая писаница высокогорья Восточного Саяна в контексте развития наскального творчества Средней Сибири

Заика Александр Леонидович

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 8018-9549

<https://orcid.org/0000-0003-2704-0988>

Scopus Author ID: 55249582100

zaika_al@mail.ru

Аннотация: В статье дана характеристика ранее неизвестных наскальных рисунков, обнаруженных в 2024 г. в результате зимних исследований на р. Кан в высокогорье Восточного Саяна. Выявлены красочные изображения животных, людей, знаков, которые предварительно дифференцированы по двум хронологическим периодам: эпоха ранней бронзы и ранний железный век – раннее Средневековье. Присутствуют сцены скотоводческого, охотничьего характера, отражающие симбиоз различных изобразительных традиций. Рисунки эпохи ранней бронзы: личина с каплевидным оформлением глаз и изображение быка в минусинском стиле, а также антропоморфная фигура тасхазинского типа. Они относятся к окуневской культуре и свидетельствуют о миграции жителей степей на восток VI тыс. л. н. Поздние рисунки соответствуют тематике наскального творчества региона, но стиль и иконография образов по ряду признаков характерны для искусства сопредельных территорий (Средний Енисей, Нижняя Ангара). Соответственно рисунки в верховьях р. Кан являются маркером древних коммуникаций, по которым осуществлялись этнокультурные связи между различными регионами Сибири. Основные траектории межкультурных контактов: восточные притоки Енисея и левые притоки Ангара, радиальная сеть саянских горных хребтов. Связующее звено древних коммуникаций – высокогорный район Восточного Саяна, который слабо изучен и требует дальнейших археологических исследований.

Ключевые слова: петроглифы, окуневская культура, минусинский стиль, межкультурные контакты, Восточный Саян

Цитирование: Заика А. Л. Новая писаница высокогорья Восточного Саяна в контексте развития наскального творчества Средней Сибири. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 857–873. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-857-873>

Поступила в редакцию 24.05.2024. Принята после рецензирования 25.06.2024. Принята в печать 01.07.2024.

full article

New Petroglyphs of Eastern Sayan Highlands as Part of Central Siberian Rock Art

Alexandr L. Zaika

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 8018-9549

<https://orcid.org/0000-0003-2704-0988>

Scopus Author ID: 55249582100

zaika_al@mail.ru

Abstract: The article describes the rock carvings discovered during the winter expedition of 2024 on the Kan River in the highlands of the Eastern Sayan Mountains. The colorful images of animals, people, and symbols were preliminarily attributed to the Early Bronze Age or the period between the Early Iron Age and the Early Middle

Ages. They reflect a symbiosis of various pictorial traditions in depicting scenes of cattle breeding and hunting. The Early Bronze Age images include a mask with teardrop-shaped eyes and a bull in the Minusinsk style, as well as an anthropomorphic figure of the Tas-Khaza type. They belong to the Okunev culture and mark the migration from the steppes to the east that happened 4,000 years ago. The more recent images follow the traditional regional rock art themes, but their style and iconography are more typical of the neighboring territories, e.g., the Middle Yenisei or the Lower Angara. The rock art of the Upper Kan River area marks the ancient communications and ethno-cultural ties between different regions of Siberia. The main trajectories of intercultural contacts went through the eastern tributaries of the Yenisei and the left tributaries of the Angara, as well as across the radial network of the Sayan Mountains. The Eastern Sayan highlands remain understudied as an ancient intercultural hub and require further archaeological research.

Keywords: petroglyphs, Okunev culture, Minusinsk style, intercultural contacts, Eastern Sayan

Citation: Zaika A. L. New Petroglyphs of Eastern Sayan Highlands as Part of Central Siberian Rock Art. *SibScript*, 2024, 26(6): 857–873. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-857-873>

Received 24 May 2024. Accepted after peer review 25 Jun 2024. Accepted for publication 1 Jul 2024.

Введение

Высокогорье Восточного Саяна долгое время оставалось и в определенной степени остается белым пятном на археологической карте Сибири. Несмотря на то что начало российской археологии положено научными открытиями именно в сибирском регионе, Саянская горная страна практически на протяжении 250 лет не привлекала внимания исследователей. Не только труднодоступность, сложный рельеф, дискомфортные природно-климатические условия местности, но и высокая концентрация разнообразных археологических объектов на соседних равнинных территориях (например, Хакасско-Минусинская котловина), которые были более популярными и остаются таковыми в современной археологической научной среде, по всей видимости, определили данную неравномерность изученности Южной Сибири.

Первые попытки исследования горно-таежной зоны Восточного Саяна начали предприниматься с середины XX в., но должных результатов они не принесли, музейные коллекции пополнялись в основном случайными находками в регионе, полученными от рыбаков, охотников, геологов [Леонтьев, Леонтьев 2009: 4]. Практикуются точечные исследования мест их обнаружения. Ориентируясь на информацию местных жителей, которые передали в Красноярский краеведческий музей находки в виде луков-самострелов, сотрудник музея Н. В. Нащекин в 1970 г. обследовал Пезинскую пещеру на южных склонах Канско-Манского Белогорья и датировал местонахождение концом XVI в. [Нащекин 2018: 13–14]. Ранее, в 1963 г., он выезжал

в верховья р. Кунгус (правый приток р. Кан) на место находки местными жителями каменного диска-кольца из серпентинита с гравированными изображениями людей, животных; артефакт был датирован эпохой позднего неолита [Нащекин 1966], позже – эпохой ранней бронзы [Макаров, Мандрыка 1995].

Целенаправленное и систематическое исследование археологических памятников Восточного Саяна осуществлялось совместной экспедицией Минусинского краеведческого музея и музея-заповедника «Томская писаница» в 2000-х гг. За семь лет работ было исследовано более полутора десятка памятников (стоянки, поселения), датированных в широких временных рамках от эпохи неолита – ранней бронзы до позднего Средневековья [Леонтьев, Леонтьев 2009]. Вместе с тем необходимо отметить, что сектор работ охватил большей частью предгорья и среднегорье Восточного Саяна и был локализован Казыр-Кизирским междуречьем. Сами ученые отметили, подводя итоги многолетних исследований, что степень изученности региона «чрезвычайно мала» [Там же: 102]. Северные отроги Восточного Саяна систематически изучались отрядом Красноярского краевого краеведческого музея в 2010-х гг. Выявлено более десятка археологических памятников (стоянки), которые датируются в широких хронологических рамках от эпохи неолита до русского времени [Фокин 2017a; 2017b]. Но работы носили разведочный характер, не отличались масштабностью и большей частью были направлены на определение перспектив археологического изучения региона.

Что касается памятников наскального искусства региона, то начало их целенаправленного поиска и изучения приходится на конец XX в. По информации известного иркутского краеведа М. И. Пугачева, в Тофаларии в зимний период А. П. Окладниковым исследуется писаница на р. Уда в районе Ярминского порога (среднегорье Саян). На поверхности базальта были зафиксированы выбитые изображения животных (лоси), а также подшлифованные лунки. По стилистическим и сюжетным аналогиям с ангарскими петроглифами изображения датированы исследователем эпохой неолита [Окладников 1980]. В верховьях р. Уда, где река прорезает Джуктырский хребет в высокогорье Саян, отрядом Иркутского областного краеведческого музея в 1983–1984 гг. были обследованы нанесенные красной охрой рисунки в районе Миллионного порога. Писаница разновременная, датирована эпохой поздней бронзы – ранним железным веком [Мельникова 1996]. В 1996 г. во время зимней экспедиции Красноярского государственного педагогического университета в верховья р. Мана на скальных обнажениях Кутурчинского Белогорья в районе Большого Манского порога были обнаружены крашенные рисунки эпохи Средневековья, иллюстрирующие сцену перекочевки «оленных охотников» [Заика, Кузнецов 2008: 60–61]. Летом 2018 г. отрядом ООО «Научно-производственное объединение "Археологическое проектирование и изыскания"» в верховьях р. Казыр в районе порога Щеки были обнаружены крашенные изображения двух копытных животных и горизонтальной черты под ними. Предварительно рисунки датируются эпохой поздней бронзы [Барков, Матвеев 2020].

Таким образом, несмотря на активизацию в последнее время археологического изучения высокогорных областей Восточного Саяна, в ходе которого была получена ценная информация о различных аспектах материальной и духовной культуры древнего населения горно-таежных территорий, степень изученности региона остается недостаточной и уровень исследований до сих пор находится на начальной стадии. В этих условиях, когда в большей степени происходит поиск и накопление археологических источников, появление какой-либо новой информации приобретает высокую научную ценность и отличается актуальностью.

Целью работы является освещение результатов исследования нового памятника искусства в верховьях р. Кан, в частности, анализ рисунков в контексте

вопросов, связанных с развитием наскального творчества в горно-таежных районах Восточного Саяна и прилегающих территорий Средней Сибири. Задачи:

- характеристика выявленного объекта наскального творчества;
- на основе стилистического, сюжетного анализа и выделения иконографических особенностей рисунков решение вопросов определения их культурно-хронологической принадлежности;
- интерпретация изображений и выявление межкультурных связей, траекторий контактов между различными регионами Средней Сибири.

Методы и материалы

Писаница обнаружена в начале марта 2024 г. в результате целенаправленных поисковых работ, связанных с проверкой сведений, полученных от местных жителей. Передвижение осуществлялось на снегоходах по льду реки. Полевые работы (топосъемка, фотофиксация и др.) проводились в соответствии с методическими принципами исследования петроглифов в зимних условиях [Заика, Кузнецов 2008]. Сначала был произведен внешний осмотр скальных обнажений с целью выявления наскальных рисунков и определения границ памятника. Во время работ подножия доступных скальных фризів очищались от снежного покрова, труднодоступные участки скалы визуально просматривались с помощью бинокля. После определения границ распространения и индексации рисунков были сняты GPS-координаты центра памятника и его крайних точек.

Во время топофиксации объекта были сняты горизонтальный контур скальных обнажений и вертикальные профили скалы через плоскости с рисунками до уровня подножия / льда. Работы проводились с использованием горного компаса, оснащенного угломером и определителем уровня горизонта, выдвижной рейки (5 м) и мерной ленты (рулетки). Фотофиксация общего вида объекта, его участков, плоскостей с рисунками, их фрагментов осуществлялась с использованием фотоаппарата Canon EOS R50, оснащенного штатным объективом RF-S 18-45 mm, при наличии рейки или мерной ленты с миллиметровой шкалой. Описание проводилось на всех этапах работ с занесением в полевой дневник.

Контактное копирование рисунков по причине их плохой сохранности не применялось. При компьютерной обработке фотоматериалов использовалась программа DStretch.

Результаты

Характеристика наскальных рисунков

Писаница Олений ручей (Орье. Петроглифы 1) расположена в верховьях р. Кан, на левом его берегу, в 60 км к юго-востоку (115 км выше по течению) от п. Орье Саянского района Красноярского края. Выше по течению, в 3 км к северо-западу от писаницы, на противоположном берегу в Кан впадает руч. Олений. В данном месте р. Кан прорезает северные склоны Восточного Саяна между хребтами Пезинское Белогорье (абсолютные отметки до 1859 м) и Тукшинское Белогорье (абсолютные отметки до 1785 м) (рис. 1, 2). Сама писаница находится на высоте порядка 1000 м над уровнем моря. Окружающая местность представляет собой горную страну с темнохвойным редколесьем, которое переходит в альпийские луга и высокогорную тундру (рис. 2).

Скальные обнажения, где зафиксированы рисунки, представляют собой береговой утес, сложенный породами вулканического происхождения (гранитоиды: гранит, сиенит) светло-серого цвета, имеют протяженность в меридианном направлении около 50 м. Скала отвесная, расчленена диагональными

продольными и поперечными трещинами на отдельные скальные блоки, в подножии имеет сравнительно широкую задернованную площадку берегового уступа. Вершина утеса имеет ступенчатые задернованные и частично поросшие лесом горизонтальные площадки (рис. 3). Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков, зафиксированы на 5 плоскостях в центре



Рис. 2. Долина р. Кан в верхнем ее течении. Вид с юга
Fig. 2. Upper Kan River Valley, view from the South

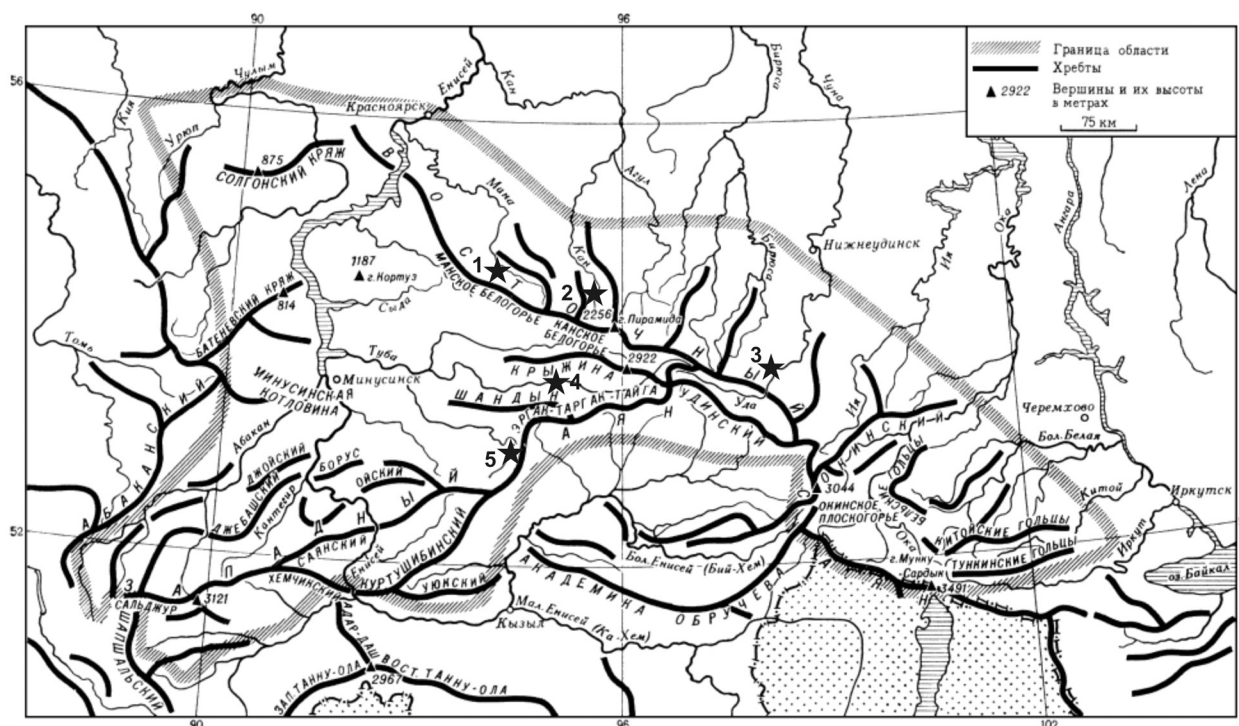


Рис. 1. Карта Саянской горной страны с обозначением писаниц, известных в высокогорных районах: 1 – Большой Манский порог; 2 – Олений ручей; 3 – писаница на Миллионном пороге; 4 – писаница на пороге Шеки; 5 – Кундусукская писаница
Fig. 1. Sayan Mountains with petroglyph sites in highland areas: 1 – Bolshoy Mansky Rapids; 2 – Oleniy Ruchey; 3 – Millionny Rapids; 4 – Shcheki Rapids; 5 – Kundusuk



Рис. 3. Писаница Олений ручей. Общий вид с северо-востока
Fig. 3. The Oleniy Ruchey (Deer Creek) rock art site, general view from the North-East



Рис. 4. Писаница Олений ручей. Плоскость 1. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)
Fig. 4. Oleniy Ruchey petroglyph site: plane 1, view from the East (computer-processed image)

скалы на протяжении 13 м. Площадки расположены на различных высотах от уровня льда (2,3–4,7 м) на расстоянии 1,3–4 м друг от друга (по фронту), под различными углами наклона обращены на восток и юго-восток.

Плоскость 1 высотой 0,8 м и шириной 1 м находится на северной оконечности писаницы в верхней правой части каменного блока, на месте локального отслоения камня. Каменный блок представляет собой навес над нишей, глубина которой составляет 1,5–2 м, высота – 1 м. Площадка подтреугольной формы, сравнительно ровная, немного вогнутая в нижней части. На высоте 1,8 м от пола ниши (2,3 м от уровня льда) она под отрицательным углом наклона (-30°) обращена на восток (аз. 358°).

В центре площадки контурно красной охрой розового оттенка на одном уровне выполнены изображения человека и копытного животного, обращенных в левую сторону (на юг, вверх по течению реки) (рис. 4). Центр площадки занимает контурная фигура крупного животного. Показаны: широкое вытянутое туловище с выделенным горбом, выпуклый / «отвисший» живот, линия спины с прогибом, контур бедра, немного приподнятый и по дуге опущенный вниз длинный хвост. Пара передних конечностей представлена одинарной вертикальной согнутой на уровне коленей линией. Задние конечности показаны также одинарно, подогнуты внутрь, но выглядят более «объемно». Широкая бедренная часть залита краской, нижняя часть ног оформлена линейно. Шея у него короткая, широкая, вытянута вперед и немного опущена вниз. Крупная голова параболической формы находится в горизонтальном положении, показана реалистично

с выделением контура нижней челюсти и немного зауженной носовой части, дополнена пятном глаза, увенчана короткой линией уха и вынесенным далеко вперед изогнутым рогом. Рог практически соприкасается с туловищем антропоморфа.

Фигура человека динамичная, показана в фас-профильном ракурсе (туловище и голова – в фас, ноги – в профиль). Туловище у него имеет вид трапециевидного контура, наклонено влево (вперед), выделен тазовый выступ, ниже линии живота короткой горизонтальной чертой обозначен фаллос. Линия плеч «усилена» широкой полосой краски, шея не обозначена. Голова округлой формы, нижняя половина ее контура залита краской, в верхней половине двумя пятнами обозначены глаза. Левая рука у него короткая, опущена к рогу животного, и поэтому перед ней ее линия обрывается. Правая рука, соразмерная туловищу, вынесена вперед. Ноги оформлены так же, как и задние конечности животного, согнуты в коленях, дополнены широкой линией ступни, обращенной в левую сторону.

Площадки 2–4 находятся левее и выше вдоль диагональной ступеньки скалы, опускающейся к южной ее части с высоты 4 м до 1 м от уровня льда.

Верхняя **плоскость 2** расположена в 3,5 м к юго-западу от площадки 1 на высоте 4,7 м от уровня льда и представляет собой наклонный влево скальный блок высотой 1,3 м и шириной 5,5 м. На высоте 0,7 м он нависает над наклонной скальной полкой шириной 3 м. Площадка сравнительно ровная, под небольшим отрицательным углом наклона (-10°) обращена на юго-восток (аз. 25°). Рисунки зафиксированы в нижней части блока и представлены фрагментами

в виде двух горизонтальных, параллельных между собой дугообразных линий, выполненных красной охрой малинового оттенка (рис. 5). На сохранность изображений негативно повлияло отслоение внешней скальной корочки.

Плоскость 3 находится в 4,5 м левее и ниже плоскости 2 на высоте 2,4 м от уровня льда, в подножии имеет на высоте 1,2 м горизонтальный скальный приступок шириной 1,4 м. Плоскость вертикальная, шириной 1,2 м и высотой 0,5 м, под разными углами обращена на восток-юго-восток (аз. 10–20°). Поверхность ее неровная, бугристая, обильно покрыта участками отслоения внешней скальной корочки, которая интенсивно осыпается при незначительном физическом воздействии на нее. Соответственно рисунки, которые покрывали всю ее площадь, сохранились фрагментарно. Визуально они просматриваются в виде линий и аморфных пятен бордовой и малиновой расцветки, которые пока трудно сложить в какие-либо образы (рис. 6).

Плоскость 4 шириной 0,3 м имеет подтреугольную форму, по всей длине нависает над плоскостью 3. По всей ее площади выявлены фрагменты рисунков, выполненные охрой бордового цвета, которые также и по тем же причинам в большинстве своем пока трудно идентифицировать (рис. 6).

Плоскость 5 вертикальная, трапециевидной формы (0,9х0,9 м), ограничена трещинами, расположена левее, в 1,3 м к юго-юго-западу (аз. 210°) от плоскости 3. На высоте 2,4 м от уровня льда она обращена на восток-юго-восток (аз. 20°), на 1 м ниже имеет наклонный приступок шириной 0,5 м. Поверхность плоскости бугристая, частично покрыта отслаивающейся карбонатной корочкой. От центра плоскости линиями шириной 1,5–1 см охрой бордового цвета нанесены вниз до трещины нижнего края плоскости две вертикальные черты (рис. 7). В верхней части они соединены горизонтальной перемычкой, к центру которой опущена еще одна линия, оформляя «трезубец». К верхнему концу левой черты сбоку (слева) примыкает горизонтальный «отросток». Под нижней естественной границей плоскости (трещина) зафиксированы два коротких косых росчерка охры того же цвета.

Датировка и интерпретация

Прежде чем перейти к вопросам датировки наскальных рисунков, установим их относительную хронологию. Учитывая планиграфию и топохарактеристики плоскостей, наиболее удобное центральное место занимает плоскость 1. Она защищена от внешнего воздействия

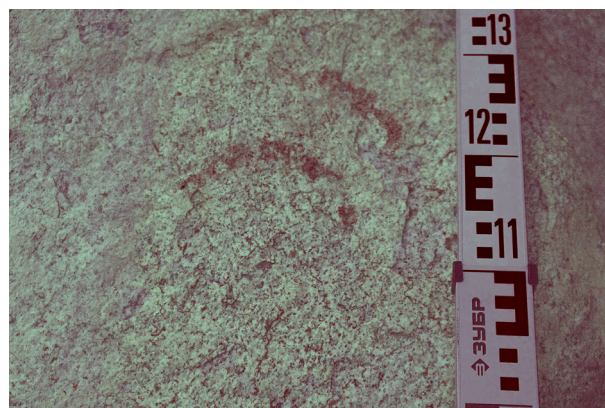


Рис. 5. Писаница Олений ручей. Плоскость 2. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)

Fig. 5. Oleniy Ruchey petroglyph site: plane 2, view from the East (computer-processed image)

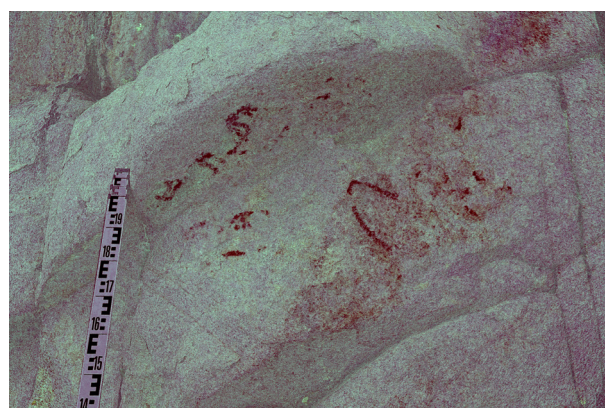


Рис. 6. Писаница Олений ручей. Плоскости 3 и 4. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)

Fig. 6. Oleniy Ruchey petroglyph site: planes 3, 4, view from the East (computer-processed image)

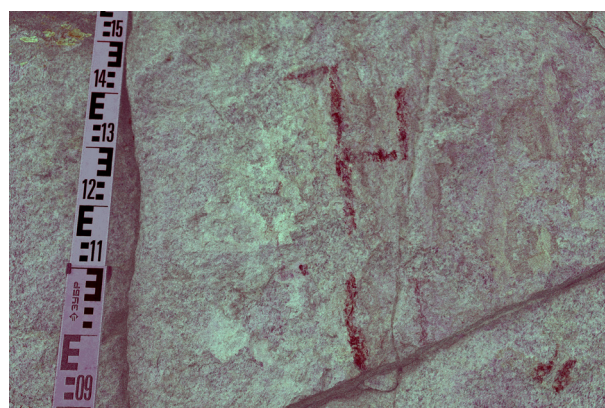


Рис. 7. Писаница Олений ручей. Плоскость 5. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)

Fig. 7. Oleniy Ruchey petroglyph site: plane 5, view from the East (computer-processed image)

скальными навесами и уступами, имеет отрицательный наклон, что определило сравнительно хорошую сохранность рисунков. Сама плоскость представляет собой ровное широкое каменное полотно для нанесения изображений, имеет удобные подходы к ней и широкую площадку в подножии, хорошо видна на отдаленном расстоянии. Поэтому, надо полагать, изображения на плоскости 1 являются наиболее архаичными.

Более поздние изображения стали наноситься в менее удобных местах левее и выше плоскости 1 вдоль диагональной полки скалы. Первоначально, видимо, для начертаний была использована плоскость 2, которая находится недалеко от плоскости 1, в сравнительно «комфортных» условиях, и минимально подвержена негативным эрозийным процессам. Вместе с тем нельзя исключать, что правая часть каменного блока обвалилась, образовав нишу размерами 1х1 м. Это может объяснять лаконичность начертаний на плоскости 2 как периферийных по отношению к утраченной композиции. Позднее были нанесены рисунки на каменном блоке с плоскостями 3 и 4. Причем здесь следует логичным полагать, что сначала, несмотря на неровный рельеф каменного «полотна», изображения появились на вертикальной поверхности (плоскость 3), а затем уже на навесе над ней, где рисунки отличаются более насыщенным цветом и выглядят ярче. Незащищенность каменной поверхности от внешних воздействий привела к активным эрозийным разрушительным процессам: поверхностная деформация скальной породы, отслаивание карбонатной корочки и др. Та же ситуация наблюдается и на соседней плоскости 5, которая находится на южной периферии писаницы, и лаконичные рисунки на ней, видимо, замыкают верхнюю границу хронологической шкалы петроглифов.

Определение культурно-хронологической принадлежности рисунков следует начать с композиции на плоскости 1. Как отмечалось выше, рисунки выполнены охрой одной расцветки, фигуры объединены одной сюжетной линией, т. е. нанесены в одно время и одним автором. Судя по всему, первоначально древний художник на удобном ровном участке плоскости выполнил изображение животного, свободно расположив его на каменном полотне. Чтобы подчеркнуть крупные габариты образа, он немного вытянул его туловище и, учитывая нижний выступ плоскости, вынужден был «укоротить» линию передних конечностей, контур хвоста вписал в правый край камня. После нанесения длинной изогнутой линии рога перед ним возникла проблема с местом для антропоморфа.

Причем показать его необходимо было, видимо, с вытянутой вперед рукой. Место было ограничено сверху горизонтальной трещиной, слева – краем камня, справа – линией рога. По всей видимости, поэтому ему пришлось туловище антропоморфа максимально приблизить к линии рога, минимизировать левую руку, верхний контур головной части ограничить трещиной, ноги поместить на поверхность скального выступа (рис. 4). Не исключено, что подобное плотное размещение фигур было преднамеренным, т. к. вынесенная вперед рука находится немного ниже уровня плеч и в определенной степени продолжает линию рога животного, иллюстрируя финальную сцену поединка. Данная трактовка сюжета отличается экстравагантностью и требует отдельного рассмотрения. Поэтому обратим внимание на сюжетное сочетание *человек – копытное животное* в наскальном искусстве Саянского региона.

На писанице Сосновка Джойская в Саянском каньоне В. Ф. Капелько в 1977 г. зафиксировал рисованную красной охрой сцену противостояния лучника и быка [Заика 2014в: рис. 1, 12]. Бык показан контурно в статичной позе, имеет крупные размеры, обращен в правую сторону. У него обозначены все четыре конечности, к двум традиционно изогнутым рогам добавлена саблевидная узкая линия третьего рога (рис. 8, 3). Навстречу ему обращена профильная фигура охотника, которая имеет меньшие размеры. Одна рука у него на уровне груди вынесена вперед, пересечена извилистой линией лука и далее продолжает линию стрелы. Другая рука сохранилась фрагментарно в виде крючковатого выступа за спиной. Рисунки датируются эпохой позднего неолита – ранней бронзы [Заика 2014в; Заика, Клементьев 2021: 33].

В высокогорье Восточного Саяна в верховьях р. Уда на писанице у Миллионного порога Л. В. Мельниковой выявлена сцена охоты лучника на оленя, который имеет также крупные размеры, но показан в «скелетном» стиле [Мельникова 1996: 90]. В данном случае животное находится в статичной позе, но в вертикальном положении, обращено спиной к охотнику. Фигура охотника профильная, как и на Джойской писанице, одна рука у него вытянута по направлению к животному, пересечена дугой лука, продолжает линию стрелы, другая – за спиной по дуге примыкает у туловищу (рис. 8, 2). Отличия: обозначен короткий выступ фаллического отростка, к луку добавлена линия тетивы, согнутые в коленях ноги показаны одной линией. Ориентируясь на сюжеты и стиль петроглифов Алтая, Тувы и Монголии, исследователь соотносит

рисунки писаницы с концом бронзового века – началом железного века (конец II – начало I тыс. до н. э.) [Там же: 93]. С чем трудно согласиться. Реализм образов, наличие у животного признаков, характерных для минусинского стиля (вертикальная поза, постановка согнутых конечностей), общие сюжетные и частные (на примере лучника) иконографические, стилистические аналогии с вышеописанными рисунками на писанице Сосновка Джойская позволяют верхнюю дату рисунков ограничить концом эпохи ранней бронзы (середина II тыс. до н. э.). Использование древним автором скелетного стиля при изображении животного не противоречит данным выводам.

На прилегающей территории в верхнем течении р. Ангара А. П. Окладниковым на писанице Баля Сухая была обнаружена сцена противостояния лучника и крупного копытного животного [Окладников 1966: табл. 144, 1], которого исследователь определил как «лось» [Там же: 87], но позднее по ряду признаков он был помещен в разряд «териоморфных быкоподобных образов» [Заика, Клементьев 2021: 28]. Животное показано контурно в статичной позе, у него крупное широкое туловище, короткая широкая шея, укороченные конечности, параболоидный контур головы увенчан двумя ушами и направленными вперед двумя дугами рогов. Обозначены также глаз и короткой линией рот. Фигура лучника аналогична описанным выше, но голова и туловище у него показаны контурно (рис. 8, 1).

Таким образом, известные в регионе сюжетные сочетания *человек – копытное животное* иллюстрируют сцены охоты лучников на животных. Последние отличаются своими крупными размерами, показаны контурно в статичных позах, характерных для минусинского стиля. Антропоморфы показаны силуэтно-линейно или контурно-линейно в профиль, отличаются небольшими размерами. Датируются рисунки в пределах позднего неолита – ранней бронзы (III – первая половина II тыс. до н. э.). Примечательно, что в Северной Азии для петроглифов данного периода сцены охоты не характерны. Они получают популярность в эпоху раннего железа и Средневековья, когда во время охотничьих кампаний оттачивались навыки боевого искусства [Аннинский и др. 2007: 24], иногда «охотники» добавлялись к более ранним изображениям животных [Арсеньева, Заика 2020: 170]. Соответственно, напрашивается вывод о том, что данный сюжет маркирует своеобразие традиций в наскальном искусстве горно-таежной зоны Сибири в обозначенный период. Аналогичные сцены на «саянском кольце»,

где присутствуют профильные фигуры лучников и копытные животные, показанные в минусинских изобразительных традициях (рис. 8, 5), дополнительно аргументируют это предположение, как и сюжет охоты на р. Ус в Западном Саяне [Заика, Вдовин 2023].

Канская композиция в общем плане укладывается в данную сюжетную канву (кардинальное отличие: антропоморф не противопоставлен животному, а следует впереди него), как и стиль и общая иконография образов. В частности, копытное животное показано с длинным изогнутым рогом и не менее длинным хвостом, что в сочетании с объемным туловищем, короткой широкой шеей и параболоидным контуром головы не позволяет сомневаться в том, что изображен бык, причем в минусинских изобразительных традициях (ноги опущены вниз, подогнуты внутрь, голова вытянута вперед). Форма рога и моделировка туловища, постановка ног находят многочисленные аналогии среди петроглифов, выполненных в окуневских изобразительных традициях (рис. 8, 4), что не противоречит приведенным выше датировкам сюжета. В отличие от описанных сцен антропоморфная фигура показана не в профиль, а в фас-профильной проекции. Возможно, это было необходимо, чтобы отразить во фронтальном ракурсе не столько туловище, сколько головную часть образа с необходимыми деталями: глаза, горизонтальная манера «татуировки». Последний фактор характерен для окуневских масок-личин тасхазинского типа; несущие их антропоморфы нередко изображены также в фас-профильном ракурсе, в наклонном положении и, как правило, с одной вытянутой вперед рукой (рис. 9, 2). Фас-профильные фигуры характерны и для петроглифов эпохи ранней бронзы Нижней Ангары [Заика 2013: 137], причем у некоторых из них зафиксированы гипертрофированно выраженные ступни, как и у канского персонажа (рис. 9, 1).

Таким образом, композицию на плоскости 1 следует датировать эпохой ранней бронзы. Рисунки выполнены в окуневских изобразительных традициях с художественными элементами, характерными для наскального искусства Нижней Ангары. Сюжетный контакт антропоморфа с животным отражает особенности наскального творчества региона.

На плоскости 2 лаконичный / фрагментарный сюжет в виде двух дугообразных линий пока трудно поддается культурно-хронологической интерпретации. Возможно, двойные дуги оформляли параболоидный контур головы животного, обращенного в правую сторону, или представляют собой какой-то тамговидный знак.

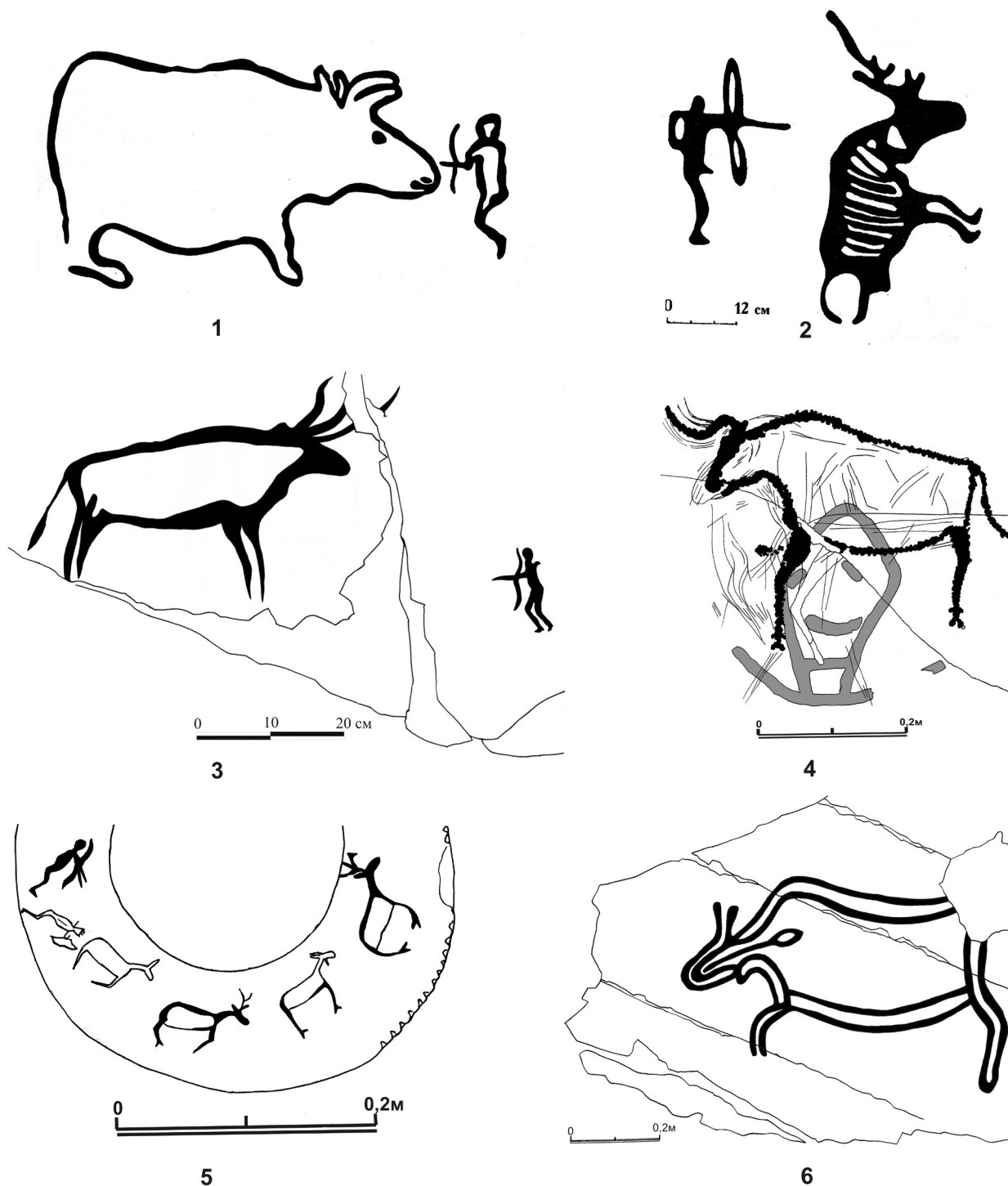


Рис. 8. Изображения животных и сцен охоты на них в наскальном искусстве Средней Сибири: 1 – писаница Баля Сухая [Окладников 1966: табл. 144, 1]; 2 – писаница у Миллионного порога [Мельникова 1996: рис. 1, 4, 5]; 3 – писаница Сосновка Джойская [Заика, Клементьев 2021: рис. 2]; 4 – Шалаболинская писаница [Заика и др. 2020: рис. 5]; 5 – фрагмент петроглифов на «саянском кольце» (прорисовка А. Л. Заики); 6 – писаница Нижний Брат (прорисовка А. Л. Заики)

Fig. 8. Animals and hunting scenes in rock art of Central Siberia: 1 – Balya Sukhaya petroglyph site [Okladnikov 1966: Tab. 144, 1]; 2 – Millionny Rapids petroglyph site [Melnikova 1996: Figs. 1, 4, 5]; 3 – Sosnovka Dzhoyskaya petroglyph site [Zaika, Klementyev 2021: Fig. 2]; 4 – Shalabolinskaya petroglyph site [Zaika et al. 2020: Fig. 5]; 5 – petroglyph fragment from Sayan Ring (drawing by A. L. Zaika); 6 – Nizhniy Brat petroglyph site (drawing by A. L. Zaika)

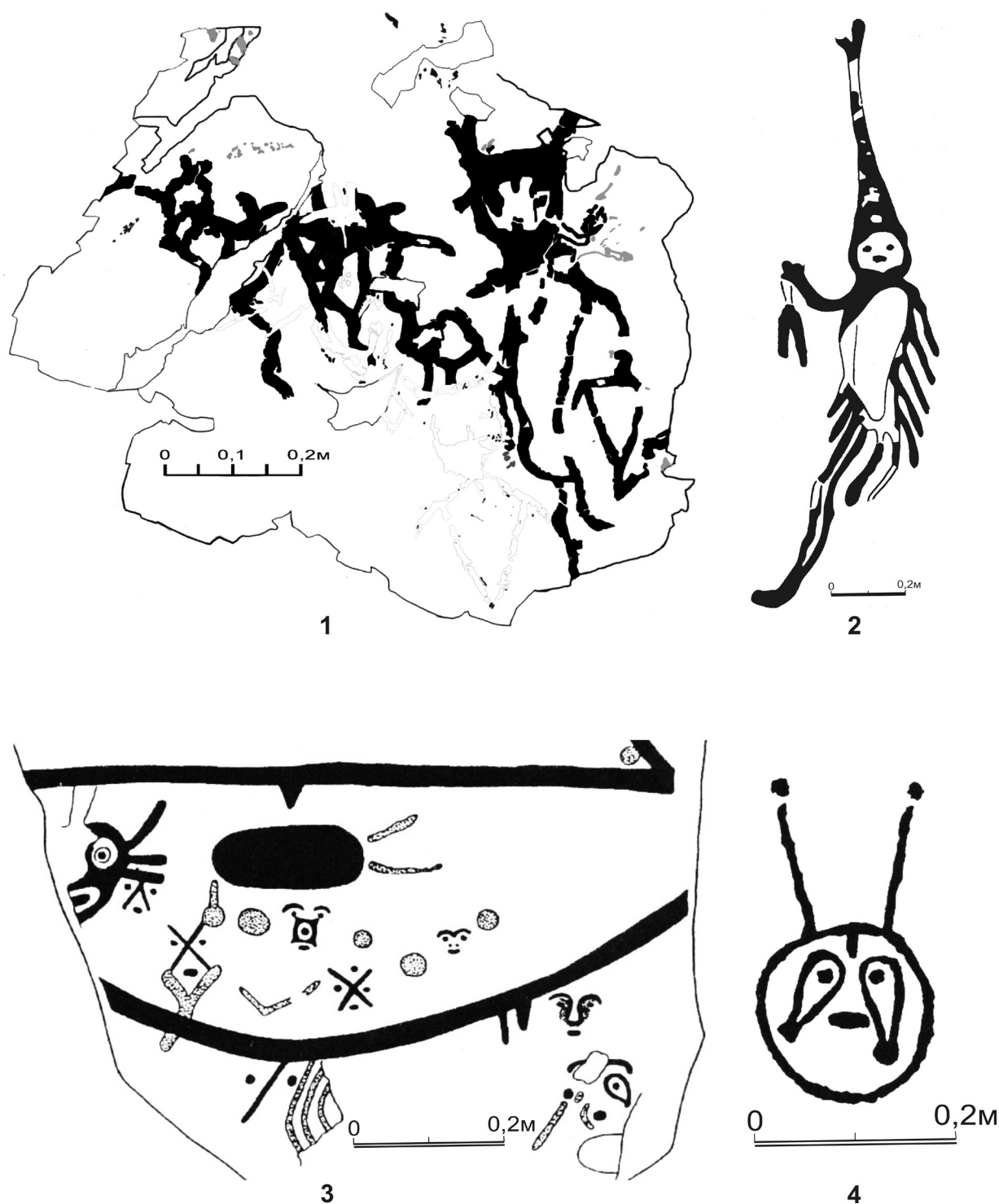


Рис. 9. Антропоморфные образы в петроглифах Средней Сибири: 1 – писаница Шунтары [Заика 2013: табл. 77]; 2 – писаница Кантегир 1 [Леонтьев 1985: рис. 1]; 3 – окуневская стела № 203 (фрагмент) [Леонтьев и др. 2006: 185]; 4 – окуневская стела № 90 из могильника Тас-Хазая (фрагмент) [Там же: 139]

Fig. 9. Anthropomorphic images in petroglyphs of Central Siberia: 1 – Shuntara petroglyph site [Zaika 2013: Tab. 77]; 2 – Kantegir 1 petroglyph site [Leontiev 1985: Fig. 1]; 3 – Okunev stele No. 203 (fragment) [Leontiev et al. 2006: 185]; 4 – Okunev stele No. 90 (fragment), Tas-Khazaa burial ground [Ibid.: 139]

Рисунки на плоскости 3 сохранились фрагментарно, но планиграфически и по цвету красящего пигмента их можно дифференцировать на два хронологических блока. В левой части плоскости на сравнительно ровной поверхности изображения, видимо, относительно более ранние, выполнены охрой малиновой расцветки. На менее удобной бугристой поверхности в правой части камня рисунки, надо полагать, нанесены позже и по цвету охры (бордовый оттенок) соответствуют изображениям на навесе (плоскость 4).

Сохранившиеся фрагменты краски пока трудно сложить в какие-либо образы, вместе с тем можно предварительно полагать, что в левой части плоскости была изображена неоконтуренная антропоморфная личина. В этом случае угадываются симметрично расположенные дуги «бровей», под которыми сохранились пятнистые фрагменты глаз. Другая трактовка: горизонтальные каплевидные контуры глаз с пятнами зрачков внутри. Рот личины, надо полагать, обозначен хорошо сохранившейся горизонтальной полосой краски. Подобные лики зафиксированы в древнем искусстве на широком пространстве Северной Азии, в частности, в петроглифах Минусинской котловины и Нижней Ангары (рис. 9, 3, 4; рис. 10), где в большинстве своем соотносятся с эпохой ранней бронзы [Заика 2014а; 2014b].

В правой части плоскости хорошо фиксируется угловатая линия дуги, которая в сочетании с расположенными правее остатками мазков охры может моделировать линейную фигуру животного, показанного в позе внезапной остановки и ориентированного в правую сторону. Не исключено, что на его спине находился всадник. В этом случае рисунки можно предварительно соотнести с эпохой раннего железа, когда в петроглифах Южной Сибири у животных доминирует подобная поза и получают распространение изображения всадников [Советова 2005; Советова, Миклашевич 1999: 62–65; Советова и др. 2021: 77–106].

Трактовка сюжетов на скальном навесе (плоскость 4) также вызывает затруднения. Исключение составляют полосы краски в левой части плоскости, которые можно трактовать как остатки изображений живота и конечностей двух животных, ориентированных в левую сторону. У крайнего левого животного ноги прямые, широко разнесены в стороны, имеют «валенкообразные» ступни / копыта. Подобное оформление конечностей чаще всего характерно для изображений медведя в искусстве Северной Азии [Журавков, Заика 2001; Муршидова, Заика 2019], но он, как правило, изображался в статичной позе



Рис. 10. Антропоморфная личина на камне, обнаруженном на правом берегу р. Тасеева (левый приток Ангары)
Fig. 10. Anthropomorphic face on a stone discovered on the right bank of the Taseeva River, left tributary of the Angara

или в динамике движения шагом, в редких случаях – в позе прыжка, как на писанице Куня [Миклашевич 2023: 67, рис. 1, 6]. В любом случае, в композициях перед ним всегда присутствует противник или жертва, для которых место на плоскости не отведено. Соответственно, надо полагать, изображено копытное животное в позе «летающего» галопа. Данный аллюр характерен для зооморфных образов в петроглифах таштыкской эпохи и периода раннего Средневековья, а в сочетании со своеобразным оформлением копыт хорошо представлен в раннесредневековой композиции на писанице Улазы (север Минусинской котловины) (рис. 11, 1). «Валенкообразные» конечности зафиксированы у оленей в средневековых петроглифах Нижней Ангары, но животные, как правило, показаны в более спокойных позах (рис. 11, 2).

У правого животного, которое, видимо, сюжетно связано с левым зооморфом, также показаны пары передних и задних конечностей, но трактовка их нижней части не совсем понятна. С определенной долей условности можно полагать, что передние ноги у него

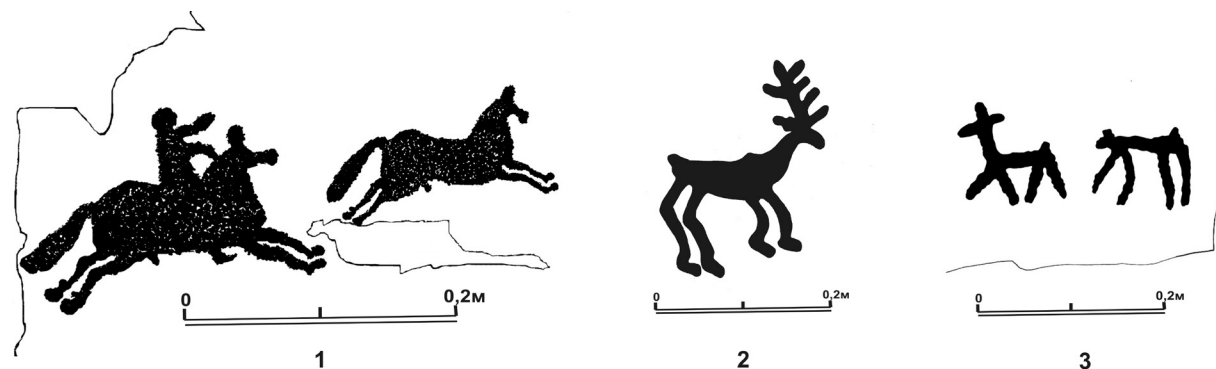


Рис. 11. Петроглифы эпохи Средневековья на писаницах Средней Сибири (прорисовка А. Л. Заика): 1 – писаница Улазы; 2 – писаница Олений утес; 3 – писаница Ленкова гора

Fig. 11. Medieval petroglyphs in Central Siberia (drawing by A. L. Zaika): 1 – Ulazy petroglyph site; 2 – Olenniy Utes petroglyph site; 3 – Lenkova Gora petroglyph site

от уровня туловища до сгиба коленей вертикально опущены вниз, а затем неестественно вынесены вперед. Не исключено, что в таком виде представлено изображение хищника, преследующего копытное животное или готовящегося к нападению на него. Диспропорция между коротким туловищем и длинными конечностями позволяет предположить, что изображен кошачий хищник – рысь. Подобная сцена преследования присутствует среди рисунков эпохи Средневековья в северных предгорьях Западного Саяна (рис. 11, 3) [Заика, Капелько 1989]. Таким образом, охрой бордового оттенка на смежных плоскостях 3 и 4 запечатлены сцены из таежной жизни, относящиеся, по предварительным данным, к эпохе раннего железного века – раннего Средневековья.

Конфигурация прямых линий на плоскости 5 пока не поддается четкому определению, но косые росчерки в нижней части плоскости, скорее всего, являются пробными мазками краски, которые были сделаны перед нанесением рисунков. Учитывая схожесть в тонировке краски, не исключено, что изображения были нанесены в тех же хронологических пределах, что и на плоскости 4.

Обсуждение

Открытие наскальных рисунков в верховьях р. Кан является знаковым событием. Во-первых, несмотря на многолетнюю историю археологического изучения региона, это первый памятник наскального творчества, зафиксированный в бассейне данного крупного притока р. Енисей. Во-вторых, это практически самый высокогорный объект, археологически исследованный в Саянах.

Судя по результатам проведенного анализа наскальных рисунков на р. Кан, можно утверждать, что они разновременные, дифференцированы большей частью на два хронологических блока: эпоха ранней бронзы и период раннего железа – Средневековья, что не противоречит хроностратиграфической ситуации в известных горно-таежных писаницах Западного и Восточного Саяна [Заика 2014в; Заика, Вдовин 2023; Заика и др. 2021]. Отличительной особенностью канской писаницы является присутствие окуневских изобразительных традиций в виде эталонного образа быка и антропоморфа, выполненного в тасхазинском стиле, что не характерно для наскального искусства Восточного Саяна. В восточносаянских наскальных рисунках доминируют поздние сюжеты, окуневское культурное влияние прослеживается в опосредованном виде, и только на одной известной писанице в верхнем течении р. Мана [Заика 2014в: рис. 2] изображения быков отсутствуют. Окуневское искусство ярко проявляется на писаницах Западного Саяна в виде личин джойского и масок-личин тасхазинского типов, также там присутствуют изображения быка [Там же: рис. 1].

Возникает вопрос, связанный со столь глубоким проникновением на восток культуры степняков, причем в неблагоприятные места высокогорья. Если на южных окраинах Минусинской котловины, в предгорьях Саян фиксируются памятники с керамикой окуневского типа [Леонтьев, Леонтьев 2009: 29–43], и можно предполагать сезонные перекочевки небольших групп для охотничьего и рыболовного промысла в зону горной тайги, то в лесостепной и подтаежной зоне Канско-Рыбинской котловины

окуневский «след» пока не обнаружен [Фокин 2010; 2017a; 2017b]. То есть через Красноярско-Канский лесостепной коридор вектор окуневского этнокультурного влияния по существующим археологическим источникам не прослеживается. Соответственно, наиболее вероятным представляется как прямое, так и опосредованное проникновение окуневских традиций в Канско-Манское Белогорье с запада: по Кизиру и Казыру (конфлюэнты р. Туба – правого притока Енисея).

Именно на Шалаболинской писанице, которая расположена в среднем течении р. Туба, ярко представлена тасхазинская традиция. И до недавнего времени это была крайняя северо-восточная локальная точка ее распространения, что не находило определенного объяснения [Савинов 2015]. Причем, судя по стратиграфии и планиграфии многофигурных композиций, тасхазинские рисунки здесь маркируют наиболее поздний пласт окуневских петроглифов [Заика 2019]. То есть не исключено, что по каким-то причинам (социально-экономического или природно-климатического характера) произошла волна миграции носителей тасхазинских художественных традиций из своей ойкумены (юг Хакасии) на правый берег Енисея и далее по Тубе и формирующим ее рекам на восток. О присутствии окуневцев в предгорье Восточного Саяна свидетельствуют результаты археологических исследований в Кизир-Казырском районе [Леонтьев, Леонтьев 2009: 41–43], не до конца подтвержденные сведения о наличии рисованных изображений окуневских личин в месте слияния рек Казыр и Кизир [Вадецкая 1986: 164] и, возможно, рисунки в среднем течении р. Казыр на пороге Щеки. Здесь также будет уместным упомянуть окуневскую личину с каплевидным оформлением глаз на писанице Усть-Туба, подобную тасхазинскому лику [Шер 1980: рис. 116, 5], и выявленные в 2012 г. подобные образы в урочище Каменка, расположенном севернее [Миклашевич 2018].

Нельзя сказать, что высокогорье Восточного Саяна в этот период было необитаемым. По всей видимости, местные жители вели образ жизни бродячих групп охотников, рыболовов и собирателей, который был отмечен у «каменных» моторов, населявших высокогорье Саян в XVII в. [Потапов 1957: 108]. Под прямым или косвенным воздействием окуневцев саянские аборигены могли перенять их художественные традиции и навыки скотоводства. Не исключено, что в канской композиции изображен не привнесенный

образ, а реальный представитель местной фауны (бизон / тур), популяции которого в рудиментарном виде вместе с северным оленем, судя по археологическим данным и палеозоологическим находкам, сохранялись в среднем голоцене [Заика, Клементьев 2021]. Поэтому на плоскости 1, видимо, отражена сцена одомашнивания дикого быка или преодоления вместе с ним водной преграды. Судя по сюжетам петроглифов (рис. 8, 1, 3), таежные охотники практиковали и промысловую добычу реликтовых животных. В контексте охотничьей тематики, возможно, отражен, как указывалось ранее, трагичный исход противостояния животному или неудачная попытка его приручения. Отдаленный во времени и в пространстве финал подобной «корриды» известен в росписях пещеры Ляско. В любом случае мы наблюдаем синкретизм различных культурных традиций: степной (тасхазинский тип антропоморфа и минусинский стиль образа быка) и таежной (сюжетное сочетание человека с копытным животным) в эпоху ранней бронзы. Присутствие тасхазинских мигрантов может также подтверждаться наличием на писанице фрагментов личины с каплевидным оформлением глаз (плоскость 4).

Что касается более поздних фигуративных изображений, то они также свидетельствуют о присутствии изобразительных традиций, характерных для различных регионов (Средний Енисей, Северное Приангарье).

Чтобы попытаться объяснить тесное межкультурное взаимодействие населения отдаленных сибирских провинций на протяжении длительного времени, которое фиксируется в материалах археологических вскрытий и сюжетах наскального творчества горно-таежных районов Саян, в частности на локальной территории высокогорья, обратим внимание на орграфическую карту Саянской горной страны (рис. 1). Она наглядно иллюстрирует узел горных хребтов в районе Канского Белогорья и восточнее его, который соединяет водотоки Енисейской и Ангарской гидросистем в одну паутину потенциальных коммуникаций древних культур. Более того, сама по себе разветвленная сеть хребтов с их уплощенными вершинами и высокогорными плато предполагает активные межкультурные контакты различных регионов Сибири.

Направления этих коммуникаций маркированы присутствием минусинского стиля в анималистическом искусстве на левобережных притоках Ангары и в нижнем ее течении [Заика 2013: 153].

Показательным примером является изображение лосихи на р. Бирюса, которое иконографически и стилистически почти дублирует рисунок канского быка (рис. 8, 6). Личина с каплевидным контуром глаз обнаружена на берегах р. Тасеева (рис. 10). Степные мотивы отмечаются и на писанице в верховьях р. Уда [Мельникова 1996: 95]. Противоположный вектор контактов маркирует присутствие ангарских художественных традиций в сюжетах Койской писаницы в верховьях р. Мана [Заика, Кузнецов 2008: 58–59], в петроглифах Ярминского порога на р. Уда [Окладников 1980] и на других объектах.

Соответственно, полноценное археологическое изучение обозначенного высокогорного района Саян помимо выявления межкультурных связей позволит решить многие более фундаментальные проблемы, связанные с культурогенезом древних и этногенезом современных народов Сибири, реконструкцией культурно-исторических процессов в широком временном диапазоне.

Заключение

Несмотря на многолетнюю историю изучения горно-таежных областей Восточного Саяна, в археологическом отношении данная территория остается малоисследованной, соответственно, обнаружение новых наскальных рисунков в саянском высокогорье заслуживает особого внимания. Это первый памятник наскального творчества, зафиксированный в бассейне р. Кан – крупного правобережного притока р. Енисей, и практически самый высокогорный объект, археологически исследованный в Саянах. Как и на многих известных горно-таежных писаницах, канские рисунки нанесены деликатно, без нарушения поверхности скалы – охрой. Выявленные антропо- и зооморфные изображения, знаки дифференцированы, как и на многих писаницах Саян, по двум основным хронологическим блокам: эпоха ранней бронзы и ранний железный век – раннее Средневековье.

В рисунках эпохи ранней бронзы прослеживается сочетание тасхазинских художественных традиций окуневской культуры и таежных мотивов (антропоморф – копытное животное). Необычным для региона является присутствие на писанице изображения быка, характерного для окуневского искусства, выполненного в минусинских изобразительных традициях. Неоднозначно может трактоваться сцена тесного контакта его с маскированным атропоморфом:

скотоводческий сюжет или сцена охотничьего промысла. Не исключено и мифологическое содержание композиции. Во всяком случае, присутствие маскированного персонажа, фрагментов неоконтурной антропоморфной личины указывает на то, что данный объект имел определенное культовое значение начиная с эпохи ранней бронзы.

Поздние петроглифы также отличаются наличием элементов изобразительных традиций, зафиксированных в наскальном искусстве степных культур Среднего Енисея и таежного населения Ангары, иллюстрируют сцены из жизни таежных охотников / скотоводов, характерные для наскального творчества Восточного Саяна.

По всей видимости, сочетание степных и таежных художественных традиций обусловлено активными межкультурными контактами, которые происходили на данной территории в различные периоды. Популярность высокогорных районов в обозначенные периоды могла быть обусловлена причинами как природно-климатического, так и социокультурного характера. Географические условия региона предопределили его роль связующего звена в сети древних коммуникаций между западными / юго-западными и восточными / северо-восточными районами Средней Сибири. Именно в районе Канского Белогорья и восточнее его расходятся веером водотоки Ангаро-Енисейской гидросистемы и линии хребтов Восточного Саяна от Енисея до Забайкалья. Соответственно, дальнейшие исследования восточносаянского высокогорья открывают широкие перспективы для решения дискуссионных вопросов, связанных с этно- и культурогенезом древних и традиционных сообществ средне-сибирского региона.

Учитывая активное разрушение плоскостей с рисунками, необходимо проведение экстренных работ по консервации петроглифов, закреплению отслаивающейся скальной поверхности с рисунками. В противном случае мы рискуем потерять уникальный памятник древнего культурного наследия региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аннинский Е. С., Заика А. Л., Ампилогов Б. А., Баранов М. В., Злотя Ю. В., Коган К. А., Пургин В. А. Наскальное искусство Среднего Енисея: от каменного века до Средневековья: по материалам коллекции эстампов Евгения Сергеевича Аннинского. Железногорск: Платина, 2007. 224 с. [Anninskiy E. S., Zaika A. L., Ampilogov B. A., Baranov M. V., Zlotya Yu. V., Kogan K. A., Purgin V. A. *Rock art of the Middle Yenisei: From the Stone Age to the Middle Ages: Evgeny S. Anninskiy's collection of prints*. Zheleznogorsk: Platinum, 2007, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylunvz>
- Арсеньева Д. С., Заика А. Л. Путешествие Жана Клотта по Енисейской Сибири в 2010 г. *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова*, отв. ред. И. Л. Решетникова. Минусинск: МКМ, 2020. Вып. 2. С. 165–182. [Arseneva D. S., Zaika A. L. The journey of Jean Clottes in Yenisei Siberia in 2010. *Scientific notes of N. M. Martianov Minusinsk Museum of Local Culture and History*, ed. Reshetnikova I. L. Minusinsk: MLM, 2020, iss. 2, 165–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lomzby>
- Барков А. В., Матвеев В. Е. Петроглифы Щеки – новый памятник наскального искусства в горах Восточного Саяна. *Актуальная археология 5: Междунар. науч. конф. (13–16 апреля 2020 г.)* СПб.: Невская типография, 2020. С. 175–178. [Barkov A. V., Matveev V. E. Petroglyphs of Shcheka: A new monument of rock art in the mountains of the Eastern Sayan. *Current Archaeology 5: Proc. Intern. Sci. Conf., 13–16 Apr 2020*. St. Petersburg: Nevskaya Tipografiya, 2020, 175–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jubrxu>
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 178 с. [Vadetskaya E. B. *Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei*. Leningrad: Nauka, 1986, 178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwxfon>
- Журавков С. П., Заика А. Л. Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангары. *Историко-культурное наследие Северной Азии: XLI Регион. археолого-этнографич. студенч. конф. (Барнаул, 25–30 марта 2001 г.)* Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 464–466. [Zhuravkov S. P., Zaika A. L. The bear image in the rock art of the Middle Yenisei and the Angara. *Historical and cultural heritage of North Asia: Proc. XLI Regional Archaeological and Ethnographic Student Conf., Barnaul, 25–30 Mar 2001*. Barnaul: ASU, 2001, 464–466. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tukhsu>
- Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. 178 с. [Zaika A. L. *The Masks of the Lower Angara*. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2013, 178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpmacv>
- Заика А. Л. Личины с каплевидным оформлением глаз в древнем искусстве Северной Азии (вопросы генезиса, хронологии, семантики). *Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: Всерос. (с Междунар. уч.) науч. конф. (Новосибирск, 12–14 ноября 2014 г.)* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014а. С. 34–37. [Zaika A. L. Masks with teardrop-shaped eye design in the ancient art of North Asia. *Archaic and traditional art: Scientific and artistic interpretation: Proc. All-Russian (with Intern. Participation) Sci. Conf., Novosibirsk, 12–14 Nov 2014*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2014a, 34–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/weoqsx>
- Заика А. Л. Наскальное искусство горного пояса Хакасско-Минусинской котловины. *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: V Междунар. науч. конф. (Кызыл, 15–19 сентября 2014 г.)* Кызыл: ТувГУ, 2014b. Ч. II. С. 23–27. [Zaika A. L. Rock art of the Khakass-Minusinsk basin mountain belt. *Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Proc. V Intern. Sci. Conf., 15–19 Sep 2014*. Kyzyl: TuvSU, 2014b, pt. II, 23–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/merzqe>
- Заика А. Л. О стратиграфии антропоморфных образов в окуневском искусстве (на примере Шалаболинской писаницы). *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова*, ред. Т. А. Ключников. Минусинск: Ridero, 2019. Вып. 1. С. 82–96. [Zaika A. L. The stratigraphy of anthropomorphic images in Okunev art (on the example of Shalabolinsky petroglyphs). *Scientific notes of N. M. Martianov Minusinsk Museum of Local Culture and History*, ed. Klyuchnikov T. A. Minusinsk: Ridero, 2019, iss. 1, 82–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svccbs>
- Заика А. Л., Вдовин А. С. Новые данные о памятниках наскального искусства в долине р. Ус (по результатам исследований 2022 года). *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»*. 2023. № 17. С. 59–73. [Zaika A. L., Vdovin A. S. New data on rock art sites in the valley of the Us River (2022 investigation). *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaya pisanitsa"*, 2023, (17): 59–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hpotiu>

- Заика А. Л., Капелько В. Ф. Писаницы Ленковой горы. *Проблемы скифо-сибирского мира: социальная структура и общественные отношения*: Всесоюз. Археологич. конф. (Кемерово, 5–7 мая 1989 г.) Кемерово: КемГУ, 1989. Т. 2. С. 92–95. [Zaika A. L., Kapelko V. F. Petroglyphs of Lenkova Mountain. *Scythian-Siberian world: Social structure and public relations*: Proc. All-Union Archaeological Conf., Kemerovo, 5–7 May 1989. Kemerovo: KemsU, 1989, vol. 2, 92–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aegfht>
- Заика А. Л., Клементьев А. М. Изображения быков в наскальном искусстве Ангары. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2021. № 1. С. 26–36. [Zaika A. L., Klementyev A. M. Images of a bull in rock art of the Angara. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2021, (1): 26–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.1.29.003>
- Заика А. Л., Ключников Т. А., Гурулев Д. А. Писаница Кундусук: результаты исследования 2020 года. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2021. № 1. С. 9–25. [Zaika A. L., Klyuchnikov T. A., Gurulev D. A. Kundusuk rock art site: The results of 2020 study. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2021, (1): 9–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.1.29.002>
- Заика А. Л., Конохов В. А., Ермаков Т. К., Степанов Н. С. Результаты исследования западного участка Шалаболинской писаницы в 2018–2019 гг. *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартынова*, отв. ред. И. Л. Решетникова. Минусинск: MKM, 2020. Вып. 2. С. 208–236. [Zaika A. L., Konokhov V. A., Ermakov T. K., Stepanov N. S. Results of studying Western part of Shalabolin petroglyphs 2018–2019. *Scientific notes of N. M. Martynov Minusinsk Museum of Local Culture and History*, ed. Reshetnikova I. L. Minusinsk: MLM, 2020, iss. 2, 208–236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtrojd>
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2008. 76 с. [Zaika A. L., Kuznetsov A. L. *Winter archaeology. Field studies of petroglyphs*. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2008, 76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uklzzx>
- Леонтьев Н. В. Писаницы устья р. Кантегир. *Периодические чтения: конф.* (Новосибирск, 1 января – 31 декабря 1984 г.) Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1985. С. 168–179. [Leontiev N. V. Petroglyphs of the mouth of the Kantegir river. *Roerich's Readings: Conf.*, Novosibirsk, 1 Jan – 31 Dec 1984. Novosibirsk: IHPP SB AS USSR, 1985, 168–179. (In Russ.)]
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с. [Leontiev N. V., Kapelko V. F., Esin Yu. N. *Sculptures and stelae of Okunev culture*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 2006, 236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smcxf>
- Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. 179 с. [Leontiev N. V., Leontiev S. N. *Objects of archaeology of the Kizir-Kazyr district*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009, 179. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpmeyx>
- Макаров Н. П., Мандрыка П. В. Каменное кольцо с рисунками из Восточного Саяна. *Наскальное искусство Азии*, отв. ред. Г. С. Мартынова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. Вып. 1. С. 49–51. [Makarov N. P., Mandryka P. V. Petroglyph ring in the Eastern Sayan. *Rock Art of Asia*, Martynova G. S. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, iss. 1, 49–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylhayd>
- Мельникова Л. В. Писаница у Миллионного порога на реке Уде в Тофаларии. *Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование*, гл. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 1996. Вып. 1. С. 89–100. [Melnikova L. V. Petroglyph site at the Millionny Rapids on the Uda River in Tofalaria. *The archaeological heritage of Baikal Siberia: Research, protection, and application*, ed. Medvedev G. I. Irkutsk: ISU, 1996, iss. 1, 89–100. (In Russ.)]
- Миклашевич Е. А. Исследования памятников наскального искусства Минусинской котловины Марианной Арташировой Дзвлет. *Тропой тысячелетий. Памяти М. А. Дзвлет*, отв. ред. Г. Г. Король, Е. А. Миклашевич. М.: ИА РАН, 2023. Вып. XIII. С. 65–97. [Miklashevich E. A. Investigation of rock art sites in the Minusinsk basin by Marianna A. Devlet. *The path of millennia. In memory of M. A. Devlet*, eds. Korol G. G., Miklshevich E. A. Moscow: IA RAS, iss. XIII, 2023, 65–97. (In Russ.)]
- Миклашевич Е. А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее. *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»*. 2018. № 7. С. 5–22. [Miklashevich E. A. Rock art sites of the Kamenka ravine on the Middle Yenisei. *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2018, (7): 5–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtfzkk>

- Муршидова М. А., Заика А. Л. Образ медведя в петроглифах Шалаболинской писаницы. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2019. Вып. X. С. 132–144. [Murshidova M. A., Zaika A. L. The image of the bear in Shalabolinskaya petroglyphs. *Antiquities of Yenisei Siberia*, ed. Mandryka P. V. Krasnoyarsk: SFU, 2019, iss. X, 132–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozzlyf>
- Нащекин Н. В. Каменное кольцо из Восточного Саяна. *Пленум Института археологии АН СССР*. М., 1966. Ч. 1. С. 14–15. [Nashchekin N. V. Stone ring from the Eastern Sayan. *Plenum of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences*. Moscow, 1966, pt. 1, 14–15. (In Russ.)]
- Нащекин Н. В. Немного о себе, об одном незапланированном маршруте и некоторых артефактах, вновь найденных, а также утраченных Красноярским музеем. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2018. Вып. IX. С. 6–16. [Nashchekin N. V. A little about myself, an unplanned route, and some artifacts found and lost by the Krasnoyarsk Museum. *Antiquities of Yenisei Siberia*, ed. Mandryka P. V. Krasnoyarsk: SFU, 2018, iss. IX, 6–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xyrpnb>
- Окладников А. П. Звери и знаки Ярминского порога. *Звери в камне (Первобытное искусство)*, отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1980. С. 96–116. [Okladnikov A. P. Animals and symbols of the Yarminsky Rapids. *Beasts in stone: Prehistoric art*, ed. Okladnikov A. P. Novosibirsk: Nauka, 1980, 96–116. (In Russ.)]
- Окладников А. П. Петроглифы Ангара. М.-Л.: Наука, 1966. 322 с. [Okladnikov A. P. *Petroglyphs of the Angara*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, 322. (In Russ.)]
- Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 307 с. [Potapov L. P. *The origin and development of the Khakass nationality*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 1957, 307. (In Russ.)]
- Савинов Д. Г. О стратиграфии окуневского искусства. *Искусство бронзового века: Междунар. симпозиум*. (Штральзунд, Германия, 15–19 апреля 2015 г.) Новосибирск: НГУ, 2015. С. 19–53. [Savinov D. G. Stratigraphy of Okunev art. *The art of the Bronze Age: Proc. Intern. Symposium*, Stralsund, Germany, 15–19 Apr 2015. Novosibirsk: NSU, 2015, 19–53. (In Russ.)]
- Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с. [Sovetova O. S. *Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei (plots and images)*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2005, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpbpwp>
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда южносибирской археологической экспедиции КемГУ). *Археология, этнография и музейное дело*, отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Никалс, 1999. С. 47–74. [Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Chronological and stylistic features of the Middle Yenisei petroglyphs (the results of the work of the Petroglyphic Detachment of the South Siberian Archaeological Expedition of Kemerovo State University). *Archaeology, ethnography and museology*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Nikals, 1999, 47–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfjrhb>
- Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микро-района. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с. [Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. *Rock art of the Tepsei archaeological microdistrict*. Kemerovo: Vektor-Print, 2021, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fsvmpy>
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с. [Sher Ya. A. *Petroglyphs of Central and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1980, 328. (In Russ.)]
- Фокин С. М. Новые данные об археологии Верхнего Кана. *Енисейский Север: история и современность*, отв. ред. А. С. Вдовин. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2017а. Вып. 3. С. 32–51. [Fokin S. M. New archaeological data of the Upper Kan River. *The Yenisei North: history and modernity*, ed. Vdovin A. S. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2017a, iss. 3, 32–51. (In Russ.)]
- Фокин С. М. Разведочные работы на Верхнем Кане. *Археологические открытия*. 2017b. Т. 2015. С. 419–420. [Fokin S. M. Search operations on the Upper Kan. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 2017b, (2015): 419–420. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywqkwc>
- Фокин С. М. Результаты разведочных исследований Верхнего Кана. *Енисейская провинция*. 2010. № 5. С. 45–56. [Fokin S. M. Filed studies in the Upper Kan River. *Eniseiskaia provintsia*, 2010, (5): 45–56. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vnmnks>

Шаманские атрибуты у антропоморфных персонажей в наскальном искусстве Среднего Енисея

Заика Александр Леонидович

Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 8018-9549

<https://orcid.org/0000-0003-2704-0988>

Scopus Author ID: 55249582100

Сирюкин Иван Витальевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 8049-7374

<https://orcid.org/0000-0002-9620-6040>

Scopus Author ID: 59182335400

ivansiryukin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются изображения шаманов с шаманскими атрибутами, выявленные в наскальном искусстве бассейна Среднего Енисея. Шаманизм, распространявшийся на данной территории, своими корнями уходящий в эпоху бронзы, оказал влияние на сюжеты и визуальную составляющую наскального искусства. Предполагается, что наиболее ранние изображения фигур шаманов с атрибутами относятся к тесинской эпохе. Сюжеты с шаманами встречаются и в искусстве таштыкской культуры, но наиболее многочисленными являются сцены Нового времени, когда шаманы изображаются в динамичных позах, нередко включенными в многофигурные сцены или представленными одиночно. В наскальном искусстве отображена одежда шаманов, состоявшая из куртки с лентами, длинных халатов и шуб; шапок, отороченных перьями или украшенных другими зоо- или орнитоморфными элементами. Среди шаманских атрибутов большим разнообразием отличаются бубны, большие и малые, в виде круга или окружности, разделенной вертикальной линией на две или четыре части. У некоторых шаманов вместо бубна в руках могут быть лук или стрелы, что, возможно, отражало древнейшие традиции их использования для борьбы шамана со злыми духами. Нами выявлен среди прочих атрибутов довольно редко встречающийся в наскальных композициях шаманский жезл. В данном случае он представляет собой «трехпалый» предмет с ручкой, символизовавший, возможно, птичью лапу. Проанализированы и другие атрибуты, встречающиеся у шаманов в разнообразных сценах.

Ключевые слова: петроглифы, шаманизм, этнография, шаманские атрибуты, бубен, колотушка, шаманский жезл, камлание, Средний Енисей

Цитирование: Заика А. Л., Сирюкин И. В. Шаманские атрибуты у антропоморфных персонажей в наскальном искусстве Среднего Енисея. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 874–888. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-874-888>

Поступила в редакцию 20.05.2024. Принята после рецензирования 28.08.2024. Принята в печать 09.09.2024.

full article

Shamanic Attributes of Anthropomorphic Characters in the Rock Art of the Middle Yenisei

Alexandr L. Zaika

Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 8018-9549

<https://orcid.org/0000-0003-2704-0988>

Scopus Author ID: 55249582100

Ivan V. Siryukin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 8049-7374

<https://orcid.org/0000-0002-9620-6040>

Scopus Author ID: 59182335400

ivansiryukin@mail.ru

Abstract: The rock art of the Middle Yenisei often depicts shamans with various shamanic attributes. The local shamanism has its roots in the Bronze Age. It influenced the plots and patterns of the Middle Yenisei rock art. The earliest images of shaman figures with shamanic attributes date back to the Tesin period. Shamanic images also

appear in the art of the Tashtyk culture. However, it is the shamanic images of the Modern Era that are the most numerous. They show shamans in dynamic poses. The images are either individual or incorporated into complex multi-figure compositions. The shamans are wearing coats decorated with ribbons, long robes or fur coats, and hats trimmed with feathers or adorned with animal / bird ornaments. The shamanic attributes include large or small tambourines depicted as circles divided with vertical lines into two or four parts. Some shamans are holding bows or arrows instead of tambourines, which they probably use to fight evil spirits. A shaman's wand is the least popular attribute. With three claws on a handle, it resembles a bird's foot.

Keywords: petroglyphs, shamanism, ethnography, shamanistic cultic attributes, tambourine, beater, shaman's wand, shamanistic ritual, Middle Yenisei

Citation: Zaika A. L., Siryukin I. V. Shamanic Attributes of Anthropomorphic Characters in the Rock Art of the Middle Yenisei. *SibScript*, 2024, 26(6): 874–888. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-874-888>

Received 20 May 2024. Accepted after peer review 28 Aug 2024. Accepted for publication 9 Sep 2024.

Введение

В современной науке до сих пор актуальна тема, связанная с историей появления шаманизма в древней и традиционной культуре народов Северной Азии. Не ясны многие вопросы, в том числе истоки данной культовой практики и самой системы архаичных религиозных представлений. Соответственно, основным источником, на котором могут базироваться те или иные суждения по данному вопросу, являются результаты археологических и этнографических исследований. В данном случае привлекаются свидетельства в виде образов и сюжетов наскального искусства. Именно образцы древнего творчества в большей степени иллюстрируют не столько бытовые стороны жизни, сколько духовную культуру наших предшественников. Базовые позиции мировоззрения, как правило, отражены не только в монументальном творчестве, но и в наскальном искусстве. Именно на поверхности сравнительно вечного материала – камня – художник воссоздавал основы миропонимания, представления о природе, человеке и его месте в окружающем мире.

Цель настоящей работы – изучить изображения атрибутов шаманского культа в наскальном искусстве бассейна Среднего Енисея. Задачи: изучить архивные и опубликованные материалы, а также материалы, полученные авторами исследования непосредственно на памятниках наскального искусства рассматриваемого региона, содержащие изображения шаманов; выделить шаманские атрибуты, проанализировать и интерпретировать их.

Среди изображений наскального искусства Южной Сибири на протяжении длительных хронологических периодов выделяется огромное множество разнообразных антропоморфных образов. В разные

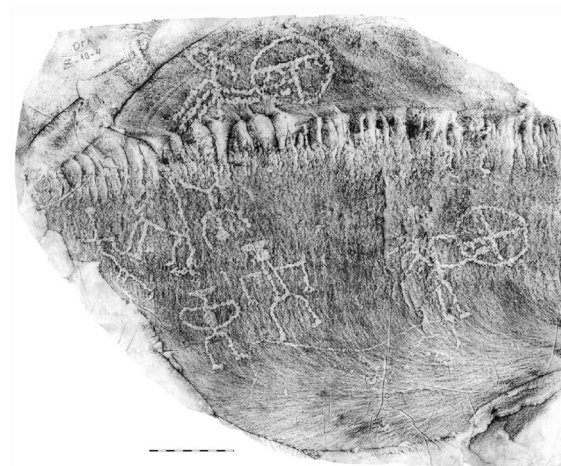
эпохи антропоморфные фигуры имеют свою специфику, иконографические и стилистические особенности, набор отдельных элементов. И среди массы антропоморфных персонажей особенно выделяется образ шамана, который исследователи вычленили главным образом по шаманским атрибутам, включая одежду, бубен, колотушку, жезл и др. [Окладников 1966: 139]. Некоторые исследователи к шаманам относят рогатых человечков, адорантов и другие образы, сочетающие в себе антропоморфные и зооморфные черты [Дэвлет 1996: 26]. Такой подход вызывает определенные сомнения, и в данном случае под словом *шаман* будем понимать только тех персонажей, которые наделены перечисленными атрибутами. Изображения шаманов встречаются как в многофигурных сценах, так и одиночными, нередко в динамичных позах.

По мнению исследователей, шаманизм появляется в Центральной Азии и на сопредельных территориях в эпоху бронзы, что подтверждается визуальными и содержательными параллелями археологических материалов и сюжетов наскального искусства [Боковенко 1996: 40; Швец 2009: 136]. Того же мнения придерживалась М. А. Дэвлет, указывая на связь между генезисом шаманизма и наскальным искусством эпохи бронзы, раскрывая сущность шаманизма как системы мировоззрения и жизни обществ в древности [Дэвлет 1998: 195–229]. По ее мнению, в петроглифах Мугур-Саргола эпохи бронзы показано ярусное строение Вселенной: изображены личины-маски, которые относятся к «верхней» сфере, ниже показан поселок, в котором люди занимаются земными делами, т. е. нанесены протошаманские петроглифы, свидетельствующие

о том, что шаманы начинают выделяться в отдельную группу внутри общины [Дэвлет 1996: 24–25]. В. А. Семенов указывает, что шаманизм распространяется на территории Центральной Азии в связи с погребальными обрядами скифоидных культур Тувы и позднее тувинских шаманов, которых хоронили в скорченном положении в западном направлении, с каменной подложкой под головой [Семенов 1996: 27].

При этом генезис шаманизма происходит в результате синкретизма трех религиозных направлений, характерных для соседних территорий: шаманизма, северного варианта буддизма и восточного варианта зороастризма [Боковенко 1996: 41]. Уже в тесинском обществе ведущей формой религиозных представлений является шаманизм; также «белые» и «черные» шаманы этнографического времени во многом продолжают эту традицию, когда «белые» шаманы исполняли функции жрецов, поклонения высшим светлым божествам, а «черные» – отправление погребальных обрядов [Кузьмин 2011: 236]. На рубеже эр шаманизм на рассматриваемой территории проявляется в семейно-бытовой сфере [Потапов 1991: 105–107]. Часто петроглифы выступают одним из элементов шаманского культа, что встречается на многих памятниках Сибири и Центральной Азии [Килуновская 1996: 149]. При этом, по мнению М. Е. Килуновской, рисунки, которые обнаруживаются на скалах, не являются отражением самих шаманов, а изображают духа, которым становится шаман [Там же: 151].

На памятниках наскального искусства Сибири шаманы нередко изображены камлающими, бегущими или в танце (рис. 1–6). Для изображений шаманов характерен набор атрибутов и особая одежда, сочетающая в себе звериные черты. Для изображений шаманов выделяют ряд особенностей в оформлении фигуры персонажа: головные уборы нередко с рогами, перьями или птичьими клювами; элементы украшения корпусов – перья, хвосты животных, змеи; в руках или перед фигурой – бубен (иногда лук) или иной атрибут. Животные черты костюма шамана являлись символом его сверхъестественных способностей, благодаря которым он мог проникать в другие миры и общаться с людьми и духами [Дэвлет, Дэвлет 2011: 244, 306, 317; Кубарев 2001: 89–94; Кызласов, Леонтьев 1980: 24, 49–57; Советова, Шишкина 2019: 189–192].



1



2

Рис. 1. Оглахты IV. Микалентные копии с изображениями шаманов: 1 – камлающие шаманы (Научный архив КМАЭЭ¹. 39/315. BA 35/315); 2 – бегущий шаман (Там же. ОФ 39/93. BA 35/93)

Fig. 1. Shamanic images on mica paper from Oglakhty IV petroglyph site: 1 – shamans performing rituals (Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University, 39/315. BA 35/315); 2 – a running shaman (Ibid. MF 39/93. BA 35/93)

Результаты

Наскальные рисунки шаманов

Одно из наиболее ранних изображений шамана с бубном и колотушкой обнаружено Е. А. Миклашевич у д. Прихолмье. По соседству с шаманом выбиты зооморфные фигуры, связанные с шаманом, из чего автор предполагает, что изображение может быть датировано тесинским временем [Миклашевич 2013: 255]. В пункте Суханиха II обнаруживается восемь фигур с шаманскими атрибутами (рис. 2, 3). Шаманы изображены с бубнами и колотушками, камлающими. Бубны выбиты в одном формате, окружности разделены пополам, у одной из фигур на голове изображен султан (?). Аналогичная фигура, но с обозначенными

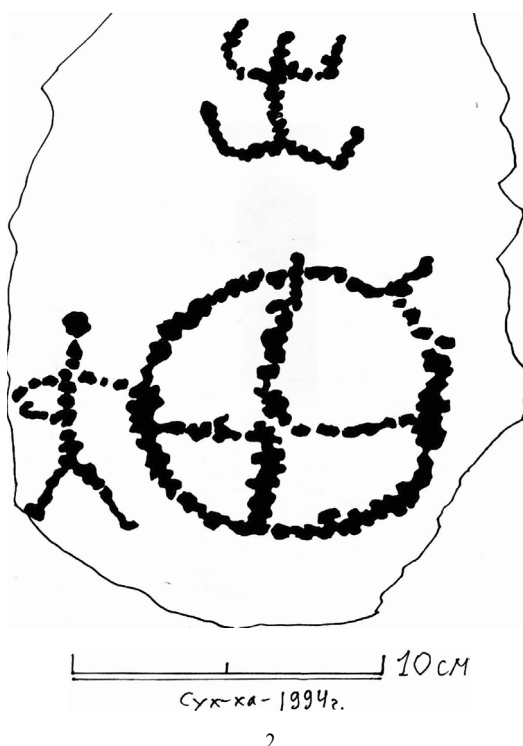
¹ Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.



1



3



2

Рис. 2. Изображения шаманов: 1 – Суханиха IV, шаман, бьющий по бубну [Миклашевич и др. 2016: рис. 7, 3]; 2 – шаман с большим бубном (прорисовка А. Л. Заика); 3 – Суханиха II, изображения шаманов [Там же: рис. 6, 1] Fig. 2. Images of shamans: 1 – a shaman with a tambourine, Sukhanikha IV petroglyph site [Miklashevich et al. 2016: Fig. 7, 3]; 2 – a shaman with a large tambourine (drawing by A. L. Zaika); 3 – images of shamans, Sukhanikha II petroglyph site [Ibid.: Fig. 6, 1]

ступнями и с таким же бубном, разделенным по центру вертикальной линией, и колотушкой, обнаружена в пункте Суханиха IV (рис. 2, 1). По мнению авторов, эти шаманские фигуры являются участниками сцен, в которых они соседствуют с изображениями антропоморфных персонажей – «тагарскими человечками», при этом отнесение самих шаманских фигур к тагарской культуре является сомнительным в связи с тем, что шаманы не встречаются на плоскостях с фигурами животных, выполненными в скифо-сибирском стиле, но часто обнаруживаются на камнях тагарских курганов и относятся к хуннскому времени [Миклашевич и др. 2016: 35].

В таштыкской изобразительной традиции выполнена сцена с шаманом, выявленная на писанице Тус Н. В. Нащекиным в 1969 г.² В центре показана крупная фигура шамана с бубном (рис. 3, 1). Голова округлой формы глубоко утопает в плечи, увенчана резными дугами волос / головного убора. Левая рука,

непомерно длинная, держит жезл с листовидным оперением, имеющий аналогии со стрелой, и неясный треугольный предмет с бахромой, правая – шаманский бубен. Туловище и ноги шамана скрыты под широким длинным одеянием, декорированным сетчатым орнаментом. Судя по стилистическим и иконографическим признакам антропо- и зооморфных образов, технике их исполнения, наличию археологических реалий (котлы на поддоне, бочонки с пробкой), характеру тамбовидных знаков («лопасти», «птицы» в геральдической позе), рисунки выполнены в таштыкских изобразительных традициях [Кызласов 1989: 41; Пахомова и др. 2015]. «По всей видимости, значимые в реальной жизни активные коллективные действия (боевые столкновения, конная загонная охота и др.) предполагали присутствие представителей особой социальной категории, которые, по представлениям древних, прямо или косвенно обеспечивали успешный исход мероприятия,

² Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1969 г. *Архив Красноярского краевого краеведческого музея (Архив ККММ)*. Оп. 05. Д. 159. Л. 23.

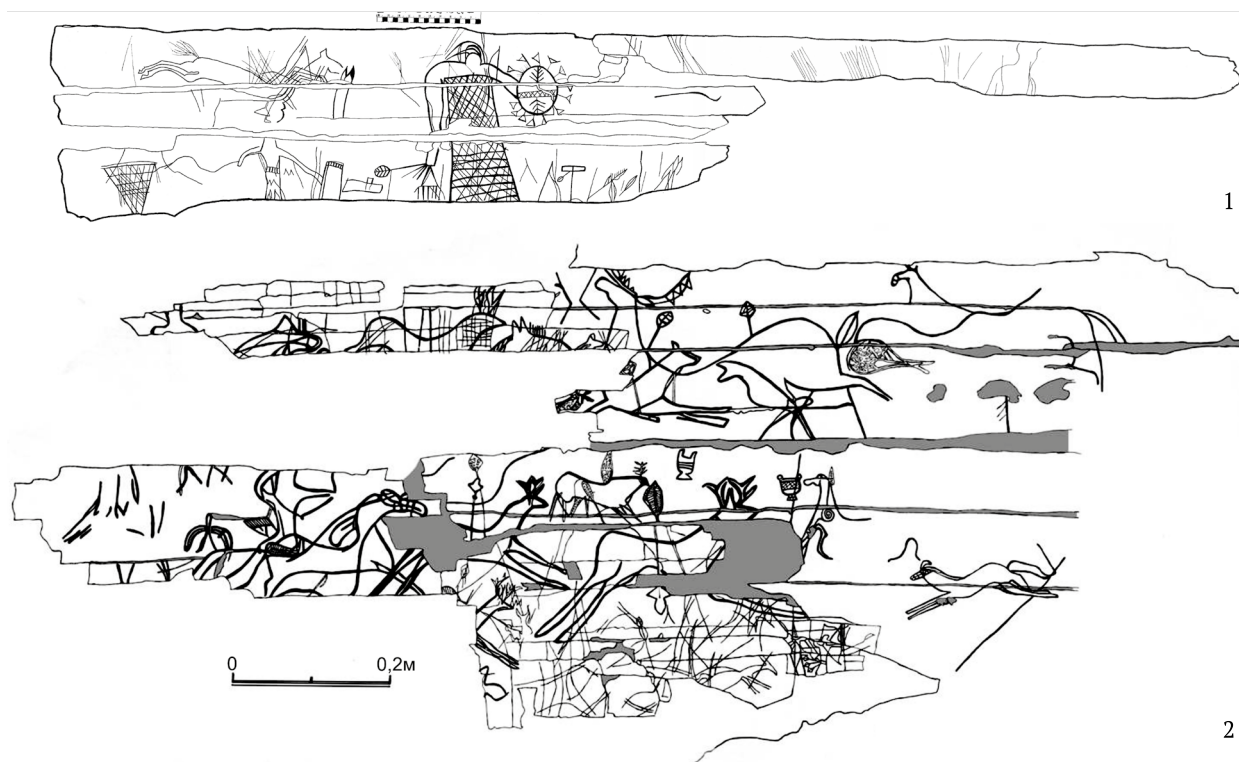


Рис. 3. 1 – Шаман с писаницы Тус; 2 – таштыкские изображения [Заика и др. 2018: рис. 1]
Fig. 3. 1 – Shaman from Tus petroglyph site; 2 – Tashtyk images [Zaika et al. 2018: Fig. 1]

в той или иной форме от них зависел ход событий» [Заика и др. 2018: 41–42].

В период XVII – начала XX в. находки изображений шаманов становятся многочисленными [Дэвлет 2012: 7]. В основном они выполнены выбивкой и гравировкой. Часто фигуры шаманов помещаются рядом с тамгами, что позволяет соотносить их и предлагать примерную датировку. Для шаманов Нового времени характерны определенная одежда и атрибуты: верхняя одежда с развевающимися лоскутами, «хохолки» и шапки с птичьими элементами, проработанные бубны, с перекладинами и подвесками. Большое количество таких шаманов было обнаружено на плитках на южном склоне горного узла Оглахты, на скалах писаницы и на соседних памятниках наскального искусства.

На горе Суханиха левее Большого фриза с петроглифами А. Л. Заикой была зафиксирована линейная фигурка шамана с превышающим ее по размерам контурным изображением бубна с перекрестьем внутри. Над ними помещена линейная фигура антропоморфного вида с широко расставленными и поднятыми вверх конечностями (рис. 2, 2). В определенной степени она подобна более стилизованному

тамбовидному знаку, помещенному сначала среди этнографических рисунков Тепсея [Советова, Миклашевич 1999: табл. 8, рис. 4], затем аналогичные «четырёхдужные» знаки были соотносены с эпохой Средневековья [Советова и др. 2021: 134, рис. 114, 4–7]. Не исключена датировка этих петроглифов эпохой Средневековья – Нового времени.

В 2021 г. при обследовании Тепсея в пункте Широкий Лог была обнаружена ритуальная сцена (рис. 4), на которой представлена фигура танцующего шамана (или впавшего в экстатическое состояние) в позе адорации, с бубном в одной руке и непонятным предметом в другой. При этом говорить о достоверной датировке сцены не стоит в связи с отсутствием изображений археологических реалий и разнохарактерностью окружающих антропоморфных персонажей. Можно предположить, что фигура шамана может быть отнесена к этнографическому времени. Несмотря на миссионерскую деятельность, из-за которой к концу XIX в. в христианство обратилось почти все аборигенное население, шаманские традиции продолжали сохраняться в хакасской среде [Асочакова и др. 2022: 588].



Рис. 4. Тепсей: 1 – пункт Широкий Лог, сцена с танцем (?) и камлающим шаманом [Сирюкин 2022: рис. 1, 2]; 2 – Усть-Туба II, шаман в позе адорации (прорисовка И. В. Сирюкина)
Fig. 4. Tepsei: 1 – dancing (?) people and a shaman performing a ritual, Shirokij Log petroglyph site [Siryukin 2022: Fig. 1, 2]; 2 – shaman in adoration, Ust-Tuba II petroglyph site (drawing by I. V. Siryukin)

Особо стоит выделить изображения Нового времени, зафиксированные на правом притоке Енисея – р. Мана, где рисунки чаще всего нанесены охрой. Практически на всех местонахождениях известны сюжеты, связанные с шаманской тематикой [Заика 1994; 1998]. В верховьях реки на Большом Манском пороге обнаружена многофигурная сцена перекочевки на северных оленях в сопровождении камлающего шамана, предварительная датировка сцены – XVII–XIX вв. (рис. 5, 1) [Заика и др. 1996: 164]. В среднем течении р. Мана на скале Писанское плесо в верхней части центральной плоскости писаницы с многофигурным панно присутствует изображение камлающего шамана. Оно нанесено поверх вереницы всадников, следующих в сопровождении собак вниз по течению реки (рис. 5, 2). Шаман ориентирован в противоположную сторону, показан в динамичной позе с широко расставленными ногами. В вытянутой перед собой руке он держит бубен. Похожий динамичный образ рисованного изображения шамана зафиксирован на курганном камне в окрестностях оз. Ши́ра [Кызласов, Леонтьев 1980: 11, рис. 6]. Рисунки на Писанском плесе были известны И. Г. Гмелину в конце 30-х гг. XVIII в.



Рис. 5. Сцены перекочевки и камлающего шамана:
1 – Большой Манский порог [Заика, Кузнецов 2008: рис. 52];
2 – Писанское плесо [Заика 2013: рис. 2, 2]
Fig. 5. Nomadic migration and a shaman performing a ritual:
1 – Bolshoy Mana Rapids [Zaika, Kuznetsov 2008: Fig. 52];
2 – Pisanskoe Pleso petroglyph site [Zaika 2013: Fig. 2, 2]

[Gmelin 1752: 475], большинство манских писаниц следует датировать эпохой Средневековья – начала Нового времени, верхний предел может быть ограничен концом XVII в.

Одежда шаманов

Нередко шаманы, представленные в наскальном искусстве, изображены в одежде. Интерес представляет одежда шаманов с бубнами с горы Березовой [Ермаков, Заика 2019: 149]. На плоскость нанесены две фигуры шаманов в массивных длиннополых одеяниях с широкими рукавами, а на голове показан головной убор с заостренным отростком в виде клюва, похожее описание шаманского костюма встречается у алтайских шаманов [Зуев и др. 2019: 207]. Судя по массивности этих одеяний, шаманы одеты в шубы (рис. 6). Также трактовано одеяние шамана с писаницы Тус, шуба которого украшена сетчатым орнаментом. На то, что шаманы использовали шубы, указывал А. В. Адрианов, который, описывая костюм шамана, отмечал, что это была шуба со множеством разноцветных тканевых лоскутов, с колокольчиками и шапка, отороченная перьями [Адрианов 1904: 36–38].

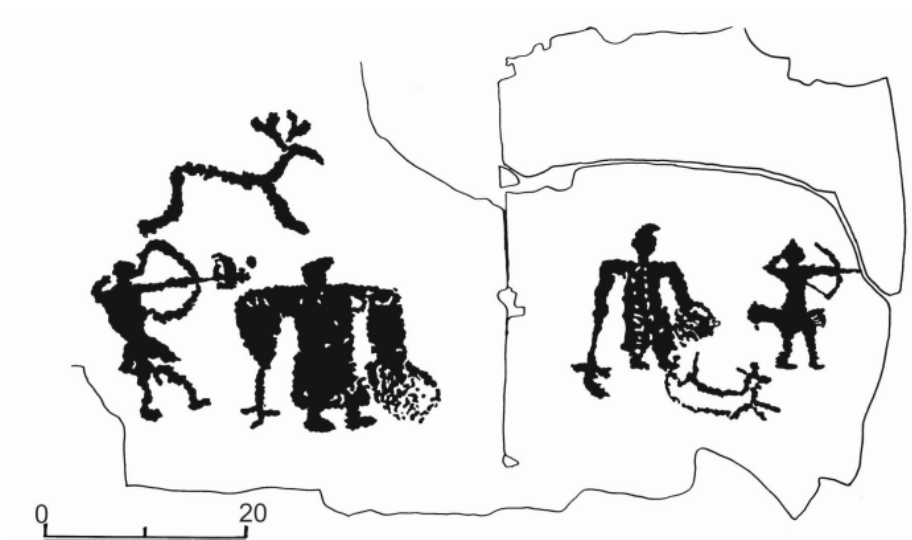


Рис. 6. Писаница Березовая. Сцена с шаманами. Плоскость 15a [Ермаков, Заика 2019: рис. 1, 2]
Fig. 6. A scene with shamans, Pisanitsa Berezovaya petroglyph site, plane 15a [Ermakov, Zaika 2019: Fig. 1, 2]

На одной из многофигурных сцен Тепсей II запечатлен персонаж с жезлом (?) в руке. Поскольку он нанесен поверх других изображений (палимпсест), то некоторые его черты просматриваются не очень четко. На нем укороченная одежда, а на концах ног показаны когти (рис. 7). В отличие от других изображений шаманов, эта фигура не имеет бубна, но при этом в руке держит жезл с развилкой в верхней части и тройной развилкой внизу. Благодаря этим зоо-орнитоморфным деталям можно предположить, что таким образом был трактован служитель культа – шаман или жрец. Сочетание антропоморфных и зооморфных черт в образе шамана в наскальном искусстве следует связывать с преобладанием в шаманском костюме животных символов, особенно птичьих [Окладников, Мартынов 1972: 213]. Известно, что во многом сам образ шамана – это образ воина, который сражается с духами или шаманом соседей, в связи с этим его костюм имеет черты хищных птиц и зверей [Мотов 1996: 35]. Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев указывают, что ими были исследованы шаманские костюмы, принадлежавшие хакасским шаманам, к которым были пришиты крылья и птичьи когти, и костюм, к оголовью которого была пришита голова беркута, что отсылает нас к образам шаманов на писанице Березовой [Кызласов, Леонтьев 1980: 70–72]. Связано столь большое почитание птиц, особенно орла (беркута), с тем, что они занимали особое место в мировоззрении и ритуальной практике хакасов, орел часто являлся тотемным животным. Это отражено не только в обрядовой практике, но и в имянаречении, популярными

у хакасов именами были *Хара-Хус* (Орел), *Ылачын* (Сокол). Корни тотемизма можно обнаружить и в пространенной среди хакасов фамилии *Карагузовы* (Орловы) [Бурнаков 2010: 71]. Об использовании в шаманском костюме когтей упоминает В. Д. Кубарев,



Рис. 7. Тепсей II: 1 – сцена с животными и шаманом [Советова и др. 2021: 201, 175]; 2 – шаман (фрагмент) [Sovetova et al. 2021: 201, 175]; 2 – a shaman (fragment)

который указывает, что подобная одежда встречается на шаманах в росписях Каракола, а среди археологических материалов часто обнаруживаются когти медведей и беркутов [Кубарев 2001: 92].

Особенно разнообразны украшения одежды шаманов, запечатленных на скалах Оглахты. У них довольно часто встречаются характерные культовые атрибуты *чалама*, которые представляют тканевые ленты, подвешиваемые к одежде шамана, бубнам, колотушкам и тесам (рис. 1) [Дэвлет, Дэвлет 2005: 143].

К похожим результатам приходят исследователи при изучении петроглифов соседних территорий, которые указывают, что облик антропоморфных фигур наводит на ассоциации с костюмами шаманов: «Лучи на голове – головные уборы из перьев, отростки на теле – перья и хвосты животных на шаманском платье, а круг в руках или перед фигурой – бубен» [Килуновская и др. 2000: 50]. При этом подобные персонажи могут являться изображениями божеств с определенными атрибутами [Там же]. Среди алтайских петроглифов также встречаются изображения шаманов в одеждах, украшенных хвостами, выполненными из перьев [Кубарев 2001: 90, 92].

Шаманские атрибуты

Одним из частых атрибутов шамана является **бубен**, но, по мнению исследователей, среди древних петроглифов бубны встречаются редко, в отличие от этнографической современности, соответственно и их частое изображение может являться критерием хронологической атрибуции [Дэвлет, Дэвлет 2005: 347]. Наиболее простое начертание мы встречаем у бубнов, которые выполнены сплошной силуэтной выбивкой, например, у шаманов рядом с деревней Прихольмье [Миклашевич 2013: 255], у тепсейского шамана бубны выполнены глубокой силуэтной выбивкой, без каких-либо элементов (рис. 4).

Интересен шаманский бубен в сцене на писанице Тус, который в связи с использованием прочерчивания изображен в виде вытянутого по вертикали овала и украшен треугольными «подвесками». Пополом он разделен поперечной линией с орнаментом в виде косых крестов. Верхнюю и нижнюю половины контура бубна занимают зеркально расположенные рисунки двух деревьев с вертикальными стволами и поднятыми вверх прямыми ветвями.

Часто бубны изображались в виде окружности, которую пересекают вертикальные или горизонтальные линии, которые, видимо, являются переключателями или обозначают орнамент, встречающийся в этно-

графической современности у хакасских шаманов. Например, на горе Суханиха в сценах с шаманами бубны пересекаются вертикальной линией (рис. 2).

Любопытны изображения шаманов с бубнами на каменных плитках, обнаруженных на склонах горы Оглахты, где представлены фигуры шаманов с бубнами и колотушками. Один из шаманов изображен с бубном, показанным с лицевой стороны, на которой можно увидеть разделение окружности бубна на четыре сектора и с точками в центре. Также авторы публикуют еще одну фигуру шамана и указывают, что на этой плите «бубен воспроизведен с внутренней стороны и имеет вертикальную рукоять и две поперечные переключатели с привесками» [Кызласов, Леонтьев 1980: 49]. Но стоит уточнить, что подобная трактовка может быть не совсем верна, при рассмотрении рисунка можно увидеть, что одной рукой шаман держит бубен, второй же наносит удар, рука, наносящая удар, изображена на переднем плане. Подтверждением этих наблюдений может являться оглахтинская сцена, на которой изображены антропоморфные персонажи и животное. Одно из изображений шамана сохранилось по пояс, он изображен колотящим в бубен, нижняя часть фигуры уходит в скол скалы. Бубен шамана разделен на три сектора, верхний – в виде полукруга, а нижняя половина разделена пополам, подобное разделение мы встречаем среди реально зафиксированных шаманских бубнов [Иванов 1955: рис. 10, 6, 9]. На горизонтальной переключателе бубна изображены четыре подвески. Второй шаман выполнен в полный рост, бьющим в бубен колотушкой, бубен разделен на четыре равные части перпендикулярными линиями, на горизонтальной черте обозначены четыре привески (рис. 1, 1).

Другой шаман, опубликованный Ю. Н. Есиным, выполнен в полный рост, с «развешивающимися лентами» на спине и характерно выполненной головой в шапке, которая прочерчена поверхностными ударами (рис. 1, 1) [Есин 2017]. Колотушкой шаман ударяет в бубен, который разделен двумя перпендикулярными чертами на четыре части, на горизонтальной линии видны четыре свисающие подвески. Еще у одного оглахтинского шамана, показанного в движении с обозначенными ступнями, на голове показана характерная для хакасов остроконечная шапка (рис. 8). Тело шамана закрыто бубном, разделенным линиями на четыре области и со спиралью в центре, также на горизонтальной линии изображены семь чалама, в одной из нижних частей видны очертания ветви дерева, скорее всего,

березы, – опахала, являющегося важной частью ритуальной практики хакасов и называющегося *чилбег* [Бутанаев 2008: 127].

Стоит выделить несколько сцен. Первая из них изображена на горе Тепсей, в пункте Усть-Туба II, и представляет из себя одиночную фигуру камлающего шамана в позе адорации, с обозначенными ногами, с бубном в одной руке и с непонятным предметом во второй (рис. 4, 2). Бубен шамана разделен горизонтальной линией пополам. Возможно, так показана перекладина, за которую держится шаман во время проведения обрядов. В сцене на Большом Манском пороге, упомянутой выше, где изображен шаман и процесс перекочевки оленеводов, бубен изображен контуром с перекрестьем внутри и обрамлен сравнительно длинными радиальными «отростками» (рис. 5, 1). Ниже по течению, на писанице Шкапчик, в пункте 2 были зафиксированы контурные

изображения окружностей с перекрестьем внутри и обрамленные радиальными лучами, которые были трактованы как дневные светила (рис. 9, 1) [Заика и др. 2011: 157]. Стоит отметить, что они расположены на уровне рук и головы окружающих их антропоморфных персонажей, поэтому можно предположить, что так были изображены бубны. Доказательством могут являться рисунки соседнего пункта 3 писаницы, где сосредоточены окружности с радиальными отростками и без них (рис. 9, 2). Внутри них вписаны одиночные вертикальные, горизонтальные и наклонные линии, Т- и Y-образные, крестовидные перекрестья, окружности и др. Многообразие их можно объяснить тем, что здесь, видимо, совершались обряды освящения шаманских бубнов, сопровождавшиеся изображением их на скале. На центральной плоскости, практически полностью и плотно покрытой начертаниями внутри закопченной скальной ниши, которая, надо полагать, была центром культового места, зафиксирован антропоморф с грибовидным головным убором в сочетании с окружностью с Т-образным перекрестьем внутри (рис. 9, 3) [Заика, Ганусова 2020: 195–200]. Уникальное изображение шаманского бубна, нарисованного практически в натуральную величину, зафиксировано в окрестностях п. Береть. Бубен диаметром 75 см аккуратно вписан в округлый выступ скалы. Контур его выполнен широкой (10–16 см) полосой, поделен внутри более узкими (4–5 см) вертикальной и двумя горизонтальными линиями перекрестья (рис. 10, 1). Отдельно выбитая окружность, предположительно, бубен с перекрестьем внутри, был обнаружен также на оглахтинской писанице (рис. 10, 2).

Среди петроглифов близлежащих регионов, например Шарыповского района Красноярского края, также встречаются антропоморфные персонажи с сопутствующими округлыми или овальными фигурами, которые исследователи трактуют как солярные знаки или шаманские бубны [Килуновская и др. 2000: 51].

Помимо бубнов у шамана может быть обозначен *лук*, с которым часто рисовали «сражающегося» со злыми духами шамана на шаманских бубнах [Кызласов, Леонтьев 1980: 49]. При этом отсутствие бубна, изображенного часто согнутой линией, компенсировалось характерным шаманским костюмом с развевающимися лентами и остроконечной шапкой. Шаман изображен в профиль, бегущим, с обозначенными ступнями, на голове его – сдвинутый назад колпак, от спины отходят характерные для шаманов линии лоскутов или лент. Возможно, в этой сцене изображен камлающий шаман с бубном (рис. 1, 2).



Рис. 8. Оглахты. Сорок зубьев. Бегущий шаман [Есин 2017: 139]
Fig. 8. A running shaman, Oglakhty mountain site [Esin 2017: 139]



Рис. 9. Изображения бубнов с перекрестьями: 1 – Шкапчик 2 [Заика и др. 2011: рис 2, 3]; 2, 3 – Шкапчик 3 (прорисовка А. Л. Заики)
Fig. 9. Tambourines with cross lines: 1 – Shkapchik 2 petroglyph site [Zaika et al. 2011: Fig. 2, 3]; 2, 3 – Shkapchik 3 petroglyph site (drawing by A. L. Zaika)

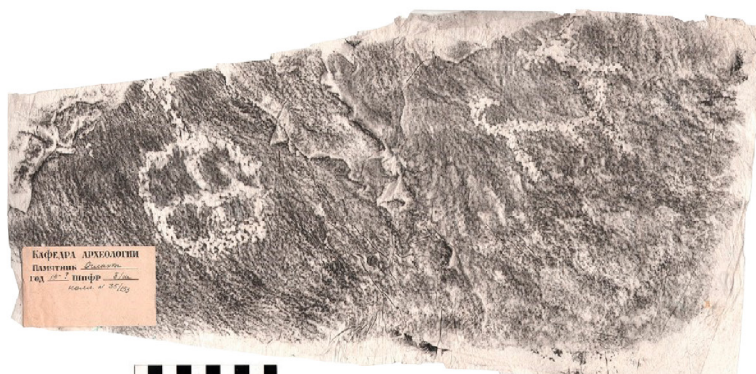


Рис. 10. Рисунки бубнов: 1 – Крупный бубен в окрестностях п. Береть [Заика 1998: рис. 3]; 2 – микалентная копия Оглахты IV (Научный архив КМАЭЭ. ОФ 39/153. ВА 35/153. 1978 г.)

Fig. 10. Tambourines: 1 – a large tambourine, Beret Village petroglyph site [Zaika 1998: Fig. 3]; 2 – a mica paper copy of Oglakhty IV petroglyph site (Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberi, Kemerovo State University. ОФ 39/153. ВА 35/153. 1978)

Среди шаманских атрибутов встречаются *жезлы*, их можно выделить благодаря фигурно оформленной верхней части, которая одушевлялась и считалась живой [Дэвлет, Дэвлет 2005: 352]. Изображения с жезлами известны на обширной территории Северной и Центральной Азии. Один из ярких примеров был обнаружен на скалах Мугур-Саргола (Тува), где танцующий персонаж держит в руке жезл, верхняя часть которого загнута. Аналогичные жезлы были известны в государствах Древнего мира и использовались для обозначения царской власти [Там же: 353]. Также авторами приводится изображение жезла с тремя развилками, что объясняется сохранением в жезлах форм стрелы, которые использовались шаманами при камлании и считались сильнейшим оружием [Там же: 366]. Такие «трезубцы» обнаруживаются у кетских и селькупских шаманов для ритуального обрезания пуповины новорожденного. Во многом такие трезубцы связаны у племен Сибири с богиней Умай (Ымай), которая использует их для охраны младенца [Ожередов 2006: 177–178]. Для шаманизма чаще всего характерно бытование «двуполого» трезубца, сочетающего мужскую и женскую стороны, что связано с необходимостью перевоплощения в противоположный пол, изображения таких трезубцев отображены в наскальном искусстве. Среди петроглифов Тепсея была обнаружена сцена с шаманом, в руках которого выбит сплошной линией с развилкой в нижней и трезубцем в верхней части жезл (рис. 7). Сложно сказать о семантике этой сцены, поскольку в ней присутствуют изображения животных, одно из которых показано мертвым – с вывернутым крупом.

Возможно, шаманы спрашивают удачи в предстоящей охоте.

Жезлы, вероятно, являлись пережитками прошлого, что проявляется в некоторых изображениях, где шаман держит в руке жезл, формой напоминающий стрелу, даже с оперением на верхнем конце. Лук и стрелы являлись сильнейшим оружием шаманов, благодаря которому они могли поразить далекую цель, лежащую за перевалами. Возможно, жезл использовался для обозначения шамана или жреца в наскальном искусстве в переходный период, когда на смену луку и стрелам приходит бубен, благодаря ударам в который шаманы могли перевоплощаться в воинов. Посох, копье, стрела – древние атрибуты воинов, шаманов и предков, которые могут быть отнесены к эпохе бронзы, что часто встречается среди алтайских петроглифов, чаще всего они являются культовыми и обрядовыми предметами, не применяющимися в быту [Кубарев 2001: 90].

Заключение

Шаманизм, возникший на территории Северной и Центральной Азии в эпоху бронзы, развивался с течением времени, что прослеживается в наскальном искусстве региона. Особенно яркие образы шаманов мы встречаем в искусстве аборигенного населения, для которого шаманизм являлся основой мифоритуальной практики и одной из важнейших сторон жизни. Для образа шамана существует несколько характерных черт, которые помогают идентифицировать шаманов среди множества других антропоморфных персонажей. Часто шаманы изображены динамично: в позе адорации, в танце, на бегу. Шаманы

выбиты в характерных шаманских одеждах, с линиями, отходящими от тел, символизирующими лоскуты ткани. В руках шаманов могут быть выбиты бубны, колотушки, луки и жезлы, которые используются ими для борьбы со злыми духами. На данный момент проблема использования жезлов в литературе разработана слабо, в связи с чем накопление материалов и их последующая обработка будут являться целью дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00974 «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н. э. по материалам петроглифов», <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00974: Unexplored petroglyphic history and culture of Southern Siberia in II millennium AD, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00974/>

Литература / References

- Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск: Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1904. 64 с. [Adrianov A. V. *Essays of the Minusinsk region*. Tomsk: Parovaia tipo-lit. P. I. Makushina, 1904, 64. (In Russ.)]
- Асочакова В. Н., Чистанов М. Н., Чистанова С. С. Христианизация и коренное население Хакасско-Минусинского края: проблемы трансформации. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 5. С. 586–596. [Asochakova V. N., Chistanov M. N., Chistanova S. S. Christianization and the indigenous population of the Khakass-Minusinsk territory: Problems of transformation. *Journal of Siberian federal university – Humanities and Social Sciences*, 2022, 15(5): 586–596. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/izwgof>
- Бокоренко Н. А. Проблема реконструкции религиозных систем кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху. *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12–15 марта 1996 г.)* СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. С. 39–42. [Bokovenko N. A. Reconstructing the religious systems of the nomads of Central Asia in the Scythian period. *Priesthood and shamanism in the Scythian period: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 12–15 Mar 1996*. St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 1996, 39–42. (In Russ.)]

- Бурнаков В. А. Орел-предок в мифоритуальной практике хакасского шаманизма. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 3. С. 71–74. [Burnakov V. A. The eagle – ancestor in myths and ceremonial practices of the Khakas shamanism. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2010, (3): 71–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmxzzv>
- Бутанаев В. Я. Горные жертвоприношения. *Сокровища культуры Хакасии*, отв. ред. А. М. Тарунов. М.: НИИЦентр, 2008. С. 126–139. [Butanaev V. Ya. Mountain sacrifices. *Treasures of culture of Khakassia*, ed. Tarunov A. M. Moscow: NIITsentr, 2008, 126–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nzmhmi>
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с. [Devlet E. G., Devlet M. A. *Myths in stone. The world of rock art in Russia*. Moscow: Aleteia, 2005, 472. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxurjt>
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М.: ИА РАН, 2011. 382 с. [Devlet E. G., Devlet M. A. *Treasures of rock art of North and Central Asia*. Moscow: IA RAS, 2011, 382. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzxxvl>
- Дэвлет М. А. Генезис шаманства по материалам наскальных изображений Сибири. *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху*: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12–15 марта 1996 г.) СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. С. 24–26. [Devlet M. A. The genesis of shamanism in Siberian rock art. *Priesthood and shamanism in the Scythian period*: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 12–15 Mar 1996. St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 1996, 24–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzbnmk>
- Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 286 с. [Devlet M. A. *Petroglyphs at the bottom of the Sayan Sea (Mount Aldy-Mozaga)*. Moscow: Pemiatiniki istoricheskoi mysli, 1998, 286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqcoxt>
- Дэвлет М. А. Человек и его место в системе мироздания (по материалам петроглифов бассейна Верхнего Енисея). *Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии*, отв. ред. О. С. Советова, Г. Г. Король. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. IX. С. 3–34. [Devlet M. A. Man and its place in the system of the universe (on rock art of the upper Yenisei basin). *Visual and technological traditions in the art of North and Central Asia*, eds. Sovetova O. S., Korol G. G. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, iss. IX, 3–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qiruvh>
- Ермаков Т. К., Заика А. Л. Изображения второго яруса писаницы «Березовая» (общая характеристика). *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2019. Вып. X. С. 145–154. [Ermakov T. K., Zaika A. L. Images from second tier of rock paintings "Berezovaya" (general characteristic). *Ancient Artifacts from The Yenisei River Valley in Siberia*, ed. Mandryka P. V. Krasnoyarsk: SFU, 2019, iss. X, 145–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jpvovd>
- Есин Ю. Н. Наскальные изображения Оглахты: альбом. Абакан: Журналист, 2017. 160 с. [Esin Yu. N. *Oglakhty rock art: Album*. Abakan: Zhurnalyst, 2017, 160. (In Russ.)]
- Заика А. Л. Культурные изображения в наскальном искусстве р. Маны. *Этносы Сибири. История и современность*: науч.-практ. конф. (Красноярск, 1 ноября – 31 декабря 1994 г.) Красноярск, 1994. С. 81–84. [Zaika A. L. Cult images in the rock art of the Mana River. *Ethnoses of Siberia. History and modernity*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 1 Nov – 31 Dec 1994. Krasnoyarsk, 1994, 81–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjifnp>
- Заика А. Л. Новые данные по наскальному искусству в бассейне реки Маны. *Сибирская локальноэтническая культурная ситуация в конце XX века*: II Параславянские чтения. (Красноярск, 15 декабря 1998 г.) Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 1998. С. 85–90. [Zaika A. L. New data on rock art of the Mana River basin. *Siberian local ethnic cultural situation in the late XX century*: Proc. II Paraslav readings, Krasnoyarsk, 15 Dec 1998. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 1998, 85–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kcqbgb>
- Заика А. Л. Петроглифы Северной Азии: методика и результаты зимних исследований. *Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи*: Всерос. науч.-археологическая конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.) Сургут: Магеллан, 2013. С. 256–261. [Zaika A. L. Petroglyphs of Northern Asia: Methodology and results of winter research. *Archaeology of the Russian North: From the Iron Age to the Russian Empire*: Proc. All-Russian Sci.-Archaeological Conf., Surgut, 1–4 Oct 2013. Surgut: Magellan, 2013, 256–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ujadah>

- Заика А. Л., Березовский А. П., Емельянов И. Н. Писаницы Большого Манского порога. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. А. С. Вдовин. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 1996. Вып. 1. С. 164–165. [Zaika A. L., Berezovsky A. P., Emelyanov I. N. The Writings of the Great Mana Rapids. *Ancient Artifacts from The Yenisei River Valley in Siberia*, ed. Vdovin A. S. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 1996, iss. 1, 164–165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfwlxv>
- Заика А. Л., Ганусова В. П. Лаконичная композиция на курганном камне (могильник Селиваниха в окрестностях г. Минусинска). *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова*. Минусинск: МКМ, 2020. Вып. 2. С. 195–207. [Zaika A. L., Ganusova V. P. Composition on the grave stone (Selivanikha burial ground in the vicinity of Minusinsk). *Scientific notes of the N. M. Martyanov Minusinsk Museum of Local Lore*. Minusinsk: MKM, 2020, iss. 2, 195–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xennqu>
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2008. 76 с. [Zaika A. L., Kuznetsov A. L. *Winter archaeology. Field studies of petroglyphs*. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2008, 76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uklzzx>
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л., Березовский А. П. Зимние исследования петроглифов (предварительные итоги). *Наскальное искусство в современном обществе: Междунар. науч. конф. (Кемерово, 22–26 августа 2011 г.)*. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. 2. С. 153–159. [Zaika A. L., Kuznetsov A. L., Berezovsky A. P. Winter explorations of petroglyphs: Preliminary results. *Rock art in modern society: Proc. Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 22–26 Aug 2011*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, vol. 2, 153–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tukltz>
- Заика А. Л., Пахомова Т. А., Фокин С. М. Спасенные петроглифы писаницы Тус. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. П. В. Мандрыка. Вып. IX. Красноярск: СФУ, 2018. С. 32–43. [Zaika A. L., Pakhomova T. A., Fokin S. M. Saved petroglyphs of the Tus written. *Ancient Artifacts from The Yenisei River Valley in Siberia*, ed. Mandryka P. V. Krasnoyarsk: SFU, 2018, iss. IX, 32–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xyripj>
- Зуев И. Н., Мусухранов И. Л., Романова Е. Г. Костюмный комплекс шамана и его атрибуты в современной культовой практике народов Алтая. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2019. № 34. С. 205–213. [Zuyev I. N., Musukhranov I. L., Romanova E. G. Costume complex of the shaman and his attributes in modern cult practice of the people of Altai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2019, (34): 205–213. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22220836/34/21>
- Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1955. Т. XVI. С. 165–264. [Ivanov S. V. Interpreting the images on artefacts from the Sayan-Altai Highlands. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*, 1955, 16: 165–264. (In Russ.)]
- Килуновская М. Е. Наскальные изображения как элемент религиозно-мифологических представлений ранних кочевников Центральной Азии (по материалам из Тувы). *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12–15 марта 1996 г.)*. СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. С. 149–153. [Kilunovskaya M. E. Rock carvings as an element of religious and mythological representations of the early nomads of Central Asia, Tuva. *Priesthood and shamanism in the Scythian period: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 12–15 Mar 1996*. St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 1996, 149–153. (In Russ.)]
- Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Семенов В. А., Субботин А. В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ИИМК РАН, 2000. 66 с. [Kilunovskaya M. E., Krasnienko S. V., Semenov V. A., Subbotin A. V. *Petroglyphs of Karataga and Mount Kedrovaya, Sharypovsky district of the Krasnoyarsk Region*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2000, 66. (In Russ.)]
- Кубарев В. Д. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая. *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии*, ред. В. И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. Т. 6. С. 89–107. [Kubarev V. D. Shamanistic plots in petroglyphs and funerary paintings of Altai. *Ancient artefacts of Altai. News of the laboratory of archeology*, ed. Soenov V. I. Gorno-Altai: GASU, 2001, vol. 6, 89–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqppld>
- Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбинского времени в степях Среднего Енисея. *Тесинская культура*. СПб.: Айсинг, 2011, 456. [Kuzmin N. Yu. *Funerary monuments of the Hunn-Xianbian Era in the steppes of the Middle Yenisei. Tesin culture*. St. Petersburg: Aising, 2011, 456. (In Russ.)]

- Кызласов Л. Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Абакан: Краснояр. кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1989. 58 с. [Kyzlasov L. R. *A brief history of ancient and medieval Southern Siberia*. Abakan: Krasnoyar. kn. izd-vo. Khakas. otd-nie, 1989, 58. (In Russ.)]
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 177 с. [Kyzlasov L. R., Leontyev N. V. *Folk drawings of Khakassia*. Moscow: Nauka, 1980, 177. (In Russ.)]
- Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2013. Т. 19. С. 255–259. [Miklashevich E. A. The study of rock art monuments of the Minusinsk basin in 2012–2013. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2013, 19: 255–259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtrldh>
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 г. *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2016. № 3. С. 30–48. [Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., Bove L. L. Investigations by the petroglyphic expedition of the "Tomskaya pisanitsa" museum-reserve in 2015. *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaya pisanitsa"*, 2016, (3): 30–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wxkswt>
- Мотов Ю. А. Нарты, «бци», шаманы (О мужчинах, пляшущих симд). *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху*: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12–15 марта 1996 г.) СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. С. 32–36. [Motov Yu. A. The Narts, bciri-warriors, and shamans: Simd-dancers. *Priesthood and shamanism in the Scythian period*: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 12–15 Mar 1996. St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 1996, 32–36. (In Russ.)]
- Ожередов Ю. И. К вопросу семантики ритуального наконечника трезубца у селькупов. *Современные проблемы археологии России*: Всерос. археологич. съезд. (Новосибирск, 23–28 октября 2006 г.) Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 177–179. [Ozheredov Yu. I. The semantics of the ritual trident tip among the Selkups. *Modern issues of Russian archaeology*: Proc. All-Russian Archaeological Congress, Novosibirsk, 23–28 Oct 2006. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2006, vol. II, 177–179. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbjwvx>
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.-Л.: Наука, 1966. 322 с. [Okladnikov A. P. *Petroglyphs of the Angara*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, 322. (In Russ.)]
- Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 296 с. [Okladnikov A. P., Martynov A. I. *Treasures of the Tom River rock art sites. Rock paintings of the Neolithic and Bronze age*. Moscow: Iskusstvo, 1972, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpymbb>
- Пахомова Т. А., Заика А. Л., Вдовин А. С. Петроглифы на оз. Тус в Хакасии. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2015. Вып. VII. С. 150–161. [Pakhomova T. A., Zaika A. L., Vdovin A. S. Petroglyphs on Tus Lake in Khakassia. *Ancient Artifacts from The Yenisei River Valley in Siberia*, ed. Mandryka P. V. Krasnoyarsk: SFU, 2015, iss. VII, 150–161. (In Russ.)]
- Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 321 с. [Potapov L. P. *Altai shamanism*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1991, 321. (In Russ.)]
- Семенов В. А. Некоторые шаманистические элементы в культуре ранних кочевников Тувы. *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху*: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12–15 марта 1996 г.) СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. С. 27–29. [Semenov V. A. Some humanistic elements in the culture of the early nomads of Tuva. *Priesthood and shamanism in the Scythian period*: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 12–15 Mar 1996. St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 1996, 27–29. (In Russ.)]
- Сирюкин И. В. Петроглифы как один из компонентов «культы гор» у коренного населения Минусинской котловины. *Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых*. (Кызыл, 22–24 сентября 2022 г.) Красноярск: СФУ, 2022. С. 197–200. [Siryukin I. V. Petroglyphs as one of the components of the "cult of mountains" among the indigenous population of the Minusinsk basin. *Materials of the LXII Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists*, Kyzyl, 22–24 Sep 2022. Krasnoyarsk: SFU, 2022, 197–200. (In Russ.)]
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда южносибирской археологической экспедиции КемГУ). *Археология, этнография и музейное дело*, отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Никалс, 1999. С. 47–74.

[Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Chronological and stylistic features of the Middle Yenisei petroglyphs (the results of the work of the Petroglyphic Detachment of the South Siberian Archaeological Expedition of Kemerovo State University). *Archaeology, ethnography and museology*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Nikals, 1999, 47–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfjrhb>

Советова О. С., Шишкина О. О. О некоторых необычных антропоморфных персонажах в наскальном искусстве Минусинской котловины. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2019. № 2. С. 183–200. [Sovetova O. S., Shishkina O. O. Some peculiar anthropomorphic characters in the rock art of the Minusinsk basin. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2019, (2): 183–200. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2019-2-64-183-200>

Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микро-района. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с. [Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. *Rock art of the Tepsei archaeological microdistrict*. Kemerovo: Vektor-Print, 2021, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fsvmpy>

Швец И. Н. Некоторые аспекты современного состояния изучения наскального искусства Центральной Азии. *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. № 5. С. 129–138. [Shvets I. N. Some aspects of the current rock art studies in Central Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, (5): 129–138. (In Russ.)]

Gmelin J. G. *Reise durch Sibirien von den Jahr 1733 bis 1743: 3 (1738–1740)*. Gettingem: Verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe, 1752, 584.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ubzwfy>

Яков Абрамович Шер (1931–2019): вехи научного пути

Китова Людмила Юрьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7370-3905

<https://orcid.org/0000-0003-4769-9819>lyudmila.kitova@mail.ru

Фрибус Алексей Викторович

Институт истории материальной культуры РАН,

Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 5019-7271

<https://orcid.org/0000-0003-3208-0319>

Scopus Author ID: 57209598350

Гук Дарья Юрьевна

Государственный Эрмитаж, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 3497-7920

<https://orcid.org/0000-0002-3380-9426>

Scopus Author ID: 56369639000

Аннотация: На основе широкого круга архивных материалов из научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук, архива Государственного Эрмитажа и архивов Кемеровского государственного университета воссоздана деятельность Якова Абрамовича Шера, начиная с его работы школьным учителем истории в небольших селениях Киргизии и до ухода на пенсию. Учеба в аспирантуре в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР, защита кандидатской диссертации способствовали получению места заведующего лабораторией археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР. После истечения срока работы его не переизбрали по конкурсу в академическом институте, он ушел в школьную педагогику, но это не сломило исследователя. Я. А. Шер работал над монографией, и в соавторстве с И. С. Каменецким, Б. И. Маршаком опубликовал книгу «Анализ археологических источников» (1975), сразу же ставшую библиографической редкостью. Следующий 10-летний этап жизни Я. А. Шера связан с созданием Отдела музейной информатики в Государственном Эрмитаже. Более полувека ученый трудился в стенах Кемеровского государственного университета, что способствовало не просто усилению такого научного направления кафедры археологии, как исследование памятников первобытного искусства, но и формированию научной школы с идентичной исследовательской программой.

Ключевые слова: Я. А. Шер, биография, древнетюркские изваяния, петроглифы Центральной Азии, музейная информатика, научная школа, Институт истории материальной культуры АН СССР, Государственный Эрмитаж, кафедра археологии Кемеровского государственного университета

Цитирование: Китова Л. Ю., Гук Д. Ю., Фрибус А. В. Яков Абрамович Шер (1931–2019): вехи научного пути. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 889–903. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-889-903>

Поступила в редакцию 12.05.2024. Принята после рецензирования 24.06.2024. Принята в печать 01.07.2024.

full article

Yakov A. Sher (1931–2019): Milestones of Academic Career

Lyudmila Yu. Kitova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7370-3905

<https://orcid.org/0000-0003-4769-9819>lyudmila.kitova@mail.ru

Alexey V. Fribus

Institute for Material Culture History, Russian Academy of Sciences,
Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 5019-7271

<https://orcid.org/0000-0003-3208-0319>

Scopus Author ID: 57209598350

Daria Yu. Hookk

State Hermitage Museum, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 3497-7920

<https://orcid.org/0000-0002-3380-9426>

Scopus Author ID: 56369639000

Abstract: Professor Yakov A. Sher (1931–2019), Doctor of History, was a world-famous specialist in prehistoric art. This research relied on the archives of the Institute for Material Culture History, the State Hermitage Museum, and the Kemerovo State University to trace Professor Sher's career path. Yakov Sher did his postgraduate research at the Institute for Material Culture History, USSR Academy of Sciences. Upon defending his PhD thesis, he obtained a position as Head of Laboratory of Archaeological Technology at the Institute of Archaeology, Leningrad. When he was not re-elected, Yakov Sher had to turn to school pedagogy but did not give up his research. With I. S. Kamenetskiy and B. I. Marshak, he co-authored a profound *Analysis of Archaeological Sources* (1975). Professor Sher dedicated ten years of his academic career to the Department of Museum Informatics at the State Hermitage Museum, Leningrad. For more than half a century, he worked at the Department of Archaeology of the Kemerovo State University, where he founded a scientific school of prehistoric art studies.

Keywords: Yakov Sher, biography, ancient Turkic sculptures, petroglyphs of Central Asia, museum informatics, scientific school, Institute for Material Culture History of USSR Academy of Sciences, State Hermitage Museum, Department of Archaeology at Kemerovo State University

Citation: Kitova L. Yu., Hookk D. Yu., Fribus A. V. Yakov A. Sher (1931–2019): Milestones of Academic Career. *SibScript*, 2024, 26(6): 889–903. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-889-903>

Received 12 May 2024. Accepted after peer review 24 Jun 2024. Accepted for publication 1 Jul 2024.

Введение

Яков Абрамович Шер, известнейший не только в России, но и за рубежом специалист в области первобытного искусства, прошел непростой путь исследователя. Авторы данной статьи поставили перед собой цель воссоздать биографию Я. А. Шера, выявить отдельные этапы его деятельности и определить вклад отечественного археолога в науку.

Биографический метод применялся для сбора, систематизации и анализа фактов из архивных документов для восстановления полной биографии ученого, историко-хронологический метод – для более глубокой характеристики жизнедеятельности Я. А. Шера на определенном уровне развития отечественной науки и музейного дела.

Методы и материалы

При подготовке исследования были использованы материалы архивов Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН, Государственного Эрмитажа, Кемеровского государственного университета (КемГУ), музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, а также такие методы исследования, как биографический и историко-хронологический.

Результаты

Начало научного пути

Яков Абрамович Шер родился 21 июня 1931 г. в г. Чимкент Южно-Казахстанской области Казахской ССР в семье служащих. Отец, Абрам Матвеевич Шер, был экономистом-плановиком, мать, Буля Хаимовна Шер – фармацевтом. Великую Отечественную войну семья встретила в Таганроге. Абрам Матвеевич был призван

на фронт и в 1944 г. погиб. Буля Хаимовна после окончания Великой Отечественной войны была направлена в Донецк (до 1961 г. город назывался Сталино) для восстановления аптечной сети, а затем вместе с сыном – в Киргизскую ССР, где в 1949 г. в с. Петровка Фрунзенской области Я. А. Шер окончил среднюю школу¹. В этом же году им была предпринята попытка поступления в Московский государственный университет, которая не принесла желаемого результата. Однако он не отказался от намерения получить высшее образование и в 1949 г. был зачислен на исторический факультет Киргизского государственного педагогического института, преобразованного в 1951 г. в университет. В 1953 г. Я. А. Шер окончил университет по специальности *история* (по учебному плану пединститута), получил диплом с отличием, ему была присвоена квалификация учителя средней школы².

По окончании вуза молодой специалист был направлен учителем истории в среднюю школу с. Михайловка Иссык-Кульской области Киргизской ССР. Через год, в сентябре 1954 г., Я. А. Шер был переведен директором средней школы совхоза «Сухой Хребет» в Иссык-Кульской области, а также преподавал в этой школе историю. Как положено было в СССР, в октябре 1954 г. молодого мужчину призвали в ряды Советской армии связистом в г. Полоцк (Белоруссия), где он и прослужил до ноября 1956 г. По возвращении в январе 1957 г. Яков Абрамович был назначен директором семилетней школы Чуйских торфоразработок в Ивановском районе Фрунзенской области в Киргизии, затем переведен в августе 1957 г. завучем средней школы в с. Ивановка Фрунзенской области, а в ноябре 1957 г. – опять директором семилетней школы с. Красный Фронт Ивановского района Фрунзенской области. Во всех школах Я. А. Шер не только руководил коллективом учителей и учеников, но и преподавал историю детям. Все перемещения по работе были связаны с нехваткой руководящих кадров с высшим образованием в Киргизской республике и делались по рекомендации райкомов КПСС³.

Начиная со студенческих лет и будучи уже учителем в школе Я. А. Шер трудился сначала в качестве рабочего,

а потом лаборанта в археологических экспедициях АН СССР и АН Киргизской ССР:

- 1950–1952 гг. – Памиро-Ферганской комплексной археолого-этнографической под руководством А. Н. Бернштама (Чаткальский отряд, 1950–1951, начальником отряда был А. И. Кибиров);
- 1953–1954 гг. – Киргизской комплексной археолого-этнографической под руководством А. П. Окладникова (Тянь-Шаньский отряд, начальник отряда – А. И. Кибиров);
- 1957–1958 гг. – Киргизской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (Ак-Бешимский отряд, обязанности начальника отряда исполнял Л. П. Зяблин)⁴.

Я. А. Шер мечтал продолжить занятия археологией на более высоком уровне и осенью 1958 г. поступил в аспирантуру ИИМК АН СССР. Согласно приказу № 113 от 23 октября 1958 г. он был зачислен в аспирантуру ИИМК АН СССР с 1 ноября 1958 г. по специальности *археология Средней Азии*. Научным руководителем был назначен известный археолог, доктор исторических наук Михаил Петрович Грязнов⁵. Я. А. Шер с юмором вспоминал прием вступительных экзаменов, зачисление в аспирантуру, приезд в Ленинград и знакомство с шефом. Вступительные экзамены принимались в головном институте в Москве, а после их сдачи соискателю был определен научный руководитель М. П. Грязнов без согласования с последним, т. к. тот был в экспедиции [Шер 2000b: 132–135]. Определение темы кандидатской диссертации стало для аспиранта неожиданно самостоятельным делом, что кардинально разнилось от его представления о наличии у научного руководителя объемного плана работ и множества актуальных археологических материалов и тем исследования. Я. А. Шер вернулся к среднеазиатским артефактам, получил согласие научного руководителя, и 12 марта 1959 г. Ученым Советом ИИМК АН СССР была утверждена тема диссертации – «Кочевники Семиречья раннего Средневековья по археологическим данным»⁶. Нужно было ехать в Среднюю Азию и собирать материалы.

¹ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел (НА ИИМК. РО). Ф. 35. Оп. 3. Д. 96 (л/д). Л. 2. Дело 96 сформировано из двух дел: Ф. 312. Оп. 3. Д. 768 – личное дело аспиранта Я. А. Шера (л/д); Ф. 312. Оп. 3. Д. 858 – диссертационное дело Я. А. Шера (дисс/д). Так как страницы дела не имеют общей нумерации, для ясности будем указывать л/д или дисс/д.

² НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 96 (л/д). Л. 4.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 6.

Однако у института были свои задачи, М. П. Грязнову было поручено летом 1959 г. вести масштабные раскопки на побережье оз. Байкал, и он привлек не только сотрудников, но и аспирантов. Иркутская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР⁷ была организована в связи с предстоящим поднятием уровня Байкала в результате строительства Иркутской ГЭС. Наиболее крупные исследования были проведены на территории Приольхонья. Объектом изысканий отряда, в котором работал Я. А. Шер, стали памятники Улан-Хада. В соответствии с приказом по ЛО ИА, молодой аспирант был отправлен туда на 4 месяца – с 1 июня по 1 октября 1959 г.⁸ Изучать средневековые памятники Семиречья Я. А. Шер поехал осенью, после раскопок каменных курганов Улан-Хада II и Улан-Хада III на юго-восточном склоне бухты так называемого Малого моря Байкала⁹.

За годы учебы в аспирантуре Яков Абрамович Шер самостоятельно исследовал древнетюркские каменные изваяния в такой историко-географической области Средней Азии, как Семиречье, большая часть которого расположена в Казахстане и Киргизии. В 1961 г. он окончил аспирантуру и был принят осенью того же года младшим научным сотрудником сектора Средней Азии и Кавказа ЛО ИА АН СССР¹⁰. Летом 1962 г. Я. А. Шер провел археологические исследования в районе оз. Сон-куль на Тянь-Шане¹¹, а 7 декабря 1962 г. на заседании сектора Средней Азии и Кавказа были обсуждены его кандидатская диссертация и автореферат на тему «Древнетюркские изваяния Семиречья». На обсуждении выступали М. П. Грязнов, А. М. Беленицкий, Ю. А. Заднепровский, С. С. Черников, А. Д. Грач, А. А. Гаврилова. Было отмечено, что работа вводит в научный оборот значительное количество новых материалов, соискателем предложена новая схема классификации древнетюркских изваяний Семиречья, разработана их хронология, и на основе сочетания статистических и типологических методов по-новому поставлен и частично решен ряд вопросов, связанных

с семантикой каменной скульптуры. Старшие коллеги приняли решение рекомендовать диссертацию к защите¹².

Защита кандидатской диссертации и заведование лабораторией археологической технологии ЛО ИА АН СССР

8 мая 1963 г. Я. А. Шер успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древние изваяния Семиречья» на Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР¹³. 7 июня 1963 г. решением Совета Института археологии АН СССР в Москве Я. А. Шеру была присуждена ученая степень кандидата исторических наук¹⁴.

В 1963–1970 гг. Яков Абрамович возглавлял Каменский отряд Красноярской экспедиции ЛО ИА АН СССР. Руководителем экспедиции, в составе которой находилось 7 отрядов, был М. П. Грязнов. Участники экспедиции работали в зоне затопления будущего Красноярского водохранилища. Я. А. Шер кроме раскопок могильников и поселения Каменка IV исследовал наскальные изображения по берегам Енисея. Многие из них были скопированы им до затопления и стали источником для изучения искусства, культуры, мировоззрения древних племен.

В 1966 г. Я. А. Шером опубликована монография «Каменные изваяния Семиречья», в которой подверглись строгому анализу около 150 древнетюркских изваяний, некоторые из них были введены в научный оборот впервые. Принцип классификации каменной скульптуры по иконографическим особенностям, примененный автором, до сих пор считается одним из самых методически востребованных и актуальных. Анализируя памятники и письменные источники, Я. А. Шер убедительно показал разновременность тюркских изваяний, определил несколько хронологических групп и их семантику. Автор монографии одним из первых в отечественной литературе сопоставил статистические методы, применяемые при изучении археологических артефактов, с методами математической статистики,

⁷ ИИМК АН СССР в 1959 г. переименован в ЛО ИА АН СССР.

⁸ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 96 (л/д). Л. 9.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 359. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 96 (дисс/д). Л. 4.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 359. Л. 13.

используемыми на счетно-аналитических машинах [Шер 1966: 126–129].

Ко времени издания монографии Я. А. Шер уже с 1965 г. трудился младшим научным сотрудником в лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР и увлеченно разрабатывал идею об использовании математических методов в археологии. Заведовал этой лабораторией известный ученый С. И. Руденко. После его ухода на пенсию Я. А. Шер был назначен 5 мая 1967 г. ее заведующим. Одной из важнейших составляющих деятельности лаборатории были хронологические исследования на основе радиоуглеродного метода, тогда еще широко не распространенные в силу наличия подобных лабораторий только в столицах. По сути, в лаборатории проводились междисциплинарные изыскания, которые позволяли археологам проверять не только датирование находок, но и проводить спектральный, химический анализы; использовать геофизические методы, данные палеогеографии, палеозоологии, палинологии для более глубоких археологических исследований¹⁵.

К сожалению, выполнение функций заведующего лабораторией археологической технологии Я. А. Шером продлилось недолго. Сначала, 2 марта 1972 г., ему объявили выговор за халатное отношение к экспедиционному оборудованию, 4 мая 1972 г. директор ИА АН СССР Б. А. Рыбаков подписал распоряжение, согласно которому: «Шера Я. А. – зав. лабораторией археологической технологии ЛО ИА АН СССР освободить от занимаемой должности с 17 мая с.г., в связи с истечением срока работы, установленного законодательством о конкурсах»¹⁶. Яков Абрамович тяжело это переживал, ушел на больничный и был окончательно уволен 1 июня 1972 г. с формулировкой причины – не прошел переаттестацию¹⁷.

Нужно было искать работу, и Я. А. Шер устроился преподавателем Дома юных техников в Ленинграде, где и трудился до 1975 г.¹⁸ На протяжении 1965–1982 гг. в Ленинградском государственном университете он читал для студентов-археологов курс по естественно-научным методам исследования в археологии, это его морально поддерживало. Кроме того, Я. А. Шер

продолжал работать над вопросом использования математических методов в археологии, в том числе его интересовали возможности использования формализованных методов исследования на разных его этапах: от первичного описания материала до исторических интерпретаций. Результатом этого труда стала совместная монография И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера «Анализ археологических источников» [Каменецкий и др. 1975], которая сразу стала библиографической редкостью.

Государственный Эрмитаж

В 1975 г. Я. А. Шер был приглашен в Государственный Эрмитаж для организации Отдела музейной информатики (ОМИ).

Обращение к статистико-комбинаторным методам, вошедшим в моду в археологии в 1960-х гг. благодаря работам Ж.-К. Гардена и Р. Чинхолла, стало возможным в случае обработки численных характеристик массового материала. Международный Совет Музеев посвятил компьютерной тематике отдельный номер журнала *Museum*¹⁹, признав тем самым актуальность проблематики. Среди энтузиастов выделялся Я. А. Шер²⁰, выпустивший несколько работ [Шер 1965; Колчин и др. 1970; Мацкевой, Шер 1974], особенно после появления известной многим публикации [Каменецкий и др. 1975], подтвердившей актуальность повторным изданием почти 40 лет спустя [Каменецкий и др. 2013]. Приближение эры электронных каталогов казалось музеям угрозой подобно цунами. Ясно было, что грядет неизбежное, но как к этому относиться, в музеях имели смутное представление. Приказ № 287 от 15 сентября 1975 г. за подписью Б. Б. Пиотровского гласил: «С целью разработки и поэтапного внедрения в практику работы Эрмитажа современных методов и технических средств информационного обслуживания посетителей и сотрудников образовывать при научпросветотделе группу информатики с непосредственным подчинением заместителю директора по науке. Руководителем группы назначить кандидата исторических наук Я. А. Шера». Несмотря на наличие ученой степени,

¹⁵ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 954, 957, 964.

¹⁶ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 359. Л. 23, 26.

¹⁷ Там же. Л. 24, 26.

¹⁸ Архив КемГУ. Д. 8972. Л. 170.

¹⁹ *Museum*. 1971. Vol. XXIII. No. 1. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/rmil20/23/1?nav=tocList> (accessed 9 Apr 2024).

²⁰ Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 1. Оп. 15-1. Д. 242.

руководителю группы с 17 сентября 1975 г. выделили ставку младшего научного сотрудника²¹.

Функция автоматизации преследовала понятные цели – помощь посетителям с информационным обеспечением. Специальное устройство-автомат в скором времени уже перекидывало таблички с подготовленными общими сведениями о коллекциях [Шер 2006b: 4–5]. Как происходит диалог с компьютером без перфокарт и распечаток, возможно ли такое, никто не представлял. Поэтому резонно было предположить, что данные нужно готовить специальным образом, заранее вычлняя структурные блоки.

Организация в музее по приказу (№ 618 от 24 октября 1980 г.²²) Министра культуры СССР тов. П. Н. Демичева специального подразделения «АС-Памятник» в Отделе научно-технической информации из 12 человек²³ и затем Отдела музейной информатики²⁴ под руководством Я. А. Шера стала знаковым событием. Сотрудников в штат набирали в течение полугода²⁵, место для размещения отдела тогда еще не было выделено²⁶. О компьютерах и программах читали в зарубежных журналах²⁷ и составляли обзоры²⁸ [Асеев и др. 1980; 1982; Sher 1978]. Значительный вклад в методические разработки внесли, прежде всего, археологи²⁹. Именно благодаря активным научным связям [Гарден 1983; Чинхолл 1983] и всевозможным контактам по линии Академии наук стали возможны вылазки к ЭВМ, которые другими словами и не назвать. Очень ценилось умение печатать на машинке, что должно было в теории ускорить процесс обучения вводу информации. Государственному Эрмитажу была определена роль головного учреждения в предпроектной деятельности по разработке Автоматизированной информационной системы о памятниках истории и культуры СССР («АИС-Памятник») [Ноль, Рябов 1984]. Основные задачи проекта состояли в «повышении эффективности всех звеньев музейной работы»,

освобождении «музейного работника от рутинных работ по поиску и систематизации различных данных» и высвобождении «времени для творческой работы, которую никакая техника выполнить не может»³⁰. Техническая часть и общее методическое руководство было возложено на НИЦ (или Гипроотеатр), а содержательная часть разделена между двумя неподведомственными музеями: Государственным Эрмитажем (системы описания коллекций досоветского периода) и Музеем революции³¹.

В 1981–1982 гг. было много заседаний, семинаров, обсуждений, но крайне мало возможностей публикации результатов³² [Грач и др. 1984; Лесман и др. 1984; Шер 1984]. Все сотрудники ОМИ были разделены на 4 группы с целью создания унифицированных форм карточек для музейных предметов и коллекций, предназначенных для ввода в ЭВМ. Разработкой образцов форм карточек для общего описания археологической музейной коллекции и археологического музейного предмета занималась группа под руководством Л. С. Марсадолова; карточки для монет и монетного клада составлял А. Е. Шигин; учетно-хранительскую карту для описания произведений станковой живописи разрабатывала группа Л. А. Лавлинской; а подготовкой лингвистического и программного обеспечения были заняты Ю. М. Лесман и М. А. Чеповецкий. Более 10 вариантов карточек было разработано только для описания археологического музейного предмета.

В 1982–1983 гг. в ОМИ была проведена большая работа по составлению тезауруса археологических предметов, бытовавших начиная с эпохи камня и до позднего Средневековья, который включал в свой состав несколько тысяч находок. Разделы тезауруса были структурированы по таким блокам, как орудия труда, оружие, одежда, украшения, снаряжение коня и др. [Марсадолов 2001; 2002; 2005]. Лингвистическое обеспечение для будущих компьютерных программ:

²¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 472. Л. 24, 66.

²² АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 478а. Л. 87.

²³ Приказ № 52 от 21.05.1981. АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 568. Л. 141.

²⁴ Приказ № 67 от 22.06.1981. АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 568. Л. 207.

²⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. 19. Д. 99. Л. 54, 55, 62, 67, 68, 72, 141, 143; АГЭ. Ф. 1. Оп. 19. Д. 397.

²⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 478а. Л. 93–94.

²⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 814. Л. 11, 29.

²⁸ Компьютеризированные банки данных музейной и археологической информации: материалы межведомственного рабочего совещания. (Тбилиси. 22–26 февраля 1988 г.) Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 71–72.

²⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 817. Л. 19 об.

³⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 478а. Л. 87.

³¹ Там же. Л. 92. С сентября 1998 г. Музей революции переименован в Музей современной истории России.

³² Компьютеризированные банки данных... С. 55–57, 63–67.

логические схемы данных, словари и тезаурусы – составлялось по исходным музейным документам, но окончательные версии так и не были опубликованы, хотя интерес к ним был безусловный [Лесман 1995; 1997]. Аналогичный документ появился недавно уже как результат автоматизации, т.е. применения компьютерных технологий к библиографическим данным³³.

В 1982 г. для проверки работоспособности информационной системы на ЭВМ были выбраны ряды карточек ОМИ, заполненных на основе опубликованных каталогов картин западноевропейской живописи и античной художественной бронзы³⁴, а также археологических предметов из музейных коллекций и экспедиционных материалов³⁵. Особую роль в деле разработки описаний массовых археологических материалов сыграла Нимфейская экспедиция, в личном архиве руководителя которой, Н. Л. Грач, сохранились все образцы. Такой подход имел бы очевидное преимущество, т.к. информация была доступна и легко читалась, в отличие от рукописных карточек. Недостаток заполненных в электронном виде карточек заключался в том, что обнаруженные в печатном издании опечатки и ошибки исправить было невозможно, а массив электронных данных становился новым источником.

В декабре 1985 г., уже после увольнения Я. А. Шера из музея, в официальном письме на имя руководителя оперативной группы «АИС-Памятник» И. А. Родимцевой сообщалось о результатах работ и прилагались образцы документов общего описания: археологической музейной коллекции (форма ОА 1), археологического музейного предмета (форма ОА 2), монеты (форма ОН 1), монетного клада (форма ОН 2), а также учетно-хранительская карта документа описания станковой живописи (форма ОЖ 2). Предполагалось в начале 1986 г. представить материалы в полном объеме после обсуждения в отделах и доработки окончательных вариантов форм и инструкций по их заполнению, а также типовых запросов к автоматизированной базе данных материалов по их лингвистическому обеспечению³⁶.

Сорок лет спустя, когда каждый имеет на столе свой собственный персональный компьютер и выход

в глобальную компьютерную сеть, оказывается, что свидетельства неимоверных усилий незаурядных личностей существуют лишь на бумажных носителях, к которым и пришлось обратиться в ходе написания этой статьи. Анализ этих источников объективно показывает следующую картину. Прежде всего, задача ставилась нечетко. Перечисленные задачи: информационное обеспечение для посетителей, с которого начались все разработки, удовлетворение научных потребностей отдельных исследователей и учетно-хранительские задачи. Все решаются разными способами, требуют разнообразных источников данных и разнообразных алгоритмов их обработки. Объемы данных могут отличаться в разы, как и содержание этих данных (текст и графика), а вот хранить их нужно долговременно. В каком формате, на чем и кто ответственный – дебаты продолжаются по сей день. Но эти правильные вопросы были заданы еще тогда, когда данные перед «вводом в ЭВМ» заносили на карточки. Было понятно, что ценность собранной из разных источников информации определяется затратами труда научных сотрудников. Когда эти данные внесут в память компьютера, каким бы он не оказался к этому моменту, их себестоимость возрастет, а после конвертации – в разы. Так что эксперименты под руководством Я. А. Шера по использованию унифицированного паспорта описания музейного предмета, составлению карточек описания коллекций и отдельных предметов по категориям, проходившие при непосредственном участии научных сотрудников музея, согласившихся предоставить обозримые по размерам коллекции для обработки, были полезными для всех. Может быть, делалось не совсем то, что нужно, но зато становилось очевидным, чего не нужно делать совсем. Обсуждая разработанный НИЦ унифицированный паспорт летом 1983 г. Ю. М. Лесман и М. А. Чеповецкий пришли к заключению, что «документ для ввода в ЭВМ не пригоден и для задач поиска не структурирован»³⁷.

Для тестирования программ сотрудников направляли в командировку в Москву в НИЦ РАН. За месяц работы в диалоговом режиме они смогли ввести и обработать 10 карточек. Алгоритм систематизации сасанидских монет работал успешно, а вопросы

³³ История. Археология: информационно-поисковый тезаурус, ред.-сост. Е. В. Марай. М.: ИНИОН РАН, 2022. 1205 с. (Информационно-поисковые тезаурусы ИНИОН по социальным и гуманитарным наукам). URL: <https://inion.ru/site/assets/files/7046/01arh2022.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

³⁴ Античная художественная бронза: каталог выставки. Л.: Аврора. 1973. 140 с.

³⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 819. Л. 18 об.; АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 902. Л. 37.

³⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 902. Л. 2, 37.

³⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 751. Л. 7 об.–8.

о скорости ввода данных в полном объеме 300–400 штук и формах их хранения, а также пригодности алгоритма обработки для других коллекций вызывали неоднозначную реакцию³⁸.

Все сложные вопросы в Государственном Эрмитаже обсуждались на Ученом Совете. Поскольку сохранились тезисы доклада, сделанного Я. А. Шером 15 марта 1983 г., будет уместно процитировать наиболее содержательный фрагмент: «Такая организация работ позволила бы обеспечить приоритет Эрмитажа в выработке основных требований к системе и тем самым свести к минимуму какие-либо перестройки, связанные с внедрением общесоюзной системы»³⁹.

После этого выступления музей, наконец, приобрел СМ ЭВМ 1420, была запланирована на 1985 г. покупка устройств подготовки данных (УПД) ЕС-9004, видеотерминалов ВТА-2000-15, мультиплексора передачи данных СМ-8514, печатающего устройства ДАРО-1156 или ДЗМ-180 и накопителей на магнитных дисках СМ-5400 или ЕС-5069⁴⁰. Отделу музейной информатики, высланному во Дворец Меншикова⁴¹, выделили помещение меньшее, чем просили, но зато постоянное, рядом с научно-просветительным отделом. Сейчас там находится постоянная экспозиция Отдела Востока (залы № 52–54), и ничто не напоминает о времени бытования там вычислительного центра.

Но в 1982 г. никакой своей ЭВМ у ОМИ не было, для этого нужно было заблаговременно получить специально выделенное финансирование в Министерстве Культуры⁴². Государственный Эрмитаж считался головным учреждением в деле информатизации, и бюджет музею утвердили. Только в августе 1984 г. было разрешено арендовать в Ленинградском научно-исследовательском вычислительном центре АН устройства подготовки данных на магнитных лентах, одно из которых оказалось неисправным⁴³. При этом работа на ЭВМ Мир-2 велась в основном в вечернее время⁴⁴. То, что сейчас является стандартными требованиями

и нормальными условиями для работы информационного центра, в те далекие годы было неслыханной роскошью: постоянная температура в помещении с ЭВМ, отдельное трехфазное силовое питание, заземление, круглосуточный холодильник для хранения магнитных лент⁴⁵. Делить машинное время с физиками, которым приобрели аналоговую ЭВМ для исследований, было не лучшим выходом, тем более что и они не совсем владели технологией сохранения данных на магнитных лентах⁴⁶. И что было для научного отдела музея совершенно невообразимым – расширение штата, поскольку обслуживание техники требовало подготовки и обучения инженерных кадров. Обучение специалистов других технических отделов музея осуществлялось через общество «Знание», но ОМИ в этих списках не фигурировал. Даже был подготовлен отдельный запрос⁴⁷ о подготовке специалистов соответствующего профиля. Параллельно велись переговоры с кафедрой информационно-управляющих систем Ленинградского политехнического института⁴⁸.

Кроме того, по ходатайству Отдел музейной информации был зарегистрирован в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в качестве «абонента на избирательное обеспечение информацией» по тематике: информационные системы, автоматизированные информационные системы, операционные системы ЭВМ, СУБД, программное обеспечение информационных систем, лингвистическое обеспечение автоматизированных информационных систем, информационно-поисковые тезаурусы, языки программирования, математическая статистика, теория вероятностей и распознавания образов, автоматическая классификация.

Особое внимание уделялось научно-исследовательским работам по подготовке технического обоснования для закупки средств вычислительной техники (СВТ), оценке потенциальных возможностей

³⁸ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 814. Л. 9 об.

³⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 478а. Л. 87–95.

⁴⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 902. Л. 1.

⁴¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 751. Л. 2 об.

⁴² АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 902. Л. 1.

⁴³ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 478а. Л. 95; АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 902. Л. 7.

⁴⁴ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 814. Л. 7.

⁴⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 612. Л. 1, 3, 8.

⁴⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 902. Л. 4–5.

⁴⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 844. Л. 45; АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 612. Л. 5; АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 818. Л. 80–82.

⁴⁸ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 817. Л. 24 об. Потребовалось не так много времени по музейным меркам, чтобы после практики в 1991 г. в ОМИ по распределению направили Д. Ю. Гук.

программного обеспечения (поисковые параметры, кодировки, диалоговый режим и т.п.), требованиям по формату и физическим условиям хранения данных для технического задания. С трудом можно представить, что требовалось переосмыслить все подаваемые заявки и отчеты в соответствии с переходом от линии ЕС ЭВМ к СМ ЭВМ, а затем и к персональным компьютерам, а по программному обеспечению – от ИНГРЕС к АДАБАС и FoxBase⁴⁹. В кратчайшие сроки требовалось перенести и перекодировать введенные в компьютер данные с магнитных лент на дискеты.

В таких неблагоприятных условиях каким-то чудом оказывалось возможным демонстрировать сдвиги [Шер 1989] и даже успехи на международном уровне [Шер 2006b: 6–8], поэтому к 25-летию со дня создания подразделения коллеги попросили Я. А. Шера поделиться воспоминаниями [Шер 2006b]. Те 10 лет, которые он активно участвовал в процессе становления музейной информатики в Государственном Эрмитаже, были, по воспоминаниям участников событий⁵⁰, самыми запоминающимися, как все новое и необычное. У самого Я. А. Шера, который в 1990-х гг. неоднократно бывал в новых помещениях ОМИ в Эрмитажном театре, которые с учетом предназначения специально проектировали после реконструкции, вышло еще несколько работ именно по музейной информатике [Смирнов, Шер 1991; Шер 2000a; 2001].

На заре информатизации в музейной работе выделились три направления, сохранявшиеся продолжительное время: научный каталог коллекций, учет фондов и применение математических методов и компьютерных программ в научных исследованиях. Начиналось все с последнего, где результаты были самыми оперативными и наглядными, но оно не было приоритетным в музейной работе. Некоторые удавалось сохранять и развивать по мере совершенствования компьютеров и программных средств, например, дендрохронологический анализ древесины⁵¹ или оценку релевантности поисковых запросов [Гук 2014; 2022]. Участие в международных проектах CIDOC / ICOM, в частности по развитию концептуальной эталонной модели описания объектов культурного наследия [Антопольский, Гук 2024], сохранило прерогативу Государственного Эрмитажа в области теоретических разработок.

Кемеровский государственный университет

Осенью 1985 г. Я. А. Шер был приглашен на должность профессора КемГУ заведующим кафедрой археологии, доктором исторических наук, профессором А. И. Мартыновым.

Кафедра археологии КемГУ, открытая в 1975 г., была молодой, но бурно развивающейся. А. И. Мартынов к этому времени создал научную археологическую школу в университете, организовав разностороннюю работу молодого работоспособного коллектива, с несколькими научными направлениями. Главным направлением исследовательской программы научной школы было изучение памятников тагарской культуры [Китова и др. 2023]. На кафедре шла подготовка студентов по двум специализациям (археология и музееведение), выпускался периодический сборник трудов кафедры «Археология Южной Сибири», была подготовлена и проведена серия всесоюзных конференций с международным участием по проблемам культур скифо-сибирского круга, было опубликовано несколько изданий учебника А. И. Мартынова по археологии в издательстве «Высшая школа», организован музей по археологии и этнографии Сибири. В КемГУ в 1979 г. была открыта аспирантура по археологии, а в 1982 г. – специализированный диссертационный совет. После поездки Анатолия Ивановича в 1980 г. в США и чтения в течение семестра лекций по археологии Сибири в Иллинойском университете на кафедре археологии КемГУ преподавали в течение 1981–1984 гг. три американских профессора: М. Гимбутас, Обри Уильямс, Дм. Шимкин. Штат кафедры насчитывал четырех доцентов, кандидатов исторических наук, двух незащищенных преподавателей, несколько аспирантов и лаборантов, плюс в научном секторе КемГУ числился большой штат научных сотрудников-археологов, работающих по хозяйственным темам. При этом А. И. Мартыновым было заведено, что все присутствуют, в том числе и сотрудники хозяйственных тем, на заседаниях кафедры и особенно на научных семинарах.

«Несмотря на стабильность и рост развития кафедры, приезд такого специалиста, как Я. А. Шер, значительно поднял ее научный авторитет. Тем более что докторов наук в провинциальных вузах в тот период было немного, а Яков Абрамович в 1981 г.

⁴⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 814. Л. 17.

⁵⁰ Благодарность за предоставление разнородных источников, использованных при написании статьи: О. Ю. Соколовой, Л. С. Марсадобову, Н. Е. Кроллау, Е. О. Гетманской, А. Е. Шигину, Э. П. Бызовоу.

⁵¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 478а. Л. 2.

защитил докторскую диссертацию и за год до этого издал монографию» [Китова 2021: 41]. Книга «Петроглифы Средней и Центральной Азии» стала на долгие годы руководством для исследователей первобытного искусства не только в России, но и далеко за пределами нашей страны, внесла значительный вклад в проблему разрешения вопросов происхождения, датировки и семантики наскальных изображений Средней и Центральной Азии. В монографии Я. А. Шер впервые в отечественной археологии предпринял попытку классификации стилистических групп петроглифов с помощью ЭВМ [Шер 1980].

На кафедре археологии под Я. А. Шера была сформирована учебная нагрузка, он стал вести новые дисциплины: «Введение в археологию» и «Естественно-научные методы в исторических исследованиях» у студентов первого курса, «Математические методы в исторических исследованиях» у студентов третьего курса, «Первобытное искусство» – на специализации археология, «Основы музееведения» – на специализации музееведение, выезжал со студентами первого курса на археологическую практику в Хакасию, Туву, Красноярский край с 1986 по 1996 г., а со студентами специализации музееведение – на музейную практику в Эрмитаж с 1987 по 1989 г. В 1987 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1987–1992 гг. Я. А. Шер руководил хоздоговорной темой по изучению, учету и паспортизации археологических памятников Западной Тувы. По заданию Министерства культуры Тувинской АССР были исследованы погребения от эпохи бронзы до Средневековья включительно.

В 1988 г. Я. А. Шер выступил инициатором сотрудничества КемГУ с Институтом археологии и музеем Болгарской академии наук. Согласно договору, действовавшему до 1991 г., исследователи из Болгарии приезжали в Сибирь в экспедиции, а кемеровские аспиранты и студенты под руководством Якова Абрамовича участвовали в изысканиях на территории Болгарии в Свештари и Пловдиве.

В кемеровский период Я. А. Шер основное внимание уделял изучению памятников наскального искусства Горного Алтая, Казахстана, Киргизии, Красноярского края, Тувы, Хакасии. Главными помощниками Я. А. Шера были его аспиранты: Л. Н. Ермоленко, А. Н. Герасимов, Н. С. Бледнова, В. А. Новоженков, К. В. Юматов, А. В. Фрибус, А. П. Сенчилов и др.

В 1991 г. по инициативе Я. А. Шера был заключен договор о научном сотрудничестве между КемГУ и Национальным центром научных исследований Франции (НЦНИ, фр. – CNRS) по теме «Петроглифы Центральной Азии» сроком на пять лет, в 1996 г. он был продлен еще на пять лет. От российской стороны руководителем проекта выступил Я. А. Шер, от французов – Анри-Поль Франкфор. Проект предусматривал как полевые изыскания по поиску, копированию и изучению наскальных изображений на территориях Тувы, Хакасии, Алтая, Киргизии, Казахстана, так и камеральную обработку собранных материалов. На третьем этапе сотрудничества планировалось создание международного банка данных наскальных изображений Центральной Азии⁵².

В процессе реализации российско-французского договора в 1993 г. была организована лаборатория баз данных в КемГУ, научным руководителем которой был назначен Я. А. Шер. Сотрудники лаборатории (Д. А. Смирнов, Н. С. Бледнова, А. В. Фрибус и др.) разрабатывали новые методы ввода, хранения, обработки и передачи научной (текстовой и изобразительной) информации⁵³.

Результаты совместной деятельности КемГУ и НЦНИ Франции были подведены в шести томах корпуса источников «Петроглифы Центральной Азии» и в 30 статьях, посвященных памятникам наскального искусства Центральной Азии. К сожалению, при публикации материалов Корпуса скопированные скальные плоскости с петроглифами дробились на отдельные изображения, что может быть важно при формализованном подходе, но резко снижает значение наскальных изображений как источника.

В 1997 г. по инициативе Я. А. Шера при КемГУ была образована межрегиональная общественная организация – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства (САИПИ). До 2004 г. он был ее первым президентом. Благодаря высокому авторитету ученого Ассоциация вызвала интерес международного научного сообщества. САИПИ вошла в IFRAO – Международную федерацию организаций по наскальному искусству. Ее ряды пополнили 120 исследователей первобытного искусства не только из Сибири и России, но и из стран СНГ и дальнего зарубежья.

В период действия договора о сотрудничестве с НЦНИ Франции Яков Абрамович предпринял ряд

⁵² Архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Д. 60.

⁵³ Там же.

усилий по организации международной конференции по первобытному искусству. После создания САИПИ на кафедре археологии КемГУ было принято решение о проведении таковой. Подготовка шла целый год, были получены гранты на ее проведение, в том числе грант ЮНЕСКО, и 1998 г. в Кемерово прибыли 111 ученых из городов России, ближнего зарубежья, более 30 из них приехали из стран Европы, Америки, Австралии, Африки. Конференция имела большой резонанс в научном сообществе.

В 2000-х гг. в Кемерово сформировалась еще одна научная школа с исследовательской программой по изучению искусства и культуры древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Ее лидером, бесспорно, стал Яков Абрамович Шер, хотя разработку проблем наскального искусства Сибири вели А. И. Мартынов, Б. Н. Пяткин, их ученицы О. С. Советова, Е. А. Миклашевич и др. [Китова, Исмайлова 2013]. Тем не менее с приездом Я. А. Шера резко увеличилось количество аспирантов и студентов, занимающихся проблемами первобытного искусства. Яков Абрамович разрабатывал ряд теоретических проблем, в том числе о происхождении искусства. Согласно взглядам Я. А. Шера, искусство – один из компонентов психофизиологического комплекса *Homo sapiens sapiens*, который содержит и другие формы знакового поведения: мимика, речь, музыка и т.д. [Бледнова и др. 1998]. Ученый в отдельном труде рассмотрел знаковое поведение как феномен культуры [Шер, Бледнова 2004]. На наш взгляд, для создания школы важны как теоретические труды, так и учебники, предназначенные для подготовки студентов. Я. А. Шер для студентов-археологов написал учебное пособие «Первобытное искусство» с электронным приложением, выдержавшее 2 издания и пользующееся популярностью у широкого круга специалистов [Шер 2006а; 2011].

Не забывал Яков Абрамович и о музейной информатике, с помощью своих выпускников, работающих в музеях Кемеровской области, внедрял методы компьютерной документации музейных коллекций. Его аспиранты Н. С. Бледнова и А. В. Фрибус разработали сайт «Первобытное искусство (виртуальный музей)». Практические приемы, созданные Я. А. Шером, были применены сотрудниками музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ при формировании компьютерной документации фондов, а также при разработке сайта музея.

Научный авторитет Я. А. Шера был высок, и ученый был востребован в научном сообществе. Яков Абрамович был членом диссертационного совета КемГУ по защитах кандидатских и докторских диссертаций, членом экспертного Совета по культурному наследию ЮНЕСКО, экспертом РГНФ и РФФИ. Он проработал на кафедре более 26 лет и начиная с 1990-х гг. ежегодно выигрывал гранты, выступал на конференциях по первобытному искусству в Италии, Франции, Турции, США, Венгрии, Узбекистане, Кыргызстане и т.д. Его приглашали в университеты страны и за рубежом читать лекции по первобытному искусству.

21 июня 2011 г. Я. А. Шеру исполнилось 80 лет. В этот период ректор КемГУ И. А. Свиридова подняла вопрос о переводе возрастных профессоров в почетные профессора, тема только обсуждалась в университете, решения принято не было. Тем не менее профессорам, которым было за 80 лет, было предложено перевестись с факультетов в сотрудники Научного управления. Справедливости ради необходимо отметить, что Якову Абрамовичу тяжело было вести полноценную нагрузку на ставку профессора. 31 августа 2011 г. он написал заявление о переводе с кафедры археологии в сотрудники Научного управления КемГУ временно до 31 декабря 2011 г. К назначенному сроку Я. А. Шером было составлено следующее заявление «Прошу меня уволить с 30.12.2011 г. по собственному желанию, в связи с выходом на пенсию по старости»⁵⁴, а в 2013 г. он по семейным обстоятельствам переехал из г. Кемерово в Подмосковье.

Заключение

Яков Абрамович Шер прошел путь от школьного учителя до известного в нашей стране и за рубежом ученого. Его всегда интересовало новое, современные методы исследования в археологии, информационные технологии в музейном деле. Его деятельность в лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР, Отделе музейной информатики Государственного Эрмитажа, на кафедре археологии КемГУ способствовала разносторонности интересов исследователя, в свою очередь это помогало главному – более глубокому изучению наскального искусства. Он разрабатывал вопросы теории и методологии археологии, новые подходы в изучении первобытного искусства. Я. А. Шер был одним из тех исследователей, которые всегда стремятся вперед. Жизнь, учеба в Киргизии заложили в нем самостоятельность, умение преодолевать

⁵⁴ Архив КемГУ. Д. 8972. Л. 1–10.

трудности и интерес к древним памятникам Средней Азии. Аспирантура и деятельность в Ленинграде сформировали его как специалиста-исследователя. Кемеровский период деятельности был самым ярким, разносторонним и многовекторным. Зрелый ученый, с большим научным багажом, Я. А. Шер много сделал для развития археологического образования в Кузбассе, для становления научной школы в Кемеровском государственном университете по исследованию памятников наскального искусства.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. Ю. Китова – сбор архивных материалов в КемГУ, написание разделов по начальному этапу деятельности Я. А. Шера, его работе в ИИМК и КемГУ, общее редактирование статьи. Д. Ю. Гук – сбор архивных материалов в Государственном Эрмитаже, написание раздела об организации Я. А. Шером ОМИ

в Государственном Эрмитаже. А. В. Фрибус – сбор и обработка архивных материалов из Научного архива ИИМК РАН.

Contribution: L. Yu. Kitova worked with the archival materials from the Kemerovo State University, described Prof. Sher's career at the Institute for Material Culture History and the Kemerovo State University, and proofread the article. D. Yu. Hookk analyzed the archival materials from the State Hermitage and was responsible for the section about Ya. A. Sher's work at the Department of Museum Informatics of the State Hermitage Museum. A. V. Fribus collected and processed archival materials from the Scientific Archive of the Institute for Material Culture History, Russian Academy of Sciences.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках госзадания, проект № FMZF-2025-0008 «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (А. В. Фрибус).

Funding: The research was part of project No. FMZF-2025-0008: Sequencing the Archaeological Cultures between the Neolithic Age and the Early Middle Ages: Eurasian Cattle Breeders and Crop Farmers in the Caucasus and Central Asia (A. V. Fribus).

Литература / References

- Антопольский А. Б., Гук Д. Ю. О подготовке русского перевода онтологии по культурному наследию CIDOC CRM. *Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы*. 2024. № 3. С. 24–30. [Antopolsky A. B., Hookk D. Yu. On the preparation of the Russian translation of the CIDOC CRM cultural heritage ontology. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiia. Serii 1: Organizatsiia i metodika informatsionnoi raboty*, 2024, (3): 24–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/agntfs>
- Асеев Ю. А., Браккер Н. В., Лисюк В. Е., Ноль Л. Я., Рябов А. Б., Шелов С. Д., Шер Я. А. Применение автоматизированных информационных систем в музеях некоторых зарубежных стран. *Музееведение и охрана памятников. Экспресс-информация*. М.: Информкультура, 1982. Вып. 2. 19 с. [Aseev Yu. A., Brakker N. V., Lisyuk V. E., Nol L. Ya., Ryabov A. B., Shelov S. D., Sher Ya. A. Automated information systems in museums of some foreign countries. *Museology and protection of monuments. Express information*. Moscow: Informkultura, 1982, iss. 2, 19. (In Russ.)]
- Асеев Ю. А., Поднозова И. П., Шер Я. А. Каталогизация музейных коллекций и информатика. *Современный художественный музей. Проблемы деятельности и перспективы развития*, отв. ред. Л. И. Новожилова. Л.: ГРМ, 1980. С. 16–37. [Aseev Yu. A., Podnozova I. P., Sher Ya. A. Cataloging museum collections and informatics. *Modern Art Museum. Business problems and promising areas of development*, ed. Novozhilova. Leningrad: SRM, 1980, 16–37. (In Russ.)]
- Бледнова Н. С., Вишняцкий Л. Б., Гольдшмидт Е. С., Дмитриева Т. Н., Шер Я. А. Первобытное искусство: проблема происхождения. Кемерово, 1998. 211 с. [Blednova N. S., Vishnyatsky L. B., Goldchmidt E. S., Dmitrieva T. N., Sher Ya. A. *Primitive art: Origin*. Kemerovo, 1998, 211. (In Russ.)]
- Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983. 295 с. [Gardin J.-C. *Theoretical archaeology*. Moscow: Progress, 1983, 295. (In Russ.)]

- Грач В. А., Лавлинская Л. А., Лесман Ю. М., Марсадолов Л. С., Немировская Е. Л., Фонякова Н. А., Шер Я. А., Шигин А. Е. Лингвистический аспект создания музейных банков данных. *Музей и этнографические проблемы современности*: науч.-практ. многостор. конф. (Ленинград, 15–18 мая 1984 г.) Л., 1984. С. 35–37. [Grach V. A., Lavlinskaya L. A., Lesman Yu. M., Marsadolov L. S., Nemirovskaya E. L., Fonyakova N. A., Sher Ya. A., Shigin A. E. Linguistics of museum data banks. *Current issues of museum and ethnography*: Proc. Sci.-Prac. Multilateral Conf., Leningrad, 15–18 May 1984. Leningrad, 1984, 35–37. (In Russ.)]
- Гук Д. Ю. Использование разнородных источников в электронном формате для научной работы: *incidunt cum leporem*. *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*. 2022. № 49. С. 154–155. [Hookk D. Yu. Using heterogeneous sources in electronic format for scientific work: *Incidunt cum leporem*. *Informatsionnyi byulleten assotsiatsii Istorii i kompiuter*, 2022, (49): 154–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fjobny>
- Гук Д. Ю. Применение нечеткой логики для дендрохронологического анализа конструкций свайного поселения Сертея II. *Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы*: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г.) СПб.: Периферия, 2014. С. 105–114. [Hookk D. Yu. Fuzzy logic application to the dendrochronological analysis of the constructions on the pile-dwelling Serteya II. *Archaeology of lake settlements IV–II mill. BC: Chronology of cultures, environment and palaeoclimatic rhythms*: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 13–15 Nov 2014. St. Petersburg: Periferiia, 2014, 105–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcntrt>
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников: возможности формализованного подхода. М.: Наука, 1975. 176 с. [Kamenetskiy I. S., Marshak B. I., Sher Ya. A. *Analysis of archaeological sources: Formalized approach*. Moscow: Nauka, 1975, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbnfcl>
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников: возможности формализованного подхода. 2-е изд. М.: ИА РАН, 2013. 182 с. [Kamenetskiy I. S., Marshak B. I., Sher Ya. A. *Analysis of archaeological sources: Formalized approach*. 2nd ed. Moscow: IA RAS, 2013, 182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxnvbn>
- Китова Л. Ю. Деятельность Я. А. Шера на кафедре археологии Кемеровского государственного университета. *Поверив алгеброй гармонию: сборник статей памяти Якова Абрамовича Шера*, отв. ред. Л. Б. Вишняцкий, К. В. Чугунов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 40–46. [Kitova L. Yu. Ya. A. Sher's activity at the Department of Archaeology of Kemerovo State University. *Measuring harmony with algebra: Collected papers in memory of Yakov Abramovich Sher*, eds. Vishnyatsky L. B., Chugunov K. V. St. Petersburg: IHMC RAS, 2021, 40–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xyefhi>
- Китова Л. Ю., Ганенко В. Ю., Исмайлова Э. Р. Научная археологическая школа А. И. Мартынова: начало формирования. *Теория и практика археологических исследований*. 2023. Т. 35. № 1. С. 197–212. [Kitova L. Yu., Ganenok V. Yu., Ismaiylava E. R. Scientific archaeological school of A. I. Martynov: Early stages of formation. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij*, 2023, 35(1): 197–212. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-12)
- Китова Л. Ю., Исмайлова Э. Р. История формирования Кемеровской научной школы исследователей древнего и средневекового искусства. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 3–4. С. 24–31. [Kitova L. Yu., Ismaiylava E. R. The history of formation of Kemerovo scientific archaeological school of ancient and medieval art researchers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (3–4): 24–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbwslf>
- Колчин Б. А., Маршак Б. И., Шер Я. А. Археология и математика (вместо предисловия). *Статистико-комбинаторные методы в археологии*, ред. Б. А. Колчин, Я. А. Шер. М.: Наука, 1970. С. 3–7. [Kolchin B. A., Marshak B. I., Sher Ya. A. Preface to archaeology and mathematics. *Statistical and combinatorial methods in archaeology*, eds. Kolchin B. A., Sher Ya. A. Moscow: Nauka, 1970, 3–7. (In Russ.)]
- Лесман Ю. М. Принципы построения информационно-логических моделей музейного банка данных. *Музей в современной культуре*: науч. конф. (Санкт-Петербург, 5 мая 1995 г.) СПб.: СПбГИК, 1995. С. 75–78. [Lesman Yu. M. Principles of building information and logical models of museum data pools. *Museum in modern culture*: Proc. Sci. Conf., St. Petersburg, 5 May 1995. St. Petersburg: SPbSUC, 1995, 75–78. (In Russ.)]
- Лесман Ю. М. Структура описания произведений станкового изобразительного искусства. *Музей в современной культуре*. СПб.: СПбГАК, 1997. Т. 147. С. 139–187. [Lesman Yu. M. Description structure of easel art pieces. *Museum in modern culture*. St. Petersburg: SPbSAC, 1997, vol. 147, 139–187. (In Russ.)]

- Лесман Ю. М., Чеповецкий М. А., Шер Я. А. Принципы классификации движимых памятников истории и культуры. *Музей и этнографические проблемы современности: науч.-практ. многостор. конф.* (Ленинград, 15–18 мая 1984 г.) Л., 1984. С. 33–35. [Lesman Yu. M., Chepovetsky M. A., Sher Ya. A. Classification principles for portable monuments of history and culture. *Current issues of museum and ethnography: Proc. Sci.-Prac. Multilateral Conf.*, Leningrad, 15–18 May 1984. Leningrad, 1984, 33–35. (In Russ.)]
- Марсадолов Л. С. Классификация археологических памятников Южной Сибири I тыс. до н.э. *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: XII Западно-Сибирская археолого-этнографич. конф.* (Томск, 1 января – 31 декабря 2001 г.) Томск: ТГУ, 2001. С. 171–172. [Marsadolov L. S. Classification of archaeological sites of Southern Siberia, 1000 BCE. *Space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories: Proc. XII West Siberian Archaeological and Geographical Conf.*, Tomsk, 1 Jan – 31 Dec 2001. Tomsk: TSU, 2001, 171–172. (In Russ.)]
- Марсадолов Л. С. Классификация археологических предметов I тыс. до н. э. из Южной Сибири. *Первобытная археология. Человек и искусство*, науч. ред. В. В. Бобров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 118–125. [Marsadolov L. S. Classification of archaeological objects from Southern Siberia, 1000 BCE. *Prehistoric Archeology. Man and art*, ed. Bobrov V. V. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2002, 118–125. (In Russ.)]
- Марсадолов Л. С. Общая классификация предметов вооружения населения Южной Сибири I тыс. до н.э. *Снаряжение кочевников Евразии: Всерос. науч. конф.* (Барнаул, 21–25 сентября 2005 г.) Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 10–14. [Marsadolov L. S. General classification of weapons from South Siberia, 1000 BCE. *Weaponry of Eurasian Nomads: Proc. All-Russian Sci. Conf.*, Barnaul, 21–25 Sep 2005. Barnaul: AltSU, 2005, 10–14. (In Russ.)]
- Мацкевой Л. Г., Шер Я. А. К методике сравнения распределений массовых находок по слоям. *Советская археология*. 1974. № 1. С. 102–119. [Matskevoi L. G., Sher Ya. A. Methodology of comparing mass finds by layers. *Sovetskaya Arheologiya*, 1974, (1): 102–119. (In Russ.)]
- Ноль Л. Я., Рябов А. Б. Автоматизированная информационная система «Памятник»: основные положения. *Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы*. 1984. № 9. С. 11–14. [Nol L. Ya., Ryabov A. B. Automated information system Pamyatnik: Basic provisions. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty*, 1984, (9): 11–14. (In Russ.)]
- Смирнов Д. А., Шер Я. А. Информатика в музее. *Компьютер в музее, музей в компьютере: Всесоюзный семинар по проблемам компьютеризации музеев за 1990 г. М.: ГТТ-Оливетти*, 1991. С. 17–20. [Smirnov D. A., Sher Ya. A. Museum informatics. *Computer in the museum, museum in the computer: All-Union Seminar on Museum Computerization in 1990*. Moscow: GTG-Olivetti, 1991, 17–20. (In Russ.)]
- Чинхолл Р. Музейная каталогизация и ЭВМ. М.: Мир, 1983. 296 с. [Chenhall R. *Museum cataloging in the computer age*. Moscow: Mir, 1983, 296. (In Russ.)]
- Шер Я. А. Интернет, виртуальная реальность и человеческий фактор. *Информационные недра Кузбасса: 1 регион. науч.-практ. конф.* (Кемерово, 28–29 апреля 2001 г.) Кемерово: Полиграф, 2001. Ч. 2. С. 158–159. [Sher Ya. A. Internet, virtual reality, and human factor. *Information resources of Kuzbass: 1 Region. Sci.-Prac. Conf.*, Kemerovo, 28–29 Apr 2001. Kemerovo: Poligraf, 2001, pt. 2, 158–159. (In Russ.)]
- Шер Я. А. Информатика в музее: достижения и проблемы. *Провинциальный музей: новые формы работы: науч.-практ. конф.* Кемерово, 2000а. [Sher Ya. A. Museum informatics: Achievements and problems. *Provincial Museum: New forms of work: Proc. Sci.-Prac. Conf.* Kemerovo, 2000a. (In Russ.)]
- Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л.: Наука, 1966. 140 с. [Sher Ya. A. *Stone sculptures of Semirechye*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, 140. (In Russ.)]
- Шер Я. А. О создании кибернетического фонда археологических источников с автоматическим поиском информации. *Археология и естественные науки*, ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1965. С. 326–330. [Sher Ya. A. Creating a cybernetic pool of archaeological sources with automatic information retrieval. *Archeology and natural sciences*, ed. Kolchin B. A. Moscow: Nauka, 1965, 326–330. (In Russ.)]
- Шер Я. А. Первобытное искусство. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006а. 350 с. [Sher Ya. A. *Prehistoric art*. Kemerovo: Kuzbasvuzizdat, 2006a, 350. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raalkl>
- Шер Я. А. Первобытное искусство. 2-е изд., перераб. Кемерово: КемГУ, 2011. 436 с. [Sher Ya. A. *Prehistoric art*. 2nd ed. Kemerovo: KemSU, 2011, 436. (In Russ.)]

- Шер Я. А. Первые шаги отдела музейной информатики в Эрмитаже (1975–1985 гг.). *Информационные технологии в музее: Круглый стол к 25-летию Отдела музейной информатики Государственного Эрмитажа*. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006b. Вып. 2. С. 4–9. [Sher Ya. A. Early years of the Department of Museum Informatics at the Hermitage (1975–1985). *Information technologies in the Museum: Proc. Round Table for the 25th Anniversary of Department of Museum Informatics at The State Hermitage Museum*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum, 2006b, iss. 2, 4–9. (In Russ.)]
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с. [Sher Ya. A. *Petroglyphs of the Middle East and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1980, 328. (In Russ.)]
- Шер Я. А. Принципы классификации движимых памятников истории и культуры в рамках АИС. *Музей и этнографические проблемы современности: науч.-практ. многостор. конф. (Ленинград, 15–18 мая 1984 г.)* Л., 1984. С. 33–35. [Sher Ya. A. Classification principles for portable historical and cultural monuments as part of AIS. *Current issues of museum and ethnography: Proc. Sci.-Prac. Multilateral Conf., Leningrad, 15–18 May 1984*. Leningrad, 1984, 33–35. (In Russ.)]
- Шер Я. А. ЭВМ в работе музея. *Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев*, ред. В. И. Парамонова. Красноярск: КрасГУ, 1989. С. 22–24. [Sher Ya. A. Computer in museum work. *Siberian Studies in Museum Research*, ed. Paramonova V. I. Krasnoyarsk: KrasSU, 1989, 22–24. (In Russ.)]
- Шер Я. А. Я учился у М. П. Грязнова. *Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Всероссий. науч. конф. (Омск, 19–20 октября 2000 г.)*. Омск: ОмГУ, 2000b. С. 132–142. [Sher Ya. A. M. P. Gryaznov was my mentor. *V Historical Readings in memory of Mikhail P. Gryaznov: Proc. All-Russian*, Omsk, 19–20 Oct 2000. Omsk: OmSU, 2000b, 132–142. (In Russ.)]
- Шер Я. А., Бледнова Н. С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 280 с. [Sher Ya. A., Blednova N. S. *Origin of semiotic behavior*. Moscow: Nauchnyi mir, 2004, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwhayp>
- Sher J. The use of computers in museums: present situation and problems. *Museum*, 1978, XXX(3/4): 132–138.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qduhsq>

Сидящие «по-восточному» фигуры в наскальном искусстве Минусинской котловины (атрибуция, аналогии)

Советова Ольга Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2115-4784

<https://orcid.org/0000-0002-0733-8245>

Scopus Author ID: 23486783400

olgasovetova@yandex.ru

Зинченко Софья Анатольевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Россия, Москва

Институт Востоковедения РАН, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2919-6323

<https://orcid.org/0000-0002-6670-679X>

Scopus Author ID: 56568332900

Ермоленко Любовь Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5900-1448

<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

Scopus Author ID: 23484778000

Аннотация: Продолжающееся исследование наскальных рисунков Минусинской котловины, несмотря на длительную историю их изучения, приносит новые открытия. Из числа образов, запечатленных на петроглифах тесинского времени, специального внимания до сих пор не удостоивался образ сидящего «по-восточному» персонажа. Обычно единичные, редко представленные не в единственном числе, изображения этого персонажа выявлены на некоторых памятниках Минусинской котловины – писаницах и курганных камнях (Оглахты, Каменка, Тогр-Таг, Абакано-Перевоз, Тепсей). Анализ позиций ног персонажей петроглифов позволил констатировать вариативность позы сидения. Руки сидящих персонажей характеризуются симметричной позицией; за единственным исключением, они лишены каких-либо атрибутов. В одном случае (курганный камень, Тепсей) в руке сидящей фигуры показана змея. Детальный анализ изображений Змеедержца в памятниках Древнего Востока показал отсутствие сложившейся иконографической схемы этого образа. Характерно, что иногда Змеедержец показан сидящим – в положении сидя на коленях. В изобразительных памятниках раннего железного века определенную аналогию тепсейскому персонажу со змеей составляет рогатое божество, воспроизведенное в декоре котла из Гундеструпа. Наиболее ранние изображения антропоморфного существа в позе сидения на «полу» (на «земле») с особым образом сложенными ногами происходят из памятников неолита (Крит) и бронзы (Хараппская цивилизация). На основании анализа визуальных источников – археологических и этнографических – высказано предположение о том, что поза сидения «по-восточному» поливариантна. Сравнение разных вариантов позы сидящих «по-восточному» персонажей петроглифов Минусинской котловины с аналогичными позициями человеческих фигур в искусстве раннего железного века и раннего Средневековья позволило выявить очевидные соответствия. Приведенные в статье аналогии, по мнению авторов, свидетельствуют о широком бытовании в культурах разных народов различных вариантов позы сидения на «полу» с согнутыми ногами. Существование идентичных вариантов в разные эпохи на разных территориях не обязательно является результатом заимствования: в сходных условиях существования человека, так же как в религиозных практиках, могли независимо формироваться похожие «техники тела».

Ключевые слова: петроглифы, сидящие «по-восточному» фигуры, ранний железный век, тесинская культура, образ Змеедержца, Минусинская котловина, Евразия

Цитирование: Советова О. С., Ермоленко Л. Н., Зинченко С. А. Сидящие «по-восточному» фигуры в наскальном искусстве Минусинской котловины (атрибуция, аналогии). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 904–918. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-904-918>

Поступила в редакцию 27.05.2024. Принята после рецензирования 10.07.2024. Принята в печать 15.07.2024.

full article

Cross-Legged Sitter in Minusinsk Rock Art: Attribution and Analogies

Olga S. Sovetova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2115-4784

<https://orcid.org/0000-0002-0733-8245>

Scopus Author ID: 23486783400

olgasovetova@yandex.ru

Lyubov N. Ermolenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5900-1448

<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

Scopus Author ID: 23484778000

Sophia A. Zintchenko

HSE University, Russia, Moscow

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,

Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2919-6323

<https://orcid.org/0000-0002-6670-679X>

Scopus Author ID: 56568332900

Abstract: The rock art of the Minusinsk Basin has a long academic history; however, it still brings about new fascinating discoveries. Some petroglyphs of the Tesin period show people sitting cross-legged on the floor in the so-called Oriental fashion. These images have not yet received special scientific attention. Such images are most often single; they are to be found on such petroglyph sites and mound stones of the Minusinsk Basin as Oglakhty, Kamenka, Togr-Tag, Abakan-Perevoz, Tepsei, etc. The present analysis of their legs made it possible to describe the variability of the sitting posture. Their arms are symmetrically arranged, the hands being devoid of any attributes but for one exception: the cross-legged sitter on a mound stone in Tepsei is holding a snake. Ancient Oriental art has no iconographic patterns for the Snake-Holder. In some cases, the Snake-Holder is depicted kneeling. The Early Iron Age art renders a certain analogy to the Snake-Holder from Tepsei, i.e., the horned deity from the Gundestrup cauldron. The earliest images of an anthropomorphic creature sitting cross-legged on the floor belong to the Neolithic Age (Crete) and Bronze Age (Harappan civilization). The archaeological and ethnographic analysis revealed the polyvariant character of the cross-legged sitter. The images from the Minusinsk petroglyphs demonstrate obvious similarities with the art of the Early Iron Age and the early Middle Ages. Multiple variants of the cross-legged sitter appeared in ancient art of different peoples across the world. However, the similarity hardly indicates borrowing: the universal conditions of human routine and religious practices rendered similar body postures captured in art.

Keywords: petroglyphs, figures sitting cross-legged in oriental fashion, Early Iron Age, Tesin culture, Snake-Holder, Minusinsk Basin, Eurasia

Citation: Sovetova O. S., Ermolenko L. N., Zintchenko S. A. Cross-Legged Sitter in Minusinsk Rock Art: Attribution and Analogies. *SibScript*, 2024, 26(6): 904–918. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-904-918>

Received 27 May 2024. Accepted after peer review 10 Jul 2024. Accepted for publication 15 Jul 2024.

Введение

В наскальном искусстве Минусинской котловины как на скальных плоскостях, так и особенно на гранях курганных камней встречаются необычные персонажи, сидящие на «земле» с согнутыми ногами, выбитые или гравированные. Несмотря на свою неординарность, они до сих пор оставались практически без исследовательского внимания. Исключения составляют редкие публикации одиночных фигур и еще реже – многофигурных композиций, а комментарии

или интерпретации этого образа в наскальном искусстве вообще единичны. Невозможно представить не только их приблизительное количество, но и иконографическое разнообразие. Нередко исследователи ограничиваются описаниями обнаруженных ими фигур без сопроводительного иллюстративного материала. Например, коллектив красноярских исследователей так описывает одно из изображений, найденных на писанице Змеиной (юг Красноярского края):

«гравировкой нанесена профильная антропоморфная фигура. У человека показана голова с выступающим носом, прямая спина, большой округлый живот с косыми линиями в нижней части (жировые складки?), короткие, согнутые в коленях ноги. Шея и ступни слабо выделены, верхние конечности отсутствуют» [Заика и др. 2016: 104]. При этом нет и указания на хотя бы приблизительную датировку.

Поводом для настоящей статьи стала композиция, обнаруженная при исследовании рисунков на камнях могильника под горой Тепсей (Краснотуранский район Красноярского края), один из персонажей которой запечатлен в позе сидя «по-восточному». Попытка атрибуции и интерпретации данного изображения потребовала обобщения сведений о других сидящих «по-восточному» персонажах наскального искусства Минусинской котловины, привлечения в качестве аналогий археологических изобразительных материалов (образцов торевтики, пластики и др.), а также этнографических данных из других регионов.

Методы и материалы

Основными исследуемыми в статье материалами являются наскальные изображения Минусинской котловины, в частности те композиции на скальных плоскостях и поверхностях курганных камней (Оглахты, Каменка, Тогр-Таг, Абакано-Перевоз, Тепсей), в которых представлены сидящие «по-восточному» персонажи. При изучении феномена сидящих фигур на петроглифах использованы археологические методы: описание, типология, метод культурно-хронологической атрибуции, позволившие систематизировать материал, сделать предположение о его хронологической позиции и культурной принадлежности. При сопоставлении с выявленными изобразительными соответствиями по признакам атрибута (змея) и позы применены общенаучный метод аналогий, специально-исторические методы – синхронный и диахронный. Эти методы позволили выявить специфические и общие характеристики материала.

Результаты

Сидящие «по-восточному» фигуры на петроглифах

Сцена с сидящим персонажем, выявленная на одном из камней могильника под горой Тепсей, выполнена в характерном для тесинского времени стиле «путаниц», поэтому трудно разобрать конкретные фигуры как из-за самой изобразительной манеры,

так и из-за характерных «подновлений», точнее, «забивки» фигур, произведенной в более позднее время, но в данном случае несколько фигур достаточно хорошо видны и, судя по всему, составляют композицию (рис. 1, 1). Многократные съемки рисунков, изготовление эстампажей и, наконец, созданная специалистами 3D-модель¹ позволили по-новому увидеть и оценить изображения на этом камне.

Один из персонажей сцены показан со змеей в руке. Прежде всего следует сказать о позе этого персонажа, которую исследователи называют по-разному: позой Будды, позой лотоса, сидение «по-восточному», «по-азиатски» и т. д. М. П. Грязнов, характеризуя позы персонажей в сцене у дерева на золотой бляхе из коллекции Петра I, писал: «Один мужчина сидит, как и женщина, по-азиатски – "ноги калачиком"» [Грязнов 1961: 23]. Варианты рассматриваемой позы сидящих персонажей наскальных сцен различны: голени согнутых ног расположены горизонтально, почти параллельно друг другу, впереди (в двухмерном изображении – ниже) может находиться голень правой или левой ноги (Абакано-Перевоз) [Русакова 2022], стопы иногда не выделены, в других случаях тщательно проработаны (Оглахты, Волчий лог) [Есин 2017: 24]. Встречается вариант позы с округлой конфигурацией ног, ступни которых развернуты носками в разные стороны – Ω-образные очертания ног (Каменка) [Миклашевич 2018: ил. 3, 2]. Возможно, фигуры в такой же позе изображены на камне из района Нижней Базы [Ким Чжонг Бэ и др. 2007: 169]. На писанице Копенская Нижняя зафиксирован персонаж, под торсом которого замкнутой линией изображена В-образная (развернутая на 90° против часовой стрелки) деталь (рис. 1, 13) [Миклашевич 2018: рис. 6]. Эту антропоморфную фигуру чаще всего называют «женской», проводят параллели с фигурами Абакано-Перевоза [Там же: 15], хотя особых оснований для этого нет, с таким же успехом ее можно характеризовать как сидящую в позе «по-восточному». Разновидность рассматриваемой позы отмечена у персонажа с поднятыми руками с Боярского хребта (рис. 1, 3) [Русакова 2016: рис. 5, 7]. Встречается вариант, когда ноги согнуты «калачиком», а ступни расположены несимметрично (Тепсей, Оглахты, Тогр-Таг) (рис. 1, 5) и др.

Пожалуй, пока самое большое количество разнообразных фигур, запечатленных сидящими в позе «по-восточному», представлено на одном из курганных

¹ Благодарим Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко за проведенную работу.

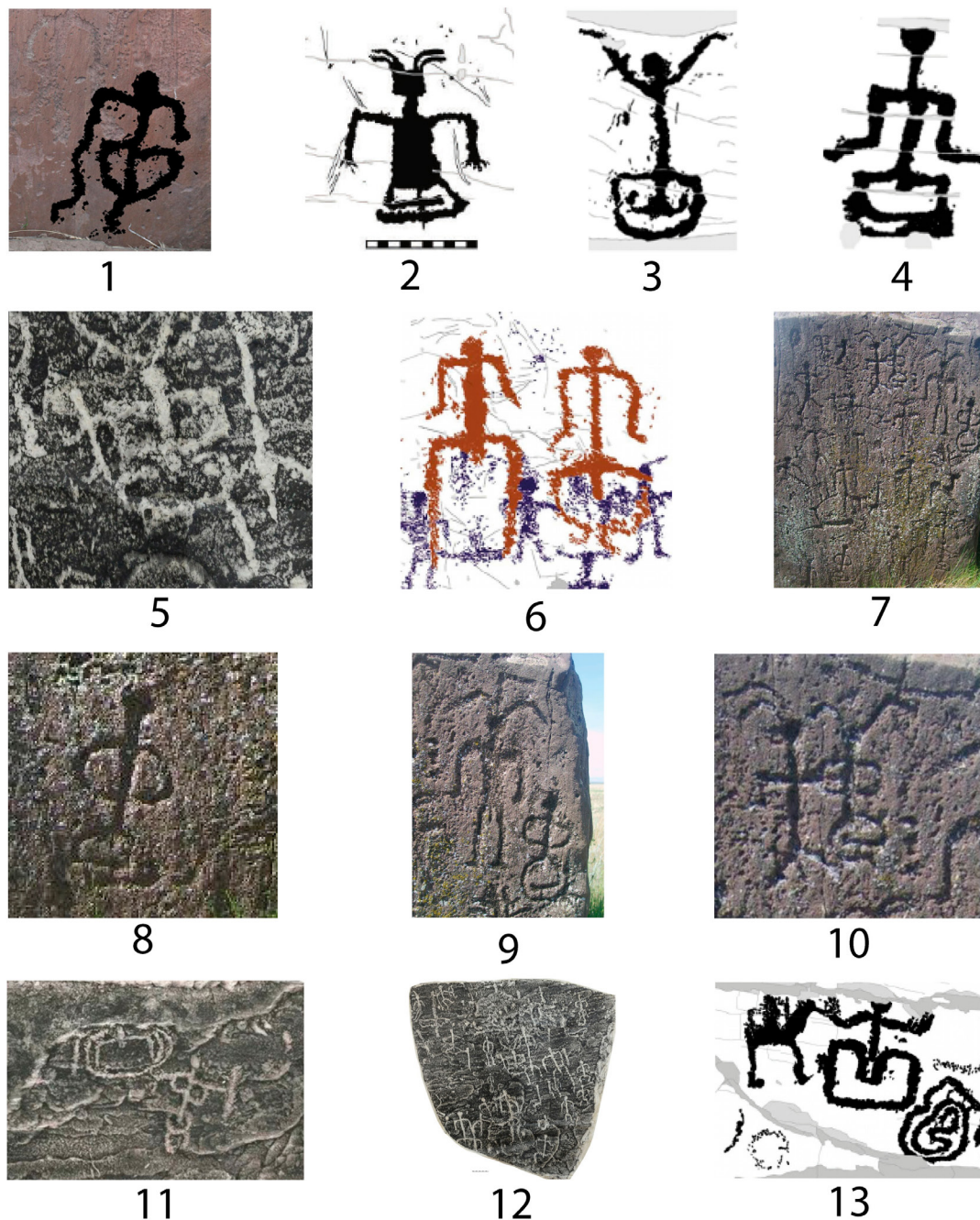


Рис. 1. Персонажи, сидящие в позе «по-восточному», в наскальном искусстве Минусинской котловины: 1 – курганный камень, Тепсей (фото О. С. Советовой); 2 – Бояры I А [Русакова 2016: рис. 5, 9]; 3 – Абакано-Перевоз I [Русакова 2016: рис. 5, 7]; 4 – Абакано-Перевоз III [Там же: рис. 5, 8]; 5, 11, 12 – Тогр-Тар (МЗТП². Ф. 10835); 6 – Каменка [Миклашевич 2018: ил. 3, 2]; 7 – курганный камень, Оглахты [Есин 2017: 25]; 8–10 (фрагменты) – курганный камень, Оглахты [Там же: 25]; 13 – писаница Копенская Нижняя [Миклашевич 2018: рис. 6]

Fig. 1. Cross-legged sitters from the Minusinsk Basin: 1 – a mound stone, Tepsei (photo by O. S. Sovetova); 2 – Boyary I A [Rusakova 2016: Fig. 5, 9]; 3 – Abakano-Perevoz I [Rusakova 2016: Fig. 5, 7]; 4 – Abakano-Perevoz III [Ibid.: Fig. 5, 8]; 5, 11, 12 – Togr-Tag (Museum-Reserve of Tomskaya Pisanitsa, item 10835); 6 – Kamenka [Miklashevich 2018: Fig. 3, 2]; 7 – a mound stone, Oglakhty [Esin 2017: 25]; 8–10 – a mound stone, Oglakhty (fragments) [Ibid.: 2017: 25]; 13 – Kopenskaya Nizhnaya rock art site [Miklashevich 2018: Fig. 6]

² Музей-заповедник «Томская писаница».

камней под горой Оглахты (рис. 1, 7). Здесь по меньшей мере пять таких фигур (сохранность камня не позволяет делать более корректные подсчеты) (рис. 1, 8–10). На этом камне неординарны практически все персонажи, поскольку почти у всех головы увенчаны либо «рогами», либо украшениями на головных уборах. Отметим, что у одного из персонажей с Абакано-Перевоза на голове показаны «перья» или «ленты», характерные для многих антропоморфных персонажей тесинского времени (рис. 1, 2) [Русакова 2022: рис. 23]. И. Д. Русакова так описывает позу этого персонажа: «Руки подняты перпендикулярно туловищу, согнуты в локтях и опущены кистями вниз. Показаны пальцы. Хорошо прослеживается положение ног: они подогнуты под туловище, но не перекрещиваются друг с другом, одна нога лежит поверх другой» [Русакова 2022: 61].

В позе сидения «по-восточному» запечатлены некоторые персонажи, нанесенные на плиты каменной ограды могильника Тогр-Таг (петроглифы документированы Е. А. Миклашевич) (рис. 1, 5, 11, 12).

К сожалению, устойчивых сюжетов с персонажами, сидящими «по-восточному», в наскальном искусстве Минусинской котловины пока выявлено немного. Изредка на плоскости обнаруживаются единичные фигуры, но встречаются и многофигурные композиции, которые можно так или иначе интерпретировать. Одну композицию зафиксировала Е. А. Миклашевич на курганном камне из урочища Каменка в 2012 г. На ровной вертикальной поверхности плиты в тесинское время, как полагает автор публикации, в несколько подходов были нанесены антропоморфные фигуры. Здесь просматриваются три слоя изображений. Верхний представлен тремя крупными фигурами вытянутых пропорций. Из этих персонажей двое «сидят», третий «стоит». В левом верхнем углу плиты аналогичной выбивкой нанесена еще одна фигура головой вниз (умерший?) (рис. 1, 6). Скорее всего, по мнению исследовательницы, эта фигура связана с перечисленными тремя, т. к. подобный сюжет с участием всех этих персонажей (тризна?) встречается довольно часто в наскальном искусстве региона, особенно на курганных плитах [Миклашевич 2018: 20–21].

Другой вариант сюжета с персонажем, сидящим «по-восточному», зафиксирован на курганном камне из могильника под горой Тепсей (рис. 1, 1). Выше об этом камне говорилось, что среди характерных для тесинского времени «путаниц», выделенных

Д. Г. Савиновым в качестве определенного хронологического репера в наскальном искусстве этого времени [Савинов 1995], относительно четко выделяются три антропоморфных персонажа, один из которых, несколько преувеличенных пропорций, расположен в центральной части плоскости с каким-то предметом в одной руке (палица?) и поставленной на талию другой. Сидящая фигура с извивающейся змеей в руке расположена в правом нижнем углу плоскости. В левом верхнем углу изображен перевернутый антропоморфный персонаж, его голова «читается» плохо. Возможно, здесь есть и другие антропоморфные фигуры, которые сложно дифференцировать.

Хотя сюжетов с персонажами, сидящими в позе «по-восточному», в наскальном искусстве Минусинской котловины пока выявлено немного, существенно, что рассматриваемый сюжет на камне Тепсейского могильника усложнен тем, что сидящий персонаж держит в руке змею.

Образ Змеедержца

Сюжет с антропоморфными персонажами, держащими змею / змей, по мнению Н. Маринатос, является одним из самых древних: «ближневосточная схема <...>, которая включает в себя удушение или обращение со змеями, имеет особое значение»³ [Marinatos 2000: 117]. Первые примеры отображения этого сюжета можно обнаружить еще на штамповых печатях V тыс. до н. э. из Тепе-Гиян (Западный Иран) (рис. 2) [Barnett 1966: pl. XXII, 7, pl. XXIII, 1, 3, 6; 261, fig. 1, 5, 7, 10, 20]. Представленная здесь схема в дальнейшем будет связана и с другими территориями: с Восточной Анатолией (находки из Дегирментепе; слои второй половины V – IV тыс. до н. э.) [Pittman 2001: fig. 11.3, b], с Хузестаном (например, оттиск печати из Чога Миш второй половины – конца IV тыс. до н. э.) [Ibid.: fig. 11.15, b]; с оттисками штамповых печатей из Суз [Pittman 2001: fig. 11.4, a; Winckelmann 2000: 47, fig. 5], а также станет часто использоваться в последующие эпохи. Так, С. Винкельманн указывала, что «очень древняя композиция – герой или смешанное существо с двумя змеями (в дальнейшем называемая Змеедержцем), становится популярным мотивом в искусстве "межкультурного стиля" в последующий раннединастический период (Шумера)» [Winckelmann 2000: 48].

Процесс выявления возможного протографа для рассматриваемого сюжета требует решения следующих вопросов: связан ли данный персонаж

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.



Рис. 2. Изображения Змеедержца (*Snake-Holder*) на штамповых печатях V тыс. до н.э.: 1, 2 – Тепе-Гиан [Barnett 1966: Pl. XXII, 7, Pl. XXIII, 3]; 3 – Сузы [Ibid.: fig. 11.4, a]
Fig. 2. Images of Snake-Holder on stamp seals, 5000 BCE: 1, 2 – Tepe-Giyan [Barnett 1966: Pl. XXII, 7, Pl. XXIII, 3]; 3 – Susa [Ibid.: Fig. 11.4, a]

с дословным воспроизведением устоявшейся иконографии или же является результатом серьезной переработки исходного варианта, а возможно, и наложения отдельных модулей, взятых из разных источников. Наиболее часто встречаемый вариант иконографической схемы, получившей в литературе название *Snake-Holder* (Змеедержец), представляет собой помещенную в центр композиции стоящую мужскую (крайне редко – женскую) фигуру, держащую в руках змей либо окруженную ими по сторонам. Вариантов изображения антропоморфного персонажа в сидящей позе в сочетании со змеей очень мало⁴. Важно отметить, что при незначительном количестве подобных изображений, изначально в памятниках конца IV – середины III тыс. до н.э., наблюдается воспроизведение позы сидения с поджатыми коленями и опорой на пятки (рис. 3). Соотнесенность подобной позы с определенной неординарной функцией (статусом) персонажа, необходимость сохранения этого сидящего варианта образа Змеедержца, вероятно, обусловили его

повторение в более поздних трансэламских печатях [Winckelmann 2000: 50, fig. 10].

Можно предположить, что популярность иконографической схемы, связанной со Змеедержцем, приводит к тому, что она, распространяясь по соседним территориям во второй половине – конце III тыс. до н.э., подвергается упрощению, добавляются новые детали как свидетельства усвоения этого сквозного сюжета разными культурами. В качестве примеров следует привести так называемые поздние трансэламские печати из региона Файлака и соседнего Юго-Восточного Ирана, отличительной особенностью которых является изображение Змеедержца в положении сидя только с одной змеей в руке [Francfort 2008: 178, fig. 17; Winckelmann 2000: 49–50, fig. 10]. Такая долгая «жизнь» этого персонажа может объясняться тем, что он связан с записью древних, ставших архетипическими, представлений. Подобные сцены, в которых представлено укрощение змей или другие варианты превосходства над ними, соотносят



Рис. 3. Изображения Змеедержца (*Snake-Holder*) в сидящей позе в памятниках конца IV – второй половины III тыс. до н.э.: 1 – Мужчина из Цинциннати [Winckelman 2000: 56, Fig. 15]; 2 – рельеф на шкатулке из Хафадже [Ibid.: 49, Fig. 8]; 3 – фрагмент вазы с острова Тарут в Персидском заливе [Ibid.: 49, Fig. 9, b]
Fig. 3. Images of sitting Snake-Holder, late IV – second half of III millennium BCE: 1 – Man from Cincinnati [Winckelmann 2000: 56, Fig. 15]; 2 – a casket from Khafajah [Ibid.: 49, Fig. 8]; 3 – a vase from Tarut Island in the Persian Gulf [Ibid.: 49, Fig. 9, b]

⁴ Возможно, в качестве одного из ранних изображений можно привести оттиск штамповой печати из XII слоя Урука [Pittman 2001: fig. 11.6, b].

с различными изображениями божеств либо героев, как отмечает Н. Маринатос, «змея, хотя и поливалентна, может быть врагом. С ним борются боги-мужчины или его "приручают" <...> женщины» [Marinatos 2000: 117]. Специфический региональный вариант репрезентации Змеедержца встречается в искусстве Элама (в печатях, рельефах, статуях) начала II тыс. до н. э. – сцены с изображением божества (чаще всего мужского), сидящего на большой змее или на нескольких змеях, свернувшихся в кольцо, и сжимающего в кулаке голову змеи или двух змей. В качестве примеров можно привести стелу из Курангуна [Miroschedji 1981: pl. VI] и оттиски цилиндрических печатей [Ibid.: pl. I, 6].

Ряд интересных примеров, иллюстрирующих популярность рассматриваемого персонажа, демонстрируют печати Бактрийско-Маргианского комплекса (БМАК). По мнению В. Сарияниди, в них можно видеть множество параллелей, которые «имеют несомненные связи (нередко и "генетические") с Бактрией, с Восточным Ираном, Эламом, Северной Месопотамией и Малой Азией» [Сарияниди 2001: 73]. С. Винкельманн замечает, что в печатях БМАК есть свидетельства тесной связи между протоэламской, трансэламской и бактрийской культурами [Winckelmann 2000: 92]. Находки, связанные с БМАК, указывают на то, что изобразительные схемы, заимствованные из традиций протоэламских и трансэламских печатей, могут восприниматься не только полностью, но и по отдельным деталям, и в достаточно сокращенных вариантах.

Помимо произведений, в которых видны хорошо узнаваемые модули изобразительной схемы, отмеченной в памятниках V–II тыс. до н. э. на различных территориях Передней Азии, на печатях и амулетах БМАК встречаются отдельные образы, которые не имеют прямых прототипов в других художественных культурах, и при их создании не используются отдельные знакомые элементы. К ним можно отнести изображение на бактрийской печати крылатого человека со свернувшейся рядом с ним змеей; этот персонаж стоит на коленях, его руки заканчиваются змеями с раскрытыми пастьми (?) (рис. 4, 1) [Вртанесян 2012: 303, рис. 16; Francfort 2008: 176, fig. 9]. Подобное изображение не является единичным, встречаются и точные повторения этой иконографии: например, изображение стоящего на коленях крылатого человека со змеей, извивающейся рядом с ним, в образе которого присутствие змей умножено их изображением на уровне ушей и под коленом (рис. 4, 2) [Вртанесян 2012: 303, рис. 16], и, вероятно, редукция данной иконографии: изображение мужского торса с головой

быка и руками, заканчивающимися змеями с раскрытыми пастьми [Там же.: 303, рис. 17]. Приведенные примеры свидетельствуют не только о популярности Змеедержца в памятниках БМАК, но и о различных путях заимствования составляющих его основных элементов. Подобный вывод важен для того, чтобы зафиксировать не только возможные разновекторные явления, связанные с бытованием интересующего нас персонажа, но и отметить сложность, а порой и невозможность точного определения дословно изложенных прототипов.

Вероятно, памятники, в которых мы наблюдаем использование сюжета Змеедержца, могут иллюстрировать разнообразные процессы усвоения сквозных / мигрирующих изобразительных схем: от прямого цитирования до культурного трансфера. Культурный трансфер предполагает, прежде всего, либо включение, превращение чужого в важную смысловую компоненту культуры, когда «культурный трансфер возможно представить как своего рода перевод, так как речь идет о переводе с одного культурного кода на другой» [Эспань 2018: 45]; либо перекрестное воздействие (возможно, и по принципу маятника) близких по содержанию программе образов, не только приобретающих в результате контактов новое «звучание», но способных его менять неоднократно в зависимости от культурной ситуации. Как показал анализ функционирования Змеедержца, жесткая иконографическая схема не сформировалась, с самого начала есть разнообразные способы его презентации, а следовательно, вряд ли удастся найти прямую цитату. При этом следует отметить, что помимо главного отличительного, неизменно сохраненного признака рассматриваемого персонажа (наличие чаще одной или двух змей в руках



Рис. 4. Изображения мужских персонажей на печатях и амулетах БМАК со змеиными элементами и разными вариантами поз: 1 – поза на корточках [Вртанесян 2012: 303, рис. 16]; 2 – коленопреклоненная поза [Там же]
Fig. 4. Male characters with snakes and varied postures on seals and amulets from Bactrian-Margiana Complex: 1 – squatting [Vrtanesjan 2012: 303, Fig. 16]; 2 – kneeling [Ibid.]

или около них) по мере его вживания в различные культуры начинают добавлять ряд важных элементов, становящихся значимым дополнением к исходному образцу. К таковым можно отнести сидение / трон из змей и позу. Вхождение в программу образа этих деталей связано с необходимостью акцентировать высокий статус изображенного персонажа, а достаточно часто и его божественную природу. В связи с тем что у каждой культуры свои четко сформулированные и определяемые маркеры статусности и / или божественности, именно изображения сидения / трона и позы будут иметь отличительные признаки.

Поза сидения «по-восточному» (иконографический и этнографический аспекты)

Представляется, что толкование вариантов сидящей позы изучаемых персонажей петроглифов из Минусинской котловины возможно исходя из предположений об их изобразительных (иконографических) или этнографических прототипах.

Первый путь избрали Ф. И. Мец и Л. М. Плетнева при анализе центрального персонажа бронзовой ажурной бляхи из рёлкинского могильника VI–VII вв. Чердашный лог III (рис. 5, 1) [Мец, Плетнева 2014]. Авторы привели многочисленные изобразительные аналогии позы сидящего «по-восточному» со скрещенными ногами индивида, в основном относящиеся к раннему железному веку (не обосновав предварительно правомерность асинхронного сравнения) и происходящие из разных регионов Евразии. Ф. И. Мец и Л. М. Плетнева на основании очевидного сходства поз сопоставляемых персонажей сделали вывод «об иранских корнях центрального персонажа бляхи из Чердашного Лога III», объяснив появление этого образа заимствованием «южных (сако-сарматских) идеологических представлений и иконографических схем» [Там же: 64]. Более того, авторы попытались связать независимое возникновение самой «иконографической схемы – герой, сидящий "по-восточному"» на разрозненных территориях «с отражением каких-то мифов и сказаний, восходящих к эпохе индоевропейского единства» [Там же: 68].

Между тем фигурка сидящего в йогической позе антропоморфного существа (Крит, Католапрапетра, предположительно ок. 6000 г. до н.э.), которое М. Гимбутас определила как «неолитическую Богиню-змею» [Гимбутас 2006: 258, 259, рис. 7-23.1], относится к доиндоевропейскому прошлому. Голень левой ноги

«богини» лежит поверх правой, ступни не детализированы; руки уперты в бока (рис. 5, 2).

На печатях хараппской цивилизации, датируемых III тыс. до н.э., встречается изображение «рогатого» антропоморфного существа, сидящего в йогической позе на сидении, напоминающем стол, или на «земле». Поза персонажа характеризуется разведенными ногами, настолько сильно согнутыми в коленях, что задняя поверхность голени примыкает к нижней поверхности бедра; стопы почти соединены подошвами или скрещены. Руки также разведены в стороны, большие пальцы кистей рук касаются коленей⁵ (рис. 5, 3). Следует отметить, что позы сидящего персонажа в хараппском искусстве присуща строгая симметрия. Среди исследователей нет единодушия как по вопросу о языковой принадлежности населения хараппской цивилизации (предлагались версии о связи с индоевропейскими, дравидийскими и др. языками), так и относительно идентификации самого персонажа, который считается прообразом того или иного божества в зависимости от приписываемого хараппцам языка.

В содержательном перечне собранных в статье Ф. И. Меца и Л. М. Плетневой примеров изображения мужских персонажей, сидящих «по-восточному», недостает известной находки, относимой к категории сакских культовых бронз. Речь идет о курительнице, обнаруженной около с. Иссык (ныне г. Есик) в Казахстане. На блюде иссыкской курительницы размещены бронзовые фигурки сидящего мужчины и стоящей рядом лошади [Яценко 2011: рис. 1, 3]. Сидящий персонаж держит в правой руке сосуд, кисть левой руки лежит на бедре. Правая нога располагается перед левой, закрывая ее собой. Недетализированная стопа правой ноги находится возле колена левой (рис. 5, 4) [Джумабекова, Базарбаева 2013: 99, рис. 5.1, 1]. Принадлежность данного скульптурного изображения к атрибуту культа / жертвоприношения свидетельствует о ритуальном характере позы персонажа (ср.: [Яценко 2011]).

Вопреки противоположному утверждению Ф. И. Меца и Л. М. Плетневой, изображения сидящих «по-восточному» мужчин выявлены в скифских древностях. На 21 экземпляре золотых штампованных бляшек из Бердянского кургана воспроизведена «сцена братания двух скифов» (имеются и другие объяснения смысла сцены), сидящих «на полу» с соединенными «калачиком» ногами. Е. Е. Фиалко описывает этот способ сидения как позу «с согнутыми в коленях ногами

⁵ Deity Seal from Mohenjo-daro. URL: <https://www.harappa.com/blog/deity-seal> (accessed 8 May 2024).



Рис. 5. Разновидности позы сидения на «полу» с согнутыми ногами в изобразительных памятниках: 1 – бляха, Чердашный лог [Мец, Плетнева 2014: рис. 1, б]; 2 – статуэтка, Крит [Гимбутас 2006: 259, рис. 7-23.1]; 3 – печать, Мохенджо-Даро⁶; 4 – Иссукская курильница (деталь) [Джумабекова, Базарбаева 2013: 99, рис. 5.1, 1]; 5 – бляха, Бердянский курган [Русяева 2001: рис. 1, 1]; 6 – гривна (деталь), Кобяковский могильник [Гугуев 1992: рис. 4]; 7 – Кудыргинский валун (деталь) [Гаврилова 1965: табл. VI, 2]; 8, 9 – курганный камень (детали), Каменка [Миклашевич 2018: ил. 3, 2]

Fig. 5. Varieties of cross-legged sitters: 1 – a plaque from Cherdashny Log [Mez, Pletneva 2014: fig. 1, b]; 2 – a figurine from Crete [Gimbutas 2006: 259, Fig. 7-23.1]; 3 – a seal from Mohenjo-daro⁶; 4 – an incense burner from Issyk [Jumabekova, Bazarbayeva 2013: 99, Fig. 5.1, 1]; 5 – a plaque from Berdyansk mound (detail) [Rusiaeva 2001: Fig. 1, 1]; 6 – a torque (detail) from Kobayakovo burial ground [Guguev 1992: Fig. 4]; 7 – a boulder (detail) from Kudyrgin [Gavrilova 1965: Tab. VI, 2]; 8, 9 – a mound stone (details) from Kamenka [Miklashevich 2018: Illustration 3, 2]

⁶ Ibid.

и сведенными ступнями» и относит бляшки с такой иконографической особенностью к первому из двух выделенных ею вариантов бляшек с аналогичной сценой [Фиалко 2014: 64]. Взаимодействие персонажей сцены опосредовано сосудом: один из скифов, находящийся слева (с внешней зрительной позиции), протягивает напарнику сосуд правой рукой, левой обняв его за плечи (рис. 5, 5) [Русяева 2001: рис. 1, 1]. По мнению Е. Е. Фиалко, весь набор нашивных золотых украшений из Бердянского кургана датируется в пределах VI–IV вв. до н. э. [Фиалко 2014: 66].

Придерживаясь признанного мнения о том, что украшения помимо прочего имели апотропеическое назначение, добавим, что многократное воспроизведение в декоре бляшек сюжета, ассоциирующегося с обрядом побратимства (возможно, с иным ритуалом или символом), запечатленного здесь жеста предложения сосуда с напитком, по-видимому, было значимо для восприятия таких изделий в качестве оберега. Что касается сосуда, следует отметить распространенность этого атрибута, а также жеста вознесения / предложения сосуда с напитком (мотива жертвования напитком?) в культовой практике и искусстве носителей скифской культуры.

Связь образа индивида в позе сидения «по-восточному» с использующимися в ритуалах изделиями прослеживается в археологических материалах сарматской эпохи. Частью ритуального предмета – бронзового зеркала, найденного в сарматском женском погребении I в. н. э. (Соколова могила), является серебряная ручка в виде фигурки сидящего «по-восточному» со скрещенными ногами мужчины, который держит в обеих руках ритон. Правая нога персонажа расположена перед левой [Мец, Плетнева 2014: рис. 4].

В центре композиции гривны, найденной в другом богатом женском погребении сарматской эпохи в могильнике Кобяково, которое датируется второй половиной I – началом II в. (сама гривна – рубежом нашей эры), изображен сидящий «по-восточному» со скрещенными ногами (правая поверх левой) персонаж с сосудом в обеих руках и лежащим на коленях клинковым оружием (рис. 5, 6) [Гугуев 1992: рис. 4]. Как справедливо отметил В. К. Гугуев, гривна является мужским атрибутом [Там же: 125], чему соответствует героическое содержание составляющих кобьяковскую гривну композиций, демонстрирующих сочетание тем сражения и пира. Добавим, что гривна не только была символом воинского статуса и, видимо, доблести ее владельца,

но и имела апотропеическое назначение, магически оберегая воина от обезглавливания врагом.

Кем были созданы перечисленные изделия, найденные в памятниках скифской и сарматской эпох, – вопрос особый. Относительно бляшек из Бердянского кургана Е. Е. Фиалко считает, что невозможно с уверенностью определить, кто их изготовил: греческие или скифские мастера. А вот зеркало из Соколовой могилы и гривна из Кобяковского кургана, по мнению В. К. Гугуева, были предметами восточного (бактрийского) импорта [Там же: 123, 125].

Вместе с тем представляется, что способ сидения изображенных на перечисленных изделиях индивидов был присущ самим «потребителям» предметов, произведенных иноземными мастерами. С позиции этнографии поза сидения «на полу» с разведенными коленями может быть рассмотрена как практиковавшаяся (и практикуемая до сих пор) в повседневном поведении людей (обычно мужчин), в традиционных культурах которых не принято использовать сиденья. Такая поза, обозначаемая в литературе как сидение «по-турецки» или «по-восточному», характеризуется скрещенными ногами. Пребывание индивида в этой позе является обыденным способом сидения, хотя и требующим телесных навыков, закрепленных традицией.

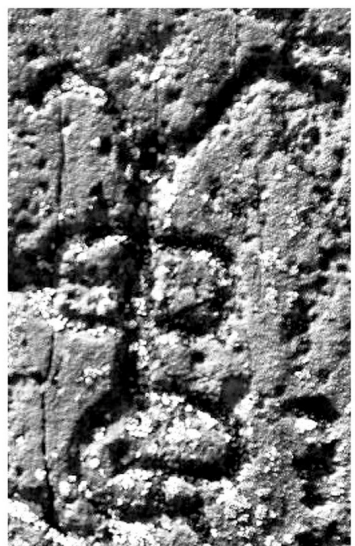
Этнографические данные свидетельствуют о том, что сидение со скрещенными ногами было не единственным способом сидения «на полу». Например, судя по фотографиям и рисункам XIX – начала XX в., на которых были запечатлены моменты традиционного быта казахов и киргизов, мужчины могли сидеть «на полу» не только в позе со скрещенными ногами (при этом впереди находилась правая или левая нога), но и на подогнутых под себя ногах (т. е. на коленях), на подогнутых и смещенных в одну сторону ногах («боком»). На фотографии казахского музыканта с кобызом отмечен вариант позы с неперекрещивающимися голеньями согнутых ног (рис. 6, 2) [Прищепова 2011: 67]. В данном случае расположение ног музыканта обусловлено необходимостью обеспечить упор музыкальному инструменту, с другой стороны, перед нами свидетельство возможности сидения в такой позе. Не единственный способ сидения зафиксирован и у женщин, которые обыкновенно сидели на одной подогнутой под себя ноге, поставив перед собой согнутую в колене другую. Представители обоих полов могли в некоторых случаях применять одни и те же способы сидения.



1



2



3



4



5



6

Рис. 6. Некоторые варианты позы сидения на «полу» с согнутыми ногами, по данным археологических и этнографических визуальных источников: 1 – котел из Гундеструпа (деталь) [Михайлова 2015: рис. 4]; 2 – казахский музыкант [Прищепова 2011: 67]; 3 – курганный камень, Оглахты [Есин 2017: 25]; 4 – Абакано-Перевоз [Русакова 2022: рис. 23, 3]; 5 – Каменка [Миклашевич 2018: рис. 6]; 6 – жена киргизского манапа, рисунок М. П. Кошарова [Валиханов 1984: 336]

Fig. 6. Varieties of cross-legged sitting from archaeological and ethnographic sources: 1 – Snake-Holder from Gundestrup cauldron (detail) [Mikhailova 2015: Fig. 4]; 2 – a Kazakh musician [Prishchepova 2011: 67]; 3 – a mound stone, Oglakhty [Esin 2017: 25]; 4 – Abakano-Perevoz rock art [Rusakova 2022: Fig. 23, 3]; 5 – Kamenka [Miklashevich 2018: Fig. 6]; 6 – a Kyrgyz woman, drawing by M. P. Kosharov [Valikhanov 1984: 336]

Рассмотренные выше изображения скифской и сарматской эпох также демонстрируют разнообразие положений ног при сидении «по-восточному». Позиция неперекрещивающихся ног персонажа иссыкской курильницы может быть сопоставлена с аналогичным расположением ног рогатого божества с гундеструпского котла (рис. 6, 1) [Михайлова 2015: рис. 4]. Ввиду признания исследователями культурных контактов скифов, сарматов и кельтов, с одной стороны, и нашего предположения о том, что и скифы, и сарматы практиковали способ сидения «по-восточному» (на «полу» с согнутыми ногами) – с другой, вряд ли целесообразна ассоциация позы персонажа декора гундеструпского котла с позой Будды [Там же: 179].

Среди охарактеризованных выше персонажей петроглифов в позе с неперекрещивающимися голени ног показаны сидящие фигуры, выбитые на курганном камне (Оглахты) и на писанице Абакано-Перевоз III (рис. 6, 3, 4).

Другая разновидность позы – со сведенными «калачиком» ногами, представленная, кроме бляшек из Бердянского кургана, на кудыргинском валуне (фигура Умай) (рис. 5, 5, 7) [Гаврилова 1965: табл. VI, 2], обнаруживается у некоторых сидящих фигур с курганных камней (Каменка) (рис. 5, 8, 9).

Стилизация ног некоторых фигур на петроглифах (Тепсей) замкнутой линией, образующей подпрямоугольную фигуру (рис. 6, 5), могла также изображать сидящего «по-восточному» человека (мужчину или женщину), ноги которого скрыты в полах одежды. Например, сидящей таким способом показана жена киргизского манапа на акварели П. М. Кошарова, созданной во второй половине XIX в. (рис. 6, 6) [Валиханов 1984: 336].

Перечисленные соответствия, на наш взгляд, свидетельствуют о широком бытовании в культурах разных народов различных вариантов сидения на «полу» с согнутыми ногами. Существование идентичных вариантов в разные эпохи на разных территориях не обязательно означает результат заимствования: в сходных условиях существования человека могли независимо формироваться похожие «техники тела». Кроме того, имея в виду скульптурные изображения сидящей Богини-змеи [Гимбутас 2006: 259, рис. 7-23.1, 7-23.2] и рогатого божества на хараппских печатях, можно допустить конвергентное и раннее развитие каких-то духовно-физических практик наподобие йогических.

Рассмотренные предметы торевтики, на которых изображены сидящие «по-восточному» персонажи

(в разных вариантах этой позы), так или иначе имели ритуальное (или апотропеическое) назначение, тем самым и сама поза соотносилась с ритуальным действием. Неслучайно подобная поза широко представлена в иконографии индуизма и буддизма.

Обращает на себя внимание то, что изображения мифических существ – Богини-змеи, рогатых персонажей с хараппских печатей и гундеструпского котла – характеризуются симметричным положением рук. Кроме того, в руках рогатого божества с гундеструпского котла имеются символические атрибуты – торквес и змея (атрибут змееборца и змеедержца). Возможно, симметричные позиции рук (в том числе «жест Оранты») сидящих «по-восточному» персонажей, запечатленных на петроглифах, тоже свидетельствуют о ритуально-мифологическом контексте этих образов, тем более что один из персонажей (Тепсей) изображен со змеей. Г. С. Вртанесян соотносит образ Змеедержца с календарным символом и отмечает, что в Южной Сибири он был распространен в окуневской культуре. В последующем этот образ здесь исчезает и более чем тысячелетие спустя фиксируется уже в гробнице эпохи Хань [Вртанесян 2019: 120–121]. Судя по персонажу со змеей, выбитому на курганном камне под горой Тепсей, в это же время образ Змеедержца снова появляется в Южной Сибири.

Заключение

В тесинском пласте петроглифов Минусинской котловины (памятники Оглахты, Тепсей, Копенская Нижняя, Тогр-Таг, Каменка, местонахождения Боярского хребта и др.) выявлены изображения сидящих «по-восточному» персонажей. Положения согнутых ног сидящих фигур варьируются: голени могут располагаться почти параллельно; дугообразно изогнутые ноги могут быть соединены ступнями и др. Руки обычно представлены в той или иной симметричной позиции – поставлены фертообразно (сами руки могут иметь как дуговидные, так и прямоугольные очертания); раскинуты и подняты вверх; опущены и при этом плавно изогнуты; плечевые части согнутых в локтях рук расположены перпендикулярно телу, предплечья с кистями направлены вниз; плечевые части согнутых в локтях рук расположены параллельно телу, а предплечья – почти перпендикулярно. Этот «язык жестов» пока представляет собой загадку. Возможно, адорационным является жест поднятых вверх рук («жест Оранты»). Как правило, в руках таких персонажей не бывает атрибутов, за исключением фигуры, изображенной на курганном камне

из могильника, расположенного под горой Тепсей. В правой руке данного персонажа показана змея – зооморфный атрибут змееборца и змеедержца. Рассматриваемый персонаж может быть интерпретирован как образец широко распространенного образа Змеедержца, не обладающего, однако, универсальной иконографией. С персонажами петроглифов без атрибутов в руках, ввиду их сидящей позы и симметричного положения рук, тоже могли ассоциироваться какие-то мифоритуальные представления, подобно тому как с ритуальными предметами связаны изображения сидящих «по-восточному» мужских индивидов, часто с сосудом в руке / руках, происходящие из памятников кочевников скифской и сарматской эпох, так же как образ рогатого божества в декоре котла из Гундеструпа. Наряду с этим поза персонажей наскальных изображений из Минусинской котловины может быть рассмотрена не только в иконографическом, но и в этнографическом аспекте – как способ сидения, практиковавшийся создателями самих петроглифов. Образ сидящего «по-восточному» индивида в наскальном искусстве Минусинской котловины требует дальнейшего изучения, которое будет особенно плодотворным при условии выявления новых сюжетов (сцен, композиций), где фигурирует такой персонаж.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. С. Советова – концептуализация, анализ, обобщение, атрибуция и интерпретация петроглифического материала. Л. Н. Ермоленко – концептуализация, сравнительный анализ образов наскального и прикладного искусства с привлечением визуальных этнографических источников. С. А. Зинченко – концептуализация, анализ образа Змеедержца в искусстве Древнего Востока, предпринятый в связи с вводимым в научный оборот материалом.

Contribution: O. S. Sovetova developed the research idea and analyzed, attributed, and interpreted the petroglyphic material. L. N. Ermolenko developed the research idea and performed a comparative analysis of images of rock and applied art and ethnographic sources. S. A. Zintchenko developed the research idea and analyzed the Snake-Holder images in the Ancient Oriental art.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00974 «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н. э. по материалам петроглифов», <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00974: Unexplored petroglyphic history and culture of Southern Siberia in the II millennium AD, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00974/>

Литература / References

- Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энцикл., 1984. Т. 1. 431 с. [Valikhanov Ch. Ch. *Collected works in five volumes*. Alma-Ata: Gl. red. Kaz. sov. entsikl., 1984, vol. 1, 431. (In Russ.)]
- Вртанесян Г. С. Змеедержец: миграции календарного символа. *Народы и религии Евразии*. 2019. № 1. С. 113–128. [Vrtanesjan G. S. Snakeholder. Calendar symbol migration. *Nations and Religions of Eurasia*, 2019, (1): 113–128. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)1-11](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)1-11)
- Вртанесян Г. С. Составные статуэтки эпохи бронзы. *Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Дене в 2008–2011 гг.*, гл. ред. В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. С. 291–313. [Vrtanesjan G. S. Composite statues of the Bronze Age. *Works of the Margiana Archaeological Expedition. Vol. 4. Research of Gonur Depe in 2008–2011*, ed. Sarianidi V. I. Moscow: Staryi sad, 2012, 291–313. (In Russ.)]
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965. 145 с. [Gavrilova A. A. *Kudyrga burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1965, 145. (In Russ.)]
- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006, 572 с. [Gimbutas M. *The Civilization of the Goddess: The World of Old Europe*. Moscow: ROSSPEN, 2006, 572. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtzdgp>

- Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. *Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии*, отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. С. 7–31. [Gryaznov M. P. The oldest artifacts of the heroic epic of the peoples of Southern Siberia. *Archaeological collection. The State Hermitage Museum. Iss. 3. Bronze and Early Iron Ages of Siberia and Central Asia*, ed. Artamonov M. I. Leningrad: The State Hermitage Museum, 1961, 7–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkentv>
- Гугуев В. К. Кобыковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.). *Вестник древней истории*. 1992. № 4. С. 116–129. [Guguev V. K. Kobyakovo barrow: Oriental Influence on Sarmatian Culture in 1st – early 2nd century AD). *Vestnik Drevnei Istorii*, 1992, (4): 116–129. (In Russ.)]
- Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2013. 120 с. [Jumabekova G. S., Bazarbayeva G. A. *Bronze artifacts of Jetysu*. Almaty: IA Margulan, 2013, 120. (In Russ.)]
- Есин Ю. Н. Наскальные изображения Оглахты: альбом. Абакан: Журналист, 2017. 160 с. [Esin Yu. N. *Oglakhty rock art: Album*. Abakan: Zhurnalyst, 2017, 160. (In Russ.)]
- Заика А. Л., Вдовин А. С., Конохов В. А. Результаты исследований писаниц на юге Красноярского края в 2015 году. *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*: Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 104–108. [Zaika A. L., Vdovin A. S., Konohov V. A. Investigation of rock art sites in the South of Krasnoyarsk territory in 2015. *Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, 19–21 Oct 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 104–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/woehvh>
- Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Боковенко Н. А., Килуновская М. Е. Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии; ИИМК РАН, 2007. 355 с. [Kim Jung-bae, Jang Seo Ho, Bokovenko N. A., Kilunovskaya M. E. *Rock art of Central Asia*. Seoul: Northeast Asian History Foundation, IHMC RAS, 2007, 355. (In Russ.)]
- Мец Ф. И., Плетнева Л. М. О бронзовой бляхе из могильника Чердашный Лог III. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2014. № 2. С. 59–71. [Mez F. I., Pletneva L. M. On the bronze buckle from the burial mound Cherdashny Log III. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, (2): 59–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sexbwv>
- Миклашевич Е. А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее. *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»*. 2018. № 7. С. 5–22. [Miklashevich E. A. Rock art sites of the Kamenka ravine on the middle Yenisei. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (7): 5–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtfzkx>
- Михайлова Т. А. Котел из Гундеструпа как пример «визуального фольклора». *Stephanos*. 2015. № 6. С. 170–187. [Mikhailova T. A. The Gundestrup cauldron as an example of "visual folklore". *Stephanos*, 2015, (6): 170–187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkbdvx>
- Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. 452 с. [Prishchepova V. A. *Illustrative collections on the peoples of Central Asia in the second half of the XIX – early XX century in the Kunstkamera archives*. St. Petersburg: Nauka, 2011, 452. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpwstt>
- Русакова И. Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии). *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*: Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 173–181. [Rusakova I. D. To the dating of the Iron Age petroglyphs (on the example of the Boyary ridge petroglyphs). *Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, 19–21 Oct 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 173–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbhrxl>
- Русакова И. Д. Петроглифы восточной части Боярского хребта в Хакасии (местонахождения Абакано-Перевоз II, II A, III, IV). *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2022. № 16. С. 43–76. [Rusakova I. D. Petroglyphs in the eastern part of the Boyary ridge in Khakassia (locations of Abakano-Perevoz II, II A, III, IV). *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2022, (16): 43–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxkubt>

- Русяева М. В. Сцены братания скифов на произведениях торевтики. *Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: II Боспорские чтения*. (Керчь, 20–23 мая 2001 г.) Керчь: ЦАИ Деметра, 2001. С. 128–133. [Rusiaieva M. V. Scenes of Scythian fraternization in Toreutic art. *Cimmerian Bosphorus and Pont in Antiquity and Middle Ages: Proc. II Bosphorus Readings*, Kerch, 20–23 May 2001. Kerch: CAC Demetra, 2001, 128–133. (In Russ.)]
- Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III). *Древнее искусство Азии. Петроглифы*, отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 6–10. [Savinov D. G. Labyrinths of Tesin: Burial ground Esino III. *Ancient Art of Asia. Petroglyphs*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, 6–10. (In Russ.)]
- Сарианиди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с. [Sarianidi V. I. *Necropolis of Gonur and Iranian Paganism*. Moscow: Mir-media, 2001, 246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raognj>
- Фиалко Е. Е. Золотой декор костюмов из Бердянского кургана. *Боспорские исследования*. 2014. № 30. С. 54–76. [Fialko E. E. Gold decorations of the costumes from Berdyansk kurgan. *Bosporskie issledovaniia*, 2014, (30): 54–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkkqpj>
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: НЛО, 2018. 816 с. [Espagne M. D. *History of civilizations as a cultural transfer*. Moscow: NLO, 2018, 816. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yanlsp>
- Яценко С. А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья. *История и археология Семиречья*, шеф-ред. Т. А. Егорова. Алматы: Родничок, 2011. Вып. 4. С. 48–66. [Yatsenko S. A. Sitting man with a vessel in one hand on a Saka bronze lamp from Jetysu (Semirechye). *History and archeology of Semirechye*, ed. Egorova T. A. Almaty: Rodnichok, 2011, iss. 4, 48–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/porqlh>
- Barnett R.-D. Homme masquéoudieu-ibex? *Syria*, 1966, 43(3-4): 259–276.
- Francfort H.-P. A Note on the Hasanlu Bowl as Structural Network: Mitanni-Arya and Hurrian? *Bulletin of the Asia Institute*, 2008, 22: 171–188.
- Marinatos N. *The Goddesses and the Warrior. The naked goddess and Mistress of Animals in early Greek religion*. London-NY: Routledge, 2000, 169.
- Miroschedji P. de. Le dieu élamite au serpent et aux eaux jaillissantes. *Iranica Antiqua*, 1981, XVI: 1–25, pl. I–XI.
- Pittman H. Mesopotamian intraregional relations reflected through glyptic evidence in the Late Chalcolithic 1–5 periods. *Uruk Mesopotamia and Its Neighbors: Cross Cultural Interactions in the Era of State Formation*, ed. Rothman M. S. Santa Fe: School of American Research Press, 2001, 403–444.
- Winckelmann S. Intercultural Relations between Iran, the Murghabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northwest India and Failaka in the Field of Seals. *East and West*, 2000, 50(1/4): 43–95.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jznctm>

Подходы к созданию и изучению фонда мемориальных досок в Российской империи, СССР и Российской Федерации

Аблова Елизавета Евгеньевна

Государственная научная библиотека Кузбасса имени В. Д. Федорова, Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6397-9480

onyusheva0807@mail.ru

Аннотация: Мемориальные доски являются одной из наиболее массовых форм увековечивания исторической памяти. Первые мемориальные доски появились в России в XIX в., получили повсеместный характер во второй половине XX в. и продолжают сохранять свою актуальность. Цель исследования – определить общие тенденции и особенности подходов к установке и изучению мемориальных досок в Российской империи, СССР и Российской Федерации. В статье проанализированы подходы к созданию и изучению мемориальных досок в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Применение метода сравнительного анализа на основе следующих критериев: особенности установки объекта и его функциональные характеристики, нормативно-правовая база установки и охраны объекта, отношение со стороны государства и общества к объекту, интерес научного сообщества к объекту – позволило выявить общие и особенные для указанных периодов характеристики фонда мемориальных досок, который выполнял функцию увековечивания исторической памяти на протяжении всех изучаемых периодов. Рассмотрен опыт установки мемориальных досок в Кемеровской области – Кузбассе, в том числе в рамках деятельности областного отделения Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Законодательные акты, регламентирующие установку и охрану мемориальных досок на общегосударственном уровне, были приняты начиная с советского периода, когда для изучения мемориальных досок широко стала использоваться каталогизация, в современное время исследования досок приобрели междисциплинарный характер.

Ключевые слова: мемориальная доска, историко-культурное наследие, политика памяти, объекты памяти, историческая память, фонд мемориальных досок

Цитирование: Аблова Е. Е. Подходы к созданию и изучению фонда мемориальных досок в Российской империи, СССР и Российской Федерации. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 919–928. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-919-928>

Поступила в редакцию 13.09.2024. Принята после рецензирования 20.11.2024. Принята в печать 25.11.2024.

full article

Memorial Plaques in the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation: Cataloguing and Studies

Elizaveta E. Ablova

Kuzbass State Academic Library, Russia, Kemerovo

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6397-9480

onyusheva0807@mail.ru

Abstract: Memorial plaques are a widespread form of perpetuating history. The earliest memorial plaques appeared in Russia in the XIX century. Their popularity peaked in the second half of the XX century, and they retain their relevance to this day. The article describes the general trends and approaches to the installation and study of memorial plaques in the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation. The first national legislation and cataloguing

of memorial plaques started in the Soviet period. Nowadays, memorial plaques are a subject of interdisciplinary research. The comparative analysis relied on the following criteria: installation details, functional characteristics, protection, social attitude, academic interest, etc. The analysis revealed general and special characteristics of memorial plaques throughout Russian history. The author focused on the memorial plaques installed in the Kemerovo Region by the regional All-Russian Voluntary Society for the Protection of Cultural and Historical Monuments.

Keywords: memorial plaque, historical and cultural heritage, memory policy, objects of memory, historical memory, memorial plaque fund

Citation: Ablova E. E. Memorial Plaques in the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation: Cataloguing and Studies. *SibScript*, 2024, 26(6): 919–928. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-919-928>

Received 13 Sep 2024. Accepted after peer review 20 Nov 2024. Accepted for publication 25 Nov 2024.

Введение

Для современного российского общества важное значение имеет сохранение исторической памяти и мест трансляции социально-исторического и культурного опыта. Мемориальные доски – одна из наиболее массовых форм увековечивания исторической памяти и объект историко-культурного наследия, что одновременно является их сильной и слабой чертой. Особенности внешнего исполнения объекта, ценовая политика изготовления и установки, простота обслуживания позволяют достаточно быстро и эффективно создать фонд мемориальных досок (ФМД) в городском пространстве и увековечить значительное количество исторических событий и знаковых личностей. Вместе с тем ситуация бума на мемориальные доски, начавшаяся во второй половине XX в. и продолжающаяся до сих пор, существенно повысила их количественный состав по стране и усложнила процесс их изучения.

Изучение таких объектов историко-культурного наследия, как мемориальные доски, приобретает все большую социальную актуальность в связи с уничтожением советских исторических памятников, в том числе мемориальных досок, установленных на территории Украины и ряда европейских государств. 29 февраля 2024 г. Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ анонсировал разработку долгосрочной программы сохранения объектов культурного наследия, в которую несомненно должны войти мероприятия по сохранению памятников советского периода, в том числе мемориальных досок¹.

Мемориальные доски в России начали устанавливать еще в XIX в. Их появление в столице Российской империи почти на один век уступило по времени началу истории установки первых памятников, появившихся во второй половине XVIII в. (Морейская колонна, 1771 г. [Вильчковский 1911]; Медный всадник, установленный по указу Екатерины II, 1782 г.²). По данным С. Л. Абрамович и Н. И. Голлера, первая отечественная мемориальная доска посвящена поэту А. С. Пушкину (1880 г., г. Санкт-Петербург) [Абрамович, Голлер 1977]. Уже в это время доски начали привлекать интерес общества как объект, позволяющий почувствовать сопричастность и прикосновение к историческому прошлому, и породили исследовательский интерес научного сообщества.

История отечественных мемориальных досок насчитывает почти полтора столетия. За это время подходы к их установке и изучению претерпели определенную трансформацию, в том числе изменилось отношение к цели, задачам их установки, идеологическому наполнению.

Цель исследования – определить общие тенденции и особенности подходов к установке и изучению мемориальных досок в Российской империи, СССР и Российской Федерации. Задачи: выявить особенности установки мемориальных досок в указанные периоды; изучить нормативно-правовую базу установки мемориальных досок; определить роль государства и общества в установке мемориальных досок; рассмотреть отношение научного сообщества к мемориальным доскам.

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию. 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 16.05.2024).

² Доклад императрице Екатерине II от Сената о месте для постановки монумента императору Петру Великому, сообщ. Жан-Жанк. *Русская старина*. 1872. Т. 5. № 6. С. 957–958.

Методы и материалы

Под подходом к созданию и изучению фонда мемориальных досок автор статьи понимает совокупность способов установки и использования мемориальных досок общественными группами и научных методов, направленных на определение основных этапов развития и характеристик объекта исследования. При изучении подхода учитывались две составляющие: идеологическая, нацеленная на содержание и функциональные особенности мемориальных досок в определении места, где фиксируется история; техническая, включающая в себя технические требования к установке и внешнему виду объекта, классификаторы, формы учета.

При определении общих характеристик и особенностей подходов к изучению и созданию ФМД в различные периоды исторического развития российского общества и государства основным методом исследования стал историко-сравнительный. Сравнительный анализ был основан на следующих критериях: особенности установки объекта и его функциональные характеристики; нормативно-правовая база установки и охраны объекта; отношение со стороны государства и общества к объекту; интерес научного сообщества к объекту.

Важным фактором, влияющим на изменение подходов к исследованию объекта, является смена государственного строя и идеологии, что прямо отражалось на отношении власти к потенциалу «трансляции» исторических событий, которым обладают мемориальные доски.

Результаты

Дореволюционный период

В Российской империи установка мемориальных досок носила событийный, нерегулярный характер. Например, памятные доски одновременно являлись способом обозначения уровня воды в реке Неве (Петропавловская крепость, фиксация подъема воды при наводнениях 1752, 1777, 1788 годов)

[Беседина, Буркова 2013], почетной доской с именами лучших выпускников учебного заведения³, памятным знаком на доме, в котором жил / выступал выдающийся человек.

Подчеркнем, что в дореволюционный период основной функционал мемориальной доски заключался исключительно в оповещении общества о событии. Например, о посещении учебного заведения императорской особой. Так, в Департамент народного просвещения министерства народного просвещения подавалось прошение о размещении мемориальной доски на здании императорского университета Святого Владимира с надписью: «29 ноября 1914 года Училище имѣло счастье принимать въ своихъ стенахъ Государственнаго Хозяина Земли Русской, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА»⁴. Тем не менее к дореволюционному периоду относится и появление мемориальных досок, несших функционал увековечивания памяти героев Отечества (например, Георгиевских кавалеров) или героически погибших в войнах. Бурное развитие ФМД героям войн произошло уже в рамках советского периода.

По существовавшей схеме получения разрешения установки мемориальной доски сначала прошение об установке досок отправлялось на имя министра народного просвещения, который утверждал (разрешал) установку мемориальных досок (согласно Всеподданнейшему докладу «О предоставлении Министру Народного Просвещения на разрешение некоторых дел» от 5 декабря 1881 г., п. 4 «Постановка в учебных заведениях и других учреждениях ведомства Министерства Народного просвещения портретов и бюстов благотворителей, преподавателей, начальствующих и других лиц, начертание имен их на мраморных досках и проч.»⁵). Так, в 1911 г. попечитель Виленского учебного округа ходатайствовал господину министру об установке мраморной доски в Виленской публичной библиотеке и портрета бывшего попечителя округа И. П. Корнилова.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения. Оп. Дело Департамента народного просвещения по Белорусскому учебному округу. Д. 552. 1841 г.; РГИА. Ф. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения. Оп. Дело разряда учительских институтов, семинарий и низших учебных заведений за 1915 г. Д. 36. 1915 г.; РГИА. Ф. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения. Оп. Дело по ученым учреждениям и высшим учебным заведениям Департамента народного просвещения за 1915–1917 годы. Д. 756. 1917 г.; РГИА. Ф. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения. Оп. Дело разряда учительских институтов, семинарий и низших учебных заведений за 1914 г. Д. 1. 1914 г.

⁴ РГИА. Ф. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения. Оп. Дело по ученым учреждениям и высшим учебным заведениям Департамента народного просвещения за 1911–1914 гг. Д. 887. 1913 г.

⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 8. Царствование императора Александра III. 1881–1883. СПб.: Тип. Товарищ. «Обществ. Польза», 1892. 1758+36 стб.

На письменное ходатайство был направлен ответ от министерства в 1912 г.: «уведомляю Ваше Пр-ство, что М-во разрешило поставить в читальном зале библиотеки портрет... с прикреплением мраморной доски с надписью». После этого уже проводилось изготовление и торжественное открытие мемориальной доски. Общий свод (реестр) установленных мемориальных досок или общий список прошений не велся. Регламентация установки и охраны, четкое определение термина (встречаются разночтения – мраморная доска, траурная доска, памятная доска) в досоветский период также отсутствовали.

В дореволюционный период не прослеживается «заказ сверху» на установку мемориальных досок (со стороны государства), «заказ снизу» – инициатива от представителей организаций или обществ – носил эпизодический характер. В связи с этим единый подход к изучению ФМД не сформировался, нельзя было определить критерии получения разрешения на установку мемориальных досок, требования к внешнему виду и содержанию. ФМД Российской империи отличался невысокими количественными характеристиками, что не способствовало появлению научных исследований в данной сфере. Учетная документация по мемориальным доскам с количественными данными началась вестись уже в советское время, увековечивая в первую очередь выдающиеся трудовые достижения героев Гражданской войны. Например, в Кузбассе первыми мемориальными досками можно считать доски, установленные в 1930 г. специальным решением ВЦИК на памятниках трудовой славы – Северский трубный завод, Харьковский тракторный завод, Днепрогэс, Кузнецкий металлургический комбинат, шахты Кузбасса⁶. Свидетельств о более ранних мемориальных досках региона нет. На общегосударственном уровне мемориальные доски в дореволюционный период еще не приобрели ценный статус объекта историко-культурного наследия и рассматривались как быстрый и дешевый способ увековечить значимое событие.

Советский период

В первой половине XX в. после Октябрьской революции (1917) и гражданской войны было образовано новое социалистическое государство – Союз Советских Социалистических Республик (1922)⁷. В СССР в корне изменился подход к созданию и охране объектов историко-культурного наследия, в том числе и к мемориальным доскам, что было определено идеологией и задачами строительства социализма. СССР стал проводить государственную политику по изменению вектора и содержания сохранения исторической памяти о «новых героях», знаковых местах и событиях, закладывая в мемориальные доски уже не только функцию информирования, но и доминантную функцию пропаганды, демонстрации трудовых достижений молодого советского государства, героических подвигов сынов Отечества и патриотических чувств общества.

Повышенное внимание к историко-культурному и природному наследию нашло отражение в обилии нормативно-правовых актов, посвященных выявлению, сохранению и использованию мемориальных досок. Особенное внимание можно отметить после окончания Великой Отечественной войны, оказавшей существенное влияние на изменение количественных и качественных характеристик ФМД СССР: Постановление Совета Министров РСФСР № 389 «Об охране памятников архитектуры» (1947)⁸, Постановление Совета Министров ССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» (1948)⁹, «Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР» (1949)¹⁰.

Важной вехой в развитии ФМД СССР стало создание по инициативе Совета министров РСФСР, Академии наук СССР, объединений творческой интеллигенции всероссийской общественной организации, на которую были возложены функции установки и охраны объектов культурного наследия, в том числе мемориальных досок¹¹. Всероссийское добровольное общество охраны

⁶ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 16. 1979–1981 гг.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2. Декларация и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. 30.12.1922.

⁸ Об охране памятников архитектуры. Постановление Совета Министров РСФСР № 389 от 22.05.1947. *СП РСФСР*. 1947. № 8. Ст. 28.

⁹ О мерах улучшения охраны памятников культуры. Постановление Совета Министров СССР № 3898 от 14.10.1948. *СП СССР*. 1948. № 6. Ст. 81.

¹⁰ Об утверждении Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР. Постановление Совета Министров РСФСР от 28.05.1949. *СП РСФСР*. 1949. № 3. Ст. 31.

¹¹ Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Постановление Совета министров РСФСР № 882 (1) от 23.07.1965. *СП РСФСР*. 1965. № 1.

памятников истории и культуры (далее – ВООПИиК) (действовало с 1965 г.) было представлено на территории практически всех регионов РСФСР [Ливцов, Богатырёв 2019]. Общество занималось популяризацией памятников, что выражалось в проведении лекций и экскурсий городскими и областными отделениями, учетом памятников, в рамках которого создавались буклеты, брошюры, каталоги.

С 1960-х гг. установка досок стала носить плано-регулярный характер, количественный состав новых досок в год стал регламентироваться «сверху» государством. В приходно-расходной смете областных отделений ВООПИиК была статья «Расходы на консервацию, реставрацию и благоустройство памятников истории и культуры», где под пунктом «г» указана позиция «на изготовление и установку мемориальных досок» и выделяемая сумма в рублях¹².

В годовом перспективном плане ВООПИиК отдельным пунктом «изготовить № количество досок» в разделе № 4 «мероприятия по реставрации и благоустройству памятников» ставилась задача по установлению определенного количества новых мемориальных досок, которую облотделению необходимо было решить в течение года¹³.

Заинтересованность государства в усилении пропагандистской функции мемориальных досок оказала влияние на научное сообщество. В это время мемориальные доски стали объектом научных исследований. В основном это выражалось в разработке тематических каталогов, в которые включались и мемориальные доски. Основными тематическими категориями, что было выявлено в результате нашего исследования, являлись: события Гражданской войны и установление советской власти, трудовые подвиги и достижения советского народа, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Мемориальные доски также начали изучаться с целью их использования в процессе образования и воспитания, что выразилось в создании лекционных материалов по изучению истории городов / регионов, в которых описывались мемориальные доски¹⁴.

В 1936 г. был создан один из первых каталогов по всем мемориальным доскам, установленным

на одной территории – городе Ленинграде, целью которого стало описание состояния и текста досок [Кондратьева 2019]. В 1939 г. мемориальные доски Ленинграда вошли в собрание Музея городской скульптуры в качестве «памятников малой формы, имеющие только им присущие черты». Музей вел работу по учету и фиксации состояния, разрабатывал уникальные шрифты для досок.

В советский период региональные отделения ВООПИиК определяли мемориальную доску как «памятник-символ» для увековечивания значительных людей, важнейших исторических событий¹⁵ (согласно докладу председателя президиума пленума Кемеровского областного Совета ВООПИиК Г. В. Корницкого «О работе по охране, использованию памятников трудовой славы в коммунистическом воспитании трудящихся в свете требований партии и правительства» от 1 апреля 1980 г.), а возрастание пропагандистской ценности, массовый характер установки, повышение внимания как «сверху», так и «снизу» способствовали росту исследовательского интереса в изучении мемориальных досок. Увеличение количества научных и публицистических работ, посвященных политике памяти второй половины XX в., характерно не только для отечественного, но и для мирового сообщества ученых [Ассман 2004; Джадт 2011; Зерубавель 2011; Йейтс 1997; Курилла 2012; Нора 1999; Репина 2004; Святославский 2013; Хальбвакс 2007; Хаттон 2003]. Мемориальные доски стали рассматриваться исследователями как способ передачи коллективной памяти через материальный объект, не уступающий по значению и силе воздействия памятникам и скульптурам.

Постсоветский период

В 1991 г. начался постсоветский этап с формированием «плавающего» подхода к изучению и развитию ФМД¹⁶. Мемориальные доски продолжили каталогизировать, исследователи предлагали различные классификации досок. Так, О. И. Вовк поддерживал деление досок на личностные и событийные, предложил выделить третий тип – смешанные (в честь знакового события, в котором задействован определенный человек)

¹² ГАКО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 1. Л. 174. Сметы доходов и расходов, штатное расписание областного отделения. 1967–1973 гг.

¹³ ГАКО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 5. Л. 194. Годовые и квартальные планы работы областного совета ВООПИиК. 1973–1982 гг.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 13. Л. 357. Лекционный и методический материал, отправленный в городские и районные отделения за 1977–1980 гг.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 16. Л. 132. Протоколы пленумов облсовета. 1979–1981 гг.

¹⁶ Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Закон РСФСР № 2094-1 от 25.12.1991. *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*. 1992. № 2. Ст. 62.

[Вовк 2021]. А. А. Баранникова разделила мемориальные доски на классификационные группы согласно критериям – координаты места установки и время, информация о личности, которой посвящена доска [Баранникова 2017]. Также в настоящее время при изучении мемориальных досок стали применяться современные информационные технологии и ресурсы. Например, Н. А. Разливинская применяет облако частотности слов для анализа текстовой составляющей мемориальных досок [Разливинская 2023].

Системный анализ мемориальных досок проведен в научных трудах Е. А. Бесединой и Т. В. Бурковой, которые обосновали классификацию мемориальных досок (именные и событийные), изучали вопросы коммеморативной функции досок [Беседина, Буркова 2013; 2015; 2018a; 2018b; 2018c]. Отметим, что изучению мемориальных досок Кузбасса, в том числе истории формирования фонда досок региона, их классификации, каталогизации, проблем сохранности и установки, воспитательных функций данных объектов, посвящены работы кузбасских исследователей [Леонов, Онюшева 2021; Мартынов и др. 2015].

Функционал мемориальных досок постсоветского периода сочетает в себе характеристики двух предыдущих периодов: мемориальные доски выступают и в форме оповещения общества, и как способ пропаганды. Тем не менее «сверху» нет жесткой регламентации обязательной установки в определенном количестве, перспективные планы по установке мемориальных досок не составлялись, решение об установке стало выноситься либо актуально во время увековечиваемого события (например, мемориальные доски, связанные со специальной военной операцией¹⁷), либо в преддверии юбилея или знаменательной памятной даты (открытие мемориальной доски актеру А. В. Панину на здании Кемеровского института культуры в Год театра в России¹⁸).

Интерес общества к историческому прошлому способствует необходимости увековечивания памяти о большем количестве людей / событий, и именно мемориальные доски могут позволить гармонично вместить в себя информационную составляющую, сохранив при этом «привязку к конкретному месту». В связи с этим запрос на установку мемориальных досок исходит и «сверху», и «снизу» – они оцениваются как быстрый и торжественный способ увековечить выдающуюся личность, работающую на благо Отечества, или значимое событие.

Мемориальные доски по-прежнему рассматриваются как одна из самых важных форм сохранения памяти. В постсоветский период установка досок регламентируется нормативными документами субъектов Российской Федерации. Например, в городских и муниципальных округах Кемеровской области – Кузбасса действуют положения о порядке установки памятников и мемориальных досок¹⁹.

Сегодняшнее разнообразие мемориальных досок позволяет изучать этот сложный объект, применяя междисциплинарный подход и комплекс научных методов. Отметим, что мемориальные доски все меньше интересуют краеведов-исследователей – появляется всё меньше исследований, цель которых – комплексно изучить мемориальные доски одного города / области. Чаще всего исследователи стали сосредотачивать усилия либо на отдельном аспекте мемориальных досок (художественные формы) [Прокопчук и др. 2023], либо на определенной классификационной группе (исследование по мемориальным доскам, посвященным участникам Великой Отечественной войны) [Попов 2023; Степаненко 2023].

Именно изучение одной конкретной мемориальной доски стало популярным направлением исследований на современном этапе: С. А. Есенину в Рязани²⁰ [Обыденкин 2006], Н. А. Шилов в Москве²¹,

¹⁷ Анна Цивилева приняла участие в открытии мемориальной доски герою СВО в Кузбассе. *Вестни-Кузбасс*. 05.04.2024. URL: <https://vesti42.ru/news/anna-czivilleva-prinyala-uchastie-v-otkrytii-memorialnoj-doski-geroyu-svo-v-kuzbasse/> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁸ Сенчунов Н. Н. Об установке мемориальной доски А. В. Панину. Решение № 214 от 05.03.2019. *Кемерово*. 07.03.2019. № 10 (1749). С. 5.

¹⁹ О порядке установки памятников, мемориальных досок, присвоения наименований улицам, площадям, иным территориям проживания граждан в городе Кемерово. Положение к решению Кемеровского городского СНД пятого созыва № 253 от 28.06.2013 (35 заседание). URL: <https://kemerovo.ru/administratsiya/sovety-i-komissii/gorodskaya-komissiya-po-toponimike/o-poryadke-ustanovki-pamyatnikov/?ysclid=m0g5m54aa682416890>; Об утверждении Положения о порядке установки, обеспечения сохранности, содержания, демонстрации и учета памятников, мемориальных досок и других памятных знаков на территории Прокопьевского муниципального округа. Решение СНД Прокопьевского муниципального округа № 504 от 28.04.2022. URL: <https://prokopmo.ru/upload/iblock/5b0/RECH%20504%20%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC.docx?ysclid=m0g687i4se586592913> (дата обращения: 16.05.2024).

²⁰ Сергей Есенин и первая мировая война: открытие мемориальной доски на здании рязанского воинского присутствия. *Современное Есениноведение*. 2014. № 31. С. 107–110. <https://elibrary.ru/timvcr>

²¹ Открытие мемориальной доски Н. А. Шилов. *Разведка и охрана недр*. 2019. № 7. С. 64. <https://elibrary.ru/abltli>

А. И. Солженицыну в Москве [Никифорова и др. 2018], Р. М. Алексахину в Обнинске [Шубина, Санжарова 2019], А. П. Дрючину в Саратове [Пашкина 2008], Л. Г. Мельникову в Москве [Аношин 2008]. Как и в советский период, потенциал мемориальных досок продолжает изучаться в образовательных целях, но если до этого мемориальные доски исследовались в совокупности с памятниками и скульптурами, то в современных исследованиях они выступают как самостоятельный объект изучения, отражающий события истории России [Дружинина 2022].

В современном подходе важна междисциплинарность исследований, включающая в себя исторические, культурологические, искусствоведческие, лингвистические характеристики мемориальных досок.

Заключение

Выводы по результатам исследования:

1. *Особенности установки объекта и его функциональные характеристики.* На протяжении всех трех периодов мемориальные доски несли функцию оповещения – информирования общества, которая являлась ведущей в дореволюционный период, но начиная с советского на первое место вышла пропагандистская функция. Подходы к установке мемориальных досок прошли трансформацию от нерегулярного и событийного в дореволюционный период, регламентированного «сверху» с перспективными планами установки в советский период до постсоветского, сочетающего в себе оба предыдущих подхода – установка мемориальных досок событийна, но жестко не регламентирована «сверху». На органы местного самоуправления и региональные органы государственной власти возложена функция планирования, инициирования установок мемориальных досок и контроля.

2. *Нормативно-правовая база установки и охраны объекта.* В дореволюционный период прошения об установке мемориальных досок подавались на имя министра народного просвещения, который принимал решение. Дальнейшая судьба объекта полностью зависела от инициатора / инициативной группы. Законодательная база в отношении объектов историко-культурного наследия советского периода упорядочила основные вопросы выявления, учета, использования, охраны памятников. Нормативно-правовые акты охватывали вопросы одновременно нескольких видов объектов памяти: памятники (истории, культуры, археологии и др.), мемориальные доски, монументальное искусство и т. д. Отдельного законодательства, касающегося только мемориальных досок, не существовало.

В современный период вопросы, касающиеся мемориальных досок, переходят в ведение региональных и муниципальных образований, регламентирующих порядок их установки и охраны.

3. *Отношение государства и общества к формированию ФМД.* В дореволюционный период со стороны государства не ставилось задачи увековечивания исторических событий и личностей в форме мемориальных досок. Инициаторами появления мемориальных досок были представители учреждений, подчиняющихся министерству народного просвещения, которые в большинстве случаев представляли собой трудовые коллективы. Для советского государства характерно использование объектов сохранения памяти с целью идеологического воспитания, увековечивания трудовых подвигов и героев Отечества. Со стороны государства ставилась задача по выявлению исторических мест и помещению на них мемориальных досок. Реакция общественности данного периода на вопросы, связанные с объектами истории, выражалась в создании общественной организации, объединяющей на добровольной основе передовых исследователей в данной области, неравнодушных граждан (ВООПИИК). В постсоветский период со стороны органов государственной власти сохраняется задача по увековечиванию исторических событий и личностей, но органы власти не требуют установки определенного числа мемориальных досок, посвященных конкретной тематической категории. В данный период, помимо общественной организации, предложение по установке мемориальных досок выносят и физические лица при соблюдении необходимых требований к подготовке документации и финансового обеспечения процедуры установки мемориальных досок.

4. *Интерес научного сообщества к мемориальным доскам.* Исследователи дореволюционного периода не ставили объектом своего изучения мемориальные доски. Мы связываем это с нерегулярностью установок мемориальных досок и отсутствием ведения учета об их установке. Первые научные труды, включающие изучение мемориальных досок, были опубликованы в советское время. Каталогизация по тематическим категориям стала основной формой изучения ФМД данного периода. Научное сообщество постсоветского периода характеризуется междисциплинарным характером изучения мемориальных досок, привлекая представителей различных отраслей научного знания к вопросам фонда мемориальных досок.

Таким образом, мемориальные доски на протяжении всех периодов рассматриваются органами

власти и общественностью как способ сохранения и презентации исторического прошлого Отечества, его выдающихся личностей. В настоящее время имеющийся ФМД России обладает потенциалом для проведения междисциплинарных исследований и представляет собой широкую базу объектов, транслирующих различные аспекты жизни страны.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абрамович С. Л., Голлер Н. И. Из истории создания Музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке (1922–1927 гг.). *Музейное дело в СССР*. М., 1977. С. 131–141. [Abramovich S. L., Goller N. I. From the history of the creation of the A.S. Pushkin Apartment Museum on the Moika (1922–1927). *Museum work in the USSR*. Moscow, 1977, 31–141. (In Russ.)]
- Аношин Е. А. В Москве открыта мемориальная доска бывшему руководителю госгортехнадзора СССР Леониду Георгиевичу Мельникову. *Безопасность труда в промышленности*. 2008. № 10. С. 81–82. [Anoshin E. A. A memorial plaque to the former Head of the USSR State Mining and Industrial Supervision Service Leonid G. Melnikov was unveiled in Moscow. *Bezopasnost' Truda v Promyshlennosti*, 2008, (10): 81–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jtxtut>
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ЯСК, 2004. 368 с. [Assmann J. *Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination*. Moscow: IaSK, 2004, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qovtzi>
- Баранникова А. А. Маркирование социальной памяти в городском пространстве: мемориальные доски в формировании культурного ландшафта города. *Социология власти*. 2017. Т. 29. № 1. С. 156–175. [Barannikova A. A. Allocation of social memory in the urban space: Memorial plaques in the formation of the cultural landscape of the city. *Sociology of Power*, 2017, 29(1): 156–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-1-156-175>
- Беседина Е. А., Буркова Т. В. «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти. *Труды исторического факультета СПбГУ*. 2013. № 16. С. 45–67. [Besedina E. A., Burkova T. V. "In this building lived and worked...": Commemorative plaques as a way of historical memory. *Trudy istoricheskogo fakulteta SPbGU*, 2013, (16): 45–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rpyxmd>
- Беседина Е. А., Буркова Т. В. «Город должен говорить...»: мемориальная доска как знак коммеморации и коммуникации в социокультурном пространстве. *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2015. № 6. С. 150–174. [Besedina E. A., Burkova T. V. "The city should speak...": Memorial plaque as a sign of commemoration and communication in sociocultural space. *Liudi i teksty. Istoricheskii almanakh*, 2015, (6): 150–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbcgqd>
- Беседина Е. А., Буркова Т. В. «Только здесь и нигде более»: особенности мемориальных досок как знаков исторической памяти. *Мавродинские чтения 2018: Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 г.)* СПб.: Нестор-История, 2018а. С. 222–225. [Besedina E. A., Burkova T. V. "Only here and nowhere else": Features of memorial plaques as signs of historical memory. *Mavrodin Readings 2018: Proc. All-Russian Sci. Conf., St. Petersburg, 29–31 Octo 2018*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018а, 222–225. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmnlqu>
- Беседина Е. А., Буркова Т. В. Коммеморативные знаки (на примере мемориальных досок) в правовом пространстве регионов Российской Федерации: к постановке проблемы. *Гуманитарный научный вестник*. 2018b. № 1. С. 1–11. [Besedina E. A., Burkova T. V. Commemorative signs (on exemplified by memorial plaques) in the legal framework of the Russian Federation regions: To the problem statement. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, 2018b, (1): 1–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.1183952>
- Беседина Е. А., Буркова Т. В. Мемориальные доски как знаки коммеморации: современные тенденции историографии. *Кубанские исторические чтения: IX Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 29 июня 2018 г.)* Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2018с. С. 194–204. [Besedina E. A., Burkova T. V. Memorial plaques as signs

- of commemoration: Modern tendencies of historiography. *Kuban Historical Readings: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnodar, 29 Jun 2018. Krasnodar: Krasnodar CSTI, 2018c, 194–204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtjyqr>
- Вильчковский С. Н. Царское Село. Путеводитель. 2-е изд. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 277 с. [Vilchkovsky S. N. *Tsarskoe Selo. Guide*. 2nd ed. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg, 1911, 277. (In Russ.)]
- Вовк О. И. Мемориальные доски в социокультурном пространстве города: к вопросу о видовых признаках, функциональных особенностях и информационной насыщенности. *Актуальные проблемы источниковедения: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 23–24 апреля 2021 г.)* Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. С. 19–21. [Vovk O. I. Memorial plaques in the socio-cultural urban environment: types, functions, and information saturation. *Current issues of source studies: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Vitebsk, 23–24 Apr 2021. Vitebsk: VSU named after P. M. Masherov, 2021, 19–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijyjte>
- Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? *Империя и нация в зеркале исторической памяти*, ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Нов. изд-во, 2011. С. 45–74. [Judt T. *Lieu de Mémoire* by Pierre Nora: Whose Places? Whose Memory? *Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory*, eds. and coms. Gerasimov I., Mogilner M., Semenov A. Moscow: Nov. izd-vo, 2011, 44–74. (In Russ.)]
- Дружинина Ю. В. Мемориальные доски как исторический источник по изучению истории России XX века в школьном курсе истории. *Преподавание истории в школе*. 2022. № 9. С. 45–56. [Druzhinina J. V. Plaques as a historical source for the study of twentieth-century Russian history in a school history course. *Prepodavanie istorii v shkole*, 2022, (9): 45–56. (In Russ.)] https://doi.org/10.51653/0132-0696_2022_9_45
- Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти. *Империя и нация в зеркале исторической памяти*, ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Нов. изд-во, 2011. С. 10–29. [Zerubavel Y. Dynamics of collective memory. *Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory*, eds. and coms. Gerasimov I., Mogilner M., Semenov A. Moscow: Nov. izd-vo, 2011, 10–29. (In Russ.)]
- Йейтс Ф. А. Искусство памяти. СПб.: Унив. кн., 1997. 476 с. [Yates F. A. *The Art of Memory*. St. Petersburg: Univ. kn., 1997, 480. (In Russ.)]
- Кондратьева И. А. К вопросу об изучении мемориальных досок как памятных знаков. *Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: Всерос. с Междунар. уч. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 18 апреля 2019 г.)* Улан-Удэ: ВСГИК, 2019. Т. II. С. 36–39. [Kondrateyva I. A. Studying memorial plaques as signs of memory. *Preservation, study, and popularization of historical heritage: Experience of participation and development vectors: Proc. All-Russian with Intern. Participation Sci.-Prac. Conf.*, Ulan-Ude, 18 Apr 2019. Ulan-Ude: ESSIC, 2019, vol. II, 36–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bnxgse>
- Курилла И. И. Историческая память и публичная коммеморация. *Память и памятники: семинар*. (Волгоград, 21 апреля 2011 г.) Волгоград: ВолГУ, 2012. С. 4–12. [Kurilla I. I. Historical memory and public commemoration. *Memory and monuments: Proc. Seminar*, Volgograd, 21 Apr 2011. Volgograd: VolSU, 2012, 4–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wduyov>
- Леонов Е. Е., Онюшева Е. Е. Проблемы охраны и установки мемориальных досок в городе Кемерово. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2021. № 54. С. 50–59. [Leonov E. E., Onyusheva E. E. Problems of protection and installation of memorial plaques in Kemerovo. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2021, (54): 50–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndezim>
- Ливцов В. А., Богатырёв Р. А. Сохранение культурного наследия как инновационная сфера перспективного развития регионов России. *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)*. 2019. № 2. С. 30–33. [Litvov V. A., Bogatyryov R. A. Conservation of cultural heritage in long-term growth of Russia's territories. *Uchenye zapiski (Altaiskaya gosudarstvennaya akademiia kultury i iskusstv)*, 2019, (2): 30–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2019-2-30-33>
- Мартынов А. И., Леонов Е. Е., Онюшева Е. Е. Мемориальные доски г. Кемерово: классификация, проблемы изучения, особенности исследования. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 33-2. С. 57–64. [Martynov A. I., Leonov E. E., Onyusheva E. E. Memorial boards of Kemerovo: Classification, problems of studying, feature of research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2015 (33-2): 57–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smjzmt>
- Никифорова А. Ю., Савельева Е. Н., Тюрина Г. А. Открытие мемориальной доски на доме А. И. Солженицына. *Солженицынские тетради: Материалы и исследования*. 2018. № 6. С. 390–392. [Nikiforova A. Yu., Savelyeva E. N., Tyurina G. A. Opening of a memorial plaque at the house of A. I. Solzhenitsyn. *Solzhenitsynskie tetrady: Materialy i issledovaniya*. 2018. № 6. С. 390–392. (In Russ.)]

- Tyurina G. A. The commemorative panel on Solzhenitsyn's house in 1974. *Solzhenitsynskie tetradi: Materialy i issledovaniia*, 2018, (6): 390–392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/huauer>
- Нора П. Проблематика мест памяти. In: Нора П., Озуф М., Пюимеж де Ж, Винок М. *Франция-память*. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50. [Nora P. Problematics of places of memory. In: Nora P., Ozouf M., Puimege de J, Vinok M. *France-memory*. St. Petersburg: SPbSU, 1999, 17–50. (In Russ.)]
- Обыденкин Н. В. Первая мемориальная есенинская доска в Рязани. *Современное есениноведение*. 2006. № 4. С. 254. [Obydenkin N. V. The first memorial plaque to Yesenin in Ryazan. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2006, (4): 254. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tuhiar>
- Пашкина Т. А. Саратовстат открыл мемориальную доску. *Вопросы статистики*. 2008. № 11. С. 19. [Pashkina T. A. Saratovstat opened a memorial plaque. *Voprosy statistiki*, 2008, (11): 19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mtgvjh>
- Попов Е. А. Память о Героях Советского Союза, увековеченная в названиях оренбургских улиц и мемориальных досках. *Мы выстояли и победили: Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 26–27 мая 2023 г.)* Оренбург: ОГПУ, 2023. С. 194–198. [Popov E. A. Heroes of the Soviet Union immortalized in the names of Orenburg streets and memorial plaques. *We stood firm and won: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orenburg, 26–27 May 2023*. Orenburg: OGPU, 2023, 194–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bquqye>
- Прокопчук А. В., Антонова Н. Н., Олейникова П. П. Эволюционный анализ композиционно-изобразительных приемов мемориальных досок. *Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура*. 2023. № 1. С. 267–280. [Prokopchuk A. V., Antonova N. N., Oleinikov P. P. Evolutionary analysis of compositional and pictorial techniques of memorial plaques. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arxitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Stroitel'stvo i arhitektura*, 2023, (1): 267–280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bkubcw>
- Разливинская Н. А. Особенности пространственно-временной языковой объективации коммеморации в дискурсивном пространстве города (на материале текстов мемориальных досок). *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2023. Т. 9. № 4. С. 102–114. [Razlivinskaya N. A. Language means of representing time and space-related commemoration in urban discourse (evidence from memorial plaque texts). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2023, 9(4): 102–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/prxlzp>
- Репина Л. П. Историческая память и современная историография. *Новая и новейшая история*. 2004. № 5. С. 39–52. [Repina L. P. Historical memory and modern historiography. *Novaya i novejshaya Istoriya*, 2004, (5): 39–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlnkkj>
- Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с. [Svyatoslavsky A. V. *Russian history as reflected in memory mirror. Mechanisms of historical images formation*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, 592. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/resilv>
- Степаненко А. А. Память о Великой Отечественной войне в мемориальных досках (особенности коммеморативной практики 1990–2020-х гг.). *Героизм как историко-культурный феномен российской цивилизации: Межвуз. студен. конф. (Москва, 15 июня 2023 г.)* М.: Сам Полиграфист, 2023. С. 221–226. [Stepanenko A. A. Memory of the Great Patriotic War in Memorial Plaques: Commemorative practice in the 1990s–2020s. *Heroism as a historical and cultural phenomenon of Russian civilization: Proc. Interuniv. Student Conf., Moscow, 15 Jun 2023*. Moscow: Sam Poligrafist, 2023, 221–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xfhmke>
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Нов. изд-во, 2007. 348 с. [Halbwachs M. *Social frameworks of memory*. Moscow: Nov. izd-vo, 2007, 348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxsoxf>
- Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль; Фонд Ун-т, 2003. 422 с. [Hutton P. H. *History as an art of memory*. St. Petersburg: Vladimir Dal; Fond Un-t, 2003, 424. (In Russ.)]
- Шубина О. А., Санжарова С. И. Об открытии мемориальной доски академику РАН Алексахину Рудольфу Михайловичу. *Актуальные вопросы сельскохозяйственной радиобиологии*, ред. С. А. Гераскин. Обнинск: НИЦ «Курчатовский институт» – ВНИИРАЭ, 2019. Вып. 2. С. 164–166. [Shubina O. A., Sanzharova S. I. On the opening of a memorial plaque to Academician of the Russian Academy of Sciences Rudolf M. Aleksakhin. *Current issues in agricultural radiobiology*, ed. Geraskin S. A. Obninsk: NRC "Kurchatov Institute" – RIRAE, 2019, iss. 2, 164–166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rboyen>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lfpaft>

Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР (отечественная историография проблемы 2010-х – начала 2020-х гг.)

Генина Елена Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4860-1513

<https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>elena_genina@mail.ru

Овчинников Владислав Алексеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9925-3586

<https://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Scopus Author ID: 57188835471

Аннотация: Представлены результаты анализа современной отечественной историографии проблемы, связанной с кампанией по борьбе с космополитизмом в СССР (2010-е – начало 2020-х гг.). Применены принципы историзма и объективности, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования, методы периодизации, ретроспективного (возвратного) и перспективного анализа, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Определены основные направления исследований, обусловившие появление следующих проблемно-тематических блоков: взаимоотношения власти и советской интеллигенции; события «дела врачей» (1953 г.); политика государства в отношении еврейских общин; отголоски идеолого-пропагандистской кампании в регионах страны. Установлено, что приоритетную тему исследований составила проблематика взаимоотношений власти и советской интеллигенции. Изучены основные подходы современных отечественных исследователей к осмыслению темы. В контексте сравнительного анализа с показателями современной отечественной историографии проблемы предшествующего периода выявлены темы, которые не утратили свою дискуссионность. Главной особенностью историографии проблемы 2010-х – начала 2020-х гг. явилось повышенное внимание исследователей к проведению кампании по борьбе с космополитизмом в отдельных регионах РСФСР. Указанная доминанта позволила поставить вопрос об особой специфике кампании в национальных регионах РСФСР. В настоящее время по-прежнему сохраняется потребность в комплексных научных трудах, отражающих составляющие кампании в отдельных регионах страны. Перспективными остаются работы, посвященные реконструкции биографий представителей советской интеллигенции, на жизнь и деятельность которых оказала влияние кампания по борьбе с космополитизмом в СССР.

Ключевые слова: историография, современные отечественные исследователи, идеолого-пропагандистская кампания, космополитизм, период «позднего сталинизма», интеллигенция, историки, региональные исследования

Цитирование: Генина Е. С., Овчинников В. А. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР (отечественная историография проблемы 2010-х – начала 2020-х гг.). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 929–939. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-929-939>

Поступила в редакцию 23.09.2024. Принята после рецензирования 02.12.2024. Принята в печать 02.12.2024.

full article

Anti-Cosmopolitan Campaign in the USSR: Russian Historiography in 2010s – Early 2020s

Elena S. Genina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4860-1513

<https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>elena_genina@mail.ru

Vladislav A. Ovchinnikov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9925-3586

<https://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Scopus Author ID: 57188835471

Abstract: The article describes the recent Russian historiography (2010s – early 2020s) on the anti-cosmopolitan campaign launched by the Soviet authorities in 1949–1953. The research relied on the principles of historicism and objectivity. The authors used the methods of comparative-historical and problem-chronological research, retrospective and prospective analyses, and periodization to identify the research areas that keep attracting modern Russian historians. The latter seem to pursue the following problems and topics: the authorities vs. the Soviet intelligentsia; the Doctors' Plot (1953); the state policy against Jewish communities; the anti-cosmopolitan campaign in provincial regions. The relationship between the authorities and the Soviet intelligentsia proved to be the most popular topic. The authors identified the main approaches that modern Russian historians applied to this topic. In addition, they compared the most recent Russian historiography with earlier research data to identify the topics that still maintain their debatable nature. Modern historians seem to focus on the anti-cosmopolitan campaign in peripheral Soviet regions. Apparently, the ethnic regions of the RSFSR interpreted the campaign in their own ways. The regional specifics of the anti-cosmopolitan campaign still need comprehensive research. Another promising direction is represented by biographical reconstructions of the repressed Soviet intelligentsia.

Keywords: historiography, contemporary Russian researchers, ideological propaganda campaign, cosmopolitanism, Late Stalinism, intelligentsia, historians, regional studies

Citation: Genina E. S., Ovchinnikov V. A. Anti-Cosmopolitan Campaign in the USSR: Russian Historiography in 2010s – Early 2020s. *SibScript*, 2024, 26(6): 929–939. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-929-939>

Received 23 Sep 2024. Accepted after peer review 2 Dec 2024. Accepted for publication 2 Dec 2024.

Введение

Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР (1949–1953 гг.) – страница истории периода «позднего сталинизма». Борьба с космополитизмом стала одной из идеологических кампаний в советском государстве середины 1940-х – начала 1950-х гг., организация которых обусловлена комплексом внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов. Указанные кампании в первую очередь связаны с воздействием на советскую интеллигенцию. Кампания по борьбе с космополитизмом явилась логическим продолжением кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947–1948 гг.) и была направлена, прежде всего, против представителей еврейской интеллигенции. Данная кампания возникла и развивалась в условиях «холодной войны» и проходила под лозунгами советского патриотизма. Она выступает как сложное и многогранное политическое явление, углубленный

анализ которого требует обращения к различным аспектам истории периода «позднего сталинизма».

К настоящему времени современная отечественная историография кампании по борьбе с космополитизмом в СССР уже сложилась и изучалась. Ученые зафиксировали наличие проблемно-тематических блоков и особенности их наполнения. Изучены позиции авторов в отношении кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, сформировавшиеся в 1990-е гг. – начале XXI в. [Генина 2011]. Было установлено, что в современной отечественной исторической науке к середине 2010-х гг. уделено достаточно внимания проявлениям кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири [Генина 2015; Генина, Колязимова 2016]. Выявлены и представлены работы 2010-х гг., авторы которых занимались проблематикой кампании по борьбе с космополитизмом в СССР [Гижов 2018].

В современной отечественной историографии присутствуют труды, связанные с отдельными аспектами идеолого-пропагандистской кампании. В. В. Тихонов представил результаты изучения воздействия идеологических кампаний периода «позднего сталинизма» на советскую историческую науку. В контексте обращения к научной литературе 2000-х – начала 2010-х гг., посвященной влиянию идеологических кампаний периода «позднего сталинизма» на советскую науку в целом (включая борьбу с космополитизмом), был сделан вывод о наличии нарастающей тенденции «регионализации» исследований. Исследователь констатировал факт преимущественного внимания авторов к теме указанной кампании в современной отечественной историографии [Тихонов 2016: 26–29]. При изучении современной историографии истории еврейских общин в Сибири XX – начала XXI в. авторы зафиксировали наличие трудов 2010-х гг., отражающих историю еврейских общин в период борьбы с космополитизмом [Макарчук и др. 2020: 111].

Цель исследования обусловлена определением существенных характеристик отечественной историографии 2010-х – начала 2020-х гг., связанной с кампанией по борьбе с космополитизмом в СССР. Задачи:

- 1) выявить основные направления исследований;
- 2) установить основные подходы к изучению темы;
- 3) осуществить общий сравнительный анализ показателей историографии проблемы 1990–2000-х гг. и 2010-х – начала 2020-х гг.;
- 4) выявить перспективные направления дальнейших исследований.

Методы и материалы

Историографическими источниками, использованными при подготовке исследования, стали монографии и научные статьи, материалы научных конференций. Они посвящены непосредственно теме кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, либо в них затронуты отдельные составляющие кампании при обращении авторов к собственной теме изучения (политическая история и идеологические кампании в СССР периода «позднего сталинизма», национальная политика советского государства, политические репрессии сталинского периода, история советской интеллигенции, история науки и культуры в СССР). По мере необходимости последовало обращение к некоторым историческим источникам. Проводя научный анализ, авторы использовали

принципы историзма и объективности, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования, методы периодизации, ретроспективного (возвратного) и перспективного анализа, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты

Важнейшей составляющей кампании по борьбе с космополитизмом в СССР было наступление на различные группы интеллигенции: творческую, научно-педагогическую и научную интеллигенцию, инженерно-технических работников, врачей. Объяснимо появление значительного количества трудов, отражающих судьбы интеллигенции в период идеолого-пропагандистской кампании, поскольку интеллигенция рассматривалась с точки зрения наличия образованности и культуры, возможности иметь собственное мнение и донести его до окружающих. В первую очередь под прицелом закономерно оказались представители гуманитарного знания.

Прежде всего в данном случае необходимо отметить подход к изучению темы, принадлежащий известному отечественному исследователю Г. В. Костырченко. Ведущий специалист при рассмотрении хронологического отрезка отечественной истории конца 1940-х – начала 1950-х гг. и политики государства в отношении интеллигенции еврейского происхождения оперирует термином *государственный антисемитизм*. Однако, по мнению Г. В. Костырченко, кампания по борьбе с космополитизмом представлена в первую очередь пропагандистской акцией начала 1949 г. в качестве средства проведения политики государственного антисемитизма выступили обвинения в «буржуазном национализме» и «безродном космополитизме». Исследователь продолжил изучение темы, выпустив новую монографию, где присутствует термин *официальный антисемитизм* [Костырченко 2003; 2015].

Появившиеся отдельные труды отражают ситуацию в сфере деятельности творческой интеллигенции. Именно с идеологического наступления на творческую интеллигенцию началась кампания по борьбе с космополитизмом¹. К. А. Юдин предложил собственное видение взаимоотношений власти и творческой интеллигенции в период борьбы с космополитизмом. Исследователь сосредоточился на положении советской музыкальной интеллигенции, чьи представители попали под разоблачительный удар, обусловленный

¹ Об одной антипатриотической группе театральных критиков. *Правда*. 28.01.1949.

идеологическими установками. В данном случае исходной была борьба с «формализмом», которая приобрела «новый импульс» в условиях кампании по борьбе с космополитизмом [Юдин 2019: 133–137]. Автор не оставил вне поля зрения положение в советском киносообществе, не избежавшем преследований и призванном выпускать продукцию, отвечавшую современным идеологическим установкам и требованиям [Юдин 2022; 2023: 269–287]. Нельзя не обратить внимания на заключение исследователя, несущее характеристику идеолого-пропагандистской кампании: «Кампанию по борьбе с "безродным космополитизмом" можно считать ведущим, интегрально-идеологическим процессом периода "позднего сталинизма" в СССР» [Юдин 2023: 269].

Н. М. Тобольцева оценила идеолого-пропагандистскую кампанию с точки зрения идейной борьбы, осуществлявшейся силами центральной периодической печати, и наступления на кадры самих журналов [Тобольцева 2011: 102–105]. Свой вклад в изучение влияния кампании на театральные деятели внесли И. А. Никитина и И. Р. Такала. Они подчеркнули проблему, ставшую принципиальной для театров страны: обязательное изменение репертуара в связи с постановкой произведений советской драматургии [Никитина, Такала 2014].

В рассматриваемый период историографии проблемы не был утрачен интерес к судьбам научно-педагогической и научной интеллигенции в сталинский период. А. Н. Сперанская подняла тему влияния идеологических кампаний периода «позднего сталинизма» на научно-педагогических работников Урала. Автор в целом рассмотрел серию кампаний, оценив их нацеленность на утверждение советского патриотизма и борьбу против низкопоклонства перед Западом. Но при этом были выявлены установки борьбы с космополитизмом и ее национальная направленность [Сперанская 2014; 2018]. Д. С. Игонина воссоздала атмосферу в сообществах преподавателей и студентов в Горьковском государственном университете в период борьбы с космополитизмом, ставшую следствием доминирования определенных идеологических установок [Игонина 2017]. При проведении собственных научных изысканий И. А. Крайнева руководствовалась задачей реконструкции биографии представителя научной и научно-педагогической интеллигенции. Отдельная страница биографии ученого оказалась обусловленной установками кампании по борьбе с космополитизмом [Крайнева 2015: 357–358].

В. В. Тихонову принадлежит фундаментальная монография «Идеологические кампании "позднего сталинизма" и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)». Отдельная глава исследования отражает тему «Историки и антикосмополитическая кампания». Ученый провел детальную реконструкцию событий, происходивших в Московском государственном университете, Институте истории АН СССР, Ленинградском государственном университете, в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, Московской Высшей партийной школе, Московском историко-архивном институте, Институте истории материальной культуры АН СССР. Он коснулся обязательно связанных с идеологическими кампаниями исторических сюжетов: идейные установки кампании, восприятие кампании современниками и их участие в событиях кампании, указал на последствия кампании. Исследователь представил борьбу с историками-«космополитами» как сложное политическое явление, анализ которого предполагает рассмотрение не только поля «взаимоотношения властей и историков», но и ситуации внутри самого сообщества историков [Тихонов 2016: 199–270].

Автор констатировал несомненное различие «борьбы с буржуазным объективизмом» и борьбы с космополитизмом, поскольку последняя «носила направленный антисемитский характер» [Там же: 268]. По мнению В. В. Тихонова, идеологические кампании периода «позднего сталинизма» стали следствием отсутствия всеобъемлющего контроля со стороны властей над сообществом историков, а задачей кампаний стало «нагнетать обстановку, запуская очередной виток идеологической мобилизации» [Там же: 375].

Отметим, что автор и ранее заявлял к рассмотрению проблему борьбы с космополитизмом в советской исторической науке [Тихонов 2014: 121–130]. Перу исследователя принадлежит работа источниковедческого характера, где дана характеристика документов личных фондов историков, связанных с кампаниями по борьбе с «объективизмом» и космополитизмом, отложившихся в Архиве Российской академии наук, а также работа, содержащая анализ развития данных кампаний в Московском историко-архивном институте [Тихонов 2012; 2017].

Исследователи изучили тему развития исторической науки и исторического образования в отдельных высших учебных заведениях страны в период проведения кампании по борьбе с космополитизмом. В коллективной монографии, отражающей историю Московского педагогического государственного

университета, присутствует специальный раздел, который содержит материал по теме «Преподаватели и руководство Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина в условиях идеологических кампаний второй половины 1940-х – середины 1950-х годов». Первостепенное внимание в разделе уделено отголоскам кампании по борьбе с космополитизмом в вузе, влиянию кампании на атмосферу в вузе и сообщество научно-педагогических работников вуза [Воробьева и др. 2022: 482–496]. Констатируется следующий факт: «преподавателей-историков кампания по борьбе с космополитизмом затронула особенно сильно» [Там же: 487].

В поле зрения авторов оказалась ситуация и в отдаленных от столицы вузах страны. Д. В. Хаминов зафиксировал лишь отдельные проявления кампании в условиях историко-филологического факультета Томского государственного университета, связанные с необходимостью следовать современным идеологическим установкам. Но научно-педагогические работники факультета в период идеологических кампаний первых послевоенных лет не избежали преследований [Хаминов 2011а: 88–90; 2011b: 89]. Д. В. Хаминов продолжил рассмотрение темы, опираясь на материалы Сибири, и выявил проявления кампании [Хаминов 2021: 165–177]. Ю. А. Ортанова реконструировала страницы кампании, обратившись к событиям, происходившим в Кабардинском государственном педагогическом институте. По мнению автора, историки трудились в условиях строгого контроля со стороны органов власти, необходимости соответствовать требованиям идеологических установок времени и политических репрессий в отношении коллег [Ортанова 2021].

Заметное место в историографии проблемы принадлежит научным трудам о влиянии кампании по борьбе с космополитизмом на судьбы советских историков [Генина и др. 2023; Исмаилова 2018; Коновалов и др. 2019: 55–58, 60–61, 102, 110, 113–114, 118–119, 120, 148, 156, 168; Мировщикова 2015; Тихонов 2013; Храмкова, Храмкова 2019]. На сегодняшний день данное исследовательское направление, предполагающее привлечение комплекса различных исторических источников, открывает новые возможности для изучения темы и находит новых авторов.

Завершающей акцией кампании по борьбе с космополитизмом в СССР явилось «дело врачей» (1953 г.).

Приоритетная тематика при изучении «дела врачей» исследователями – общественные настроения в стране. Обозначенный аспект темы раскрыт с применением региональных материалов. Авторам удалось выявить характерные проявления общественных настроений, ставшие результатом официального и неофициального обсуждения идеологических установок «дела врачей», обозначенных на страницах периодической печати². В итоге в массовом сознании сформировался образ еврея, наделенный различными негативными чертами, что было тесно связано с проявлениями антисемитизма. Степень присутствия антисемитизма могла быть различной и зависела от ситуации на той или иной территории страны [Асташкин 2015; Петренко 2021; Сперанская 2019].

В контексте обращения к историческим трудам о «деле врачей» следует отметить монографию, отражающую именно региональные аспекты кампании. В работе А. С. Кимерлинг освещены события «дела врачей» на Урале (в Молотовской³ и Свердловской областях). Автор следовал задаче целостной реконструкции политической кампании в регионе, включая определение сущности кампании и ее особенностей, политику органов власти, деятельность периодической печати, настроения общественности, национальный вопрос [Кимерлинг 2011].

Отдельную страницу кампании по борьбе с космополитизмом в СССР составляет положение еврейских общин страны. Представленные научные труды посвящены процессам, протекавшим в еврейских общинах восточной части РСФСР. В. А. Герасимова отметила сложности в существовании еврейских общин Западной Сибири в первые послевоенные годы [Герасимова 2019: 311–312]. Реконструируя историю еврейской общины Омска, Н. П. Зиберт, Н. В. Воробьева и А. П. Добровольский обратили внимание на факт ареста в январе 1953 г. в составе группы «буржуазных националистов» и последующего осуждения председателя правления общины [Воробьева 2021: 108; Воробьева, Добровольский 2022: 183; Зиберт 2020: 38]. Е. С. Генина и В. В. Шведова выявили составляющие наступления на еврейскую общину Биробиджана, последовавшего в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [Генина 2012; Шведова 2014: 105–106, 110]. Еврейские общины Омска и Биробиджана не случайно стали объектами исследований: они оказались в числе четырех общин восточной

² Арест группы врачей-вредителей. *Правда*. 13.01.1953; Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей. *Правда*. 13.01.1953.

³ Молотовская область – название Пермской области РСФСР в 1940–1957 гг.

части РСФСР, имевших официальную регистрацию, что предполагало наличие определенной активности и одновременно контроль со стороны органов власти. Зарегистрированные еврейские общины существовали в Омске, Новосибирске, Иркутске и Биробиджане⁴.

Особо следует выделить блок работ, отражающих историю кампании по борьбе с космополитизмом в регионах страны. Научные труды двух авторов объединяет подход к изучению темы. А. С. Кимерлинг, работая с материалами Прикамья, оценила наступление на космополитов как «репрессивную идеологическую кампанию» [Кимерлинг 2017]. С. А. Папков выявил и проанализировал факты осуществления репрессивной политики в Сибири в период проведения кампании [Папков 2012: 377–385]. Ряд исследований непосредственно связан с реализацией установок кампании в Кемеровской области [Генина, Макаручук 2018; Колязимова 2014: 72–97; Коновалов 2024: 145–146; Усков и др. 2023: 233–234]. На примере Кузбасса отчетливо прослеживается редко фигурирующая в научных исследованиях подробность: наступление на инженерно-техническую интеллигенцию – «дело КМК» (1949–1952 гг.), имевшее московское завершение. Сложившееся положение представляется закономерным, поскольку именно Кемеровская область стала центром борьбы с космополитизмом в Сибири.

Особой составляющей историографии проблемы выступила подготовка научных трудов о проведении идеолого-пропагандистской кампании в национальных регионах СССР. И. А. Никитина и И. Р. Такала отразили специфику кампании в шестнадцатой республике СССР – Карело-Финской ССР, обусловленную «антифинской направленностью» [Никитина, Такала 2014; Такала 2017]. Был установлен главный объект воздействия кампании: «Она проводилась в основном в отношении творческой гуманитарной финноязычной интеллигенции и русских ученых, занимавшихся проблемами литературы и фольклора Карелии» [Такала 2017: 301]. На сегодняшний день наметилась тенденция к выявлению специфики кампании по борьбе с космополитизмом в национальных регионах РСФСР. Исследователи связывают поиски «врагов» в регионах и их обвинения с особенностями деятельности местной интеллигенции и национальной культуры [Генина 2019; Костякова 2011; Курас, Кальмина 2022].

Заключение

Историографию кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, сложившуюся в 2010-х – начале 2020-х гг., характеризует наличие проблемно-тематических блоков, посвященных взаимоотношениям власти и интеллигенции, событиям «дела врачей» (1953 г.), положению еврейских общин во время кампании, региональным проявлениям кампании. Через призму подходов каждого проблемно-тематического блока исследователями были изучены идеологическая и репрессивная составляющие кампании. Первостепенное внимание авторов при обращении к проблематике взаимоотношений власти и интеллигенции было привлечено к воздействию идеолого-пропагандистской кампании на жизнь и деятельность представителей исторической науки и исторического образования. Данная проблематика в перспективе может составить самостоятельную тему исследования.

Особенностью историографического периода 2010-х – начала 2020-х гг. в отличие от предшествующего периода современной отечественной историографии стало особое внимание к теме кампании по борьбе с космополитизмом в отдельных регионах РСФСР. Налицо тенденция к определению специфики проведения кампании в национальных регионах РСФСР. При этом несомненными лидерами регионального исследовательского процесса стали ученые Урала и Сибири.

В настоящее время можно выделить вопросы, которые по-прежнему остаются дискуссионными: хронологические рамки кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, ее внутренняя периодизация, коренные отличия кампании от других идеолого-пропагандистских кампаний, проходивших в стране в середине 1940-х – начале 1950-х гг. Как и ранее, сохраняется потребность в исследованиях, специально посвященных теме идеолого-пропагандистской кампании в регионах страны. По-прежнему не исчерпана тема судеб представителей советской интеллигенции в период борьбы с космополитизмом.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 27. Л. 40, 42, 43.

Критерии авторства: Е. С. Генина – концептуализация, поиск и анализ научной литературы, подготовка и редактирование рукописи. В. А. Овчинников – дополнения в концептуализацию, подбор и анализ научной литературы.

Contribution: E. S. Genina developed the research concept, reviewed scientific publications, and wrote the manuscript. V. A. Ovchinnikov added to the research concept and wrote the review.

Литература / References

- Асташкин Д. Ю. Антисемитская реакция советского общества на «дело врачей» (по материалам Новгородского управления МГБ). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 1. С. 32–39. [Astashkin D. Yu. The anti-Semitic reaction on the Doctors' plot by the Soviet society (on materials of Novgorod KGB). *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2015, (1): 32–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvxskd>
- Воробьева Н. В. «Заслуживающих внимания проявлений в деятельности еврейской синагоги не отмечено»: иудейская община Омска в послевоенный период. *Исторический бюллетень*. 2021. Т. 4. № 3. С. 106–111. [Vorobyeva N. V. "There are no demanding manifestations in the activities of the Jewish synagogue": The Jewish community of Omsk in the post-war period. *Historical Bulletin*, 2021, 4(3): 106–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgwjul>
- Воробьева Н. В., Добровольский А. П. Государственно-конфессиональные отношения в Омской области в 1940–1980-е гг. Киров: МЦИТО, 2022. 240 с. [Vorobyeva N. V., Dobrovolsky A. P. *State-confessional relations in Omsk region in 1940–1980s*. Kirov: ICITE, 2022, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhbvbi>
- Воробьева О. В., Гончаров М. А., Киселев А. Ф., Кодола Н. В., Кожевников А. Ю., Литвинова И. В., Лубков А. В., Минаков А. С., Половецкий С. Д., Салоникес М. Я., Трубина Л. А., Хлудов А. Е. На перекрестке времен и судеб. Московскому педагогическому государственному университету 150 лет. М.: МПГУ, 2022. 832 с. [Vorobyeva O. V., Goncharov M. A., Kiselev A. F., Kodola N. V., Kozhevnikov A. Yu., Litvinova I. V., Lubkov A. V., Minakov A. S., Polovetsky S. D., Salonikes M. Ya., Trubina L. A., Khludov A. E. *At the crossroads of times and fates. Moscow State Pedagogical University is 150 Years Old*. Moscow: MSPU, 2022, 832. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/9785426311220>
- Генина Е. С. Еврейские общины Хабаровского края в середине 1940-х – начале 1950-х гг. (анализ в контексте политической ситуации). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 3. С. 47–51. [Genina E. S. The Jewish communities of Khabarovsk Region in the middle of the 1940s – early 1950s (analysis within the framework of the political situation). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (3): 47–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pevmen>
- Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (анализ современной отечественной историографии проблемы). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1-3. С. 139–146. [Genina E. S. Campaign against cosmopolitanism in Siberia (analysis of the contemporary Russian historiography of the problem). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-3): 139–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tolbzt>
- Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в оценках отечественных исследователей 1990-х – начала 2000-х гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2011. № 4. С. 22–27. [Genina E. S. The campaign against cosmopolitanism in the USSR in the appraisals of our country's researchers of the 1990s – the early 2000s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (4): 22–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oorghb>
- Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Хакасии (1949–1953 гг.). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 57. С. 87–91. [Genina E. S. Anti-cosmopolitanism campaign in Khakassia (1949–1953). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, (57): 87–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/57/15>
- Генина Е. С., Зеленин А. А., Овчинников В. А. Исай Павлович Шмидт: историк, педагог, пропагандист. Кемерово: КРИПО, 2023. 150 с. [Genina E. S., Zelenin A. A., Ovchinnikov V. A. *Isai Pavlovich Shmidt: Historian, teacher, and propagandist*. Kemerovo: KRIRPO, 2023, 150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jkhchf>

- Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в Западной Сибири 1945–1953 гг. (современная отечественная историография проблемы). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 3. С. 14–21. [Genina E. S., Kolyazimova M. M. Ideological campaigns in Western Siberia in 1945–1953 (contemporary Russian historiography of the problem). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 14–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-14-21>
- Генина Е. С., Макачук С. В. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953 гг.). Кемерово: КРИПО, 2018. 176 с. [Genina E. S., Makarchuk S. V. *The fight against cosmopolitanism: Political affairs and revelations in Kemerovo region (1949–1953)*. Kemerovo: KRIRPO, 2018, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywzodr>
- Герасимова В. А. Еврейские общины Западной Сибири в XIX–XXI вв.: социокультурный облик. *Научный диалог*. 2019. № 6. С. 305–320. [Gerasimova V. A. Jewish communities of Western Siberia in the 19th–21st centuries: Sociocultural image. *Nauchnyi Dialog*, 2019, (6): 305–320. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-305-320>
- Гижов В. А. Идеологические кампании в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.): анализ современной отечественной историографии. *Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы*: Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 12–15 февраля 2018 г.) Саратов: ЦеСАин, 2018. С. 154–159. [Gizhov V. A. Ideological campaigns in the first post-war years (1945–1953): Analysis of modern Russian historiography. *Agrarian science in the XXI century: Problems and prospects*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Saratov, 12–15 Feb 2018. Saratov: TseSAin, 2018, 154–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysnwkg>
- Зиберт Н. П. Положение иудейской общины Омска в контексте религиозной политики государства во второй половине 1945-х – 1960-е гг. *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 2. С. 34–39. [Zibert N. P. The situation of the Jewish community of Omsk in the context of religious policy of the state in the second half of the 1945–1960s. *Izvestiya of Altai State University*, 2020, (2): 34–39. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)2-05](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)2-05)
- Игонина Д. С. Борьба с космополитизмом в Горьковском государственном университете в 1950-х гг. *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова)*: VII Арсентьевские чтения. (Чебоксары, 12–14 октября 2017 г.) Чебоксары: Среда, 2017. Т. 1. С. 160–164. [Igonina D. S. The anti-cosmopolitan campaign at Gorky State University in the 1950s. *Paradigms of university history and prospects of university studies: 50th Anniversary of Chuvash State University*: Proc. VII Arsenyev Readings, Cheboksary, 12–14 Oct 2017. Cheboksary: Sreda, 2017, vol. 1, 160–164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zoirap>
- Исмаилова З. А. Кампания по борьбе с космополитами в исторической науке в 1948–1953 гг. и роль в ней М. В. Нечкиной. *Вестник Брянского государственного университета*. 2018. № 1. С. 43–54. [Ismailova Z. A. The campaign on struggle against cosmopolitans in historical science in 1948–1953 and the role of M. V. Nechkina in it. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (1): 43–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-01-43-54>
- Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: ВШЭ, 2017. 211 с. [Kimerling A. S. *Do what you are told but be cunning: Political campaigns of the late Stalin era*. Moscow: HSE, 2017, 211. (In Russ.)]
- Кимерлинг А. С. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: ПГИИК, 2011. 163 с. [Kimerling A. S. *Before the end of terror. The Doctors' plot in Ural Province*. Perm: PSIAC, 2011, 163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpsugj>
- Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг.: по материалам Кемеровской области. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 123 с. [Kolyazimova M. M. *Ideological campaigns in the USSR 1946–1953: Based on materials from the Kemerovo Region*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 123. (In Russ.)]
- Коновалов А. Б. Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). (История Кузбасса. Т. 3. Кн. I. 1941–1964.) Кемерово: ArtAvis, 2024. 568 с. [Konovalov A. B. *Kuzbass from the Great Patriotic War to the Collapse of the USSR (1941–1991)*. (History of Kuzbass. Vol. 3. Book I. 1941–1964.) Kemerovo: ArtAvis, 2024, 568. (In Russ.)]

- Коновалов А. Б., Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Карпинец А. Ю. Кемеровский государственный университет: очерки предыстории и становления в советский период (1949–1991). Кемерово: КемГУ, 2019. 614 с. [Konovalov A. B., Blinov A. V., Ermolaev A. N., Karpinets A. Yu. *Kemerovo State University: Essays on Prehistory and the Formation in the Soviet Period (1949–1991)*. Kemerovo: KemSU, 2019, 614. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/beygom>
- Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 2003. 784 с. [Kostyrchenko G. V. *Secret policy of Stalin. Power and anti-Semitism*. 2nd ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2003, 784. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcnldp>
- Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия). Ч. 2. На фоне холодной войны. М.: Междунар. отношения, 2015. 672 с. [Kostyrchenko G. V. *Secret policy of Stalin. Power and anti-Semitism (new version). Pt. II. Amid the Cold War*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2015, 672. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymjkyx>
- Костякова Ю. Б. Особенности борьбы с космополитизмом в национальном регионе (по материалам прессы Хакасии). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7-2. С. 124–130. [Kostyakova Yu. B. The features of struggle against cosmopolitanism within an ethnic region (by the materials of Khakassia press). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, (7-2): 124–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oipubb>
- Крайнева И. А. Жизнь как пазл, или еще раз о непростой биографии Юрия Борисовича Румера. *Вопросы истории естествознания и техники*. 2015. Т. 36. № 2. С. 344–367. [Krayneva I. A. Biography as puzzle: The difficult life of Yuri Borisovich Rumer (1901–1985). *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 2015, 36(2): 344–367. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubdytr>
- Курас Л. В., Кальмина Л. В. Метаморфозы еврейской жизни в Бурят-Монгольской АССР: от «безродных космополитов» до «панмонголистов». *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 78. С. 32–37. [Kuras L. V., Kalmina L. V. Jewish life metamorphoses in Buryat-Mongolian ASSR: From rootless cosmopolitans to Panmongolists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2022, (78): 32–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/78/5>
- Макарчук С. В., Генина Е. С., Гончаров Ю. М. Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI в. в оценках современных отечественных исследователей. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 64. С. 108–115. [Makarchuk S. V., Genina E. S., Goncharov Yu. M. Issues of the history of Jewish communities in Siberia of the 20th – early 21st century as viewed by contemporary Russian researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, (64): 108–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/64/14>
- Мировщикова А. А. Борьба с космополитизмом в советском антиковедении: дело С. Я. Лурье. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 24. С. 202–209. [Mishchnikova A. A. Fight against cosmopolitanism in Soviet antiquity: The case of S. Y. Lurie. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, (24): 202–209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjludp>
- Никитина И. А., Такала И. Р. «Карельские космополиты»: финский драматический театр в 1946–1953 годах. *Труды Карельского научного центра РАН*. 2014. № 3. С. 125–133. [Nikitina I. A., Takala I. R. "Karelian cosmopolitans": Finnish Drama Theatre in 1946–1953. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2014, (3): 125–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgzrnf>
- Ортанова Ю. А. Историческое образование в Кабардинском государственном пединституте в условиях идеологических кампаний послевоенного сталинизма (1946–1953 гг.). *Научная мысль Кавказа*. 2021. № 1. С. 87–93. [Ortanova Yu. A. Historical department of Kabardinian State Pedagogical Institute under the pressure of the ideological campaigns of post-war Stalinism (1946–1953). *The Caucasus Scientific Thought*, 2021, (1): 87–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkvyto>
- Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с. [Papkov S. A. *Terror as it is. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpxobp>
- Петренко М. С. Антисемитизм как отражение антиценностей советского человека (на материалах «дела врачей» Новосибирска и Томска 1953 года). *Актуальные вопросы истории Сибири: 13 научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина*. (Барнаул, 7–8 октября 2021 г.) Барнаул: Азбука, 2021. С. 150–154.

- [Petrenko M. S. Anti-Semitism as a reflection of the anti-values of the Soviet man: The Doctors' plot in Novosibirsk and Tomsk in 1953. *Topical issues in the history of Siberia*: Proc. 13 Sci. Readings in memory of Prof. A. P. Borodavkin, Barnaul, 7–8 Oct 2021. Barnaul: Azbuka, 2021, 150–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cblhpf>
- Сперанская А. Н. Вузовская интеллигенция Урала в послевоенных идеологических кампаниях. *Наука ЮУрГУ*: 70 науч. конф. (Челябинск, 25 апреля – 4 мая 2018 г.) Челябинск: ЮУрГУ, 2018. С. 264–271. [Speranskaya A. N. University Intelligentsia of the Urals in Post-War Ideological Campaigns. *Science of South Ural State University*: Proc. 70 Sci. Conf., Chelyabinsk, 25 Apr – 4 May 2018. Chelyabinsk: SUSU, 2018, 264–271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqboip>
- Сперанская А. Н. Идеологические кампании 1946–1953 годов и научно-педагогическая интеллигенция Урала. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. № 5-1. С. 100–104. [Speranskaya A. N. Ideological campaigns in 1946–1953 and the scientific and pedagogical intelligentsia of the Urals. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, (5-1): 100–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgioip>
- Сперанская А. Н. Общественная реакция на «дело врачей» (на материалах Челябинской области). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2019. Т. 19. № 2. С. 68–72. [Speranskaya A. N. Public reaction to "The Case of Doctors" (based on the materials of Chelyabinsk region). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2019, 19(2): 68–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ssh190209>
- Такала И. Р. Идеологические кампании позднего сталинизма в Карело-Финской ССР в 1946–1953-е годы. *Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы*: IX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г.) М.: РОССПЭН, 2017. С. 294–301. [Takala I. R. Ideological campaigns of late Stalinism in the Karelo-Finnish SSR in 1946–1953. *Culture and power in the USSR. 1920–1950s*: Proc. IX Intern. Sci. Conf. St. Petersburg, 24–26 Oct 2016. Moscow: ROSSPEN, 2017, 294–301. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynclpq>
- Тихонов В. В. Архив РАН: документы личных фондов историков о кампаниях борьбы с «объективизмом» и «космополитизмом». 1948–1950 гг. *Вестник архивиста*. 2012. № 3. С. 99–108. [Tikhonov V. V. Documents of the history of campaigns against "objectivism" and "cosmopolitanism" (1948–1950) in the personal papers of historians in the Archive of the Russian Academy of Sciences. *Herald of an Archivist*, 2012, (3): 99–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfntyx>
- Тихонов В. В. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в Московском историко-архивном институте (1948–1949 гг.). *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании*: XXIX Междунар. науч. конф. (Москва, 13–15 апреля 2017 г.) М.: ИВИ РАН, 2017. С. 306–308. [Tikhonov V. V. The fight against "objectivism" and "cosmopolitanism" at the Moscow historical and archival institute (1948–1949). *Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge*: Proc. XXIX Intern. Sci. Conf., Moscow, 13–15 Apr 2017. Moscow: IWN RAS, 2017, 306–308. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbfzfy>
- Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.-СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с. [Tikhonov V. V. *Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science in mid-1940s–1953*. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 424. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xezhrd>
- Тихонов В. В. Историк Е. Н. Городецкий и кампания по борьбе с «безродным космополитизмом». *Исторический журнал: научные исследования*. 2013. № 2. С. 127–136. [Tikhonov V. V. Historian E. N. Gorodetsky and the Campaign to Combat the "Rootless Cosmopolitanism". *History magazine – researches*, 2013, (2): 127–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pznzxn>
- Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. 218 с. [Tikhonov V. V. *Historians, ideology, and power in Russia in the XX century*. Essays. Moscow: IRH RAS, 2014, 218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thdjpb>
- Тобольцева Н. М. Политические кампании в печати в условиях усиления идеологического диктата ВКП(б) (1946–1951 гг.). *Вестник Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика*. 2011. № 3. С. 88–106. [Toboltseva N. M. Political campaigns under growing ideological dictatorship of Communist Party in 1946–1951. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2011, (3): 88–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oioeozt>
- Усков И. Ю., Коновалов А. Б., Ковалева Н. С., Галкина Л. Ю., Захарова И. В. Город Кемерово. Страницы истории (1918–1991 годы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2023. 383 с. [Uskov I. Yu., Kononov A. B., Kovaleva N. S., Galikina L. Yu., Zakharova I. V. *Город Кемерово. Страницы истории (1918–1991 годы)*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2023. 383 с.]

- Galkina L. Yu., Zakharova I. V. *The City of Kemerovo. Pages of History (1918–1991)*. Kemerovo: Kuzbassvuzdat, 2023, 383. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qryuxc>
- Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: ТГУ, 2011а. 270 с. [Khaminov D. V. *Historical education and science at Tomsk University in the late XIX – early XXI centuries*. Tomsk: TSU, 2011a, 270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scikth>
- Хаминов Д. В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М.: РОССПЭН, 2021. 221 с. [Khaminov D. V. *Historical education, science, and historians of the Siberian periphery during the years of Stalinism*. Moscow: ROSSPEN, 2021, 221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ehrfxr>
- Хаминов Д. В. Общественно-политическая жизнь и идеологические кампании на историко-филологическом факультете Томского государственного университета во второй половине 1940-х – 1950-е гг. *Вестник Томского государственного университета*. 2011b. № 347. С. 88–91. [Khaminov D. V. Political life and ideological campaigns at the Department of History and Philology of Tomsk State University in 1940s–1950s. *Tomsk State University Journal*, 2011b, (347): 88–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mlahnp>
- Храмкова Е. Л., Храмкова Н. П. «Дело» Соломона Герцевича Басина: частный случай из региональной практики политико-идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х годов. *Самарский научный вестник*. 2019. Т. 8. № 3. С. 226–238. [Khramkova E. L., Khramkova N. P. The case of Solomon Gertsevich Basin: Regional practice of political and ideological campaigns of the second half of the 1940s – early 1950s. *Samara Journal of Science*, 2019, 8(3): 226–238. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13220>
- Шведова В. В. История становления и развития иудаизма в Еврейской автономной области. *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*. 2014. № 3. С. 103–111. [Shvedova V. V. The history of formation and development of Judaism in the Jewish Autonomous region. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema*, 2014, (3): 103–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/toplsh>
- Юдин К. А. «Безродный космополитизм» и советские кинематографисты в условиях «холодной войны». *Вопросы истории*. 2022. № 12-3. С. 26–39. [Yudin K. A. "Rootless cosmopolitanism" and Soviet filmmakers in the conditions of the Cold War. *Voprosy Istorii*, 2022, (12-3): 26–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi123>
- Юдин К. А. Борьба с «формализмом» в советской музыке (вторая половина 1940 – начало 1950-х гг.). *Россия XXI*. 2019. № 5. С. 122–139. [Yudin K. A. The fight against "formalism" in Soviet music in the late 1940s – early 1950s. *Russia XXI*, 2019, (5): 122–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbdbyu>
- Юдин К. А. Советская кинополитика накануне и в период «холодной войны». Иваново: АО «Информатика», 2023. 430 с. [Yudin K. A. *Soviet film policy on the eve and during the Cold War*. Ivanovo: AO "Informatika", 2023, 430. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbnnbm>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qtktotx>

Распространение пятидесятничества и харизматического движения в России в 1991–2020 гг.

Мязин Николай Александрович

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Россия, Калуга

eLibrary Author SPIN: 6404-6207

<https://orcid.org/0000-0002-9819-0732>

marknote@rambler.ru

Аннотация: Анализируются особенности распространения самой многочисленной в мире протестантской деноминации – пятидесятничества – в постсоветский период. Основное внимание в работе уделено анализу причин быстрого распространения пятидесятничества в 1990–2000-е гг., выявлению причин замедления и прогнозам дальнейшего развития. Пятидесятничество отличал особый духовный опыт – крещение Святым Духом и вера в возможность совершения чудес в обычной жизни. На момент распада СССР пятидесятничество в России было значительно более слабо развито в сравнении с Украиной и Белоруссией. Большинство российских церквей принадлежали к нерегистрированному братству, религиозная культура которого из-за самоизоляции не менялась с 1950-х гг., а само общество значительно изменилось, поэтому основное развитие в начале 1990-х гг. обеспечили иностранные миссионеры. Централизация российских пятидесятников объясняется в первую очередь изменением религиозного законодательства. Новые общины получили право регистрации через присоединение к централизованным религиозным организациям. Классические пятидесятники объединились в Российскую церковь христиан веры евангельской, церкви харизматического направления – в Российский объединенный союз христиан веры евангельской, они стали независимы от международных организаций. Нерегистрированные церкви сохранили наднациональный характер – Объединенная церковь христиан веры евангельской включает общины всего постсоветского пространства. В 2000-е гг. пятидесятнические церкви стали активно заниматься социальной деятельностью преимущественно в области реабилитации алко- и наркозависимых, число реабилитационных центров превысило показатели Русской Православной Церкви. За 30 лет число пятидесятников выросло в 13 раз – до 280 тысяч взрослых крещеных членов. Основной причиной быстрого роста был характер пятидесятничества, сочетающий активную социальную деятельность, присущую протестантизму, с верой в возможность совершения чудес в обычной жизни. Пятидесятникам также присуща высокая миссионерская активность – большинство пытались обратить в свою веру родственников и друзей. Сделан вывод, что основным фактором, затрудняющим развитие пятидесятничества, является секуляризация общества, а также то, что православие – часть национальной идентичности для многих россиян. Основным источником пополнения общин стали дети верующих родителей. Можно сделать прогноз, что дальнейший рост числа пятидесятников маловероятен.

Ключевые слова: пятидесятничество, харизматическое движение, протестантизм, христианство, миссионерство, конфессиональная политика, история России конца XX – начала XXI в.

Цитирование: Мязин Н. А. Распространение пятидесятничества и харизматического движения в России в 1991–2020 гг. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 940–950. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-940-950>

Поступила в редакцию 14.08.2024. Принята после рецензирования 15.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Pentecostalism and Charismatic Movement in Russia in 1991–2020

Nikolai A. Miazin

Kaluga State University, Russia, Kaluga

eLibrary Author SPIN: 6404-6207

<https://orcid.org/0000-0002-9819-0732>marknote@rambler.ru

Abstract: Pentecostalism is one of the world's most numerous branches of Protestantism. It emerged in the United States in 1906 and began to spread to the USSR in the 1920s. Pentecostalism presupposes baptism of the Holy Spirit and miracles in the mundane. At the time of the collapse of the USSR, Pentecostalism was less popular in Russia than in Ukraine and Belarus. As a result of the long isolation, most Russian Pentecostal churches maintained the religious culture that had not changed since the 1950s. They embraced foreign missionaries in the early 1990s in an attempt to catch up with the social changes. The centralization of Russian Pentecostals was brought about by the changes in religious legislation. New congregations had to join larger congregations to get an official registration. Classical Pentecostals united into the Russian Church of Christians of the Evangelical Faith, and the charismatic churches united into the Russian Union of Christians of the Evangelical Faith; both became independent from international organizations. Unregistered churches retained their supranational character: the United Church of Christians of the Evangelical Faith included communities throughout the post-Soviet space. In the 2000s, Pentecostal churches launched a lot of social projects, primarily in the field of rehabilitation. They had more rehabilitation centers for alcoholics and drug addicts than the Russian Orthodox Church. The number of Pentecostals grew 13 times in 30 years, reaching 280,000 adult members. The rapid growth could be explained by the active social activities and the belief in miracles. In addition, Pentecostals have always been active missionaries: they see it as their mission to convert relatives and friends to their faith. The main factors hindering the development of Pentecostalism in Russia are the social secularization and the strong link between Orthodoxy and the national identity. As a result, children of Pentecostal parents are the main source of replenishment for Pentecostal congregations, which is a serious obstacle for the spread of Pentecostalism in Russia.

Keywords: Pentecostalism, Charismatic movement, Protestantism, Christianity, missionary movement, confessional policy, history of Russia in the late XX – early XXI century

Citation: Miazin N. A. Pentecostalism and Charismatic Movement in Russia in 1991–2020. *SibScript*, 2024, 26(6): 940–950. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-940-950>

Received 15 Aug 2024. Accepted after peer review 15 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Пятидесятничество является наиболее многочисленной деноминацией в современном протестантизме. По данным метаисследования Д. Брауна и П. Джеймса, в 2015 г. в мире насчитывалось 200 млн пятидесятников [Brown, James 2019]. Пятидесятничество возникло в 1906 г. в США, его отличает наличие особого духовного опыта – крещения Святым Духом. Пятидесятники считают, что верующие могут получить духовные дары: говорение на иных языках (глоссолалия), исцеление и пророчество.

История российских пятидесятников в советскую эпоху подробно рассмотрена в книге М. И. Одинцова

[Одинцов 2012], исследователь имел опыт работы в аппарате Совета по делам религий при Совете министров СССР. Развитие пятидесятничества в 1990-е – начале 2000-х гг. рассмотрено в работах Р. Н. Лункина, который отмечал приверженность пятидесятников демократическим принципам и в то же время наибольшую адаптивность к изменяющимся условиям постсоветского общества [Лункин 2005]. Написано значительное число работ, посвященных исследованию деятельности пятидесятников в отдельных регионах России. В качестве источниковой базы используются в первую очередь собственные данные организаций.

Цель – рассмотреть историю пятидесятничества в постперестроечный период. Задачи: проанализировать процесс роста числа прихожан пятидесятнических общин, исследовать распространение харизматического движения и создание новых пятидесятнических объединений, оценить перспективы развития. Данная работа может быть полезна как исследователям истории религий, так и специалистам в области государственно-конфессиональных отношений. Автор данной статьи на протяжении почти десятилетия работал в данной сфере и взаимодействовал со всеми пятидесятническими объединениями.

Первые россияне перешли в пятидесятничество в 1911 г. Более масштабно новое учение начало распространяться в 1920-е гг., центрами стали Одесса, где работал миссионер американских «Ассамблей Бога» И. Е. Воронаев, и Западная Украина и Белоруссия, где действовала «Восточноевропейская миссия» Густава Шмидта, которая также финансировалась «Ассамблеями Бога». Благодаря последователям И. Е. Воронаева пятидесятничество проникло и на территорию советской России [Горбатов, Федорович 2023: 751]. Проповедь пятидесятников о крещении Духом Святым, знамениях и харизматических дарах получила значительный отклик в среде баптистов. В пятидесятничество переходили и представители духовного христианства [Никольская 2011: 171–172].

В послевоенные годы советское руководство не допускало создания пятидесятнического религиозного центра. Пятидесятническим общинам предписывалось войти в состав Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВС ЕХБ). Во время антирелигиозной кампании Н. С. Хрущева пятидесятников обвиняли в организации человеческих жертвоприношений, что являлось частью пропагандистской кампании. Репрессиям подвергались руководители нерегистрированных церквей, которые являлись наследниками союза И. Е. Воронаева [Федотов 2006: 315, 331].

В конце 1960-х гг. пятидесятники получили право автономной регистрации церквей, изменение религиозной политики было вызвано расколом ВС ЕХБ и переходом значительной части баптистских общин на нелегальное положение. Перед распадом СССР в России насчитывалось 20 тыс. членов церкви, большинство из них принадлежали к нерегистрированному братству. На Украине и в Белоруссии проживало более 80 тыс. пятидесятников, $\frac{3}{4}$ из них состояло в общинах, имевших государственную регистрацию [Ефимов 1995: 283–286].

Результаты

За 1991–2020 гг. число российских пятидесятников выросло в 13 раз – до 280 тыс. человек, основной рост пришелся на зарегистрированные церкви, которые в советские годы составляли меньшинство (табл.). Доля пятидесятников среди протестантов выросла с 18 до 55 %.

Табл. Число протестантов в России (совершеннолетних, принявших крещение), тыс. человек

Tab. Baptized adult members of Protestant church in Russia, thousand people

Протестанты	1991	2020
Баптисты (РС ЕХБ)	61,2 ¹	70 ²
Баптисты (нерегистрированные)	–	34 ³
Пятидесятники (зарегистрированные)	5,3	~230 ⁴
Пятидесятники (нерегистрированные)	15,5 [Ефимов 1995: 283–286]	46 ⁵
Адвентисты	8,7 ⁶	44 ⁷
Прочие протестанты	–	~75
Всего (% населения)	~100–120 (0,1 %)	~500 (0,4 %)

¹ Съезд представителей церквей евангельских христиан-баптистов Российской Федерации. *Братский вестник*. 1990. № 2. URL: https://mbchurch.ru/publications/brotherly_journal/3487/ (дата обращения: 03.08.2024).

² Member Unions. *Baptist World Alliance*. URL: <https://baptistworld.org/members/> (accessed 3 Aug 2024).

³ Статистические данные по молодежи МСЦ ЕХБ. 01.07.2020. URL: <https://telegra.ph/Statisticheskie-dannye-po-molodezhi-MSC-EHB-06-01> (дата обращения: 03.08.2024).

⁴ Оценка основана на соотношении числа зарегистрированных организаций баптистов и пятидесятников России, Украины, Белоруссии и числа членов тех религиозных организаций, в отношении которых имеется информация.

⁵ Современное состояние ОЦХВЕ. *Объединенная Церковь Христиан Веры Евангельской России*. 18.09.2013. URL: <https://ochve.ru/istorija/sovremennoe-sostoyanie-oczhive.html> (дата обращения: 03.08.2024).

⁶ 129th Annual Statistical Report – 1991. General Conference of Seventh-day Adventists. Maryland, 1992. P. 12. URL: <https://documents.adventistarchives.org/Statistics/ASR/ASR1991.pdf> (accessed 3 Aug 2024).

⁷ 2021 Annual Statistical Report. General Conference of Seventh-day Adventists. 2021. P. 18. URL: <https://documents.adventistarchives.org/Statistics/ASR/ASR2021.pdf> (accessed 3 Aug 2024).

Реакцией на быстрое распространение протестантских деноминаций стало принятие региональных законов, требующих от миссионеров получать специальную регистрацию, первый из которых был принят в 1994 г. в Тульской области. Подобные законы были приняты в 23 субъектах РФ, в большинстве были отменены⁸. В 2016 г. в рамках «Закона Яровой» было введено регулирование миссионерской деятельности на федеральном уровне⁹. По нашему мнению, влияние данных законов на успех протестантской миссии было не слишком велико.

В 2010-е гг. рост пятидесятников замедлился, число баптистов и адвентистов стало уменьшаться. Основным фактор, влияющий на снижение успеха миссионерства, – секуляризация – является проблемой для всех христианских деноминаций. В 2010-е гг. стала уменьшаться посещаемость ночного пасхального богослужения в православных церквях¹⁰.

По нашим оценкам, большинство российских пятидесятников входят в состав одного из трех союзов:

- Объединенная церковь христиан веры евангельской (ОЦХВЕ) (около 50 тыс. взрослых крещеных членов церкви);
- Российская церковь христиан веры евангельской (РЦХВЕ) создана на основе церквей, имеющих автономную регистрацию, и церквей, основанных миссионерами из Украины и Белоруссии (90–100 тыс. членов церкви);
- Российский объединенный союз христиан веры евангельской (РОСХВЕ) объединил церкви, созданные при содействии зарубежных миссионеров, и церкви нерегистрированного братства, перешедшие к использованию харизматических практик (110–120 тыс. членов церкви).

Руководители РОСХВЕ и РЦХВЕ не публикуют данные о численности членов церкви. По мнению автора, это вызвано тем, что харизматы, входящие в эти союзы (прежде всего в РОСХВЕ), рассматривают в качестве единоверцев тех, кто когда-нибудь произнес молитву покаяния, а таких в разы больше, чем постоянных прихожан [Кормина 2013: 311].

Объединенная церковь христиан веры евангельской

Нерегистрированное братство в 1950-е гг. объединило общины, которые отказались от отношения с советским государством и выполнения требований советского религиозного законодательства. Инспектор Совета по делам религий, побывавший в 1984 г. в г. Малоярославец, где проживал лидер нерегистрированного братства И. П. Федотов, отмечал, что административные комиссии неправомерно штрафовали не только организаторов, но и рядовых верующих, что способствовало их сплочению вокруг «вожаков-экстремистов»¹¹.

Во время Перестройки произошел раскол между московской и киевской церквями, в основе которого лежали стремление российского лидера И. П. Федотова сохранить обязательность отказа в регистрации и нежелание украинского лидера В. И. Белых принимать это в качестве догмата. В 1992 г. благодаря посредничеству Карла Ричардсона из «Церкви Бога» раскол был преодолен. ОЦХВЕ сохранила наднациональный характер, она объединяет церкви на территории бывшего СССР¹². В то же время несколько крупных московских общин, выступающих за введение харизматических элементов богослужения, покинули братство.

В середине 1990-х гг. ОЦХВЕ отказалась от прямого сотрудничества с американскими объединениями, такими как «Церковь Божия», т. к. считала их недостаточно консервативными, но продолжала использовать работы пятидесятнических богословов консервативного направления – Берта Кленденнена и Билла Буркетта. ОЦХВЕ придерживается кальвинистских принципов – вера в божественное предопределение к спасению и отрицание возможности спасения в других христианских деноминациях [Лункин 2003b: 297], церкви поддерживают отношения с общинами эмигрантов, которые проживают в Германии и США.

В России идее об отказе от государственной регистрации придан сакральный характер. В 1995 г. принята Декларация «об отделенности церкви от государства» (разработана Р. Циммерманом и В. Мурашкиным),

⁸ О некоторых аспектах законодательства о миссионерской деятельности в субъектах РФ. Дума Ставропольского края. 09.10.2015. URL: <https://www.dumask.ru/analiticheskie-materialy/analiticheskie-zapiski/item/15035-o-nekotorykh.html> (дата обращения: 03.08.2024).

⁹ О внесении изменений в ФЗ «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. ФЗ № 374-ФЗ от 06.07.2016. СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Сотрудники МВД России обеспечили охрану общественного порядка и безопасность во время празднования православной Пасхи. МВД РФ. 16.04.2023. URL: <https://мвд.рф/news/item/37453775/> (дата обращения: 03.08.2024).

¹¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Р-3501. Оп. 1. Д. 236. Л. 3.

¹² Тематическая программа библейской школы по вероучению ОЦХВЕ. Винница: Слово христианина, 1998. С. 26–27.

в которой обозначено: «Регистрация Церкви у земных властей вносит чуждые ей мирские символы и значения, за которыми, несомненно, скрывается глубокий духовный смысл» [Филатов, Лункин 2016: 184]. В качестве юридических лиц создавались аффилированные с церковью благотворительные миссии. Запрет регистрации распространялся только на Россию, в остальных странах общины получили право автономной регистрации [Лункин 2003b: 297].

Большинство нерегистрированных пятидесятников отказываются от воинской службы по соображениям совести, но это не носит догматический характер. Нерегистрированные пятидесятники сохранили многие черты дресс-кода 1950-х гг.: женщины и в церкви, и в быту носят косынки, мужчины – брюки и рубашки с длинным рукавом, запрещается использовать косметику и носить обручальные кольца, в церквях не используется современная музыка. В 2010-е гг. автор неоднократно посещал церковь ОЦХВЕ г. Малоярославец и сделал вывод, что нерегистрированные пятидесятники по-прежнему отделают себя от мира, в отличие от зарегистрированных собратьев, которые стремятся изменить мир.

Консервативные пятидесятники выступают против акцента на молитвах «на языках» и обвиняют харизматов в легковесности и работе на публику. При этом жесткого противостояния с зарегистрированными церквями (как это произошло с нерегистрированными баптистами) нет. Возможно, это связано с тем, что со временем большинство харизматических церквей стали иметь более консервативный характер. Часть молодежи из ОЦХВЕ впоследствии переходила в менее консервативные пятидесятнические церкви, которые не противопоставляли себя миру.

Число нерегистрированных пятидесятников в России выросло с 15,5 тыс. в 1991 г. [Ефимов 1995: 283–286] до 46 тыс. в 2013 г.¹³, несмотря на то что миссионерская привлекательность крайне консервативной церкви уступала церквям более современного направления. Рост церквей происходил во многом за счет очень большого числа детей, связанного с запретом планирования семьи.

ОЦХВЕ отличается от других пятидесятнических церквей отсутствием десятины, вместо этого с прихожан собирают целевые средства на конкретные статьи

расходов, чаще всего в относительно небольшом раз-
мере, многие пасторы церквей, в том числе действующий руководитель ОЦХВЕ Г. А. Бабий, не получают зарплату из церковной кассы¹⁴. Концепция бедной церкви значительно ограничивает возможности социальной деятельности.

Для ОЦХВЕ характерна значительная роль центрального руководства. В какой-то мере это уравнивается тем, что при принятии важных решений придается значение пророчествам, произносить которые могут как руководство, так и рядовые члены, чаще всего это делают женщины [Мокієнко 2007: 273].

Первым руководителем объединенной церкви стал епископ из приднестровского г. Рыбница В. И. Белых, в 2001 г. его сменил И. П. Федотов из г. Малоярославец Калужской области. После смерти И. П. Федотова в 2011 г. начальствующим епископом стал Г. А. Бабий из г. Кривой Рог Днепропетровской области Украины. ОЦХВЕ России возглавляет В. В. Ноздрин.

Российская церковь христиан веры евангельской

В 1989 г. пятидесятнические общины покинули ВС ЕХБ и совместно с зарегистрированными автономно общинами стали вести работу по объединению. Учредительный съезд прошел в марте 1991 г., в связи с распадом СССР было решено, что национальные церкви будут развиваться самостоятельно, сохраняя между собой братские отношения [Мурза 2013: 176–178]. Союз христиан веры евангельской в России создан в 1991 г., в 2003 г. переименован в РЦХВЕ. После принятия в 1997 г. закона о свободе совести и о религиозных объединениях¹⁵ для создания религиозной организации требовалось иметь подтвержденный стаж деятельности на территории России в течение 15 лет или входить в состав централизованной религиозной организации. Вследствие этого к Союзу присоединились несколько харизматических церквей, руководители крупнейших из них были включены в состав правления. Против харизматов выступила часть пасторов, лидером которых стал старший пресвитер Нижегородской области Евгений Дулесин. Была создана согласительная комиссия при участии руководства церквей России, Украины и Белоруссии. Были утверждены положения о том, что пастором может стать только мужчина

¹³ Современное состояние ОЦХВЕ...

¹⁴ Георгий Бабий об ОЦХВЕ. *ОЦХВЕ Рига*. 02.05.2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GqR804GOAI&ab_channel=ОЦХВЕРига (дата обращения: 03.08.2024).

¹⁵ О свободе совести и о религиозных объединениях. ФЗ № 125-ФЗ от 26.09.1997. СПС КонсультантПлюс.

(исключение сделано для тех женщин, которые уже были рукоположены), подчеркивалась необходимость соблюдения христианских моральных ценностей, запрета алкоголя и экстатических духовных практик, в том числе «святого смеха», введен минимальный стаж пребывания в церкви в течение 3,5 лет для рукоположения. В. М. Мурза рассматривал харизматическое движение как инструмент для евангелизации и надеялся, что церкви харизматов будут эволюционировать к более умеренным формам служения [Лункин 2003d: 270, 273], этот прогноз оправдался.

В 2000 г. Россия была разделена на федеральные округа, РЦХВЕ ввела должности заместителей начальствующего епископа в федеральных округах, которые также входили в состав правления. В 1990–2002 гг. церковь возглавлял В. М. Мурза, его преемником был избран П. Н. Окара, в 2009 г. начальствующим епископом стал Э. А. Грабовенко, который является епископом пермской церкви «Новый завет» – самой крупной церкви Союза.

На развитие РЦХВЕ большое влияние оказали миссионеры из Украины и Белоруссии, среди них киевская харизматическая церковь «Эммануил» и минская мегацерковь «Благодать». Из 14 членов правления РЦХВЕ 9 прибыли в Россию как миссионеры: 6 – из Украины (3 – из Днепропетровской, 2 – из Ровенской, 1 – из Черновицкой области), 3 – из Брестской области Белоруссии¹⁶.

В настоящее время в РЦХВЕ состоят 2,2 тыс. церквей и религиозных групп¹⁷, оценочная численность членов церкви составляет 90–100 тыс. взрослых прихожан.

РЦХВЕ входит в состав Международной ассамблеи христиан веры евангельской (МАХВЕ) (до 1994 г. – Объединенный союз ХВЕ, до 1998 г. – Объединенный Евроазиатский Союз христиан веры евангельской (пятидесятников)). В учреждении МАХВЕ участвовали шесть национальных союзов: украинский, российский, белорусский, молдавский, литовский, латвийский. Ассамблея координирует деятельность национальных союзов, оказывает совместную помощь

в подготовке служителей церквей, сохраняет единство вероучения. Позднее к МАХВЕ присоединились церкви Армении, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Узбекистана и эмигрантские славянские церкви США, Германии, Канады и Польши¹⁸. В МАХВЕ входят 8,3 тыс. общин в 19 пятидесятнических союзах из 14 стран. Президентом Ассамблеи избирается на два года руководитель одного из национальных союзов. В первые годы в Ассамблее преобладало влияние украинских епископов. В 2018–2020 гг. Ассамблею возглавлял руководитель РЦХВЕ Э. А. Грабовенко, в настоящее время – руководитель церкви Молдавии В. Павловский¹⁹.

Российский объединенный союз христиан веры евангельской

В 1980-е гг. в нерегистрированном братстве усилились противоречия по вопросу адаптации церкви к современным реалиям и возможности использования харизматических духовных практик. В 1995 г. из ОЦХВЕ исключили епископа С. В. Ряховского, который вышел вместе со своей общиной и основал Российский союз христиан веры евангельской «Церковь Божия», в 1997 г. преобразованный в Российский объединенный союз христиан веры евангельской (РОСХВЕ). После принятия в 1997 г. закона о свободе совести и о религиозных объединениях многие церкви вошли в состав РОСХВЕ на правах независимых ассоциаций, которые существенно различаются между собой в организационном и догматическом плане. В состав РОСХВЕ на правах ассоциаций вошли церкви, основанные при содействии пятидесятнических и харизматических миссионеров из США (Церковь Божия; Общение Калвари; Рема; Глобальная стратегия), Швеции (Слово жизни), Латвии (Свет Евангелия), Бразилии (Царство Божие) [Лункин 2003а: 263]. Небольшие региональные общины включались в состав действующих ассоциаций [Дашковский, Дворянчикова 2021: 149]. В Союз вошли харизматические общины, отделившиеся от нерегистрированных пятидесятников, в том

¹⁶ Руководители объединений. *Российская Церковь христиан веры евангельской пятидесятников*. URL: <https://rchve.ru/o-nas/sovet> (дата обращения: 03.08.2024).

¹⁷ Сколько сейчас в Российской Церкви ХВЕ зарегистрированных церквей. *Российская Церковь христиан веры евангельской пятидесятников*. 29.03.2013. URL: <https://rchve.ru/novosti/aktualno/1107-how-many-are-now-in-the-russian-pentecostal-church> (дата обращения: 03.08.2024).

¹⁸ Состоялось заседание Комитета МАХВЕ в Ровно (Украина). *ОЦХВЕ в Республике Беларусь*. 17.11.2011. URL: https://оцхве.бел/news/mezhdunarodnye_novosti?id=1990 (дата обращения: 03.08.2024).

¹⁹ Конференция МАХВЕ. *Evangelical Faith Christian Fellowship*. 14.09.2023. URL: <https://efcfusa.com/conference-iacef/> (дата обращения: 03.08.2024).

числе московская церковь «Роса» Павла Савельева, ставшая основой объединения «Харизма», и даже единственники, отрицающие догмат о Троице.

В качестве неофициального девиза РОСХВЕ используется высказывание богослова XVII в.: в главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь. Харизматические церкви отличаются более эмоциональный характер служения, акцент на молитвах за исцеление и процветание. В РОСХВЕ разрешено женское священство, но большинство пасторов и почти весь епископат – мужчины. Единственная женщина-епископ – Н. И. Щедриная из г. Луховицы Московской области – возглавляет ассоциацию «Общение Калвари».

В 1998 г. в РОСХВЕ входили 12 ассоциаций [Лункин 2003с: 285–286], в 2012 г. численность увеличилась до 21 ассоциации и епархиальных управлений [Скоробогатова 2012: 234], в 2024 г. – до 30²⁰. Рост числа структурных единиц связан с конкуренцией внутри ассоциаций: пасторы молодых церквей стремились к большей самостоятельности, и РОСХВЕ предоставил возможность создания новых объединений, к тому же допускается прямое членство в РОСХВЕ, вне ассоциаций. В большинстве ассоциаций, созданных при участии иностранных миссионеров, руководство перешло к россиянам. 9 из 13 руководителей РОСХВЕ родились в России, 4 прибыли в 1990-е гг. в качестве миссионеров из Украины, Белоруссии, Швеции и Киргизии²¹.

Руководителем Союза бесспорно переизбирается С. В. Ряховский. С конца 2000-х гг. происходила централизация РОСХВЕ. Первоначально статус председателя предполагал выполнение только административных функций. Его духовная власть распространялась только на Епархиальное управление по Южному федеральному округу и Епархиальное управление центральной части России. В 2008 г. в 22 регионах РФ были назначены полномочные представители председателя

РОСХВЕ. В 2011 г. решением собора С. В. Ряховский вместо председателя стал именоваться начальствующим епископом, были введены должности заместителя начальствующего епископа в федеральных округах [Там же]. Объединяя религиозные организации, принадлежащие к разным направлениям пятидесятничества, руководство Союза не допускает уклонения в крайности. В 2013 г. С. В. Ряховский выступил против украинского духовного центра «Возрождение»²² Владимира Мунтяна из-за использования технологий, близких к оккультизму и эзотерике, деятельность центра осудили руководители крупнейших пятидесятнических объединений Украины и Белоруссии²³.

РОСХВЕ насчитывает более 2,3 тыс. церквей и религиозных групп²⁴, оценочная численность – 110–120 тыс. взрослых членов церквей.

Особенности российского пятидесятничества

Три пятидесятнических союза России поддерживают нормальные отношения между собой и входят в состав Консультативного совета глав протестантских церквей России вместе с большинством других протестантов России²⁵ (баптисты покинули совет в 2015 г.)²⁶. Все три союза стали использовать термин *епископ*, который не применялся в союзе И. Е. Воронаева, ввели должность начальствующего епископа. С. В. Ряховский, подобно жившему в прошлом веке И. С. Проханову, является наиболее известным представителем протестантизма. На протяжении 20 лет С. В. Ряховский состоит в Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, а также многократно избирался членом Общественной палаты РФ.

Пятидесятники выступают с позиций протестантского фундаментализма и поддерживают традиционные ценности. О. В. Куропаткина отмечает, что российские пятидесятники из разных союзов больше взаимодействуют между собой, чем их собратья в США, в основе отличий лежит апелляция к определенным

²⁰ Участники РОСХВЕ. *Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников)*. URL: <https://www.cef.ru/hve/members> (дата обращения: 03.08.2024).

²¹ Заместители Начальствующего епископа РОСХВЕ. *Там же*. URL: <https://www.cef.ru/hve/leadership> (дата обращения: 03.08.2024).

²² Деятельность религиозной организации «Всеукраинский духовный центр "Возрождение"» признана нежелательной на территории Российской Федерации решением Генеральной Прокуратуры от 16.11.2022. Распоряжение № 1597-з Минюста России о включении в перечень от 25.11.2022. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 03.08.2024).

²³ Сборник официальных документов РОСХВЕ. М., 2015. С. 230–231.

²⁴ Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников). URL: <https://www.cef.ru/hve> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁵ Консультативный совет глав протестантских церквей России. URL: <https://всепротестанты.рф/#rec482752670> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁶ Лункин Р. Почему распалось братство? Союз баптистов вышел из Совета глав протестантских церквей России. *Религия и право*. 25.09.2015. URL: http://www.sclj.ru/analytics/comment/detail.php?ELEMENT_ID=6228 (дата обращения: 03.08.2024).

богословским авторитетам, а не антагонистические противоречия [Куропаткина 2009: 188]. Руководитель РОСХВЕ С. В. Ряховский в 2009 г. участвовал в праздничном богослужении в Малоярославце, посвященном 80-летию И. П. Федотова, хотя ранее он был исключен из нерегистрированного братства²⁷.

Исследование, проведенное среди общин РЦХВЕ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО), показало, что большинство пятидесятников чаще всего говорили о себе как о христианах, для определения религиозной принадлежности реже использовались определения *евангельский христианин, христианин веры евангельской или протестант*. Термин *пятидесятник* в качестве религиозного маркера практически не использовался [Клюева и др. 2013: 218–219]. По нашему мнению, это свойственно и для других пятидесятнических деноминаций России. По-видимому, пятидесятникам органически присуще стремление не ограничивать себя деноминационными границами. В большинстве стран самого пятидесятнического континента – Латинской Америки (10 % населения) – протестанты всех деноминаций при социопросах называли себя евангеликами, без разделения на деноминации [Мязин 2022: 92].

По данным американского исследователя У. Бёрда, в России есть три мегацеркви, каждая из которых насчитывает по 3,5 тыс. прихожан, это московские церкви РОСХВЕ «Благая весть» и «Слово жизни» и пермская церковь РЦХВЕ «Новый завет»²⁸.

Для пятидесятничества характерна внутриденоминационная конкуренция: появляются новые церкви, в них переходит часть прихожан существующих церквей. Можно привести пример церквей Санкт-Петербурга харизматического направления, созданных в 1989 г. Численность прихожан «Источника жизни» уменьшилась с 1,5 тыс. в 1990-х гг. до 800 человек, число прихожан «Церкви Христа» (пастор Тимохин Сергей) уменьшилось с 1000 до 50 [Амбарцумов 2017: 234]. Создание новых церквей способствует омоложению пасторского состава – большинством церквей, созданных в 1990-е гг., руководят их основатели, чей возраст превысил 50 лет. «Естественный отбор» является одним из факторов, объясняющих эффективность пятидесятничества. Молодые церкви в первые 10 лет проявляют

большую миссионерскую активность, чем созданные ранее [Visser 2007: 163–167].

В 1990-е гг. имелись отдельные случаи, когда вновь созданные баптистские общины через несколько лет переходили в пятидесятничество [Клюева и др. 2013: 109], что впоследствии прекратилось. Переход между протестантскими деноминациями сейчас не носит массового характера. Первые прихожане новых пятидесятнических церквей привлекались в результате массовых евангелизационных мероприятий. Постепенно становилось сложнее арендовать муниципальные помещения или получить разрешение на проведение уличной евангелизации, снижалась эффективность массовых мероприятий и возрастало значение проповеди «от сердца к сердцу». Исследование, проведенное в начале 2010-х гг. в церквях РЦХВЕ ХМАО, показало, что 33 % прихожан пришли в церковь по приглашению родственников, 29 % – друзей и коллег, 17 % – в процессе личного религиозного поиска, 14 % – в результате трагического переживания, 7 % – после реабилитации, 4 % – в результате евангелизационной кампании [Там же: 152].

Прихожане разных возрастов представлены равномерно, доля молодых верующих – больше, чем в православных церквях, где многие дети из воцерковленных семей в переходном возрасте прекращают посещать церковь и возвращаются, когда у них появляются свои дети. Многие из детей верующих родителей протестантов также покидают церкви, но возвращаются туда быстрее, в сравнении с православными. Среди тех, кто покидает церковь навсегда, больше юношей.

В последнее десятилетие на фоне уменьшения числа новообращенных происходит рост нерегистрированных пятидесятников за счет большого числа детей, связанного с запретом планирования семьи.

По данным исследовательской службы «Среда», лидерами среди регионов по доле протестантов были регионы Дальнего Востока, а также Тыва, Удмуртия и Республика Алтай²⁹. Это национальные республики со значительной долей коренных народов, исповедующих традиционные верования, а также области, которые активно осваивались в послевоенное время, вследствие чего в них были слабее позиции православия [Дударенок, Федирко 2020: 174]. По мнению

²⁷ Юбилей Федотова И. П. 80 лет – 1 часть. Медиа для христиан (YouTube). URL: https://www.youtube.com/watch?v=dl9NhQYpkCU&ab_channel=Медиадляхристиан (дата обращения: 03.08.2024).

²⁸ Bird W. World Megachurches. URL: <https://exponential.org/world/> (accessed 3 Aug 2024).

²⁹ Общероссийский опрос МегаФОМ 29 мая – 25 июня 2012 г. Арена. Атлас религий и национальностей России. Исследовательская служба Среда. URL: https://sreda.org/maps/arena_russia_main/arena_statistic.xls (дата обращения: 03.08.2024).

региональных исследователей, пятидесятничество заняло прочные позиции на юге Дальнего Востока еще в советское время, и вследствие этого пятидесятничество может восприниматься как традиционная религия в дополнение к историческим конфессиям [Дударенко и др. 2018].

Пятидесятничество получило большее распространение среди корейской диаспоры, что связано с активной деятельностью миссионеров из Южной Кореи (где протестанты составляют 20 % населения) [Мязин 2024: 207–208]. В начале 1990-х гг. корейские миссионеры активно работали среди диаспоры, затем распространили деятельность на азиатскую часть России. Корейские церкви отличает большая иерархичность, особая роль пастора и использование евангелия процветания [Ковальчук 2006: 24–26].

Укрепившись российские церкви в конце 2000-х гг. начали отправлять миссионеров за границу и создавать филиалы российских церквей. Ассоциация РОСХВЕ «Исход» в 2013 г. имела церкви и общины в 94 городах России и 9 городах Украины [Пронина 2013: 294].

Заключение

Большинство пятидесятников в советской России принадлежало к нерегистрированному братству – Объединенной церкви христиан веры евангельской, которая по численности значительно уступала баптистам. Быстрый рост начался в 1990-е гг. благодаря иностранным миссионерам, которые привезли в Россию более современную версию пятидесятничества, а также харизматическому обновлению, которое произошло в некоторых церквях России. Довольно быстро произошла централизация новых церквей – классические пятидесятники объединились в Российскую церковь христиан веры евангельской, церкви харизматического направления – в Российский объединенный союз христиан веры евангельской. Одной из основных причин централизации было принятие в 1997 г. закона о свободе совести и о религиозных объединениях,

что способствовало выстраиванию лучших отношений с властью и гражданским обществом. В начале 1990-х гг. превалировал интерес к новой духовности, в конце десятилетия церкви начали активно работать в области социальных проектов, в первую очередь занимаясь реабилитацией.

Для пятидесятничества характерна высокая внутриденациональная конкуренция, часть церквей, которые быстро выросли в 1990-е гг., практически угасти, на замену им пришли новые церкви, такой «естественный отбор» способствует развитию движения в целом. В 2010-е гг. рост пятидесятнических церквей замедлился, это связано с трендом на секуляризацию и снижением интереса к коллективной религиозности в российском обществе. Несмотря на невысокую воцерковленность российского общества, значительная часть россиян рассматривает православие как национальную религию. К 2020 г. численность пятидесятнических церквей достигла 280 тыс. взрослых крещеных членов церкви, большинство из них принадлежат к РОСХВЕ, РЦХВЕ. В последние годы пятидесятники пополняют свои ряды преимущественно за счет детей верующих родителей. Исследования показывают, что верующих во втором поколении отличает более низкий уровень миссионерской активности, по сравнению с теми, кто пришел к вере самостоятельно [Visser 2007: 132]. В сложившихся условиях существенный рост молодой деноминации маловероятен, хотя доля пятидесятников в российском протестантизме продолжит расти, т. к. тенденция на снижение числа баптистов и адвентистов, вероятно, продолжится.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Амбарцумов И. В. Харизматические общины Санкт-Петербурга: история, церковная организация, особенности вероучения и социального служения. *Христианское чтение*. 2017. № 5. С. 232–239. [Ambartsumov I. V. Charismatic communities of St. Petersburg: History, church organization, specifics of the religious doctrine and social service. *Khristianskoye Chteniye*, 2017, (5): 232–239. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zoljyv>
- Горбатов А. В., Федорович А. В. Пятидесятники в Восточной Европе и Западной Сибири: история и общность судьбы в XX в. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 749–757. [Gorbatov A. V., Fedorovich A. V. Pentecostals in Eastern Europe and Western Siberia: Shared history in the XX century. *SibScript*, 2023, 25(6): 749–757. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-749-757>

- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. *Народы и религии Евразии*. 2021. Т. 26. № 4. С. 140–153. [Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. State regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of the confessional policy of Russia in 1992–2000. *Nations and Religions of Eurasia*, 2021, 26(4): 140–153. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)4-12](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)4-12)
- Дударенок С. М., Федирко О. П. Возрождение и развитие протестантизма и католицизма на Дальнем Востоке России в 1990-е годы. *Журнал фронтирных исследований*. 2020. № 4. С. 172–208. [Dudarenok S. M., Fedirko O. P. Revival and development of Protestantism and Catholicism in the Far East of Russia in the 1990s. *Journal of Frontier Studies*, 2020, (4): 172–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.232>
- Дударенок С. М., Федирко О. П., Поспелова А. И., Потапова Н. В., Островская О. П., Синичкин А. В. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е – конец 1980-х гг.). М.: Терция, 2018. 464 с. [Dudareonok S. M., Fedirko O. P., Pospelova A. I., Potapova N. V., Ostrovskaya O. P., Sinichkin A. V. *History of Evangelical Christians (Pentecostals) of the Russian Far East (1920s – late 1980s)*. Moscow: Tertsia, 2018, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snryvv>
- Ефимов И. М. Современное харизматическое движение сектантства. М.: Природа и человек, 1995. 319 с. [Efimov I. M. *Modern Charismatic movement of sectarianism*. Moscow: Pririda i chelovek, 1995, 319. (In Russ.)]
- Клюева В. П., Поплавский Р. О., Бобров И. В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). СПб.: РХГА. 2013. 256 с. [Klyueva V. P., Poplavsky R. O., Bobrov I. V. V. *Pentecostals in Yugra: Communities of Russian Union of Christians of the Evangelical Faith*. St. Petersburg: RCH, 2013, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttprsv>
- Ковальчук Ю. С. Корейский протестантизм и особенности его миссионерских практик в азиатской части Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. (по материалам этноконфессиональных исследований): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 29 с. [Kovalchuk Yu. S. *Korean Protestantism and the peculiarities of its missionary practices in Russian Asia in the late XX – early XXI centuries (based on ethno-confessional research)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2006, 29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znsojp>
- Кормина Ж. В. Гигиена сердца: дисциплина и вера «заново рожденных» харизматических христиан. *Антропологический форум*. 2013. № 18. С. 300–320. [Kormina J. V. Heart hygiene: Discipline and faith of the "born-again" charismatic Christians. *Antropologicheskij Forum*, 2013, (18): 300–320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdtbln>
- Куропаткина О. В. Религиозная и социокультурная самоидентификация «новых» пятидесятников в России: дис. ... канд. культурологии. М., 2009. 257 с. [Kuropatkina O. V. *Religious and sociocultural self-identification of "new" Pentecostals in Russia*. Cand. Cultural Studies Sci. Diss. Moscow, 2009, 257. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qelanz>
- Лункин Р. Н. Вероучение и социальная деятельность пятидесятников в России: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 200 с. [Lunkin R. N. *Beliefs and social activity of Pentecostals in Russia*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2005, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnejl>
- Лункин Р. Н. Пятидесятничество и харизматическое движение. Общие сведения. История и филиация. *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II. Протестантизм*, отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.: Логос, 2003а. С. 241–266. [Lunkin R. N. Pentecostalism and the Charismatic Movement. General information. History and filiation. *Modern Religious Life in Russia. Experience of systematic description. Vol. II. Protestantism*, eds. Bourdeau M., Filatov S. B. Moscow: Logos, 2003a, 241–266. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smrflb>
- Лункин Р. Н. Объединенная церковь христиан веры евангельской-пятидесятников (ОЦХВЕ). Российская ассоциация миссий ХВЕ (РАМ ХВЕ) (нерегистрированные пятидесятники-федотовцы). *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II. Протестантизм*, отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.: Логос, 2003б. С. 293–304. [Lunkin R. N. United Church of Christians of Evangelical Faith-Pentecostals (UCCF). Russian Association of Missionaries of the Christian Faith (RAMCHVE) (unregistered Pentecostals-Faedotians). *Modern Religious Life in Russia. Experience of systematic description. Vol. II. Protestantism*, eds. Bourdeau M., Filatov S. B. Moscow: Logos, 2003b, 293–304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smrfaq>
- Лункин Р. Н. Российский объединенный союз христиан веры евангельской пятидесятников (РОСХВЕП). *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II. Протестантизм*, отв. ред. М. Бурдо,

- С. Б. Филатов. М.: Логос, 2003с. С. 283–293. [Lunkin R. N. Russian United Union of Christians of Evangelical Pentecostal Faith. *Modern Religious Life in Russia. Experience of systematic description. Vol. II. Protestantism*, eds. Bourdeau M., Filatov S. B. Moscow: Logos, 2003с, 283–293. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ounttv>
- Лункин Р. Н. Союз христиан веры евангельской пятидесятников (СХВЕП). *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II. Протестантизм*, отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.: Логос, 2003d. С. 266–283. [Lunkin R. N. Union of Christians of Evangelical Pentecostal Faith (SCHVEP). *Modern Religious Life in Russia. Experience of systematic description. Vol. II. Protestantism*, eds. Bourdeau M., Filatov S. B. Moscow: Logos, 2003d, 266–283. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smrffr>
- Мокієнко М. М. Особливості трансформації п'ятидесятницьких релігійних центрів в Україні (1988–2004 рр.). *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2007. № 21. С. 268–274. [Mokiyenko M. M. Peculiarities of the transformation of the Pentecostal religious centers in Ukraine (1988–2004). *Scientific works of the Faculty of History of Zaporizhzhya National University*, 2007, (21): 268–274. (In Ukr.)]
- Мурза В. М. Благословенный путь. Н. Новгород: Центр Агапе. 2013. 368 с. [Murza V. M. *Blessed Path*. Nizhny Novgorod: Tsentr Agape, 2013, 368. (In Russ.)]
- Мязин Н. А. Протестантизм в Корее: от запрета христианства до крупнейшей в мире мегацеркви. *Известия Смоленского государственного университета*. 2024. № 1. С. 202–215. [Miazin N. A. Protestantism in Korea: From banning Christianity to the largest megachurch in the world. *Izvestiya SmolGU*, 2024, 65(1): 202–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zwaabt>
- Мязин Н. А. Распространение пятидесятничества в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*. 2022. № 9. С. 83–97. [Miazin N. A. The spread of Pentecostalism in Latin America. *Latinskaya Amerika*, 2022, (9): 83–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0044748X0017752-6>
- Никольская Т. К. У истоков формирования пятидесятнических собраний. *Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я*. 2011. № 12. С. 169–177. [Nikolskaya T. K. Early years of Pentecostal Assemblies. *Theological Reflections: Eastern European Journal of Theology*, 2011, (12): 169–177. (In Russ.)]
- Одинцов М. И. Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой... История Пятидесятнической церкви в России, XIX–XX вв. СПб.: ОИР, 2012. 498 с. [Odintsov M. I. *"But you will receive power when the Holy Spirit has come upon you..." The history of the Pentecostal Church in Russia, XIX–XX centuries*. St. Petersburg: RSRR, 2012, 498. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwbvdb>
- Пронина Т. С. Церкви Исход как социальное явление и часть пятидесятнического движения. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 8. С. 289–299. [Pronina T. S. Churches Iskhod as social phenomenon and part of Pentecostal movement. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2013, (8): 289–299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rduszv>
- Скоробогатова И. В. Новые тенденции в развитии пятидесятнического движения в России. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. Т. 2. № 1. С. 229–238. [Skorobogatova I. V. New trends in the development of Pentecostal movement in Russia. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, 2(1): 229–238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/purtqr>
- Федотов И. П. Встать! Суд идет! М.: Титул, 2006. 336 с [Fedotov I. P. *Stand up! The court is coming!* Moscow: Titul, 2006, 336. (In Russ.)]
- Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Калужская область. In: Деннен К., Филатов С. Б., Лункин Р. Н., Кнорре Б. К., Рошин М. Ю. Религиозно-общественная жизнь российских регионов. СПб.: Летний сад, 2016. Т. II. С. 145–188. [Filatov S. B., Lunkin R. N. Kaluga region. In: Dennen X., Filatov S. B., Lunkin R. N., Knorre B. K., Roshchin M. Yu. *Religious and social life in Russian regions*. St. Petersburg: Letnii sad, 2016, vol. II, 145–188. (In Russ.)]
- Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. *Center for Open Science*. 2019. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/7SR4M>
- Visser M. *Conversion growth of Protestant churches in Thailand*. PhD Thesis. Zoetermeer, 2007, 298.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fkpnnc>

Социально-культурные представления колхозников середины 1930-х гг. по отчетам студентов коммунистического университета имени Я. М. Свердлова

Тихомиров Никита Вадимович

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5925-9214

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tikhomirov_n@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа мыслей российских крестьян в последние годы сплошной коллективизации. Цель – показать качественное своеобразие обыденного сознания крестьян в указанный период. Материалом послужил комплекс отчетных документов 1934–1936 гг., составленных учащимися московского Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я. М. Свердлова по результатам ежегодной летней практики, проводившейся в колхозах, совхозах и на машинно-тракторных станциях ряда регионов Центральной России. Новизна работы состоит в том, что названные материалы впервые были привлечены для изучения умонастроений колхозного крестьянства. Обоснован информационный потенциал данной части делопроизводственной документации Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я. М. Свердлова как источника по истории советской деревни в период ускоренных социалистических преобразований. Проанализированы несколько десятков студенческих отчетов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Теоретический фундамент исследования составили положения историко-антропологического подхода, нацеленного на выявление человеческого измерения в процессах развития общества в прошлом. Рассмотрение особенностей мировоззрения сельских обывателей происходило по трем направлениям: антитехнические, антимашинные и культурно-реакционные настроения. Колхозники были поверхностно осведомлены о новых подходах к организации труда и произвольно насыщали смыслами неизвестные для них понятия. Крестьянам отсталых колхозов нередко были присущи недоверие и настороженность в отношении машинной техники. Отказ от использования механизмов был вызван, прежде всего, отсутствием нужных навыков и понимания их пользы для ведения хозяйства. Новые ценности и навыки бытового поведения с трудом приживались в крестьянской среде, часто соседствуя со старыми нравами и привычками, не поддававшимися скорому истреблению грубым административно-пропагандистским напором. В конфликтах такого рода особенно ярко проявились противоречия города и деревни, идеологии революционного обновления и традиционных устоев. Полученные выводы расширяют научные представления о быте, нравах и обыденном сознании деревенского населения России в годы построения социализма.

Ключевые слова: история повседневности, коллективизация, колхозы, коммунистический университет, крестьянство, ментальность

Цитирование: Тихомиров Н. В. Социально-культурные представления колхозников середины 1930-х гг. по отчетам студентов коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 951–964. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-951-964>

Поступила в редакцию 27.09.2024. Принята после рецензирования 25.11.2024. Принята в печать 25.11.2024.

full article

Socio-Cultural Worldview of Soviet Collective Farmers in Mid-1930s as Reported by Students of Sverdlov Communist Agricultural University

Nikita V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5925-9214

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract: The mentality of Russian peasants underwent a fundamental transformation during the late collectivization. These changes were reflected in reports made by students of the Moscow All-Union Communist Agricultural University in 1934–1936 during their annual summer practices on collective and state farms or in tractor depots of Central Russia. The documents demonstrated a great information potential as a source on the Soviet rural history in the period of turbulent social transformations. The theoretical part of the research relied on the historical and anthropological approach that focuses on the human dimension in the history of social development. The empirical part included several dozen reports stored in the State Archive of the Russian Federation. The students' reports described anti-technical and anti-machine sentiments in rural workers, who demonstrated a general reactionary attitude to Soviet culture. Collective farmers were only superficially familiar with the new approaches to organized farming labor. As a result, they gave their own meanings and interpretations to the new concepts. Farmers in retrogressive collective farms mistrusted machine technology. They lacked the necessary skills to use machines and were not aware of their benefits. It took new values and skills a long time to take root in the peasant environment: the new worldview coexisted with the old morals and habits, which endured the blunt propaganda and administrative pressure. The resulting clash of rural and urban attitudes illuminated the gap between the traditions and the revolutionary ideology. These findings expand the scientific ideas about the everyday life, customs, and worldview of Russian peasants during the early years of Socialism.

Keywords: history of everyday life, collectivization, collective farms, communist university, peasantry, mentality

Citation: Tikhomirov N. V. Socio-Cultural Worldview of Soviet Collective Farmers in Mid-1930s as Reported by Students of Sverdlov Communist Agricultural University. *SibScript*, 2024, 26(6): 951–964. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-951-964>

Received 27 Sep 2024. Accepted after peer review 25 Nov 2024. Accepted for publication 25 Nov 2024.

Введение

Повседневность российской деревни периода социалистической модернизации образует обширную проблематику, разработка которой вошла в число приоритетных задач исторической науки на современной ступени ее развития. Историография советского и постсоветского времени активно разрабатывала вопросы институциональной перестройки крестьянского хозяйства, социально-политические, экономические и культурные аспекты коллективизации на общесоюзном уровне [Вязинкин 2022; Грациози 2008; Ивницкий 2000; Кедров 2017; Мельникова 2009; Фицпатрик 2008]. Представители марксистской историографии сталинского периода придерживались тенденциозного подхода

в объяснении проблем, сопряженных с утверждением колхозного строя, подчиняя свои выводы руководящим указаниям «Краткого курса истории ВКП(б)» [Селунская 1956: 195–197]. В их трудах сопротивление крестьян насильственному обобществлению имущества, внедрению нового хозяйственного уклада и т. д. объяснялось деятельностью классовых врагов – кулачества. Тем самым избыточно упрощалось понимание противоречий, присущих развитию деревни в 1930-е гг., истинные причины множественных конфликтов оставались невыясненными. Попытки критического осмысления процесса преобразования деревни были предприняты историками в 1960–1970-е гг. [Ивницкий 1972]. В исследованиях перестроечного десятилетия

и раннего постсоветского времени эти тенденции заметно усилились [Данилов 1990].

В условиях парадигмальной перестройки научного знания на рубеже веков сложились теоретические предпосылки к всестороннему рассмотрению истории российского крестьянства с привлечением новых методологических установок, что позволило существенно расширить представления о качественном своеобразии процессов, охвативших деревню в годы коллективизации. Сегодня исследователи посвящают значительные усилия изучению образа жизни и быта [Гончарова 2018; Слезин, Якимов 2022; 2024; Тихомиров 2024а; 2024с], общественного сознания и умонастроений [Вязинкин, Якимов 2022; Ипполитов 2022; Кедров 2013; Слезин 2022], духовно-нравственных представлений [Батченко 2014; Покровская 2022] и политического поведения [Безгин, Николашин 2019; Виола 2010; Вязинкин, Якимов 2023; Зверков 2022; Рыбаков 2020; Тихомиров 2024b; Якимов 2023] крестьян на начальном этапе государственного строительства в СССР. Вниманием историков было охвачено пространство советской России в целом [Грациози 2008; Фицпатрик 2008], а также отдельные административные и историко-географические единицы в ее составе [Ильиных 2021; Кедров 2013; Покровская 2022; Рыбаков 2020] за указанный период. Выводы, полученные на материалах различных регионов, свидетельствуют о повсеместном существовании глубоких противоречий между традиционным сознанием российской деревни и новыми социально-культурными установками, насаждавшимися большевиками в деревне.

Насущной задачей, стоящей сегодня перед исторической наукой, является наращивание информационного обеспечения изысканий об особенностях сознания и обыденного мышления российского крестьянства в период начала и подъема социалистического строительства в 1920–1930-е гг. посредством расширения их источниковой базы, включения в научный оборот ранее не использованных памятников.

Предметом настоящей статьи является будничное сознание сельских обывателей центральных регионов РСФСР в середине 1930-х гг., т. е. на завершающем этапе сплошной коллективизации. Новизна работы связана с вовлечением в исследовательскую практику письменных памятников, ранее не привлекавшихся для такого рода изысканий. Цель – показать качественное своеобразие обыденного сознания крестьян в указанный период. Задачи: проанализировать массив документов, обладающих общими видовыми признаками (см. далее), выявить и классифицировать

отраженные в них особенности хозяйственно-бытовых воззрений сельских обывателей, проследить с опорой на конкретные примеры влияние данных воззрений на ход социалистической перестройки деревни.

Методы и материалы

Материалом для анализа послужили отчетные документы о производственной практике студентов Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета (ВКСХУ) им. Я. М. Свердлова. Комплекс этих документов отложился в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и включает более 200 отчетов, составленных в 1934–1936 гг.

«Свердловия» готовила специалистов для управления крупным социалистическим хозяйством, и непременной составляющей учебы была деревенская практика. Университет во взаимодействии с районными комитетами ВКП(б) направлял учащихся в колхозы, совхозы и на машинно-тракторные станции (МТС), развитию которых они должны были всесторонне содействовать, приобретая полезные рабочие навыки. Студенты получали направления на работу в Азово-Черноморский край, Воронежскую, Калининскую, Курскую, Московскую и Ярославскую области. Ход и результаты практики отражались в индивидуальных и групповых отчетах. В них содержатся разнообразные сведения об общем состоянии сельхозпредприятий, труде и жизни деревенских работников.

По годам и территориям документы распределены следующим образом:

- Азово-Черноморский край (1934) – 5 сводных отчетов руководителей практики и 3 протокола студенческих собраний;
- Воронежская область (1936) – 41 индивидуальный отчет и 1 дневник;
- Калининская область (1935) – 32 индивидуальных и групповых отчета и 2 дневника;
- Курская область (1936) – 70 индивидуальных и групповых отчетов и 2 докладные записки;
- Московская область (1935) – 22 индивидуальных и групповых отчета и 3 протокола студенческих собраний;
- Ярославская область (1936) – 22 индивидуальных отчета, 5 дневников и 2 сводных отчета руководителей практики.

Также представлены единичные отчеты о работе в Челябинской области, Северо-Кавказском крае, Мордовской АССР, Татарской АССР, Кабардино-Балкарской АО, Хакасской АО, Армянской ССР и Узбекской ССР. По два отчета – из Марийской АССР

и Казахской ССР. Ввиду того что в некоторых отчетах даны лишь названия колхозов и совхозов без указания области либо района, приведенные сведения по ряду областей за 1935–1936 гг. могут содержать небольшую погрешность.

Исследование призвано раскрыть познавательные возможности анализируемого комплекса документов и определить их информационный потенциал в свете актуальных проблем отечественного крестьяноведения.

Пребывая в крестьянской среде, студенты сталкивались со множеством пережитков, закрепившихся в традиционном сознании крестьян и проявившихся в их повседневных практиках. Предубеждения, заблуждения и суеверия не только противоречили новой коммунистической морали, но и вредили социалистическому преобразованию деревни. Свердловцам приходилось бороться с реликтами старой культуры, меняя по возможности мышление и нравы людей. Проблемы, стоявшие перед ними в этой связи, можно свести в четыре группы:

- 1) антисоветские (антиколхозные) настроения;
- 2) антитехнические настроения;
- 3) антимашинные настроения;
- 4) культурно-реакционные настроения.

Данные стороны колхозной действительности в разной мере получили отражение в подавляющем большинстве обсуждаемых материалов. Сводные документы указывают на соответствующие тенденции как повсеместно распространенные (например, сводный отчет по итогам практики второго курса за 1936 г.)¹. Это связано с тем, что студентов распределяли на практику преимущественно в слабые и отсталые хозяйства, порой пребывавшие в состоянии глубокого упадка, где выпукло и даже воинственно проявлялся традиционализм обывателей.

Здесь мы не касаемся вопросов, относящихся к первой группе проблем. Данная тема, широко представленная в отчетах, требует специального исследования. В поле нашего внимания будут находиться три оставшиеся группы явлений, которые мы обобщим категорией *социально-культурные представления*. По названной выше причине мы избегаем

использования категории *сознание* как обладающей значительно большим объемом и включающей все многообразие мировоззренческих установок человека, в том числе не затрагиваемые здесь общественно-политические взгляды. Таким образом, наш интерес направлен на изучение фактов обыденного мышления крестьян, сопряженных с их бытом, трудом, досугом и межличностными отношениями. Заданное таким образом проблемное поле исследования требует историко-антропологического подхода к работе с материалом, т. е. рассмотрения явлений колхозной действительности в человекообразном масштабе. Это позволяет выявить и описать структуры повседневности малых (крестьянских) сообществ, динамично соединяющих в себе три группы элементов: вещественное окружение, мыслительные образцы и навыки поведения.

Результаты

Антитехнические настроения

Этой категорией мы обозначаем совокупность взглядов колхозников, производных от неприятия ими агротехнических новшеств, например: возделывание новых культур, применение передовых методов хозяйствования, рационализация труда и т. д. Часто такие явления развивались в полную бесхозяйственность. Сообщения о противоречиях этого рода содержатся в отчетах за весь охваченный период в наибольшем количестве. Тем или иным образом они отразились в 74 отчетных документах (не считая содержащих обобщенные выводы)². При этом почти все авторы за редким исключением упоминают о принятых ими мерах по наведению элементарного порядка в области расстановки сил и организации работ, что служит косвенным свидетельством наличия обсуждаемых явлений.

Учащийся Топчийн писал о колхозе «Красный совет» в Опочецком районе Калининской области: «Колхозники и даже сам предколхоза заражены отсталыми настроениями <...> рабочие планы, это, мол, формальное дело, зачем, мол, звенья в бригаде и сдельщина, скопом веселей работать»³. После разъяснений

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 1–2.

² Здесь и далее в подобных случаях не учитываются высказывания на итоговых собраниях и сводные отчеты о работе студенческих бригад по районам. В то же время подсчет произведен без различия документов, дающих сведения по отдельным предприятиям и кустам колхозов в границах сельсовета либо области ответственности МТС. Это обусловлено отсутствием во многих материалах указания точного числа проблемных объектов среди общего количества наблюдавшихся. То есть приведенные цифры отражают статистику по студенческим отчетным документам, но не по характеризующим ими предприятиям (крестьянским сообществам), число которых значительно выше, но не всегда поддается точному исчислению.

³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 91. Во всех цитатах из отчетов сохранены авторские орфография и пунктуация.

часть людей приняла доводы студента о пользе нововведений, иные же, покачав головами, заявили: «нам нечего и трудно говорить, вы-то много и красиво говорите», – и разошлись⁴.

Некоторые студенты встречали так называемые «антисилосные настроения»⁵, также выраставшие из нежелания крестьян перестраивать свой труд, а именно участвовать в соответствующих мероприятиях. Группа практикантов отмечала бытование предрассудков о силосе по всему Луковниковскому району Калининской области⁶. Поведение такого рода можно объяснить непониманием со стороны земледельцев пользы от указанного занятия и проистекавшими из этого наивными опасениями о возможном ущербе хозяйству вследствие нарушения заведенного исстари порядка.

Помимо сопротивления новым видам и формам работы, наблюдалось и нежелание менять порядок хорошо известных операций. Крестьяне колхоза «1 мая» Мартыновского сельсовета в Калининской области выступали против прополки зерновых, используя своеобразный довод, что это якобы есть «кулацкая затея, а кто заставляет полоть, то это кулаки»⁷. Примечательна здесь категория кулак, использованная для указания на злостного вредителя и лишенная всякого экономического содержания. Как видно, в некоторых местах революционная риторика оставалась невнятной обывателям даже по прошествии пяти лет радикальной большевистской политики.

Резкое неприятие агротехнических новаций обнаруживалось в ряде льноводческих артелей. Так, в колхозе «Большевик» Овинищенского района Калининской области бригадир, возражая против теребления льна в ранней желтой спелости, заявил: «Пусть меня сажают, но я не дам теребить»⁸. В упомянутом выше колхозе «1 мая» один из бригадиров не только отказывался начинать работы в указанные практикантом сроки, но даже назвал это «вредительством со стороны государства»⁹. Крестьяне стремились уклониться

от нарушения привычного порядка вещей не только в силу инертности, но и потому, что ощущали действительную угрозу собственному благополучию. Свердловцам стоило серьезных усилий преодолеть возникавшую по этому поводу враждебность. Один из них писал, что его группе пришлось особенно много трудиться в Денежновском сельсовете Калининской области, ведя «настоящие бои», чтобы преодолеть предрассудок, будто лен нельзя теребить в сырую погоду, и приучить колхозников выходить на теребление до солнца «и теребить его не только с росой, но и в дождь, ставя затем в конуса и связывая в маленькие снопочки»¹⁰.

В некоторых местах колхозники противились внедрению технических культур, усматривая в них причину продовольственного оскудения. В одном из хозяйств Ярославской области студент отмечал «антигосударственные настроения против льна»¹¹. В другом работники заявляли, что лен себя не оправдывает, а «гробит» их¹². В Ясеновском районе Курской области практиканту пришлось «разбить антисвекольные настроения» колхозников, разъясняя экономическую «выгодность» свеклы¹³. Вероятнее всего, проблемы были вызваны нарушением прежнего хозяйственного уклада в деревне, внедрением технических культур помимо либо вместо ранее выращивавшихся зерновых, что крестьянами могло восприниматься как причина продовольственных трудностей.

Характерно, что руководители на местах подчас не могли переломить антитехнических настроений, поскольку сами придерживались отсталых воззрений. В 1934 г. студентка доказывала директору одной из МТС Азово-Черноморского края, что он неправильно руководит агротехническими мероприятиями, на что тот заявил, что свердловский университет готовит невежд¹⁴. (Есть основания предположить правоту практикантки как имевшей хорошую теоретическую подготовку, в отличие от многих работников на местах.)

⁴ Там же. Л. 91 об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 51.

⁹ Там же. Л. 43 об.

¹⁰ Там же. Л. 11 об.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 101 об.

¹² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 167.

¹³ Там же. Л. 37.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 1. Л. 47.

Порой даже профильные специалисты в провинции обладали весьма скромной компетенцией, негодные кадры встречались в ряде районов. «Менялись мнением с местным агрономом. Выявили его негодность»¹⁵, – сообщил один из учащихся. «В некоторых вопросах лучше разбираемся, чем некоторые агрономы», – отмечал другой, подчеркивая, что даже студенты с низкими оценками превосходили местные кадры¹⁶. «Крайне слаб, беспомощен»¹⁷, – отзывался практикант об агрономе колхоза «Переменник» в Чернянском районе Курской области.

К отсталости в агротехнике добавлялось неприятие артельщиками новых способов организации труда. С 1936 г. по стране развернулось массовое движение стахановцев, и командированные в деревню практиканты настойчиво внедряли там соответствующие практики. Крестьяне по-разному встречали такой почин. К примеру, в колхозе «Девятое января» Ярославской области часть крестьян высказалась против соревнования и премирования ударников, считая это искусственным расслоением: «Зачем нас раскалываете? как работали так и будем работать»¹⁸. В Ненашеве Московской области селяне упорно саботировали заключение соцдоговоров. Студент сообщал: «Любой районный договор обсуждаешь – все согласны. Только начинаешь обсуждать индивидуальные договоры – уперлись в стенку. Пришлось много времени на это тратить, и то 100 % не удалось охватить индивидуальными договорами»¹⁹.

В других местах инициативе не возмущались, но были убеждены в невозможности претворить ее в жизнь. Например, в колхозе «Красный маяк» на Ярославщине категорически отказывались даже обсуждать участие в стахановском движении, уверяя, что в их условиях оно невозможно. Такую убежденность питали слухи об опыте других колхозов, где стахановские звенья собирали худший урожай, а некоторые просто распались²⁰. Молва, вероятно, имела основания: там, где ударничество насаждали сугубо распорядительным порядком, без надлежащей

подготовки, последствия могли быть закономерно плачевными. К этому можно добавить, что низовые руководители часто не понимали смысла спускаемых сверху установок и не разбирались в содержании новых идеологических формул. В одном сельсовете на вопрос практиканта о наличии ударников председатели колхозов и бригадиры улыбались и отвечали: «все ударники, здорово ударяют особенно бабы»²¹. В колхозе им. Буденного Курской области члены правления заявили, что стахановцы бывают лишь на производстве (заводском), а у них – нет²². Кое-где требование о внедрении стахановских начал исполнили, но с топорной формальностью. В колхозе «Крестьянин» Ярославской области собрали ударный отряд по разнарядке: «Выберем Марью – пусть походит в стахановском звене»²³. Такие выдвигенцы подчас ничего не знали про движение, хотя состояли в звене по 3–4 месяца.

Приведенные примеры показывают, что колхозники, обладая весьма поверхностной осведомленностью о новых подходах к организации труда, часто понимали их сущность лишь наитием, произвольно насыщая смыслами неизвестные для них понятия.

Антимашинные настроения

Такая категория использована в отчетах для обозначения пассивного и активного сопротивления колхозников использованию разнообразных сельскохозяйственных машин. Упоминания о подобных явлениях, а также небрежном, разрушающем отношении к механизмам встречаются в документах реже прочих, что во многом обусловлено тем, что на местах часто не было машинной техники. К примеру, в 1936 г. 37 студентов-второкурсников работали в пяти «недостаточно механизированных» районах Ярославской области²⁴. Всего упомянутые настроения нашли отражение в 38 отчетных материалах.

Комбайны, трактора и другая техника не применялись как от недостатка последних и безалаберного отношения к ним, ведшего к порче, так и в силу

¹⁵ Там же. Л. 62 об.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 2. Л. 89 об.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 112 об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 20 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 2. Л. 96.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 81 об.

²¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 91 об.

²² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 73 об.

²³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 12 об.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 70 об.–76.

разнообразных предрассудков. Например, в 1935 г. руководство подмосковной артели им. Сталина отводило под комбайн маленькие и засоренные участки, предпочитая обрабатывать основные угодья вручную²⁵. В соседнем колхозе «1 мая» бытовали, по выражению практиканта, «антизерноуловительные» настроения²⁶. О повсеместном распространении «антимеханизаторских» настроений в Калининской области писали в другом отчете²⁷. В том же году подмосковный колхоз «Путь к социализму» заключил договор с Можайской МТС, по которому после уборки вики-сена с занятого пара надлежало провести пахоту тракторами. Несмотря на это, правление колхоза в итоге распорядилось пахать конными плугами²⁸. В Марийской автономии в 1936 г. колхоз «Броневик» вовсе не допускал тракторных бригад на перепашку пара²⁹.

В 1934 г. студенты не смогли ознакомиться с работой сельхозмашин в двух МТС Азово-Черноморского края, поскольку те просто не применялись³⁰. Причиной в данном случае, вероятно, служило то, что колхозы избегали привлечения МТС к возделыванию земли, видя в них причину своего экономического упадка: работу тракторов и комбайнов нужно было оплачивать, и это дополнительно подрывало и без того скверное положение ряда хозяйств. В 1936 г. на общем собрании одного из колхозов Круmlinского сельсовета Воронежской области колхозница – член сельсовета – «яро выступила» против механизации, утверждая: «все равно у нас никогда хлеба не будет, не останется, МТС весь забирает за работу, а если бы у нас было бы много лошадей, то другое дело». Некоторые работники выразили ей поддержку, так что практиканту пришлось подробно растолковывать собравшимся значение МТС в деле «ускорения зажиточности колхозов» и доказывать,

что станция по сути «даром работает для колхозников»³¹. Те же опасения, что МТС «много заберет за работу», высказывались и в других артелях³².

Если в одних случаях за отказом от применения машин заметна экономическая подоплека, то в других – только грубые предрассудки. Так, председатель колхоза «Дружба» Пашкинского района Ярославской области на предложение соседнего колхоза помочь техникой ответил: «Машина нам не нужна, потому что женщины не любят машину»³³. В Курской области завхоз одной из артелей упорно сопротивлялся попыткам свердловцев задействовать машинную технику, заявляя: «Нам не нужна молотилка»; «Колхозники и с землей хлеб съедят»³⁴.

Студенты сообщали о многих случаях безалаберного отношения колхозников к машинным фондам, несоблюдении простейших требований к их использованию и хранению, отчего техника приходила «в самое некультурное состояние»³⁵. В зерносовхозе имени Варейкиса Воронежской области техника была непригодна к использованию и требовала основательного ремонта вследствие «преступного отношения» к ней в осеннее и зимнее время³⁶. Где-то крестьяне вовсе не усматривали смысла в использовании механизмов. К примеру, в ярославском колхозе «Новая жизнь» к началу весенней уборочной кампании 1936 г. жнейки, имевшиеся в наличии, не подготовили к работе и даже не рассчитывали использовать, отговариваясь их непригодностью и отсутствием кадров³⁷. Практиканту пришлось самому единолично привести технику в надлежащее состояние.

Встречались и подлинно комичные ситуации. Крестьяне колхоза им. Крупской в Залогощенском районе Курской области, явно тяготясь находившейся у них сноповязкой, тщетно пытались от нее избавиться: предназначавшуюся для машины воду

²⁵ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 30.

²⁶ Там же. Л. 30.

²⁷ Там же. Л. 64 об.

²⁸ Там же. Л. 104.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 43.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 1. Л. 53 об.

³¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 5. Л. 79 об.–80.

³² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 67.

³³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 22.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 91.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 1. Л. 31.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 42.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 7 об.

отвезли в другое место, надеясь, что механизм будет простаивать и его заберут из колхоза³⁸.

Подытоживая, можно отметить, что крестьянам отсталых колхозов нередко были присущи недоверие и настороженность в отношении машинной техники. Отказ от использования механизмов был вызван, прежде всего, отсутствием нужных навыков и понимания их пользы для ведения хозяйства. Порой это положение усугублялось ложной убежденностью обывателей в том, что их разорение было вызвано именно применением комбайнов, тракторов и других орудий, внедрение которых нарушало традиционный трудовой уклад.

Культурно-реакционные настроения

Данная категория обобщает ценностно-мировоззренческие установки деревенских обывателей. Часто их отличали отсталость и традиционализм, не испытывавшие существенного влияния культурной революции. О косности, малограмотности и пороках обыденной жизни колхозников упоминают авторы 58 отчетов.

Студенты встречали в деревне повальную безграмотность, отчетливо заметную даже на исходе второй пятилетки. Например, в нескольких сельсоветах Оленинского района Калининской области практиканты констатировали чрезвычайно низкий уровень развития колхозной молодежи – множество неграмотных, особенно девушек³⁹. В свиноводхозе «Луч» Воронежской области студент насчитал 100 неграмотных из 500 рабочих⁴⁰. Его коллега в одном из совхозов наладил работу образовательных кружков, благодаря чему совершенно неграмотные коммунисты научились читать по букварю, а те, кто считал, «что они хорошо грамотны, и что им теперь можно не учиться <...> принялись за изучение дробей»⁴¹.

Дремучее невежество в наиболее запущенных артелях существовало вместе с беззаконием. Практикант, работавший при партийно-комсомольской группе

колхоза «Красная звезда» Курской области, отмечал: «большинство неграмотны, пассивны, три кандидата имеют судимость»⁴². По сведениям бригады студентов, изучивших положение Дубровского сельсовета Калининской области, в 11 тамошних колхозах были сильно развиты «спекуляция, воровство и бандитизм». Как следствие, среди обывателей была велика доля судимых, доходившая в некоторых местах до 50 % от числа населения⁴³. Похожая ситуация сложилась и в других сельсоветах по области – Мартыновском⁴⁴, Перховском⁴⁵ и т.д. Со слов практиканта, посетившего колхоз им. Кирова Ненашевского сельсовета Московской области, «там публика на 90 % имеет судимость, как женщины, так и мужчины, за воровство, за хулиганство»⁴⁶. Противообщественные наклонности у крестьян во многих местах питала хозяйственная разруха, вызванная неумением поставить работу в условиях колхозной организации. Развал последней закономерно влек и обнищание отдельных колхозников, которые ради жизнеобеспечения шли на мелкие нарушения и преступления.

Безусловное раздражение практикантов вызывала привычка крестьян справлять христианские праздники. Это не только противоречило положениям официальной пропаганды, но и срывало мобилизацию сил при проведении посевной и уборочной кампаний. Иногда колхозники предпочитали посещение церкви выходу на полевые работы⁴⁷. Студент Орбелян, прикрепленный к одному из колхозов Курской области, отмечал особые трудности при организации работы по воскресеньям и в дни христианских праздников, «ибо еще поныне на местах есть остатки придерживания к религиозным обрядам»⁴⁸. «Колхозники религиозные, ни одного праздника религиозного не пропускали»⁴⁹, – отмечал другой практикант. Его коллега в Калининской области критиковал председателя колхоза за «бездействие (вернее, личную инициативу) в устройстве

³⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 65.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 13.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 100 об.

⁴¹ Там же. Л. 90 об.

⁴² Там же. Л. 131 об.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 13.

⁴⁴ Там же. Л. 41.

⁴⁵ Там же. Л. 99.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 2. Л. 95 об.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 28 об.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 79.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 44.

поповских пьяных праздников» в ущерб колхозной работе⁵⁰. Во время Пасхи в Епанчинском сельсовете Воронежской области секретарь сельсовета, он же комсорг, «принял попа для молитвы»; там же директор школы вместе с супругой-пионервожатой и неким комсомольцем «приняли попа на дом для молитвы и сидели за столом вместе кушали»⁵¹.

Служители культа пользовались уважением у крестьян, а их услуги оставались востребованы. Они разъезжали по деревням в поисках паствы и заработка. «Был случай, явился поп восстановить закрытую церковь и собрал разные сборы»⁵², – сообщал практикант из Великолужского округа Калининской области.

В студенческих отчетах не упоминается о решительных выступлениях против нападков на религию; в то же время резкие выпады против колхозов и советской власти отмечаются не единожды. Это можно объяснить тем, что натиск на церковь не отражался в целом на жизненном благополучии деревенских обывателей, а потому не возбуждал в них той же острой неприязни, как хлебозаготовки, обобществление скота и т.д. Вероятно, крестьяне, сохраняя приверженность старине, избегали в присутствии свердловцев суждений, порицаемых богоборческой моралью. Люди не были готовы отказаться от привычных устоев и жизненных навыков, но, понимая враждебное отношение к ним приезжих коммунистов, старались действовать, не привлекая лишнего внимания.

Впрочем временами традиция проявлялась в полную силу. Студент Булгаков описал показательный случай, имевший место в 1936 г. в колхозе «Ясная поляна» Палкинского района Ярославской области. Накануне Ильина дня женщины взялись обсуждать с бригадиром вопрос о приглашении попа с молебном, но, заметив приближение студента, «бросились бежать на тербление льна»⁵³. Позже явился поп и служил молебны по домам, встречаемый колхозницами, которые утром не вышли на работу, сказавшись больными⁵⁴. На следующий (праздничный) день крестьяне массово отказались работать и готовились к предстоящим гуляниям, встречали гостей из других деревень. После

обеда на улице появились подвыпившие артельщики, и практикант во избежание неприятностей ушел к своему товарищу в соседний колхоз, где пробыл до вечера. Вернувшись, он застал поселок «неузнаваемым»: улицы были полны пьяным народом. На следующий день большинство колхозников снова не вышли в поле уже по причине престольного праздника. «Агитация» студента не исправила положения – артельщики с большей охотой внимали бригадирам и председателю колхоза, склонявшим их отказаться от работы. Последний распорядился закупить водки на 40 руб. и распределил ее среди крестьян в счет аванса за заготовку льна⁵⁵.

Этот пример показывает, что христианские праздники не имели для селян вероучительного либо мистического контекста, но были важной составляющей досуговых практик, обеспечивавших общение и совместное времяпрепровождение. Свердловцы, воспитанные в духе вульгаризованного марксизма, видели в этом лишь внешние проявления, которые воспринимали как исключительно асоциальные пережитки.

В некоторых случаях предрассудки деревенского населения принимали действительно крайне архаичные формы. К примеру, крестьяне одного из колхозов Калининской области устраивали моления о дожде⁵⁶.

В то же время деревенские жители поддавались антирелигиозной и прежде всего антицерковной агитации. Хотя и неохотно, но в целом они поддерживали соответствующие начинания. Один из практикантов записал в отчете: «Много времени и сил мы потратили на работу по закрытию церкви и оборудованию ее под ссыпной пункт, а потом под клуб <...> нам пришлось вынести всю тяжесть массово-разъяснительной работы»⁵⁷. Местные активисты не умели и не считали нужным убеждать население, а пытались решать задачи средствами принуждения. Это отчасти объясняет затруднения в насаждении новых идей – подавляющее большинство советских и партийных руководителей низового звена не умели работать с людьми из-за отсутствия нужных знаний и навыков. Подключение к делу студентов комвуза позволяло продвигать его в нужном направлении.

⁵⁰ Там же. Л. 53 об.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 5. Л. 79 об.

⁵² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 94 об.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 140 об.

⁵⁴ Там же. Л. 141.

⁵⁵ Там же. Л. 142–142 об.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 44.

⁵⁷ Там же. Л. 11 об.

Один из эмиссаров «Свердловии» в 1935 г. провел в одном из курских колхозов подписку о передаче здания церкви «под культурные цели», заручившись согласием 97 % работников⁵⁸. Учащийся Топчийн в 1936 г. в Круглинском сельсовете Воронежской области при помощи председателя сельсовета (выпускника региональной партшколы) собрал в течение суток 650 подписей (из требуемых 1500) за закрытие местной церкви⁵⁹. Он же сообщил о любопытном случае, произошедшем при сборе подписей в колхозе им. XVII партсъезда соседнего Глазковского района. Приведем выдержку из его отчета: «старик лет 64, не ехидный, очень приятное лицо, оставляет "мужицкую" бороду в аккуратном виде <...> до коллективизации – маломочный середняк, в колхозе с 1930 г., работает неплохо. В присутствии меня, когда бригада вошла в правление для сбора подписей по закрытию церкви, там присутствовало около 20 человек, и этот старик там. Бригада начала разъяснять и оформлять подписи, начиная из самых активистов, колхозники подписывают и вызывают друг друга. А этот старик наблюдает и постепенно отходит далеко к окну и останавливается с какими-то внутренними переживаниями. Когда колхозники обращаются к нему и делают вид призыва на подпись, а этот старик то молчит, то осторожится, то делает боязливые улыбки и т.д. Тогда я позвал к себе этого старика садиться со мной, но он не решился. Потом я сам подошел к нему и, стоя с ним, потихоньку поговорил о ненужности церкви и необходимости для школы и клуба и т.д. Смотрю, он вздохнул глубоко, улыбаясь, маленько махает рукой и заговаривает что "церква-то мне не нужно давно, давно я туда не хожу, но подписать самому что-то не хочется, обойдитесь без моего подписа" и т.д. Тогда я его обнял, вроде взял под руку, и пытался вести к столу для подписи и говорил, что "раз так, подпись ваша необходима для нашего коллектива". Когда подошли к столу, он минутку посмотрел на подписной лист и подписавшихся, вдруг взял ручку и расписывался без остатков, а до его подписи присутствующие прямо перестали дышать: "что же будет, боже мой". А как только этот старик расписался, вдруг – гром аплодисментов и радостный смех. Я воодушевленно

пожимаю руку этого старика, и он тоже с нами вместе начал радостно смеяться. Прямо перед нашими глазами переродился, стал легким, быстродвижущимся и радостным, приятным старичком. Таких фактов там было много и с женщинами, и с мужчинами»⁶⁰.

Сравнительная податливость крестьян в вопросе упразднения церковного служения может объясняться разными причинами, что требует специального исследования. Здесь отметим лишь то, что факты, подобные приведенным выше, свидетельствуют о часто безразличном отношении деревенского населения к институту церкви, но не обязательно об отказе от представлений о сверхъестественном и от наивно-мистического восприятия отдельных явлений действительности.

Еще одна проблема заключалась в настороженном отношении крестьян к новшествам бытового толка. Например, устройство детских яслей для разгрузки трудящихся женщин кое-где встречало сопротивление. Работница колхоза «1 мая» Мартыновского сельсовета Калининской области заявила: «Детские ясли это только для скота устраивают, мы детей своих не понесем»⁶¹. Этот эпизод, комичный по своей сути, подсвечивает особенность традиционного мышления деревенских обывателей, с особым недоверием встречавших изменения в привычном порядке вещей.

Трудно искоренялись предрассудки в отношении женщин. Практикант Ремизов нашел в колхозе Солигаличского района Ярославской области крайне пренебрежительное в нем отношение, в частности оскорбления и «беспощадную ругань матом» со стороны бригадира. На бригадном собрании студент разъяснял колхозникам «о значении женщины и необходимости ей помощи»⁶². В Троснянском районе Курской области колхозницы делились с практиканткой переживаниями о своем положении в новых условиях. Одна из них обижалась, что в колхозе «не зважают женщин»⁶³. Другая интересовалась, почему женщин не берут в армию и военные школы⁶⁴. Третья рассуждала: «Вы нам разъясняли, что каждый имеет право на образование. Это прелестно. Но вот мы, женщины, почти все знаем грамоту, да ничего с нас хорошего не получается, нас никуда не выдвигают,

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 152.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 5. Л. 76 об.

⁶⁰ Там же. Л. 77–77 об.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 43.

⁶² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 117.

⁶³ Там же. Л. 77.

⁶⁴ Там же. Л. 81.

ни в кладовщики, ни в сельсовет, и выходит, что грамота женщине не нужна»⁶⁵. Из Чернянского района Курской области студент сообщал, что в двух обследованных им сельсоветах просветительскую работу с женщинами не вели: «женщина как сила не считается, даже хуже того – игнорируется и недооценивается»⁶⁶.

Таким образом, новые ценности и навыки бытового поведения с трудом приживались в крестьянской среде, часто соседствуя со старыми нравами и привычками, не поддававшимися скорому истреблению грубым административно-пропагандистским напором. В конфликтах такого рода особенно ярко проявились противоречия города и деревни, идеологии революционного обновления и традиционных устоев.

Заключение

Колхозная деревня в отчетах практикантов предстает полной противоречий, пронизывавших досуг, труд, быт, межличностные отношения. В ходе наспех проведенной коллективизации оказался разрушенным прежний уклад жизни крестьян, а новый зачастую не смог привиться вследствие отсутствия систематического руководства и предпосылок внутри местных сообществ. Свердловцам приходилось бороться с архаикой, воплощенной в представлениях и поведенческих навыках земледельцев и мешавшей им воспринять передовой опыт культурно-бытового и хозяйственного развития. В сообщениях практикантов оказалось отражено столкновение глубоко традиционного мира российской деревни с идеалами и практиками индустриального общества в его советском изводе. Примечательно, что многие описанные факты имели место незадолго до объявления руководством СССР успешного окончания сплошной коллективизации. Обсуждаемые документы показывают, насколько параметры макросистемы советского общества были различны с положением дел на микроуровне, распадающемся на множество малых сообществ, по-разному воспринимавших импульсы модернизации, посылаемые союзным центром. Вековой традиционализм откликался на них «болезненной реакцией иммунной системы сельского социума» [Вязинкин, Якимов 2022: 1298]. Прививка прогрессивной нови требовала долгой перестройки поведенческих установок, мышления и отношения к окружающей действительности, что отнюдь не было завершено к исходу второй декады социалистического строительства.

Анализ материалов колхозной практики ВКСХУ им. Я. М. Свердлова показывает, что во многих районах, куда отправляли его учащихся, социалистическое преобразование деревни шло самотеком, помимо организованной работы с крестьянами. Отсутствие квалифицированного руководства и разъяснений сохраняло неизменными традиционные взгляды сельских обывателей, а неизбежные при этом провалы колхозного строительства укрепляли последних во враждебном отношении к соответствующим нововведениям. Сказывалось также отсутствие (либо нехватка) подготовленных кадров, способных обслуживать разнообразные машины и механизмы и привить колхозникам правильное к ним отношение. Представляется, что такое положение дел стало закономерным следствием стремления советского государства ускоренно создать новые формы сельскохозяйственной организации ранее воспитания необходимого числа специалистов для их обеспечения. Бригадиры и председатели колхозов, будучи малообразованными выходцами из числа возглавляемых ими селян, часто воспроизводили в своей практике привычные и единственно понятные им образцы трудовой деятельности. Еще более устойчивыми были бытовые воззрения и привычки крестьянства, не зависевшие напрямую от уровня производственных навыков и агрономических знаний. Частично они могли быть купированы усилением дисциплины, вовлечением граждан, особенно женщин, в решение общественно важных задач, что и делали по мере возможности студенты. Однако полное культурное обновление деревни не было возможным в пределах двух пятилеток, оставаясь проблемой гораздо большего исторического масштаба.

Материалы студентов-коммунистов содержат свидетельства о различных структурах крестьянской повседневности 1930-х гг., являясь важным источником для рассмотрения советской коллективизации в человекообразном масштабе. Вовлечение данной документации в практику научных исследований позволяет расширить представления классической историографии, сосредоточенной на истории больших социальных групп, например крестьянства как обобщенной категории. Корпус отчетов учащихся свердловского университета открывает возможности для исследования колхозных крестьян как «непосредственных акторов аграрной истории» [Ильиных 2021: 72]. Обсуждаемые

⁶⁵ Там же. Л. 90 об.–91.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 123.

тексты обладают потенциалом для осуществления на их основе изысканий в таких предметных областях, как история повседневности, микроистория, история ментальностей, отечественное крестьяноведение. Необходимая информационная отдача может быть достигнута посредством историко-антропологической критики, опыт которой в первом приближении представлен в настоящей работе.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Батченко В. С. Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов: опыт составления электронной базы данных (на примере Западной области). *Труды Института российской истории РАН*. 2014. № 12. С. 371–381. [Batchenko V. S. Peasant resistance to the anti-religious policy of the state in the late 1920-s – early 1930-s: The experience of compiling an electronic database (in the Western Region). *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, 2012, (12): 372–381. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vktabd>
- Безгин В. Б., Николашин В. П. Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области). *Научный диалог*. 2019. № 6. С. 243–259. [Bezgin V. B., Nikolashin V. P. Policy of collectivization and peasant resistance (based on materials of Kozlovsky district of Central Chernozem region). *Nauchnyi Dialog*, 2019, (6): 243–259. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-243-259>
- Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с. [Viola L. Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance. Moscow: ROSSPEN, 2010, 367. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qproaoz>
- Вязинкин А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии. *Вопросы истории*. 2022. № 7-2. С. 153–165. [Viazinkin A. Yu. Generation of the "revolutionary turning point" in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: Problems of historiography. *Voprosy Istorii*, 2022, (7-2): 153–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>
- Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьянский пессимизм в период коллективизации 1920–1930-х гг.: анти-советская риторика поколения «революционного перелома». *Вестник архивиста*. 2023. № 3. 753–764. [Viazinkin A. Yu., Yakimov K. A. Peasant pessimism in the days of collectivization (1920–30s): Anti-Soviet rhetoric of the "revolutionary turning point" generation. *Herald of an Archivist*, 2023, (3): 753–764. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-3-753-764>
- Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьянский традиционализм в годы революционного перелома. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296–1303. [Viazinkin A. Yu., Yakimov K. A. Peasant traditionalism during the era of the "revolutionary turning point". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2022, 27(5): 1296–1303. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>
- Гончарова И. В. Практика социального взаимодействия в черноземной деревне начала 1930-х гг. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018. № 3. С. 11–15. [Goncharova I. V. Practices of social interaction in the "Black earth" village of the early 1930s. *Scientific notes of Orel State University*, 2018, (3): 11–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/avwaac>
- Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2008. 136 с. [Ggaziosi A. *The great soviet peasant war: Bolsheviks and peasants, 1917–1933*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjpsfv>
- Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. *История СССР*. 1990. № 5. С. 7–30. [Danilov V. P. Agricultural collectivization in the USSR. *Istoriia SSSR*, 1990, (5): 7–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzdlrt>
- Зверков Е. А. Коллективизация как форма провокации преступности (на материалах Центрального Черноземья). *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 4. С. 84–91. [Zverkov E. A. Collectivization as a form of crime provocation (based on the materials of the Central Chernozem region). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, 2022, (4): 84–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gbjdxo>

- Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. 360 с. [Ivnitsky N. A. *The class struggle in the countryside and the elimination of the Kulaks as a class (1929–1932)*. Moscow: Nauka, 1972, 360. (In Russ.)]
- Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с. [Ivnitsky N. A. *Repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928–1933)*. Moscow: IRH RAS, 2000, 350. (In Russ.)]
- Ильиных В. А. Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области). *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1. С. 71–90. [Ilyinykh V. A. Siberian village during collectivization: Microhistory (Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region). *Russian Peasant Studies*, 2021, 6(1): 71–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-71-90>
- Ипполитов В. А. Письма в газеты как индикаторы общественных настроений крестьян поколения «революционного перелома» в 1924–1928 гг. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*. 2022. № 4. С. 8–13. [Ippolitov V. A. Letters to newspapers as indicators of public sentiments of peasants from the "revolutionary turning point" generation in 1924–1928. *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, 2022, (4): 8–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxmunw>
- Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с. [Kedrov N. G. *Stalinism bast shoes. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN, 2013, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxvirv>
- Кедров Н. Г. Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки*. 2017. № 1. С. 12–16. [Kedrov N. G. The Russian historiography on the peasantry collectivization: Problems of studying. *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, 2017, (1): 12–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxauoj>
- Мельникова Т. А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2009. № 2. С. 61–71. [Melnikova T. A. Historiography of the agrarian policy of the USSR of the 1930s. *Historical and Social-Educational Idea*, 2009, (2): 61–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzmctb>
- Покровская Т. Ю. Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2022. Т. 8. № 1. С. 108–117. [Pokrovskaya T. Yu. Religious memory of the peasantry in the 1930s in the villages of the Black earth region of Russia. *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2022, 8(1): 108–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10>
- Рыбаков П. А. Политика коллективизации и раскулачивания в Рязанском регионе и сопротивление крестьянства ее проведению. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2020. № 1. С. 33–45. [Rybakov P. A. The policy of collectivization and dispossession in the Ryazan region and the resistance of the peasantry to its implementation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*, 2020, (1): 33–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdwwhb>
- Селунская В. М. О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР. *Вопросы истории*. 1956. № 11. С. 195–210. [Selunskaya V. M. On PhD dissertations on the history of collectivization of agriculture in the USSR. *Voprosy Istorii*, 1956, (11): 195–210. (In Russ.)]
- Слезин А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей. *Вопросы истории*. 2022. № 8-2. С. 106–128. [Slezin A. A. Rural youth of the first third of the 20th century and its impact on society from the perspective of contemporary researchers. *Voprosy Istorii*, 2022, (8-2): 106–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32>
- Слезин А. А., Якимов К. А. Изъяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы: взгляд крестьянства. *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 5. С. 494–515. [Slezin A. A., Yakimov K. A. Shortcomings of "everyday revolution" in Soviet Russia in 1920s: A peasant perspective. *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(5): 494–515. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-494-515>
- Слезин А. А., Якимов К. А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х гг. *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 8. С. 453–469. [Slezin A. A., Yakimov K. A. Public sentiment among peasantry of "revolutionary turning point" generation at turn of 1920–1930s. *Nauchnyi Dialog*, 2022, 11(8): 453–469. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>

- Тихомиров Н. В. «Мы одни здесь, как сиротинушки»: деревенская практика ленинградских студентов в начальный период коллективизации. *Новая и новейшая история*. 2024а. № 3. С. 209–227. [Tikhomirov N. V. "We are alone here like orphans": Leningrad students' rural practice in the initial period of collectivization. *Novaya i novejshaya Istoriya*, 2024а, (3): 209–227. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0130386424030166>
- Тихомиров Н. В. «Ожилились антисоветские элементы»: дневник колхозной практики студентов Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Весна 1930 г. *Вестник архивиста*. 2024b. № 2. С. 550–565. [Tikhomirov N. V. "Anti-Soviet elements revived": Diary of collective farm practice of students of the Communist University of National Minorities of the West. Spring 1930. *Herald of an Archivist*, 2024b, (2): 550–565. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-2-550-565>
- Тихомиров Н. В. Завершающий этап колхозного строительства в Центральном Черноземье в отчетах студентов ВКСХУ о производственной практике. *Вестник Брянского государственного университета*. 2024с. № 2. С. 166–173. [Tikhomirov N. V. The final stage of collective farm construction in the Central Chernozem region in the reports of VKSU students on industrial practice. *The Bryansk State University Herald*, 2024с, (2): 166–173. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2024-08-02-166-173>
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с. [Fitzpatrick S. *Stalin's peasants. Resistance and survival in the Russian village after collectivization*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 421. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpiyxn>
- Якимов К. А. Протестные настроения тамбовского крестьянства поколения «революционного перелома» на начальном этапе коллективизации. *Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: XXIV Всерос. науч. конф.* (Тамбов, 30 марта 2023 г.) Тамбов: ИД Тамбов, 2023. С. 126–130. [Yakimov K. A. Protest moods of the Tambov peasantry of the "revolutionary turning generation" at the initial stage of collectivization. *Tambov in the past, present and future: Proc. XXIV All-Russian Sci. Conf.*, Tambov, 30 Mar 2023. Tambov: ID Tambov, 2023, 126–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fwavnq>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fszqyn>

Реализация правительственных решений о создании производственных мощностей вычислительной техники и комплекса ЭВМ «Ряд»

Бодрова Елена Владимировна

МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3246-9479

<https://orcid.org/0000-0001-7889-3054>

Scopus Author ID: 57209374185

Калинов Вячеслав Викторович

Российский государственный университет нефти и газа

(национальный исследовательский университет)

имени И. М. Губкина, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2222-2940

<https://orcid.org/0000-0002-9709-7720>

Scopus Author ID: 57000225500

kafedra-i@yandex.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованной оптимальной стратегии развития Российской Федерации в крайне неблагоприятных геополитических условиях, когда достижение технологического суверенитета стало фактором безопасности и существования страны. Новизна определяется предпринятой попыткой осуществить на основе в настоящее время рассекреченных архивных документов изучение проблемы реализации правительственных решений, принятых во второй половине 1960-х гг., о создании производственных мощностей вычислительной техники и комплекса ЭВМ «Ряд», оценить эффективность государственной политики в этой сфере. Цель – определить причины технологического отставания СССР в сфере вычислительной техники. Базовой в ходе исследования была теория модернизации. Сформулирован вывод, что реализация проекта «Ряд» тормозилась из-за отсутствия технической документации, элементной базы, достойного математического обеспечения, достаточных ассигнований, дефицита производственных площадей и медленных сроков строительства. В результате был достигнут определенный эффект, но он оказался значительно меньше ожидаемого. Обеспечить решение задачи быстрого преодоления технологического отставания СССР в сфере вычислительной техники не удалось. Выбранный правительственными органами вариант копирования американских образцов оказался наименее перспективным. Отечественные разработки велись все менее интенсивно, советские вычислительные центры заполнили ЭВМ серии ЕС. Развитие собственной индустрии по производству ЭВМ не стало в СССР катализатором для структурной перестройки. Доказано, что это обуславливалось просчетами в планировании и управлении, выбранными в то время приоритетами в экономической политике, отсутствием единого координационного центра и должного взаимодействия оборонного и гражданского секторов, превалированием интересов ведомств, незаинтересованностью предприятий в модернизации и, наконец, игнорированием властью рекомендаций ведущих ученых.

Ключевые слова: государственная политика, Совет министров СССР, вычислительная техника, комплекс «Ряд», производство, строительство, модернизация, технологическое отставание, ведомственные интересы, лоббизм

Цитирование: Бодрова Е. В., Калинов В. В. Реализация правительственных решений о создании производственных мощностей вычислительной техники и комплекса ЭВМ «Ряд». *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 965–977. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-965-977>

Поступила в редакцию 27.08.2024. Принята после рецензирования 05.11.2024. Принята в печать 11.11.2024.

full article

Government Decisions on Production Facilities for Computing Equipment and Computer Complex Ryad

Elena V. Bodrova

MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3246-9479

<https://orcid.org/0000-0001-7889-3054>

Scopus Author ID: 57209374185

Vyacheslav V. Kalinov

National University of Oil and Gas, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2222-2940

<https://orcid.org/0000-0002-9709-7720>

Scopus Author ID: 57000225500

kafedra-i@yandex.ru

Abstract: In the current geopolitical situation, the Russian Federation needs a scientifically optimal strategy to achieve a technological sovereignty, which has become a factor of national security. This research relied on newly-declassified archival documents that describe governmental decisions made in the second half of the 1960s on the Ryad computer complex. The research objective was to explain the technological backwardness of the USSR in the field of computer technology. The theory of modernization made it possible to conclude that the Ryad project was slowed down due to poor technical documentation, element base, mathematical support, and allocations, not to mention the insufficient production facilities and slow construction. The project turned out to be much less effective than expected and failed to bridge the technological gap. The Soviet authorities chose to copy American samples at the expense of the domestic R&D. As a result, Soviet computing centers accumulated computers that were based on borrowed technologies, and the domestic computer manufacturing never became a catalyst for structural adjustment. It happened as a result of poor planning and management, as well as the priorities of the contemporary economic policy. The defense and civil sectors had no proper interaction while the immediate interests of ministries dominated over long-term prospects. Soviet enterprises did not invest in modernization, and the government ignored the recommendations of leading scientists.

Keywords: State policy, Council of Ministers of the USSR, computer technology, Ryad complex, production, construction, modernization, technological lag, departmental interests, lobbying

Citation: Bodrova E. V., Kalinov V. V. Government Decisions on Production Facilities for Computing Equipment and Computer Complex Ryad. *SibScript*, 2024, 26(6): 965–977. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-965-977>

Received 27 Aug 2024. Accepted after peer review 5 Nov 2024. Accepted for publication 11 Nov 2024.

Введение

Рассмотрение сюжетов, связанных с процессом реализации правительственных решений, принятых во второй половине 1960-х гг. о создании производственных мощностей вычислительной техники и комплекса ЭВМ «Ряд», анализ эффективности государственной политики в этой сфере на рубеже 1960–1970-х гг. представляется чрезвычайно актуальным не только потому, что позволяет объективно оценить различные, но в основном негативные оценки выбора властными структурами курса на копирование в СССР американских образцов электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Изучение как позитивного, так и негативного советского опыта по осуществлению такого рода проектов необходимо и для разработки научно обоснованной оптимальной стратегии развития

Российской Федерации в настоящее время, в крайне неблагоприятных геополитических условиях, когда достижение технологического суверенитета стало фактором безопасности и существования страны. Цель статьи – определить причины технологического отставания СССР в сфере вычислительной техники.

Исследователями рассмотрен ряд аспектов проблемы, связанной с историей становления и развития электронно-вычислительной техники в 1950–1970-е гг. [Арутюнян 2023; Бокарев 2007; 2009; Крайнева и др. 2016а; 2016b; Парамонова 2023]. Значительный интерес представляют труды, посвященные деятельности отдельных разработчиков советских ЭВМ [Малиновский 1995; Смык, Артамонов 2023; 2024]. В статье С. П. Прохорова

оценивается вклад Академии наук СССР в развитие этого направления науки [Прохоров 2023]. Подготовке кадров в сфере разработки и производства вычислительной техники посвящена работа С. А. Куджа и Н. Б. Головановой [Кудж, Голованова 2020]. В ряду наиболее значимых для нашего исследования публикаций – труды по экономической истории интересующего нас периода, в которых определяется эффективность государственной политики по модернизации отрасли [Галушка и др. 2021; Кудров 2010; Леонов 2004; Сагателян 2001; Ханин 2002; 2008]. Достаточно много опубликовано мемуарной литературы [Герович 2011; Моисеев 2007]. Например, А. И. Китов подробно описывает опыт работы в качестве Главного конструктора Отраслевой автоматизированной системы управления Министерства радиопромышленности [Китов 1971]. Особый интерес представляет работа Н. А. Митрохина «Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах», которая содержит материалы интервью и мемуары представителей высшей советской бюрократии, а также широкий массив документов советского руководства. Автором предпринята попытка ответить на весьма значимые вопросы о содержании экономической политики этого периода, о разработках планов и программ, о причинах, логике, направленности, результатах реформ, о противостоящих группах интересов [Митрохин 2023].

Отдельные аспекты этой проблемы были изучены нами [Бодрова, Калинов 2023; 2024]. Мы согласны с авторами, которые утверждают, что руководство страны имело полную информацию о масштабном развитии вычислительной техники в ведущих капиталистических странах, о нарастающем отставании СССР в этой сфере [Тихонов 2023; Томилин и др. 2016].

Методы и материалы

Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и достоверности. Многомерность изучаемых процессов потребовала привлечения как общенаучных методов исследования, так и специальных (историко-ретроспективного, историко-сравнительного, историко-генетического и др.)

В качестве базовой нами принята теория модернизации, т. к. именно она акцентирует внимание на взаимосвязи экономического развития и изменений политического характера. Скачкообразный тип российской модернизации характеризуется сменой периода форсированного экономического роста стагнацией и нарастанием технико-технологического

отставания от ведущих, промышленно развитых стран. Для сокращения отрыва государство использовало все средства для мобилизации ограниченных внутренних ресурсов. Российская модель модернизации носила догоняющий, во многом «заимствующий» характер, что определялось внешними вызовами. Позднеиндустриальная стадия модернизации предопределила первый этап научно-технической революции – соединение производительного труда с научным знанием, обусловила интеллектуализацию труда, способствовала появлению новых средств связи, обработки данных.

Изучение истории развития вычислительной техники в контексте позднеиндустриальной стадии модернизации в СССР представляется правомерным и логичным. Трансформационные изменения, наблюдавшиеся в мире в этот период, предполагали вычленение научно-технической политики в качестве отдельного направления и определения разработок и производства ЭВМ как приоритета и катализатора структурной перестройки экономики и инновационных процессов. Однако в СССР с середины 1950-х гг. ориентация на опережающее развитие военно-промышленного комплекса и смежных отраслей обуславливала структурные перекосы в экономике, не позволяла осуществить синхронный с передовыми странами переход к следующим стадиям развития. Форсирование государством темпов, выбор кажущихся несомненными приоритетных направлений имели следствием использование жестких методов управления, прогрессирующую централизацию и бюрократизацию, часто – разработку научно необоснованных стратегий.

В процессе исследования были изучены архивные материалы из фонда Аппарата ЦК КПСС, в котором отложилось значительное количество служебных записок, докладов, отчетов под грифом «секретно», отражающих реальное положение с производством вычислительной техники в нашей стране.

Результаты

Центральными партийно-государственными органами управления СССР в 1950–1960-е гг. предпринимались определенные усилия по преодолению отставания в сфере разработки и производства вычислительной техники, утверждались соответствующие постановления. Перечень достигнутого, особенно в первой половине 1960-х гг., впечатлял, если бы не одновременное осуществление советскими специалистами сравнительного анализа показателей с США. Данные свидетельствовали не в пользу СССР и не могли не беспокоить.

Изученные нами архивные документы свидетельствуют о все нарастающей тревоге как со стороны молодых разработчиков ЭВМ, которые направляли в 1967 г. соответствующие заключения в ЦК КПСС¹, так и со стороны крупных ученых, академиков, докладывающих руководству страны о все более катастрофично складывающейся ситуации в этой сфере². Так, Президентом Академии наук М. В. Келдышем направлялись данные о том, что по объемам производства электронно-вычислительных машин СССР в 22 раза стал отставать от США, а вычислительная мощность советских ЭВМ оказалась в 65 раз ниже³. И ученые, и руководители ряда ведомств (министр приборостроения, автоматизированного оборудования и систем управления К. Н. Руднев, например) среди причин называли недостаточность ассигнований. Подобного рода доклады включали не только ссылки на показатели, достигнутые в США и СССР, на объемы средств, направляемых на эти цели, но и содержали целый перечень рекомендаций, которые следовало бы реализовать⁴. К. Н. Руднев в служебной записке, направленной в Совет Министров СССР, указывал на явные просчеты Госплана: в проекте Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 и 1968 г. в разделах по капитальному строительству отсутствовал показатель, определявший объемы капитальных затрат на создание и внедрение автоматизированных систем управления и вычислительных центров, хотя реализация принятого по этому поводу Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 187 от 6 марта 1966 г. уже началась. Но из-за недостатка капитальных вложений сроки выполнения затягивались⁵.

Архивные документы дают возможность оценить предпринятые в то время попытки преодолеть отставание с помощью активной закупки лучших образцов зарубежной вычислительной техники, в частности в Англии⁶. Но одновременно Госплан

не видел возможности для приобретения французских ЭВМ для Латвийского государственного университета из-за «состояния валютных средств» т. к. платежный баланс с западными странами отличался большим дефицитом, а потому и «многие решения Правительства об импорте оборудования на эти годы не обеспечивались источниками оплаты»⁷.

Одновременно дефицитом оставались и отечественные ЭВМ. Об этом, в частности, свидетельствует переписка Министра газовой промышленности СССР А. К. Кортупова и секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова с Госпланом СССР в октябре 1967 г.⁸ В ответе на просьбу выделить ЭВМ типа «БЭСМ-6» содержался отказ, т. к. вся продукция на 1968 г. была уже распределена⁹.

Изучение этих и подобных документов позволило нам классифицировать предлагаемые авторами варианты решения проблемы: или концентрация всех ресурсов и усилий на создании собственных последнего поколения ЭВМ, или приобретение лучших образцов и их копирование, или покупка лицензии со всей документацией, математическим обеспечением для организации производства¹⁰. Руководством Министерства радиоэлектронной промышленности СССР предлагался последний вариант, т. е. использование зарубежного опыта по выпуску программно совместимых ЭВМ «третьего поколения», созданных на единой технологической базе¹¹. Полагаем, что из-за потребности в концентрации слишком больших ресурсов в случае реализации первого варианта и неясности перспектив 11 ноября 1967 г. Д. Ф. Устиновым было поручено Министерству радиоэлектронной промышленности СССР представить собственное заключение. В нем предлагалось для создания программно совместимых вычислительных машин «третьего поколения», построенных на единой технологической базе, использовать зарубежный опыт¹². В результате именно этому

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 59. Д. 111. Л. 161–162.

² Там же. Л. 180.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 9. Д. 877. Л. 23–25.

⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921–1991. Центральный аппарат. Д. 1716. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 131. Л. 68.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 131.

ведомству и было поручено Советом Министров СССР 30 декабря 1967 г. разработать комплекс программно совместимых информационно-вычислительных машин «Ряд», организовав его серийное производство¹³. Документы и мемуары подтверждают, что значительная часть ведущих разработчиков, крупных ученых резко отрицательно отнеслись к подобному решению, т. к. это означало копирование американской IBM-360 и свертывание собственного производства ЭВМ из-за их низкой конкурентоспособности. В действительности ряд отечественных перспективных разработок был продолжен [Симонов 2013: 242], но использование принципа заимствования предопределило снижение их активности и внедрения, а отставание лишь нарастало.

Такое развитие событий нашло отражение и в архивных документах. Так, 18 июня 1969 г. заведующий Отделом оборонной промышленности ЦК КПСС И. Д. Сербин докладывал секретарю ЦК КПСС Д. Ф. Устинову, курировавшему этот вопрос, о ходе реализации Постановления Совета Министров СССР от 30 декабря 1967 г. «О дальнейшем развитии разработки и производства средств вычислительной техники» Министерством радиопромышленности, Министерством электронной промышленности, Министерством приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Согласно этому решению, они обязаны были увеличить за 1968–1975 гг. выпуск средств вычислительной техники с 431 млн руб. до 2100 млн руб. и изготовить за эти годы 24,3 тыс. ЭВМ¹⁴. Эту задачу предусматривалось решить в 1968–1975 гг. путем значительного наращивания производственных мощностей по выпуску средств вычислительной техники как за счет реконструкции 56 действующих заводов, так и строительства 40 новых с вводом 4129 тыс. м² площадей. Однако И. Д. Сербин должен был признать, что работы по созданию производственных площадей проводились неудовлетворительно. Например, в 1968 г. предусматривалось ввести в указанных министерствах для расширения производства ЭВМ 126 тыс. м² площадей, а фактически было введено только 90 тыс. м²; в 1969 г. в соответствии с постановлением должно было быть введено 210 тыс. м² площадей, а было запланировано всего 132 тыс. м². В 1970 г. намечался ввод 350 тыс. м² вместо 680 тыс. м², предусмотренных

указанным Постановлением. Это объяснялось автором недостатком выделенных ассигнований: согласно Постановлению, должно было быть выделено ответственным за развитие ЭВМ министерствам на 1969–1970 гг. дополнительных капитальных вложений в размере 238 млн руб. Однако в 1969 г. Госплан СССР ассигновал на эти цели только 85 млн руб.¹⁵ В свою очередь, задержка с развитием производственных мощностей по выпуску вычислительной техники очевидно приводила к еще большему отставанию в обеспечении ею оборонного комплекса и народного хозяйства в целом по сравнению с США.

Разработка типового комплекса ЭВМ «Ряд», согласно данным, представленным главными конструкторами, несмотря на возлагаемые на него надежды, осуществлялась в 1969 г. с отставанием на 6–12 месяцев. Это объяснялось в докладе «неудовлетворительным решением вопросов», связанных с созданием математического обеспечения этих машин, разработкой опытных образцов и серийного производства отдельных узлов, в том числе блоков питания, разъемов, запоминающих устройств со сменными дисками и др.

Научно-исследовательский центр электронно-вычислительной техники (НИЦЭВТ) Минрадиопрома не смог выполнять ведущую роль в создании комплекса «Ряд» из-за отсутствия необходимой лабораторно-производственной базы, технологического оборудования, вычислительной техники для отработки математического обеспечения и автоматизации процессов проектирования, а также недостатка высококвалифицированных специалистов, в первую очередь математиков. В связи с этим автор рассматриваемого документа напоминал, что, согласно ранее принятым решениям, в 1968–1971 гг. для НИЦЭВТ должен был быть построен комплекс лабораторно-производственных зданий рабочей площадью 40 тыс. м². Но на 1969 г. для строительства комплекса было выделено только 400 тыс. руб. при сметной стоимости первой очереди более 40 млн руб. Не были решены вопросы и о подрядной организации для строительства, и о координации совместной работы с социалистическими странами, которые участвовали в создании машин комплекса «Ряд», в том числе вопросы оплаты и взаимных расчетов между странами, обеспечения оперативной технической связи и др. Среди причин, обусловивших торможение, И. Д. Сербин называл также

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 111. Л. 183.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 170. Л. 42.

¹⁵ Там же.

неудовлетворительное обеспечение этих работ интегральными схемами «Логика-2» и «Истра». Кроме того, Минрадиопрому не в полном объеме удалось решить вопросы, связанные с организацией в 1968–1970 гг. на предприятиях министерства производства ЭВМ третьего поколения «Наири-3» производительностью 15 тыс. оп/с и укомплектованием этой машины необходимым математическим обеспечением и внешними устройствами¹⁶.

В этой ситуации автором предлагалось поручить руководителям ответственных за изготовление средств вычислительной техники и своевременную разработку типового комплекса ЭВМ «Ряд» ведомств принять необходимые меры по обеспечению «безусловного выполнения в установленные сроки и в полном объеме работ», предусмотренных Постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1967 г., и доложить ЦК КПСС¹⁷.

В резолюции по сути этого письма Д. Ф. Устинов 19 июня 1969 г. поручил заместителю председателя Совета Министров СССР по оборонным отраслям промышленности, Председателю Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам Л. В. Смирнову, первому заместителю председателя Госплана СССР В. М. Рябикову, министру радиопромышленности В. Д. Калмыкову, министру электронной промышленности А. И. Шокину принять неотложные меры по обеспечению ввода производственных мощностей и созданию типового комплекса ЭВМ «Ряд» в установленные сроки¹⁸.

Соответствующие отчеты были направлены в ЦК КПСС, а И. Д. Сербин 23 декабря 1969 г. обобщил все сведения и доложил о результатах Д. Ф. Устинову. И вновь он должен был признать, что хотя Минрадиопромом и Минэлектропромом были разработаны некоторые мероприятия по исправлению положения, сложившегося с созданием комплекса ЭВМ «Ряд», однако они явились, по его оценке, «крайне недостаточными» и не обеспечили ликвидацию имеющегося отставания. Особенно неблагоприятным состоянием дел было с созданием системы математического обеспечения комплекса ЭВМ «Ряд». Не удалось создать первоочередное математическое обеспечение для малых машин Р-20, серийное

производство которых должно было быть организовано уже в 1970 г., и Р-30, опытные образцы которых должны были быть изготовлены в 1970 г. Практически не были начаты работы по созданию математического обеспечения оперативной системы для больших машин Р-50 и Р-60, опытные образцы которых планировалось изготовить в 1971 и 1972 годах. В качестве основных причин отставания разработки системы математического обеспечения автор доклада назвал отсутствие «должного внимания» к этим работам, недостаточное укомплектование организаций, занятых разработкой ЭВМ «Ряд», квалифицированными специалистами-математиками и острый дефицит необходимых площадей для их размещения. Совместные работы по математическому обеспечению с социалистическими странами развертывались медленно.

Минрадиопромом также с отставанием от установленных сроков велись работы по созданию процессоров машин Р-50, Р-60, накопителей на сменных магнитных дисках, оперативных запоминающих устройств, аппаратуры передачи данных и др. Недостаточно проработанными оказались вопросы технологии производства ЭВМ. Минэлектропромом неудовлетворительно осуществлялась поставка для комплекса ЭВМ «Ряд» интегральных схем. Из принятых министерством к поставке 83 тыс. схем «Логика-2» на 10 декабря 1969 г. было поставлено только 20 тыс. шт.¹⁹ Не решался вопрос о создании в 1970–1975 гг. производственных мощностей для изготовления средств вычислительной техники в предусмотренных ранее объемах. И вновь И. Д. Сербин подчеркивал важность создания комплекса ЭВМ «Ряд» в установленные правительством сроки, а потому предлагал всем ответственным руководителям дополнительно рассмотреть ситуацию, исправить ее и доложить²⁰.

Детально и более внимательно рассмотреть все данные о выполнении Постановления от 30 декабря 1967 г. по отдельным министерствам и выявить блокирующие факторы позволило изучение докладов, направленных И. Д. Сербину руководителями этих ведомств. Самым объемным и подробным оказался доклад Министра радиопромышленности В. Д. Калмыкова, направленный в ЦК КПСС еще 24 июля 1969 г. Напомним, что И. Д. Сербиным обобщающий

¹⁶ Там же. Л. 43.

¹⁷ Там же. Л. 44.

¹⁸ Там же. Л. 41.

¹⁹ Там же. Л. 30.

²⁰ Там же.

отчет Д. Ф. Устинову был подготовлен только в декабре. Опираясь на большое количество конкретных данных, В. Д. Калмыков сообщал, что возглавляемое им министерство разрабатывало комплекс ЭВМ третьего поколения с совместной системой программирования на основе интегральных схем (тема «Ряд»), являвшейся составной частью Единой Системы ЭВМ (ЕС ЭВМ), совместно с социалистическими странами (НРБ, ГДР, ВНР, ПНР, ССР, ЧССР). Автором назывались и конкретные намеченные сроки разработки моделей «Ряд»: с быстродействием 20 и 100 тыс. оп/с – 1970 г.; с быстродействием 500 тыс. оп/с – 1971 г.; с быстродействием 2 млн оп/с – 1972 г. Однако по состоянию на июль 1969 г. организациям Минрадиопрома удалось лишь закончить разработку технического проекта комплекса ЭВМ «Ряд», утвердить планы и распределить работы между предприятиями СССР и соцстран. Был решен ряд основных технических вопросов, касающихся общей архитектуры и логики ЭВМ, унификации элементов, базовых конструкций, а также заканчивались работы по аванпроекту системы математического обеспечения.

В результате автор доклада вынужден был признать, что работы по созданию ЕС ЭВМ не развернуты в «достаточной мере» и велись с отставанием от установленных сроков²¹. Впрочем, 30 июня 1968 г. Министерство издало приказ о принятии ряда неотложных мер, направленных на ликвидацию отставания. Предусматривалось: ускорение работ по внедрению новой технологии и организации в НИЦЭВТ опытного участка многослойных печатных плат; организация на Московском заводе «САМ» цеха многослойных печатных плат и экспериментального цеха для изготовления макетов и опытных образцов отдельных устройств и моделей, входящих в комплект ЭВМ «Ряд»; было дано задание Ереванскому НИИ математических машин по разработке и поставке унифицированных блоков питания; выделялось НИЦЭВТ и Московскому заводу «САМ» в 1969–1970 гг. импортное технологическое оборудование для освоения новых образцов ЭВМ и технологических процессов, а также дополнительный фонд заработной платы. Во временное пользование НИЦЭВТ были отданы 1600 м² лабораторно-производственных площадей Московского научно-исследовательского телевизионного института. Наконец, организовывались филиалы НИЦЭВТ в Минске и Астрахани.

Минрадиопромом была достигнута договоренность с Главмосстроем о начале строительства в 1969 г. для НИЦЭВТ двух зданий школьного типа с вводом их в 1970 г., а строительство основных зданий включалось в заказ-заявку для плана Главмосстрою на 1970 г.

Ереванским НИИ математических машин была закончена разработка опытного образца ЭВМ «Наири-3» и завершалась разработка необходимого математического обеспечения. Был определен головной завод-изготовитель ЭВМ «Наири-3» (Астраханский завод «Прогресс»), утверждались мероприятия по подготовке серийного производства. В 1969 г. должны были быть изготовлены 4 ЭВМ «Наири-3» на опытном заводе Ереванского НИИ математических машин и 3 машины в кооперации с указанным заводом «Прогресс»²².

Руководство министерства докладывало и о «существенном» увеличении выпуска ЭВМ. В 1968 г. было выпущено 445 машин. В дальнейшем планом предусматривалось в 1969 г. произвести 640 шт., в 1970 г. – 820, в 1971 г. – 970, в 1972 г. – 1230, в 1973 г. – 1790, в 1974 г. – 2500, в 1975 г. – 3100. Министерство радиопромышленности в 1968 г. ввело в эксплуатацию на предприятиях и в разрабатывающих организациях 67 тыс. м² лабораторных и производственных площадей, что оказалось на 14 тыс. м² больше предусмотренных Постановлением от 30 декабря 1967 г.

Этих результатов удалось достичь, подчеркивал автор доклада, несмотря на то что Госплан СССР вместо предусмотренного увеличения капитальных вложений в 1969–1970 гг. для развития мощностей по выпуску средств вычислительной техники в сумме 73 млн руб. в 1969 г. увеличил их лишь на 11,4 млн руб.²³ Министерство радиопромышленности вынуждено было за счет перераспределения средств выделить в 1969 г. на строительно-монтажные работы для предприятий и в организации вычислительной техники 18,1 млн руб. Но принятый подрядными строительными организациями план ввода в 1969 г. площадей оказался меньше заданного Постановлением на 21,6 тыс. м² (54,5 тыс. м² вместо 76,1 тыс. м²).

Минрадиопромом в короткий срок была разработана техническая документация на расширение действующих заводов и научных организаций, на строительство 14 новых заводов по производству вычислительной техники. По состоянию на июль 1969 г. была подготовлена техническая документация

²¹ Там же. Л. 55.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же. Л. 57–58.

на строительство предприятий и организаций общей площадью 1623 тыс. м², началось строительство заводов и научных организаций общей площадью 879 тыс. м²: 6 новых заводов в г. Боярка Киевской области, в Каневе Черкасской области, в Каменец-Подольске, в Виннице, во Фрунзе, в Вологде. Но в связи с недостатком выделенных капитальных вложений так и не удалось начать строительство заводов в городах Калуга, Кострома, Краснодар, Витебск, Алма-Ата, Гомель, Одесса, Симферополь²⁴.

В. Д. Калмыков заверял, что в 1969–1975 гг. Минрадиопрому удастся построить на предприятиях и в организациях вычислительной техники 1034 тыс. м² (вместо плановых 1606 тыс. м²) новых лабораторных и производственных площадей, что составляло 20 % от всех вводимых по Министерству площадей. При этом Министерство, утверждал он, направляло на эти цели максимально возможные средства, но без дополнительных ассигнований выполнение плановых заданий ему не представлялось возможным²⁵.

Таким образом, в качестве важнейшей причины торможения руководство Министерства радиопромышленности прямо называло позицию Госплана, сокращение ассигнований, а в результате – нехватку производственных площадей. Не хватало и инвалютных средств на закупку необходимого оборудования. Об этом В. Д. Калмыков в другом письме сообщал в ЦК КПСС 8 августа 1969 г. Общая стоимость закупок, запланированных постановлениями и распоряжениями Совета Министров СССР на 1969–1970 гг., составляла в 1969 г. 40 млн руб., но оказалось закуплено товаров на сумму лишь 1,3 млн руб.²⁶ Министр писал, что Госпланом СССР была пересмотрена первоначально намеченная сумма в сторону резкого ее сокращения, и предупреждал, что «крайняя недостаточность» выделяемых инвалютных средств и необеспеченность радиопромышленности прецизионным и специальным технологическим оборудованием повлечет за собой задержку при освоении в серийном производстве комплекса ЭВМ «Ряд», дальнейшее отставание развития средств вычислительной техники в СССР и в сфере разработок в оборонном комплексе²⁷.

Выполняя распоряжение Д. Ф. Устинова, заместитель Министра электронной промышленности

К. И. Михайлов 28 августа 1969 г. также направил соответствующий доклад, в котором пояснял, что в основных направлениях развития электронной промышленности на 1971–1975 гг. и планах на 1969–1970 гг. было предусмотрено полное обеспечение потребности в интегральных схемах производства средств вычислительной техники. В 1969 г. был запланирован выпуск 8,1 млн шт. интегральных схем вместо предусмотренных Постановлением от 1967 г. 4,5 млн шт. В 1968 г. Минрадиопрому для обеспечения разработок комплекса «Ряд» было поставлено 21 тыс. шт. интегральных схем типа «Логика» и «Логика-2». В 1969 г. в соответствии с договорами с предприятиями Минрадиопрома за 8 месяцев оказалось поставлено 16014 интегральных схем типа «Логика-2». Автор гарантировал, что до конца года поставки схем «Логика-2», «Игра», «Истра» по заключенным договорам будут выполнены. Кроме того, сообщал он, в 1969 г. по просьбе Минрадиопрома должно было быть изготовлено для машин серии «Ряд» дополнительно до 40 тыс. схем типа «Логика-2».

Но одновременно К. И. Михайлов сообщал, что строительство заводов по производству интегральных схем, предусмотренных постановлением от 30 декабря 1967 г., находилось в «совершенно неудовлетворительном состоянии в связи с отказом строительных министерств от принятия требуемых объемов работ» и установленных Постановлением сроков, о чем подробно было доложено ЦК КПСС отдельно 20 августа 1969 г.²⁸ То есть автор, так же как и руководитель Министерства радиопромышленности, ссылаясь на нехватку производственных мощностей, на проблемы со строительством.

Полагаем, что в ЦК КПСС были предприняты попытки разобраться с причинами отставания и найти виновных. А потому в ЦК был направлен еще один общий отчет за подписями заместителя председателя Совета Министров СССР по оборонным отраслям промышленности, Председателя Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам Л. В. Смирнова, первого заместителя председателя Госплана СССР В. М. Рябикова, заместителя председателя Государственного комитета СССР по радиоэлектронике, первого заместителя

²⁴ Там же. Л. 58.

²⁵ Там же. Л. 59.

²⁶ Там же. Л. 69.

²⁷ Там же. Л. 66–67.

²⁸ Там же. Л. 45–46.

министра П. С. Плешакова, сообщавших о значительном количестве организаций, привлеченных к решению проблемы. Кроме головного НИЦЭВТ в разработку комплекса «Ряд» включались Ереванский НИИ математических машин, Пензенский НИИ вычислительной техники, НИИсчетмаш, Минский и Астраханский филиалы НИЦЭВТ, Центральный научно-исследовательский технологический институт Минрадиопрома, Центр Микроэлектроники Министерства электронной промышленности и ряд других министерств и ведомств²⁹. Проект рассматривался экспертной комиссией под председательством академика А. А. Дородницына и был рекомендован для проведения дальнейших работ. Однако авторы отчета все также констатировали отставание работ от утвержденных планов. Причем «особенно неудовлетворительно» решались вопросы создания математического обеспечения. В части процессоров Р-50 и Р-60 проект был выполнен не в полном объеме. Работы по изготовлению опытных образцов машин Р-50 оказались развернутыми «слабо», а по Р-60 – практически не начаты. В начальной стадии находилась работа по созданию оперативных запоминающих устройств, накопителей на сменных магнитных дисках и аппаратуры передачи данных. Медленно велись разработки специальных технологических процессов изготовления ЭВМ и внешних устройств. Недостаточно были проработаны вопросы контроля, диагностики, методов испытания и оценки надежности.

И в этом отчете главной причиной торможения называлось слабое математическое обеспечение. А потому с целью активизации работ по созданию математического обеспечения комплекса ЭВМ «Ряд» было решено закупить импортные образцы. В итоге были закуплены 3 ЭВМ третьего поколения³⁰. Тем не менее положение с разработкой математического обеспечения оставалось крайне напряженным.

Авторы отчета прогнозировали, что начиная с 1970 г. в связи с недостаточными капитальными вложениями начнется очень серьезное расхождение с установленными заданиями.

Вопрос об обеспечении необходимого развития производственных мощностей по выпуску средств

вычислительной техники и о подготовке специалистов в этой области дополнительно рассматривался специальной комиссией, образованной по поручению ЦК КПСС от 21 июня 1969 г. Это решение было принято в связи с письмами секретаря ЦК Коммунистической партии Украины П. Е. Шелеста и академика В. М. Глушкова³¹. Добавим, что было принято решение одновременно рассмотреть письмо академика В. М. Глушкова и члена-корреспондента АН СССР В. С. Семенихина, направленное ими 21 октября 1969 г. в ЦК КПСС. В этих сообщениях фиксировалось весьма тяжелое положение с производством вычислительной техники, созданием автоматизированных систем управления (АСУ). Сравнительные данные о количестве установленных ЭВМ в различных странах, используемые для большей убедительности авторами, должны были привлечь внимание руководителей страны (табл.³²).

Табл. Количество установленных ЭВМ на 1 января 1969 г.

Tab. Computers in use, January 1, 1969, items

Страна	Количество
США	55606
ФРГ	4390
Англия	3685
Япония	3600
СССР	2582
Франция	2268

Разница между США и СССР была впечатляющей. Если в 1966 г. она составляла более 28 тыс. ЭВМ, то в 1967 г. – более 38 тыс., а в 1969 г. – более 53 тыс. То есть с каждым годом разрыв существенно увеличивался. Сравнивали авторы и показатели о расходах на эти цели в США и СССР, что также свидетельствовало не в пользу СССР³³. Ими предлагалась масштабная перестройка всей системы государственного управления страной благодаря внедрению АСУ, что, без сомнения, затрагивало интересы многих ведомств.

Как видим, достаточно долго предпринимались попытки преодолеть торможение и нарастающее

²⁹ Там же. Л. 89.

³⁰ Там же. Л. 90.

³¹ Там же. Л. 91.

³² Сост. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 119. Л. 118.

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 119. Л. 120.

отставание в сфере разработки и производства вычислительной техники. Готовились отчеты, обсуждались причины сложившейся ситуации, разрабатывались рекомендации, создавались комиссии. Так, решением Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам № 22 от 23 января 1970 г. и приказом Министерства радиопромышленности СССР № 107 от 16 февраля 1970 г. были разработаны и утверждены мероприятия по дальнейшему обеспечению выполнения работ с целью создания комплекса «Ряд» в установленные Постановлением Совета Министров СССР сроки. В том числе был разработан план создания системы математического обеспечения, определялись задания министерствам и ведомствам по разработке новых материалов и комплектующих изделий, устройств и др. Научно-исследовательскому центру электронной вычислительной техники выделили дополнительную производственную площадь в 2000 м² в новом корпусе Московского завода счетно-аналитических машин. Кроме того, были разработаны совместно с Главмосстроем мероприятия по вводу в 4 квартале двух школ площадью 8600 м² для размещения подразделений Научно-исследовательского центра электронной вычислительной техники³⁴. Но отставание в этой сфере продолжало нарастать, предпринятых мер оказалось недостаточно. Тем не менее в 1971 г. появились первые машины семейства «Ряд», их было несколько поколений. В результате был достигнут определенный эффект, но оказалось выпущено лишь около 15000 машин и для СССР, и для социалистических стран.

Обсуждение

Изученные документы позволяют дополнить перечень факторов, определивших по сути развал отрасли, выпускающей отечественные ЭВМ. Так, специалистами предлагались различные варианты дальнейшего развития вычислительной техники в СССР, но советским руководством был выбран план, разработанный руководством Министерства радиопромышленности. Казалось, копируя, возможно было достаточно быстро и относительно недорого оснастить народное хозяйство вычислительной техникой. Но переход на заимствованную архитектуру ЕС ЭВМ оказался наименее перспективным. А у руководства различных ведомств понизилась

мотивация активизировать собственные разработки. Позиция Госплана СССР объясняется во многом ориентацией на перераспределение средств в пользу решения важнейшей задачи, намеченной в 1966 г. на XXIII съезде КПСС: «создание новых нефте- и газодобывающих центров в Западной Сибири, Западном Казахстане и значительное увеличение добычи нефти в старых нефтедобывающих районах»³⁵. Полагаем, что можно согласиться с утверждением о том, что достижение этой цели потребовало усилий всей страны, изъятия прибыли предприятий, сокращения ассигнований на другие проекты, предопределив во многом и судьбу реформы середины 1960-х гг. [Дегтев 2005: 460]. Однако эта проблема требует, на наш взгляд, специального исследования.

Заключение

Реализация выбранного советским правительством в декабре 1967 г. варианта преодоления отставания в сфере производства вычислительной техники, предполагающего внедрение комплекса «Ряд», не принесла ожидаемых результатов. В качестве факторов торможения авторы документов справедливо называли отсутствие надлежащей технической документации, элементной базы, достойного математического обеспечения, достаточных ассигнований, дефицит производственных площадей и медленные сроки строительства. Но прежде всего, с нашей точки зрения, это было обусловлено просчетами в планировании и управлении, выбранными приоритетами, отсутствием единого координационного центра и должного взаимодействия оборонного и гражданского секторов, превалированием интересов ведомств, незаинтересованностью предприятий в модернизации и, наконец, игнорированием властью рекомендаций ведущих ученых.

В результате обеспечить решение задачи быстрого преодоления технологического отставания в сфере вычислительной техники не удалось. Избранный вариант, действительно, оказался наименее перспективным. Отечественные разработки велись все менее интенсивно, советские вычислительные центры заполнили ЭВМ серии ЕС, которые оказались очень дорогими, громоздкими и энергозатратными. Развитие собственной индустрии по производству ЭВМ не стало в СССР катализатором для структурной перестройки.

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 170. Л. 29.

³⁵ XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1966. Т. 2. С. 234.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. В. Бодрова – концептуализация, подбор и анализ литературы, написание рукописи. В. В. Калинов – дополнения в концептуализацию, поиск документов в архивах и их анализ, редактирование.

Contribution: E. V. Bodrova developed the research concept, wrote the review, and drafted the manuscript. V. V. Kalinov added to the research concept, worked with archival documents, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Арутюнян Г. А. Разработка Ереванским НИИ математических машин специализированного двухмашинного вычислительного комплекса СВК и операционной системы реального масштаба времени. *Труды SORUCOM-2023: 6-я Междунар. конф. (Нижний Новгород, 25–27 сентября 2023 г.)*. Н. Новгород, 2023. С. 19–24. [Arutyunyan G. A. Yerevan Research Institute of Mathematical Machines: Specialized two-machine computing complex ICS and a real-time operating system. *SORUCOM-2023 Proceedings: Proc. 6th Intern. Conf., Nizhny Novgorod, 25–27 Sep 2023*. Nizhny Novgorod, 2023, 19–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31144/SOR.978-5-6050958-0-4.2023.P.19-24>
- Бодрова Е. В., Калинов В. В. Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов. *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 2. С. 364–380. [Bodrova E. V., Kalinov V. V. Shift in government policy regarding computer technology development in USSR in late 1960s. *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(2): 364–380. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380>
- Бодрова Е. В., Калинов В. В. Развитие вычислительной техники в первой половине 1960-х гг.: попытки преодолеть отставание. *История и современное мировоззрение*. 2023. Т. 5. № 3. С. 81–89. [Bodrova E. V., Kalinov V. V. The development of computer technology in the first half of the 1960s: Attempts to overcome the backlog. *History and Modern Perspectives*, 2023, 5(3): 81–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2023-5-3-81-89>
- Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 380 с. [Bokarev Yu. P. *The USSR and the formation of post-industrial society in the West, 1970–1980s*. Moscow: Nauka, 2007, 380. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrvifr>
- Бокарев Ю. П. Технологическая война и ее роль в геополитической конфронтации между США и СССР. *Труды Института российской истории РАН*. 2009. № 8. С. 252–297. [Bokarev Yu. P. Technological war and its role in the geopolitical confrontation between the USA and the USSR. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, 2009, (8): 252–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwzazr>
- Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра, 2021. 360 с. [Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Crystal of growth to the Russian Economic Miracle*. Moscow: Nashe Zavtra, 2021, 360. (In Russ.)]
- Герович В. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2011. № 1. С. 21–42. [Gerovich V. Inter-No! Why the Soviet Union had no nationwide computer network. *Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kulture*, 2011, (1): 21–42. (In Russ.)]
- Дегтев С. И. Внешнеполитические аспекты хозяйственной реформы 1965 г. (На примере нефтяной промышленности). *Нефть страны Советов: проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991)*, ред. В. Ю. Алекперов. М.: Древлехранилище, 2005. С. 456–491. [Degtev S. I. Foreign policy aspects of the economic reform of 1965 in the oil industry. *Soviet Union's oil: Issues of the USSR oil industry (1917–1991)*, ed. Alekperov V. Yu. Moscow: Drevlekhramilishche, 2005, 456–491. (In Russ.)]
- Китов А. И. Программирование экономических и управленческих задач. М.: Сов. радио, 1971. 371 с. [Kitov A. I. *Programming of economic and managerial tasks*. Moscow: Sov. Radio, 1971, 371. (In Russ.)]

- Крайнева И. А., Пивоваров Н. Ю., Шилов В. В. Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х – середина 1950-х гг.). *Идеи и идеалы*. 2016а. Т. 1. № 4. С. 135–155. [Krayneva I. A., Pivovarov N. Yu., Shilov V. V. Soviet computer engineering in the context of economy, education and ideology (late 1940-s – mid 1950-s). *Idey i idealy*, 2016a, 1(4): 135–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xenszb>
- Крайнева И. А., Пивоваров Н. Ю., Шилов В. В. Становление советской научно-технической политики в области вычислительной техники (конец 1940-х – середина 1950-х гг.). Статья 1. *Идеи и идеалы*. 2016b. Т. 1. № 3. С. 118–135. [Krayneva I. A., Pivovarov N. Yu., Shilov V. V. Development of Soviet science and technology policy in the field of computer hardware and programming (late 1940s – mid 1950s). *Idey i idealy*, 2016b, 1(3): 118–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjxsbl>
- Кудж С. А., Голованова Н. Б. О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов. *Российский технологический журнал*. 2020. Т. 8. № 4. С. 112–128. [Kudzh S. A., Golovanova N. B. On improving training mechanisms teaching staff and prospects for targeted learning in the interests of universities. *Russian Technological Journal*, 2020, 8(4): 112–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2020-8-4-112-128>
- Кудров В. М. Россия и мир: экономика России в мировом контексте. 2-е изд., испр. и доп. М.: СПб.: Алетеия, 2010. 575 с. [Kudrov V. M. *Russia and the World: The Russian Economy in a global context*. 2nd ed. Moscow-St. Petersburg: Aleteia, 2010, 575. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suqkzp>
- Леонов С. В. Исторический путь России в XX веке: попытки концептуального осмысления. *Историческая наука и образование на рубеже веков*, сост. А. А. Данилов. М.: Собрание, 2004. С. 131–152. [Leonov S. V. The historical path of Russia in the XX century: Attempts at conceptual understanding. *Historical science and education at the turn of the century*, comp. Danilov A. A. Moscow: Sbranie, 2004, 131–152. (In Russ.)]
- Малиновский Б. Н. История вычислительной техники в лицах. Киев: КИТ; А.С.К., 1995. 384 с. [Malinovskiy B. N. *The history of computing in persons*. Kiev: KIT; A.S.K., 1995, 384. (In Russ.)]
- Митрохин Н. А. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. М.: НЛО, 2023. Т. 1. 504 с. [Mitrokhin N. A. *Essays on Soviet Economic Policy in 1965–1989*. Moscow: NLO, 2023, vol. 1, 504. (In Russ.)]
- Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления, 1917–1993. Воспоминания о Н. Н. Моисееве. 2-е изд., доп. М.: Экология и жизнь, 2007. 511 с. [Moiseev N. N. *How far is it to tomorrow... Author's reflections, 1917–1993. N. N. Moiseev's Memoirs*. 2nd ed. Moscow: Ekologiya i zhizn, 2007, 511. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjsrtp>
- Парамонова Р. Н. Электронное машиностроение в СССР в 1965–1975 гг.: планы и результаты развития отрасли. *Труды SORUCOM-2023: 6-я Междунар. конф. (Нижний Новгород, 25–27 сентября 2023 г.)*. Н. Новгород, 2023. С. 327–333. [Paramonova R. N. Electronic engineering in the USSR in 1965–1975: Plans and results of the industrial development. *SORUCOM-2023 Proceedings: Proc. 6th Intern. Conf., Nizhny Novgorod, 25–27 Sep 2023*. Nizhny Novgorod, 2023, 327–333 (In Russ.)] <https://doi.org/10.31144/SOR.978-5-6050958-0-4.2023.P.327-333>
- Прохоров С. П. Основополагающий вклад Академии наук в становление компьютерных наук и компьютерных технологий. *Вестник Российской академии наук*. 2023. Т. 93. № 10. С. 980–988. [Prokhorov S. P. The fundamental contribution of the Academy of Sciences to the development of Russian computer science and computer technology. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 2023, 93(10): 980–988. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0869587323100092>
- Сагателян И. Г. Советская промышленность: проблемы соревнования и мотивации труда (1960–1970 гг.). М.: Звездопад, 2001. 106 с. [Sagatelyan I. G. *Soviet industry: Problems of competition and labor motivation (1960–1970)*. Moscow: Zvezdopad, 2001, 106. (In Russ.)]
- Симонов Н. С. Несостоявшаяся информационная революция: Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Ч. I. 1940–1960-е годы. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 270 с. [Simonov N. S. *Information revolution that failed: Conditions and trends in the development of the electronic industry and mass media in the USSR. Pt. I. 1940s and 1960s*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2013, 270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suorlt>
- Смык А. Ф., Артамонов А. А. Идеи и конструктивные особенности устройств вычислительной техники в работах отечественных ученых. *История науки и техники*. 2024. № 5. С. 3–19. [Smyk A. F., Artamonov A. A. Ideas and design features of computer technology devices in the work of domestic scientists. *History of Science and Engineering*, 2024, (5): 3–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fobpys>

- Смык А. Ф., Артамонов А. А. Отечественный вклад в развитие механических вычислительных машин. *История науки и техники*. 2023. № 6. С. 11–25. [Smyk A. F., Artamonov A. A. Russian contribution to the development of mechanical computing machines. *History of Science and Engineering*, 2023, (6): 11–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25791/intstg.6.2023.1424>
- Тихонов В. В. Развитие электронной вычислительной техники в СССР и ведущих капиталистических странах в 1960–70-е гг.: взгляд из ЦК КПСС. *Труды SORUCOM-2023*: 6-я Междунар. конф. (Нижний Новгород, 25–27 сентября 2023 г.) Н. Новгород, 2023. С. 366–368. [Tikhonov V. V. The development of electronic computing in the USSR and the leading capitalist countries in the 1960s and 70s: Perspective of the CPSU Central Committee. *SORUCOM-2023 Proceedings*: Proc. 6th Intern. Conf., Nizhny Novgorod, 25–27 Sep 2023. Nizhny Novgorod, 2023, 366–368. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31144/SOR.978-5-6050958-0-4.2023.P.366-368>
- Томилин А. Н., Крайнева И. А., Тумбинская М. В., Трегубов В. М., Абзалов А. Р. Развитие вычислительной техники и ее программного обеспечения в России и в странах бывшего СССР: страницы истории. *История науки и техники*. 2016. № 10. С. 15–26. [Tomilin A. N., Krayneva I. A., Tumbinskaya M. V., Tregubov V. M., Abzalov A. R. The development of computer technology and soft ware in Russia and in the former Soviet Union: The pages of history. *History of Science and Engineering*, 2016, (10): 15–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/upsuik>
- Ханин Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики. *Свободная мысль*. 2002. № 5. С. 72–94. [Khanin G. I. The Decade of the triumph of the Soviet economy. *Svobodnaia mysl*, 2002, (5): 72–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkrczb>
- Ханин Г. И. Экономическая история России. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. 515 с. [Khanin G. I. *Economic history of Russia. Vol. 1. Soviet economy from the end of the 1930s to 1987*. Novosibirsk: NSTU, 2008, 515. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qswcfv>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/pmqkrl>

История форм и методов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.)

Соловенко Игорь Сергеевич

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 2555-8652

<https://orcid.org/0000-0003-4771-2235>

Scopus Author ID: 56497115200

solovenko71@mail.ru

Пинжин Кирилл Александрович

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 1403-0673

<https://orcid.org/0009-0006-6604-2977>

Жолбин Андрей Павлович

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 5727-1490

<https://orcid.org/0009-0008-3386-2949>

Рожков Анатолий Алексеевич

Российское энергетическое агентство Министерства энергетики Российской Федерации, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8890-5820

<https://orcid.org/0000-0002-4541-0922>

Scopus Author ID: 7006655899

Аннотация: Рубеж XX–XXI вв. в истории России является малоизученным. Наиболее актуальна эта проблема для исследований, имеющих научно-технический и технологический характер. Новизна темы определяется междисциплинарным подходом в изучении цифровизации одного из самых инертных сегментов отечественной экономики. Цель – определить особенности развития форм и методов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса в контексте инновационной политики России рубежа XX–XXI вв. Методологической основой осмысления темы стала теория модернизации. На основе сравнительного анализа она позволяет выявить особенности формирования экономической и научно-технической модели развития, в том числе в отдельных сегментах и отраслях. В статье показаны причины и факторы, определившие динамику автоматизации, информатизации и компьютеризации предприятий топливно-энергетического комплекса, в том числе и в межотраслевом разрезе. Выделены место и роль государства и бизнеса в этом процессе. Сделан вывод, что более интенсивно цифровизация реализовывалась в таких формах, как информатизация и компьютеризация. В межотраслевом разрезе научно-технологическое лидерство перешло от газовой промышленности к нефтяной. Угледобыча и энергетика динамично сокращали отставание от них, но к 2010 г. так и не достигли технологического паритета. Если в 1990-е – начале 2000-х гг. на предприятиях топливно-энергетического комплекса преобладали экстенсивные методы внедрения цифровых решений, то в конце рассматриваемого периода – интенсивные. В целом в течение 20 лет данные предприятия прошли путь от отдельных фактов автоматизации, информатизации и компьютеризации к началу комплексной цифровой трансформации. Она стала катализатором создания инновационных продуктов в смежных видах товаров и отраслях производства. Заметно укрепилась энергетическая безопасность России, однако в части ее цифрового обеспечения усиливалась свое влияние технико-технологическая зависимость от зарубежных программно-аппаратных комплексов и оборудования.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, инновации, формы цифровизации, методы цифровизации, Российская Федерация

Цитирование: Соловенко И. С., Рожков А. А., Пинжин К. А., Жолбин А. П. История форм и методов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 978–989. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-978-989>

Поступила в редакцию 08.08.2024. Принята после рецензирования 04.09.2024. Принята в печать 09.09.2024.

full article

Forms and Methods of Digitalization in Russia's Fuel and Energy Sector between XX and XXI Centuries

Igor S. Solovenko

Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 2555-8652

<https://orcid.org/0000-0003-4771-2235>

Scopus Author ID: 56497115200

solovenko71@mail.ru

Anatoly A. Rozhkov

Russian Energy Agency by the Ministry of Energy of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8890-5820

<https://orcid.org/0000-0002-4541-0922>

Scopus Author ID: 7006655899

Kirill A. Pinzhin

Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 1403-0673

<https://orcid.org/0009-0006-6604-2977>

Andrey P. Zholbin

Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 5727-1490

<https://orcid.org/0009-0008-3386-2949>

Abstract: The article offers an interdisciplinary approach to the study of digitalization in the sphere of fossil fuel business between XX and XXI centuries. This economic sector has always resisted changes, which makes the research relevant both scientifically and technologically. The authors applied the theory of modernization to analyze the key forms and methods of digitalization as part of the innovative movement in the Russian economy that took place in the early 2000s. The comparative analysis made it possible to identify the patterns behind the economic, scientific, and technical development model, including individual segments and industries. The research revealed the causes and factors that guided the processes of automation, informatization, and computerization in the domestic fuel and energy complex, also in the intersectoral context. The analysis made it possible to describe the role of the state and the business in this process. The digitalization was more active in informatization and computerization. As the scientific and technological leadership passed on from the gas industry to the oil industry, the coal mining failed to achieve technological parity by 2010. The extensive methods of implementing digital solutions, which prevailed in the 1990s and early 2000s, gave way to intensive ones. It took fuel and energy enterprises 20 years to shift from occasional automation, informatization, and computerization to a comprehensive digital transformation. The latter resulted in innovative products in other industries. As Russia's energy security strengthened, the digital support grew more and more dependent on foreign software and hardware.

Keywords: fuel and energy complex, innovations, forms of digitalization, methods of digitalization, Russian Federation

Citation: Solovenko I. S., Rozhkov A. A., Pinzhin K. A., Zholbin A. P. Forms and Methods of Digitalization in Russia's Fuel and Energy Sector between XX and XXI Centuries. *SibScript*, 2024, 26(6): 978–989. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-978-989>

Received 8 Aug 2024. Accepted after peer review 4 Sep 2024. Accepted for publication 9 Sep 2024.

Введение

Цифровизация стала одним из ключевых трендов модернизации отечественной экономики в рассматриваемое время. Наиболее заметно данный процесс осуществлялся на предприятиях топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Анализ форм и методов цифровизации позволяет не только расширить наше представление о путях успешного выхода нефтегазовой, угольной и энергетической отраслей из кризиса 1990-х гг., выявить степень

их вовлеченности в формирование нового экономического курса, но и выявить особенности организации инновационного типа российской экономики в начале 2000-х гг. Актуальность темы во многом обусловлена низким научным интересом к технологической тематике среди историков. Более того, даже среди ученых технических и экономических специальностей исследовательский интерес к данному вопросу достаточно четко обозначился

только с 2020 г. [Власюк и др. 2020; Лукичёв, Наговицын 2020; Хитрых 2021].

Цель – определить особенности развития форм и методов цифровизации предприятий ТЭК в контексте инновационной политики России рубежа XX–XXI вв. Задачи исследования: раскрыть особенности формирования инновационного типа российской экономики в начале 2000-х гг.; выявить причины и факторы, определившие динамику автоматизации, информатизации и компьютеризации предприятий ТЭК, в том числе в межотраслевом разрезе; определить и охарактеризовать этапы цифровизации; выделить место и роль государства и бизнеса в этом процессе. Объектом исследования является цифровизация как научно-техническая и инновационная политика предприятий ТЭК во время перехода к рыночным отношениям. Предмет исследования – формы и методы цифровизации, способствовавшие интенсификации производственно-управленческой деятельности предприятий ТЭК.

Методы и материалы

Теория модернизации стала основой научного мировоззрения авторов, т. к. ее использование позволяет выявить функциональные особенности формирования экономической и научно-технической модели развития как на макроуровне, так и в отдельных отраслях народного хозяйства [Побережников 2006]. Несмотря на «свежий» характер избранной темы, авторы привлекли значительный корпус источников, прежде всего документы федеральных и региональных архивохранилищ. Использование документальной базы федеральных архивов (Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики) позволило сформировать представление о процессах модернизации, инновационной деятельности, а также формах и методах цифровизации отечественной экономики. Благодаря неформальному методу интервью-беседы и сравнительно-историческому методу авторы определили место и роль предприятий ТЭК в процессе цифровизации на макроуровне и в межотраслевом разрезе. Малоизвестные страницы истории цифровизации раскрываются в содержании документов государственных архивохранилищ наиболее значимых для отечественного ТЭК регионов – Тюменской, Томской и Иркутской областей, а также Кемеровской области – Кузбасса. Использование документов

данных архивов, воспоминаний участников событий и историко-типологического метода позволило воспроизвести поэтапное выявление наиболее важных технико-технологических изменений в инновационной деятельности предприятий ТЭК страны, позволивших вступить им в фазу цифровой трансформации.

Результаты

Вопрос использовавшихся форм и методов цифровизации предприятий отечественного ТЭК, особенно в начале рассматриваемого периода, имеет тесную связь с послевоенным этапом развития данного сегмента народного хозяйства СССР. Во второй половине XX в. нефтяная, газовая, угольная и энергетическая промышленность нашей страны выделялись своей технической вооруженностью, объективно задавали высокий ритм научно-технологического развития смежным отраслям производства. К сильным сторонам научно-технического прогресса в отраслях ТЭК следует отнести автоматизацию (применение автономных экономических и технических средств управления) и информатизацию (повсеместное использование информационных технологий), которые в советское время имели высокие количественные и качественные показатели. Сформировавшийся в 1990-е гг. научно-популярный тренд на серьезное отставание нашей страны в этой сфере сегодня активно критикуется. Действительно, в советское время имелись некоторые проблемы в развитии информационных технологий, однако были и очевидные преимущества [Малашевич 2013]. Советские ученые интенсивно работали над перспективными проектами в данной области, что подтверждается сведениями современных экспертов отечественного ТЭК¹. Последнее десятилетие существования СССР стало временем дальнейшего распространения в нашей стране электронных вычислительных машин (ЭВМ) – компьютеров, т. е. укрепления технической базы информатизации. Компьютеризация стала одной из центральных форм цифровизации отечественной экономики уже в 1990-е гг.

Надо признать, что основные достижения в области информатизации и компьютеризации в конце 1980-х гг. носили военно-прикладной характер (цифровые вычислительные системы [Норенков 2005: 13], организация глобальной системы спутниковой навигации «ГЛОНАСС» [Земцов и др. 2021: 211] и др.). Отдельные наработки в военной сфере в дальнейшем активно

¹ Воспоминания В. М. Бабанина. Стенограмма беседы от 15.05.2024.

использовались в производственно-экономической деятельности предприятий ТЭК. Вместе с тем во всех отраслях ТЭК велась самостоятельная работа по совершенствованию форм и методов управления технологическими процессами, создавались базы данных и другие продукты в области информатизации и компьютеризации. Особенно это затронуло такую область, как оперативно-диспетчерское управление на основе применения ЭВМ. Положительные результаты внедрения программ ЭВМ и в других сферах деятельности предприятий ТЭК СССР подтверждаются сведениями архивных документов².

Таким образом, к началу анализируемого периода четко сформировались три основные формы цифровизации, которые сохраняют свою актуальность и в начале XXI в.: автоматизация (роботизация процессов как ее высшая форма), информатизация и компьютеризация. Практическим подтверждением реализации данных форм цифровизации являются сформировавшиеся уже в 1990-е гг. три отдела в структуре управления на предприятиях ТЭК: компьютерных и сетевых технологий, информационных технологий, автоматизированных систем управления³. Несмотря на тесное взаимодействие, они сохраняли определенную самостоятельность и уникальность в процессе своей эволюции.

В советское время данные формы цифровизации использовались на предприятиях ТЭК как экстенсивно (централизованно распространяясь по всему периметру), так и интенсивно (посредством внедрения новых достижений). При этом важно то, что на использование этих методов особо не влияли какие-либо критерии (география, размеры предприятия, отраслевая принадлежность), т. е. цифровизация происходила весьма равномерно и в большей степени зависела от актуальности тех или иных задач, которые ставило руководство коммунистической партии СССР перед хозяйствующими субъектами. Это позволяет утверждать о почти равных стартовых возможностях предприятий различных отраслей ТЭК – нефтяной, газовой, угольной и энергетической – в начале рыночных реформ.

В условиях экономической свободы ситуация в этом вопросе стала заметно меняться, в целом не в лучшую

сторону. Уменьшение объемов капиталовложений крайне негативно отразилось на темпах технического перевооружения российского ТЭК. Сокращение господдержки компенсировалось другими возможностями роста конкурентоспособности, в том числе и посредством усиления международного сотрудничества. Российские предприятия активно заимствовали зарубежный опыт производственно-управленческой деятельности. Ключевым трендом в их экономической политике стал курс на комплексную цифровизацию бизнес-процессов, который обеспечивал системную безопасность: производственную, инфраструктурную, экологическую, энергетическую и пр.

В наибольшей степени цифровые решения затронули нефтегазовый сектор, продукция которого была наиболее востребованной и конкурентоспособной на мировом рынке. Здесь раньше обозначился и интерес к инновациям в сравнении с другими отраслями ТЭК [Анисовец и др. 1996], в то время как степень вовлеченности угольной промышленности в инновационные процессы тогда была ограничена низкими технико-экономическими показателями, а энергетической – исторической ориентированностью на внутренний рынок. Однако энергетика заметно лучше выглядела в вопросе использования цифровых решений (особенно в области автоматизации⁴), нежели угольная отрасль, которая находилась на начальных этапах своего реформирования. Ситуацию несколько выравнивало проникновение зарубежных технологий в управленческую и производственную деятельность, что становилось неизбежным явлением в условиях открытого типа экономики.

Активное заимствование иностранных продуктов и технологий стало следствием многих деструктивных процессов в научно-технологическом комплексе постсоветской России, таких как экономический спад, существенное сокращение финансирования, ошибки реформирования, отставание от развитых стран мира в развитии перспективных научно-технологических направлений и т. д. На этом негативном фоне многие российские организации и учреждения, имевшие серьезный потенциал в сфере автоматизации, информатизации и компьютеризации, стали сокращать, а где-то и сворачивать свою деятельность.

² Пакет прикладных программ по автоматизации проектирования виброзащитных систем. 1986 г. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-3463. Оп. 1. Д. 365. Л. 1 и др.

³ Годовой отчет о производственно-хозяйственной деятельности общества «ТюменНИИгипрогаз». 2006 г. Государственный архив Тюменской области (ГАТюМО). Ф. Р2373. Оп. 1. Д. 203. Л. 8.

⁴ Отчет о работе электростанции по основной деятельности за 1996 год. Государственный архив Кузбасса. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 807. Л. 22.

Задача максимального снижения импорта оборудования, поставленная Правительством РФ в начале 1990-х гг.⁵, в большей мере носила декларативный характер, что объективно способствовало ликвидации некоторых перспективных проектов. Например, в 1995 г. в России окончательно прекратилось создание Единой Системы ЭВМ, которая прорабатывалась с советских времен [Норенков 2005: 15]. Были приостановлены работы по производству суперкомпьютеров и процессоров «Эльбрус», долгое время не имевших аналогов в мире⁶, и т.д. Такая ситуация стала следствием отказа государства и бизнеса от поддержки многих перспективных проектов отечественных НИИ. Прикрываясь лозунгом «невидимой руки» рынка, они в реальности придерживались конъюнктурных соображений и реализовывали политику оптимизации расходов. В целом проблемы энергетической безопасности в начале либерального пути в основном решались за счет накопленных в советское время резервов.

Однако нельзя утверждать о полном отказе государства от каких-либо попыток научно-технологического прорыва. Со стороны Правительства РФ интерес к поддержке различных форм цифровизации ТЭК, безусловно, присутствовал в силу значительного экспортного потенциала данных отраслей, а также высокой степени энергоемкости народного хозяйства. Данные факторы во многом обуславливали энергетическую безопасность страны [Пляскина 2003], и без их учета был невозможен экономический суверенитет в динамично усложнявшейся международной обстановке. Серьезную обеспокоенность у экспертов вызывали угрозы внутреннего характера. По такому параметру, как энергетическая безопасность, некоторые регионы России в 1990-е гг. находились в «критической стадии кризиса» [Влияние энергетического фактора... 1998: 97, 106], а проблемы с обеспечением электроэнергией имели общегосударственный масштаб.

При этом среди основных индикаторов угроз для предприятий ТЭК в течение всего рассматриваемого времени выделялись информационные: низкое качество информации о состоянии объектов энергетики, недостаточный уровень автоматизации процессов принятия решений по управлению объектами и др. [Баитов и др. 2012: 21, 85].

В течение рассматриваемого времени на государственном уровне тогда было принято немало нормативно-правовых документов, способствовавших формированию как цифровых основ энергобезопасности⁷, так и в целом информационного общества в России⁸ [Золоева, Койбаев 2017]. С этой целью Правительством РФ все более активно привлекался научно-технологический потенциал НИИ и конструкторских бюро, началось предоставление грантов с целью поддержки ценных идей и проектов в области цифровизации и т.д. Все это благоприятно отразилось как на теории, так и на практике цифровизации отраслей ТЭК. Появилось немало новых продуктов инновационного типа, особенно заметными были результаты в области цифрового моделирования⁹. Это позволило значительно расширить возможности разработки новых месторождений, а также решать другие сложные задачи комплексного производственно-экономического характера.

Важно отметить, что среди приоритетных направлений, обозначенных Правительством РФ в середине 1990-х гг., в области фундаментальных исследований был искусственный интеллект¹⁰. Некоторые отечественные разработки в этой области имели тогда не только значительный теоретический, но и практический потенциал. Так, Российский институт искусственного интеллекта к началу XXI в. создал большой перечень прототипов прикладных систем и интеллектуальных продуктов инновационного типа: системы принятия решений, экономическое моделирование, автоматизированные системы

⁵ Письмо Председателю совета Министров – Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдину. 09.09.1993. *Государственный архив Российской Федерации* (ГА РФ). Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5767. Л. 38.

⁶ История советских ЭВМ. Часть 4 – Эльбрус. *Trashbox.ru*. 28.11.2018. URL: <https://trashbox.ru/topics/120630/istoriya-sovetskih-evm.-chast-4-elbrus> (дата обращения: 12.05.2024).

⁷ Об Энергетической стратегии России. Постановление Правительства РФ № 1006 от 13.10.1995. *ИППП Гарант*; Федеральная целевая программа «Развитие вычислительной техники и компьютерных технологий». 1999 г. *Российский государственный архив экономики* (РГАЭ). Ф. 10069. Оп. 1. Д. 3812. Л. 29 об.

⁸ Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 годы). *ГА РФ*. Ф. 10255. Оп. 1. Д. 19. Л. 19.

⁹ Переписка с Государственной Думой, министерствами и ведомствами Российской Федерации, Российской академией наук и научно-исследовательскими институтами о развитии международного научно-технического сотрудничества и о государственной поддержке проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в научных и инженерных центрах Российской Федерации. Т. 1. 1993–1994 гг. *ГА РФ*. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 10068. Л. 20, 23.

¹⁰ Приоритетные направления фундаментальных исследований. 1996 г. *ГА РФ*. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 5567. Л. 16 об.

управления (АСУ) и системы автоматизированного проектирования (САПР), технологии двойного применения и др. [Нариньяни 2001: 52]. Еще более важной для нас информацией является то, что в конце рассматриваемого периода нашими учеными была создана информационная модель ТЭК с целью анализа энергетической безопасности региона [Ратманова и др. 2009]. Это был очень серьезный результат внедрения цифровых решений в деле укрепления энергетической безопасности нашего государства.

Международная экономическая интеграция объективно способствовала более интенсивному импорту зарубежных компьютеров и программных продуктов. Здесь наблюдалось заметное отставание отечественных аналогов по причине слабости российских компьютерных компаний [Штрик 1998: 5]. Соответственно, довольно скоро ведущие позиции в деле цифровизации предприятий ТЭК заняли такие формы, как компьютеризация и информатизация. Зарубежные средства автоматизации первое время внедрялись медленно в силу недостаточной технико-технологической совместимости, дороговизны и сравнительной конкурентоспособности отечественных аналогов. Еще одной важной причиной динамичного распространения в начале 1990-х гг. информационных и компьютерных технологий являлось то, что они прежде всего внедрялись в сфере управления, которая выделялась сложностью задач. В данную сферу деятельности внедрялись такие новшества, как, например, модуль взаимодействия для системы автоматизированного учета договоров и первичных документов «Визирь», планшеты, проекты геоинформационной системы¹¹ и др. В крупных компаниях и организациях создавалась полностью автоматизированная система управления, что способствовало формированию основ цифровой трансформации [Жилкина, Воденников 2020: 114].

С первых лет рыночных преобразований лидером в области автоматизации производственно-

управленческих процессов являлась газовая промышленность. В данной отрасли велись работы по созданию комплексных автоматизированных систем управления, которые охватывали все уровни производственно-экономической деятельности. Значительную роль в реализации научно-технических и технологических идей играли совместные предприятия (СП). Так, в начале рассматриваемого периода СП «Совтекс-автоматика» занималась разработкой, изготовлением и внедрением конкурентоспособных отечественных комплексов учета газа «Суперфлоу», обладавших высокой точностью измерений¹².

Передовыми технологиями в области автоматизации выделялись и предприятия нефтяной промышленности. Здесь даже в начале 1990-х гг. наблюдался рост расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, расширялся спектр программ научно-технологического развития¹³. Например, на предприятиях Восточной нефтяной компании объем финансирования НИОКР увеличился с 8911,5 тыс. руб. в 1996 г. до 26500 тыс. руб. в 1998 г., т. е. за два года – в три раза¹⁴. Ключевые позиции в нефтяной отрасли занимали такие направления производственной деятельности, как бурение и строительство скважин: применялись базовые комплексы автоматизированной системы управления технологическими процессами углубления, поддержания параметров бурового раствора, смазки и цементирования обсадных колонн и др. Уже в начале рассматриваемого периода нефтяники добились высокого уровня контроля в функционировании скважин, что позволяло значительно снизить издержки добычи¹⁵.

Цифровые технологии все активнее ориентировались на производственные запросы по созданию новой техники и технологий. В начале анализируемого периода изменения в основном носили количественный характер, например, увеличивалось количество датчиков для отслеживания большего числа параметров. Однако даже самому опытному

¹¹ Пояснительная записка к годовому отчету о финансово-хозяйственной деятельности ЦДО (целевое дочернее общество) «ТНК-Уват» (перспективы развития общества, результаты работы общества по основной и вспомогательной деятельности за год, сравнение с предыдущими). 2011 г. ГАТюмО. Ф. Р2403. Оп. 1. Д. 129. Л. 48.

¹² Опыт создания и внедрения систем сертификации, средств измерений и устройств автоматизации, разработанных и поставляемых для газовой промышленности. 07.12.1993. РГАЭ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 206. Л. 5.

¹³ О ходе выполнения программы научно-технического перевооружения ВНК. 08.06.1998. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 318. Л. 5.

¹⁴ Справка о выполнении программы научно-технического перевооружения Восточной нефтяной компании. 08.06.1998. ГАТО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 318. Л. 1.

¹⁵ Справка «Развитие средств и систем связи и автоматизированных технологических процессов в нефтегазодобывающем производстве». 1992 г. РГАЭ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 12. Л. 68–69.

оператору становилось все труднее реагировать на тысячи изменяющихся параметров, адекватно осознавать их. Данную проблему решало программное обеспечение, которое позволяло справляться с большими объемами информационного потока. Это объективно усиливало проникновение в производственную деятельность информационных технологий, программного обеспечения и компьютеров. На предприятиях ТЭК, так же как и в других отраслях, применялись только импортные компьютеры. Между тем в общей массе информационных и программных продуктов встречалось немало российских¹⁶.

По информации Минтопэнерго, в 1994 г. почти на всех предприятиях ТЭК России использовались такие инновационные формы и средства решения экономических задач, как Интернет, новые средства автоматизации, компьютерные технологии, мобильная связь, базы данных¹⁷. С этого времени ТЭК в целом становится основным «двигателем» экономики нашей страны, занимает лидирующие позиции в производстве инновационной продукции на макроуровне¹⁸. Очень успешные результаты тогда показывал «Газпром», где динамично внедрялся широкий перечень технических средств, использовавших цифровые технологии¹⁹. При этом, если в середине 1990-х гг. на предприятиях «Газпрома» в области добычи газа преобладала автоматизация как форма цифровизации²⁰, то в конце XX в. здесь широко использовались достижения компьютеризации²¹, создавалась единая киберфизическая система.

Кроме прямых производственно-экономических задач серьезную обеспокоенность у руководства предприятий и компаний отечественного ТЭК тогда вызывали проблемы физической безопасности работников, условий сохранности ценностей материально-технического обеспечения, а также хищение самой электроэнергии. Еще более серьезную угрозу представлял терроризм. Здесь цифровизация

имела очень высокий потенциал применения, который стали широко использовать с середины 1990-х гг.: от специализированных видеокамер до датчиков износа оборудования, загазованности и других важных параметров. В конце рассматриваемого периода четко обозначились и киберугрозы [Васенин 2009: 8], потенциально опасные для всей цифровой системы предприятий и компаний. Они требовали консолидации сил на международной арене. Здесь лидерские позиции стали занимать крупные промышленные компании и предприятия, обладавшие хорошими финансовыми возможностями – «Газпром», «Лукойл», шахта «Распадская», «СУЭК» и др. Они создали условия для развития такой формы привлечения цифровых технологий, как международное сотрудничество.

Данное сотрудничество носило разновекторный характер, но цель была одна – модернизация российского ТЭК [Жизнин 2012: 22]. В свою очередь иностранные энергетические гиганты – ExxonMobil, ConocoPhillips (США), Shell, BP (Великобритания), Total Energies (Франция) и другие – активно инвестировали в развитие цифровых технологий тех секторов российской экономики, где они имели свою долю собственности. Такое сотрудничество позволило во многом преодолеть в середине 2000 гг. инвестиционный дефицит в отраслях российского ТЭК [Бодрова и др. 2013: 928]. Другим важным результатом совместной деятельности стала реализация крупных совместных проектов, которые рождали инновационные формы продуктивной деятельности, например «интеллектуальные скважины». Данная инновация позволяла осуществлять сбор и анализ информации о самом месте добычи и внешней среде, регулировать работу в режиме онлайн, существенно уменьшить издержки на эксплуатацию месторождений [Кузнецова 2021: 145]. Важное значение имело сотрудничество российских предприятий ТЭК с известными иностранными сервисными компаниями,

¹⁶ Развитие автоматизированного картопостроения и оснащение камеральных групп ПЭВМ, ДАООТ «Тюменнефтегеофизика». 1994 г. ГАТюмО. Ф. Р2338. Оп. 1. Д. 18. Л. 29, 54.

¹⁷ Сборник Минтопэнерго России «Результаты важнейших работ Минтопэнерго России по межотраслевым научно-техническим программам в 1994 г.». ГА РФ. Ф. 10240. Оп. 1. Д. 966. Л. 25 об.

¹⁸ О первоочередных мерах по развитию и господдержке инновационной деятельности в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ. 1995 г. ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3650. Л. 40.

¹⁹ Решение заседания Научно-технического совета РАО «Газпром» секции «Информатизация и технологическая связь». 1996 г. РГАЭ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 975. Л. 5, 6, 25.

²⁰ О состоянии дел по разработке и перспективе применения новых методов и средств измерения расходов газа. 23–26 мая 1995 г. РГАЭ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 582. Л. 69–70.

²¹ Сводный план повышения квалификации руководителей и специалистов на 1998 г. (по видам деятельности). РГАЭ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 1580.

например Halliburton²², без которого невозможно было поддерживать необходимый уровень использования зарубежных цифровых продуктов.

В начале 2000-х гг. впервые с начала экономических реформ наблюдалось постепенное оживление инновационной активности в промышленности [Бодрова и др. 2013: 946], которая в 2002 г. приобрела статус государственной политики. Масштабно внедряются компьютеры и информационные технологии (в том числе высокоскоростной выход в Интернет) во все сферы жизни российского общества. Появляются новые формы инновационной активности, например корпоративные научно-производственные комплексы, технопарки и др. Заметно увеличиваются расходы предприятий ТЭК на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в том числе и в области цифровизации [Седых 2008: 238]. Особое значение отводилось использованию мобильных информационно-коммуникационных технологий (телефония и широкополосный Интернет). Расширялись возможности применения Интернета, который сочетал в себе последние достижения информатизации и компьютеризации, а также стал инструментом повышения эффективности и в автоматизации. Если в конце 1990-х гг. Всемирная паутина в основном использовалась в маркетинговых целях, то в 2000-х гг. к этому прибавились такие формы и методы ее использования, как проведение видеоконференций, послепродажное обслуживание, участие в электронных торгах, борьба с киберугрозами и др. Использование Интернета являлось и средством повышения позитивного имиджа предприятий²³, без которого невозможно было выстраивать стратегию успешного развития. Быстрое увеличение практической значимости информационных услуг стимулировало организацию отечественных специализированных IT-компаний и структур, которые занимались обслуживанием все возраставших потребностей предприятий ТЭК [Шраер 2011: 134]. В целом это позволяло сделать цифровую трансформацию стратегией развития всех топливно-энергетических компаний и предприятий России.

В начале 2000-гг. благодаря завершению основного этапа реструктуризации, улучшению мировой конъюнктуры цен на уголь и другим положительным изменениям заметно интенсифицировались процессы цифровизации на предприятиях угольной промышленности. Серьезные достижения в этом вопросе стала показывать и энергетика. Доминировала в данных отраслях такая форма цифровизации, как автоматизация, во многом ориентированная на изделия отечественного производства (в том числе уникального характера). Важным показателем научно-технологического прогресса в угольной промышленности стало появление в начале 2000-х гг. «интеллектуальных» постов управления в лаге [Семешов 2005: 22, 24], в энергетической отрасли – цифровых подстанций [Ерохин, Куликов 2019: 30] и др. Внедрялись элементы отечественных продуктов, которые имели характер импортозамещения. Так, в энергетической отрасли с 2005 г. стала создаваться Система мониторинга переходных режимов (СМПР), которая являлась аналогом WAMS (Wide-Area Measurement Systems) [Колосок, Коркина 2021: 190]. Однако это были отдельные решения, не носившие системного характера.

Угольная и энергетическая отрасли промышленности заметно уступали в то время нефтегазовой отрасли, где наблюдалась более тесная интеграция автоматизации с информатизацией и компьютеризацией. На предприятиях нефтяной и газовой промышленности тогда использовались такие инновации, как трехмерные цифровые геологические, эколого-геокриологические и гидродинамические модели эксплуатационных объектов, газодинамический источник сейсмических колебаний (ГИСК), устройство дистанционного розжига факельных установок²⁴ и др. Таким образом, в нефтегазовой отрасли раньше проявились результаты внедрения научно-технологических продуктов, связанных с созданием искусственного интеллекта. Это предопределило ее дальнейшее технико-технологическое лидерство на межотраслевом уровне.

Наивысшего воплощения интеграция автоматизации, информатизации и компьютеризации в ТЭК

²² Протоколы № 1–7 заседания Научно-технического совета общества и его секций (экономики; геологии, геофизики и разработки месторождений, бурения скважин; проектирования обустройства месторождений), документы к ним («ТюменНИИгипрогаз»). 2007 г. ГАТюМО. Ф. Р2373. Оп. 1. Д. 213. Л. 35.

²³ Годовые статистические сведения о деятельности организации; об использовании информационных и коммуникационных технологий в производстве и вычислительной техники, программного обеспечения и оказания услуг в этих сферах («Западно-Сибирский инновационный центр»). 2009–2010 гг. ГАТюМО. Ф. Р2429. Оп. 1. Д. 11. Л. 6, 7, 10.

²⁴ Годовые отчеты общества «ТюменНИИгипрогаз» о выполнении НИР, об инвестиционной деятельности. 2005 г. ГАТюМО. Ф. Р2373. Оп. 1. Д. 194. Л. 7–8; Матрицы научно-технических проектов, имеющих потенциал коммерциализации; на стадии опытно-промышленного внедрения («Западно-Сибирский инновационный центр»). 2010 г. ГАТюМО. Ф. Р2429. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

нашла свое отражение в таком важном процессе, как формирование интеллектуальных управленческих систем – создание «умных» скважин, шахт, разрезов и т.п. Раньше других отраслей «умные» инфраструктурные объекты появились в нефтяной промышленности. Этому способствовали определенные предпосылки: во-первых, повышение точности моделирования гидродинамики и геологии, а также появление инновационных IT-продуктов; во-вторых, динамичная эволюция технологий удаленного доступа. Впервые отечественная «умная» скважина стала функционировать в 2008 г. на Салымской группе месторождений [Соколова 2021: 71]. Автоматизация происходила посредством использования технологий программных роботов, включала применение усовершенствованных способов сейсморазведки, активное использование методов 3D-моделирования, внедрение современных регистрирующих станций²⁵ [Богйдаев, Афанасьев 2014: 30].

Однако результаты цифровой трансформации в экономике объективно зависели от интенсивности перехода к информационному обществу всего государства. На уровне Правительства РФ тогда были приняты ключевые решения, которые положительно отразились на динамике формирования информационного общества в России, в том числе и в экономической сфере. Например, внедрение с 2008 г. во всех регионах широкополосного Интернета²⁶. Появились новые цифровые технологии, позволявшие заметно сократить издержки производственно-экономической деятельности, а также повысить степень ее надежности и эффективности. Стали внедряться «революционные» инновационные продукты, основанные на цифровых технологиях: искусственный интеллект, цифровые двойники, облачный сервис, блокчейн, продвинутая аналитика и др. [Харас 2018; Хитрых 2021]. Эти технологии определили переход к стратегии Индустрия 4.0, т.е. новому научно-технологическому этапу развития всех сфер жизни общества. В то время появилась важная инновационная разработка – цифровой нефтяной промысел. Здесь IT-технологии применялись в режиме реального времени. Благодаря сбору, систематизации и анализу информации по всем операциям достигался существенный рост производства при снижении затрат. Можно утверждать о начале тогда

перехода к цифровой трансформации предприятий ТЭК, где лидерские позиции в данном процессе уже занимала нефтяная промышленность.

В конце рассматриваемого периода заметно возросла степень информатизации и компьютеризации предприятий ТЭК России. Несмотря на меньшую интенсивность в деле цифровизации такой формы, как автоматизация (роботизация), ее значение по-прежнему оставалось значимым, а в некоторых сегментах производственно-экономической деятельности даже усиливалось. Это добыча полезных ископаемых и управление, но еще более важно – система безопасности. Вместе с тем высокая динамика привлечения иностранных информационных услуг и компьютерных программ привела к масштабной экспансии западных, прежде всего американских, компаний, которые усиливали контроль над информационными потоками в производственно-экономической деятельности российских предприятий [Баитов и др. 2012: 90].

Заключение

В течение рассматриваемого времени процесс цифровизации предприятий ТЭК динамично развивался в различных формах и направлениях, значительная часть которых имела инновационный характер. Более интенсивно данный процесс наблюдался в сферах информатизации и компьютеризации, т.к. они имели больше возможностей использования в производственно-управленческой деятельности. Однако данные формы усиливали иностранное присутствие в научно-технологической политике предприятий и компаний российского ТЭК. Сфера автоматизации сохраняла более высокую долю отечественных разработок, укрепляя и приумножая технологический суверенитет. В межотраслевом разрезе также произошли заметные изменения: научно-технологическое лидерство перешло от газовой промышленности к нефтяной, которая была меньше подвержена протекционизму, что положительно отражалось на стимулировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Угледобыча и энергетика динамично сокращали отставание от них, но к 2010 г. так и не достигли технологического паритета. Если в 1990-е – начале 2000-х гг. на предприятиях

²⁵ Грибова О. Умные месторождения. *Коммерсантъ*. 07.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6367446> (дата обращения: 03.06.2024).

²⁶ Переписка с Министерством информационных технологий и связи Российской Федерации по вопросам подготовки проекта плана реализации Концепции развития профессиональной подвижной радиосвязи и стратегии развития информационного общества в Российской Федерации за 2008 год, 19 марта 2008 – 24 марта 2008 г. *ГА РФ*. Ф. 10216. Оп. 1. Д. 527. Л. 27.

ТЭК преобладали экстенсивные методы внедрения цифровых решений, то в конце рассматриваемого периода – интенсивные. В целом в течение 20 лет данные предприятия прошли путь от отдельных фактов автоматизации, информатизации и компьютеризации (1992–2005 гг.) к началу комплексной цифровой трансформации (2006–2010 гг.). Она стала катализатором создания инновационных продуктов в смежных видах товаров и отраслях производства. Заметно укрепилась энергетическая безопасность России, однако в части ее цифрового обеспечения усиливала свое влияние технико-технологическая зависимость от зарубежных программно-аппаратных комплексов и оборудования и, соответственно, обострялась проблема кибербезопасности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. С. Соловенко – концептуализация, сбор материала, администрирование, написание. А. А. Рожков – концептуализация, сбор

материала, экономический анализ, написание (просмотр и редактирование). К. А. Пинжин – сбор материала, технический анализ, написание (просмотр и редактирование). А. П. Жолбин – сбор материала, технический анализ, написание (просмотр и редактирование).

Contribution: I. S. Solovenko collected the research material, developed the research concept, supervised the research, and wrote the manuscript. A. A. Rozhkov collected the research material, developed the research concept, provided the economic analysis, wrote the review, and proofread the manuscript. K. A. Pinzhin collected the research material, provided the technical analysis, and proofread the manuscript. A. P. Zholbin collected the research material, provided the technical analysis, and proofread the manuscript.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00987 «Цифровизация как фактор энергетической безопасности России (рубеж XX–XXI вв.)», <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00987: Digitalization as a factor of Russia's energy security between the XX and XXI centuries, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00987/>

Литература / References

- Анисовец Л. К., Дебердиева Е. М., Зарипова Е. С. Эффективность инновационных процессов в нефтегазодобывающем производстве. *Проблемы развития топливно-энергетического комплекса в условиях формирования рыночных отношений*, отв. ред. Р. Я. Кучумов. Тюмень: ТюмГНГУ, 1996. С. 58–61. [Anisovets L. K., Deberdieva E. M., Zaripova E. S. Efficiency of process development in oil and gas production. *Problems of development of the fuel and energy complex in the conditions of the formation of market relations*, ed. Kuchumov R. Ya. Tyumen: TyumSOGU, 1996, 58–61. (In Russ.)]
- Байтов А. В., Великороссов В. В., Карякин А. М. Энергетическая безопасность России в условиях рыночных отношений в электроэнергетике. М.: Книжный Мир, 2012. 224 с. [Baitov A. V., Velikorossov V. V., Karyakin A. M. *Energy security of Russia in the conditions of market relations in the electric power industry*. Moscow: Knizhnyi Mir, 2012, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvitfp>
- Богидаев С. А., Афанасьев С. А. Инновации в нефтегазовом комплексе. *Технико-экономические проблемы развития регионов*: науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Иркутск, 24–25 ноября 2014 г.) Иркутск: ИрГТУ, 2014. Вып. 13. С. 28–31. [Bogidaev S. A., Afanasyev S. A. Innovations in the oil and gas complex. *Technical and economic problems of regional development*: Proc. Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Irkutsk, 24–25 Nov 2014. Irkutsk: IrSTU, 2014, iss. 13, 28–31. (In Russ.)]
- Бодрова Е. В., Гусарова М. Н., Калинов В. В., Филатова М. Н. Нефтегазовый комплекс в контексте реализации государственной научно-технической политики СССР и Российской Федерации (1945–2013 гг.). М.: Восход-А, 2013. 984 с. [Bodrova E. V., Gusarova M. N., Kalinov V. V., Filatova M. N. *Oil and gas complex in the context of the state scientific and technical policy in the USSR and the Russian Federation (1945–2013)*. Moscow: Voskhod-A, 2013, 984. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqhoip>

- Васенин В. А. Критическая энергетическая инфраструктура: кибертеррористическая угроза. *Информационные технологии*. 2009. № 9. С. 2–8. [Vasenin V. A. Critical energetic infrastructure: Cyberterrorist threat. *Informatsionnye tekhnologii*, 2009, (9): 2–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvmhcr>
- Власюк Л. И., Сиземов Д. Н., Дмитриева О. В. Стратегические приоритеты цифровой трансформации угольной отрасли Кузбасса. *Экономика в промышленности*. 2020. Т. 13. № 3. С. 328–338. [Vlasyuk L. I., Sizemov D. N., Dmitrieva O. V. Strategic priorities of digital transformation of coal industry of Kuzbass. *Russian Journal of Industrial Economics*, 2020, 13(3): 328–338. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-328-338>
- Влияние энергетического фактора на экономическую безопасность регионов Российской Федерации, отв. ред. А. И. Татаркин. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1998. 288 с. [*The influence of the energy factor on the economic security of the regions of the Russian Federation*, ed. Tatarkin A. I. Ekaterinburg: Ural University, 1998, 288. (In Russ.)]
- Ерохин П. М., Куликов Ю. А. Цифровая платформа электроэнергетики России. *Электроэнергетика глазами молодежи-2019*: X Междунар. науч.-техн. конф. (Иркутск, 16–20 сентября 2019 г.) Иркутск: ИРНИТУ, 2019. Т. 1. С. 26–31. [Erokhin P. M., Kulikov Yu. A. Digital platform of electric power industry of Russia. *Electric power industry through the eyes of young people*: Proc. X Intern. Sci.-Techn. Conf., Irkutsk, 16–20 Sep 2019. Irkutsk: IRNITU, 2019, vol. 1, 26–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/astrlz>
- Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия и модернизация ТЭК России. *Международная жизнь*. 2012. № 4. С. 15–32. [Zhiznin S. Z. Energy diplomacy and modernization of the Russian fuel and energy complex. *International Affairs*, 2012, (4): 15–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlhcpf>
- Жилкина Ю. В., Воденников Д. А. Влияние цифровой экономики на цифровизацию энергетики. *Электроэнергетика в национальных проектах*, ред. Н. Д. Роголев. М.: МЭИ, 2020. М. С. 110–122. [Zhilkina Yu. V., Vodennikov D. A. The impact of the digital economy on the digitalization of energy. *Electric power industry in national projects*, ed. Rogalev N. D. Moscow: MPEI, 2020, 110–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yykcne>
- Земцов Б. Н., Быковская Г. А., Будрейко Е. Н., Гвоздецкий В. Л., Крылов А. О., Лобач Д. В., Отрокова О. Ю., Суздалева Т. Р., Федоров К. В. История науки и техники России. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2021. 231 с. [Zemtsov B. N., Bykovskaya G. A., Budreyko E. N., Gvozdetsky V. L., Krylov A. O., Lobach D. V., Otrokova O. Yu., Suzdaleva T. R., Fedorov K. V. *History of science and technology in Russia*. Moscow: Bauman MSTU, 2021, 231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwasge>
- Золоева З. Т., Койбаев Б. Г. История государственной политики Российской Федерации в сфере информатизации и развития информационного общества (1993–2010 гг.). *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2017. № 2. С. 28–32. [Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. The history of the state policy of the Russian Federation in the sphere of informatization and development of information society (1993–2010). *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 2017, (2): 28–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaxwnb>
- Колосок И. Н., Коркина Е. С. Информационное обеспечение задачи создания цифрового двойника ЭЭС и ее объектов. *Повышение эффективности производства и использования энергии в условиях Сибири*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Иркутск, 20–24 апреля 2021 г.) Иркутск: ИРНИТУ, 2021. Т. 1. С. 187–194. [Kolosok I. N., Korkina E. S. Information support for creating a digital twin of the electrical power system and its objects. *Increasing the efficiency of energy production and use in Siberian conditions*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. conf. with Intern. participation, Irkutsk, 20–24 Apr 2021. Irkutsk: IRNITU, 2021, vol. 1, 187–194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dyeodq>
- Кузнецова Д. Ю. Цифровизация газовой отрасли РФ. *Цифровая трансформация промышленности: тренд или необходимость*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 ноября 2020 г.) М.: КноРус, 2021. С. 144–148. [Kuznetsova D. Yu. Digitalization of the Russian gas industry. *Digital transformation of industry: Trend or necessity*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 11 Nov 2020. Moscow: KnoRus, 2021, 144–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emgghg>
- Лукичев С. В., Наговицын О. В. Цифровая трансформация горнодобывающей промышленности: прошлое, настоящее, будущее. *Горный журнал*. 2020. № 9. С. 13–18. [Lukichev S. V., Nagovitsin O. V. Digital transformation of mining industry: Past, present, future. *Gornyi Zhurnal*, 2020, (9): 13–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17580/gzh.2020.09.01>

- Малашевич Б. М. Очерки истории российской электроники. М.: Техносфера, 2013. 800 с. [Malashevich B. M. *Essays on the history of Russian electronics*. Moscow: Tekhnosfera, 2013, 800. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhwhfs>
- Нариньяни А. С. Национальная идея и российский путь в информационные технологии XXI века. *Проблемы информатизации*. 2001. № 2. С. 50–52. [Narinyani A. S. The national idea and the Russian path to information technologies of the XXI century. *Problemy informatizatsii*, 2001, (2): 50–52. (In Russ.)]
- Норенков И. П. Краткая история вычислительной техники и информационных технологий. *Приложение к журналу «Информационные технологии»*. 2005. № 9. 32 с. [Norenkov I. P. The short history of computers and information technologies. *Supplement to the magazine "Informatsionnye tekhnologii"*, 2005, (9): 32. (In Russ.)]
- Пляскина Н. И. Развитие топливно-энергетического комплекса России и энергетическая безопасность. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2003. Т. 3. № 2. С. 24–47. [Plyaskina N. I. Development of the Russian fuel and energy complex and energy security. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 2003, 3(2): 24–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykmsxr>
- Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с. [Poberezhnikov I. V. *The transition from traditional to industrial society: Theoretical and methodological problems of modernization*. Moscow: ROSSPEN, 2006, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxgbbp>
- Ратманова И. Д., Коровкин С. Д., Железняк Н. В. Информационная модель топливно-энергетического комплекса как основа анализа энергетической безопасности региона. *Информационные технологии*. 2009. № 9. С. 9–15. [Ratmanova I. D., Korovkin S. D., Zheleznyak N. V. Information model of fuel and energy complex as a basis of energy security analysis. *Informatsionnye tekhnologii*, 2009, (9): 9–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvmhdb>
- Седых А. Д. История развития газовой промышленности. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Газпром, 2008. 347 с. [Sedykh A. D. *History of the development of the gas industry*. 2nd ed. Moscow: Gazprom, 2008, 347. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtjajv>
- Семешов А. П. Система автоматизированного управления механизированной крепью САУК 138М. *ТЭК и ресурсы Кузбасса*. 2005. № 1. С. 22–25. [Semeshov A. P. Automated control system for powered roof support SAUK 138M. *TEK i resursy Kuzbassa*, 2005, (1): 22–25. (In Russ.)]
- Соколова Ю. Д. Процесс цифровой трансформации нефтегазовой отрасли Российской Федерации: состояние, барьеры, перспективы. *Administrative Consulting*. 2021. Т. 7. № 3. С. 66–77. [Sokolova Yu. D. The process of digital transformation of the oil and gas industry of the Russian Federation: State, barriers, prospects. *Administrative Consulting*, 2021, 7(3): 66–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpghzr>
- Харас Б. З. Цифровизация и проблемы импортонезависимости ТЭК. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2018. Т. 210. № 2. С. 105–114. [Kharas B. Z. Digitalization and some issues of reliance of the fuel and energy sector on imports. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2018, 210(2): 105–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xplxch>
- Хитрых Д. П. О цифровой трансформации энергетической отрасли. *Энергетическая политика*. 2021. № 10. С. 76–89. [Khitrykh D. P. The digital transformation of the energy industry. *Energeticheskaya politika*, 2021, (10): 76–89. (In Russ.)] https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_10164_76
- Шраер А. В. Высокотехнологичные услуги: инновационный фактор развития топливно-энергетического комплекса. СПб.: СПбГУЭФ, 2011. 191 с. [Shraer A. V. *High-tech services: An innovative factor in the development of the fuel and energy complex*. St. Petersburg: SPbSUEF, 2011, 191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvbbhpj>
- Штрик А. А. Тенденции развития компьютерной и коммуникационной отраслей мировой экономики. Часть II. *Информационные технологии*. 1998. № 10. С. 2–8. [Shtrik A. A. Development trends in the computer and communications industries of the world economy. Part II. *Informatsionnye tekhnologii*, 1998, (10): 2–8. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/blqzkn>

Паспортизация населения режимных городов Кузбасса в 1933 г.

Аблажей Наталья Николаевна

Институт истории СО РАН, Россия, Новосибирск

Новосибирский государственный университет, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 9047-1786

<https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Scopus Author ID: 57207309210

ablazhey@academ.org

Аннотация: Кузбасс в 1933 г. был включен в национальный проект паспортизации и оказался по ее темпам в числе регионов-лидеров в Западной Сибири. Выбор Кузбасса в качестве объекта исследования обусловлен тем, что здесь модернизационные процессы шли опережающими темпами и имели ярко выраженный индустриальный характер. Цель – выявить основные этапы и итоги паспортизации режимных городов Кузбасса в 1933 г. Подобный статус получили Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск как города-новостройки и индустриальные центры союзного значения. Комплексная задача состоит в изучении паспортизации, с одной стороны, как национально-государственного проекта, а с другой – как мобилизационной и репрессивной кампании. Для ее достижения необходимо было реализовать ряд конкретных задач: 1) выявить особенности общегосударственной политики в области учета, прописки и паспортизации населения; 2) охарактеризовать динамику паспортизации режимных городов Кузбасса в 1933 г.; 3) определить сущность паспортного режима и его структурных элементов, в том числе паспортных ограничений, через соотнесение статусов паспортизованных и непаспортизованных территорий и групп населения. Новизна исследования состоит в том, что анализ региональных аспектов политики паспортизации на материалах Кузбасса позволил показать механизм введения общегосударственной системы административного учета населения в регионе с высокими темпами миграции и урбанизации, бюрократические и репрессивные практики. В научный оборот вводится комплекс архивных материалов, отражающих деятельность органов милиции, что позволило описать цели и механизм паспортизации, выявить ее региональную специфику, оценить количественные параметры кампании и реакцию населения на ее проведение. Материалы отложились в коллекции Государственного архива Новосибирской области в фонде Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В ходе исследования установлено, что в 1933 г. количество паспортизованных составило 214 тыс. человек. Выехало из городов более 27 тыс. человек, еще 4189 человек были высланы.

Ключевые слова: паспортизация населения, милиция, режимный город, Кузбасс, Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск

Цитирование: Аблажей Н. Н. Паспортизация населения режимных городов Кузбасса в 1933 г. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 990–1001. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-990-1001>

Поступила в редакцию 19.09.2024. Принята после рецензирования 25.11.2024. Принята в печать 25.11.2024.

full article

Passport System Campaign in the Closed Cities of Kuzbass in 1933

Natalia N. Ablazhey

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk

Novosibirsk State University, Russia, Novosibirsk

Library Author SPIN: 9047-1786

<https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Scopus Author ID: 57207309210

ablazhey@academ.org

Abstract: In 1933, Kuzbass entered the national passport system project to become one of its leaders in Western Siberia. Modernization proceeded here at an accelerated rate and had a pronounced industrial character. The article describes the passport system campaign in the so-called closed cities of Kuzbass in 1933. The list included young industrial centres of all-union significance, e.g., Stalinsk, Prokopievsk, Leninsk-Kuznetsk, and Anzhero-Sudzhensk. On the one hand, the passport system was a national project; on the other hand, it was a mobilization and repressive campaign. The author identified the features of the nationwide policy in the field of registration and passportization and characterized its dynamics in Siberia in 1932–1940. The essence of the passport regime and its structural elements, including passport restrictions, was defined by correlating the statuses of passported and non-passported communities. The analysis of the regional passport system policy revealed the mechanism of introducing a nationwide system of administrative registration, bureaucracy practices, and repressive measures in a region with a rapid migration and urbanization. A set of archival materials on militia activities made it possible to describe the goals and mechanisms of introducing of the passport system, as well as to identify its regional specifics, quantitative parameters, and public response. The documents were obtained from the State Archive of the Novosibirsk Region, collection of the West Siberian Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). In 1933, the passported population was 214,000 people; more than 27,000 people left the cities; 4,189 people were deported.

Keywords: passport system campaign, militia, closed city, Kuzbass, Stalinsk, Prokopievsk, Leninsk-Kuznetsk, Anzhero-Sudzhensk

Citation: Ablazhey N. N. Passport System Campaign in the Closed Cities of Kuzbass in 1933. *SibScript*, 2024, 26(6): 990–1001. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-990-1001>

Received 19 Sep 2024. Accepted after peer review 25 Nov 2024. Accepted for publication 25 Nov 2024.

Введение

На заре своей истории советская власть ликвидировала паспортную систему, но в 1932 г. ее возродила. Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства. В 1933–1934 гг. 56 млн человек¹ получили внутренние паспорта.

Тематика паспортизации населения СССР, растянувшейся на пятидесятилетний период, вызывает повышенный интерес в плане изучения национальной системы учета и контроля населения и оценки ее эффективности. В рамках советской историографии советская паспортная система анализировалось исключительно в контексте советизации общества,

становления советского человека и деятельности правоохранительных органов. Большинство работ носило исключительно прикладной и ведомственный характер и сводилось к комментированию паспортного законодательства, более того, у части исследований был ограниченный доступ для использования. Именно поэтому даже в работах специалистов, активно изучавших проблемы паспортной системы и паспортного режима в СССР, история паспортизации была представлена исключительно в коротких исторических экскурсах.

«Архивная революция» 1990-х – начала 2000-х гг. позволила начать изучение паспортной системы в СССР с использованием ранее засекреченных решений

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 199–201.

власти и ОГПУ – НКВД. Акцент на ограничительных функциях паспортной системы в СССР, в том числе ее роли в контроле над миграцией населения, особенно сельского, дал основания охарактеризовать советскую паспортную систему в качестве аналога «крепостничества» и зафиксировать наличие в стране ограничений и репрессий по паспортным основаниям [Попов 1995; 1996]. Тема репрессивных функций советской паспортной системы, ее роли в контроле над передвижениями населения внутри страны стала общей темой исследований как российских, так и западных специалистов. Ряд исследователей отметили сходство имперской и советской паспортных систем в плане ограничений, наложенных на сельское население страны [Байбури 2009; Попов 1995; Kessler 2001]. Оценка паспортизации как «нового крепостничества» для крестьян наиболее емко присутствует в работах Ш. Фицпатрик и Х. Кесслера [Фицпатрик 2001; Kessler 2001], а для рабочих – в работе В. Голдмана [Голдман 2005].

Ведущие западные специалисты в своих исследованиях сделали акцент на анализе положения категоризированных паспортными ограничениями социальных групп, актуализируя проблему стигматизации и даже «клеймения» [Муан 2009; Фицпатрик 2001; Ширер 2014; Shearer 2004]. В продолжение этой линии развитие получили сюжеты об ограничениях в отношении лишенных избирательных прав, спецпереселенцев, уголовного и деклассированного элемента, представителей диаспор.

Отдельный интерес у специалистов вызвали аспекты, связанные с институтом прописки, который фактически сформировался за десятилетие до начала паспортизации, но стал обязательным с ее введением [Голдман 2005; Меерович 2008].

Часть исследователей оспорила интерпретацию паспортизации исключительно как рычага давления власти и принуждения общества. В этой связи необходимо отметить работу А. Ю. Тарасова [Тарасов 2010] по истории паспортизации в СССР в плане вывода о переходе от легитимационной политики к плановой и единой паспортной системе. Безусловной заслугой А. Ю. Тарасова является существенное расширение источниковой базы по тематике паспортизации за счет введения в научный оборот делопроизводственных материалов милиции и органов безопасности.

В связи с проблематикой паспортизации интерес вызывают аспекты социальной, национальной (в плане закрепления национальности) и советской общегражданской идентичности. Проблема становления

идентичности в СССР на основе паспортной системы исследуется Д. Ширером [Ширер 2014]. А. К. Байбури предложил рассматривать функционирование советской паспортной системы не только в плане тоталитарного принуждения, а в многоаспектном измерении, с одной стороны, рассматривая паспорт как бюрократический конструкт, а с другой – как элемент формирования гражданской идентичности и поведенческих практик [Байбури 2017; Baiburin 2021]. Автор рассматривает паспорт и сопровождавший его «паспортный миф» как эффективные средства формирования советского общества и гражданина. Эта работы вызвала и продолжает вызывать повышенный интерес среди специалистов [Фетисов 2019; Kuzemska 2023].

Традиционно наибольший интерес у специалистов вызывает паспортизация городского населения в 1930-е гг., в то время как паспортизация приграничья, промышленных районов, военизированных территорий, зон транспортных артерий и некоторых аграрных территорий остается на периферии интересов историков. В рамках изучения начального периода паспортизации 1932–1940 гг. получили развитие и сюжеты, связанные с региональными аспектами паспортизации. Основное внимание привлекла паспортизация Москвы и Ленинграда 1932–1933 гг. Имеются единичные исследования о ходе паспортизации на Урале [Потемкина, Кузнецова 2014] и Дальнем Востоке [Чернолуцкая 1999; 2013]. На данный момент именно ход паспортизации территорий Дальнего Востока представлен наиболее полно, в частности, дана оценка паспортизации как мобилизационной кампании, приведены данные по численности паспортизированного населения и так называемым отказникам, показана территориальная специфика и дана оценка миграционных последствий паспортизации для региона. Аналогичных работ по Сибири нет. В контексте проблематики статьи особый интерес вызывает работа Я. Муан, в которой акцентированы аспекты территориальной дискриминации в ходе введения паспортной системы [Муан 2009], а также проблематика паспортизации в контексте организации учета миграции [Исупов 2010: 191; Моисеенко 2018: 129–131; Чернолуцкая 1999]. Именно территориальное разнообразие паспортных режимов позволяет продемонстрировать как хронологию процесса, так и меняющиеся цели власти.

Несмотря на некоторое снижение интереса к тематике в последнее время паспортизация изучается в плане социальной инженерии, политических репрессий [Аблажей, Жанбосинова 2024: 106; Аблажей, Потапова 2023: 130]. До сегодняшнего дня остаются

актуальными выяснение обстоятельств введения паспортной системы в 1930-е гг., ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализ характера ее географического распространения, осуществления полицейских и репрессивных функций, оценка масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияния на криминальную обстановку в городах, оценка миграционных последствий. В целом в историографии ощущается явный недостаток работ по истории паспортизации в СССР как на общегосударственном, так и региональном уровнях.

Кузбасс на тот момент был частью Западно-Сибирского края – административно-территориального образования, существовавшего в 1930–1937-е гг., центром которого был г. Новосибирск. Для изучения паспортизации Кузбасс выбран в качестве региона, где модернизационные процессы шли опережающими темпами и имели ярко выраженный индустриальный характер, вследствие чего он оказался в первой волне паспортизации. Одновременно территория представляла собой крупнейший регион ГУЛАГа и ссылки. На момент начала паспортизации территория бывшего Кузнецкого округа была разделена на районы. В число быстро развивавшихся городов входили Анжеро-Судженск, Кемерово, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Сталинск², некоторые из которых как города-новостройки и индустриальные центры союзного значения в ходе введения паспортной системы получили особый статус и приоритет.

Цель – выявить основные этапы и итоги паспортизации режимных городов Кузбасса. Задачи: 1) выявить особенности общегосударственной политики в области учета, прописки и паспортизации населения; 2) охарактеризовать динамику паспортизации режимных городов Кузбасса в 1933 г.; 3) определить сущность паспортного режима и его структурных элементов, в том числе паспортных ограничений, через соотнесение статусов паспортизированных и непаспортизированных территорий и групп населения.

Резкий рост числа режимных городов в СССР относится к концу 1930-х – 1940-м гг. Основанием к получению статуса режимного чаще всего становилось военно-промышленное значение города. Наше исследование ориентировано в первую очередь на изучение историко-правовых, репрессивных и социальных

аспектов паспортизации в городах и новостройках. Термин *режим* широко идентифицируется с советской действительностью, но нас он интересует в плане административных мер и мероприятий в государстве для учета и контроля населения в связи с введением внутренних паспортов. Критериями получения статуса режимного города выступали особый статус поселения и его населения, а также введение особого паспортного режима. Изучение совокупности факторов, составляющих феномен режимности, позволяет дать комплексную оценку взаимоотношений общества и власти.

Методы и материалы

Наиболее перспективной базовой теорией представляется концепция *политики населения*, впервые развитая в работах американского историка П. Холквиста [Holquist 2002; 2003], рассматривающего советскую внутреннюю политику в плане трансформации и формирования определенного состава населения. Этот подход базируется на предложенной британским социологом З. Бауманом (см.: [Glebov 2008]) модели современного интервенционистского государства, использующего современные практики управления обществом. Суть таковых базируется на тезисе об обществе как искусственном объекте, поддающемся преобразованию при помощи государственного вмешательства, что можно интерпретировать как социальную инженерию. В развитие этой линии именно политика населения являлась главным элементом в преобразовании традиционного общества в индустриальное и социалистическое. Принципы историзма и объективности в исследовании выступают как общенаучные методы, позволяющие формировать научное знание о прошлом. Базовыми принципами исследования стали комплексность и системность, которые реализуются прежде всего в анализе политики паспортизации как совокупности элементов внутренней политики (целей политической системы и средств их достижения через принятие политических и административных решений) и ее последствий.

Источниковая база по тематике паспортизации включает в себя три основные группы источников: нормативно-правовые, делопроизводственные и материалы прессы. К нормативно-правовым документам относятся Конституции СССР и РСФСР, Уголовный кодекс 1926 г., решения Политбюро ВКП(б), СНК СССР о паспортизации и прописке. Большая часть

² Современное название – Новокузнецк (с 1961 г.); официальные названия: Кузнецк (до 1931 г.), Ново-Кузнецк (1931–1932 гг.), Сталинск (1932–1961 гг.)

документов Политбюро и СНК СССР о введении в стране внутренних паспортов либо опубликована в официальных изданиях, либо уже введена в научный оборот. Кроме того, к этой группе источников следует отнести решения партийных инстанций и исполнительных органов власти Западно-Сибирского края и горисполкомов по реализации политики в области паспортизации.

В нашем исследовании делопроизводственные источники в основном представлены ведомственными материалами Управления Рабоче-крестьянской милиции (РКМ) при Полномочном представительстве (ПП) ОГПУ – НКВД по Западно-Сибирскому краю. Основной массив делопроизводства силовых ведомств сконцентрирован в архивных фондах милиции и ОГПУ – НКВД – МВД. Большой комплекс документов Главного управления милиции находится в коллекции Государственного архива РФ, в фондах Главного управления рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-9415) и НКВД (Ф. Р-9401). На региональном уровне часть документов милиции и ОГПУ – НКВД отложилась в партийных фондах. Вопросы работы силовых ведомств рассматривались на заседаниях бюро, и решения такого уровня концентрировались в особых папках, которые в 1990–2000-е гг. были рассекречены. Именно поэтому материалы, освещающие деятельность милиции и ОГПУ по паспортизации Западно-Сибирского региона, в том числе в Кузбассе, отложились в коллекции Государственного архива Новосибирской области, в фонде Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) (Ф. Р-47). Отчеты о ходе кампании предоставлялись в типовой форме, по поселениям и территориям, где она проводилась. Ход паспортизации подробно отражен в спецсводках и сводных отчетах милиции за 1933–1934 гг., которые готовились на местах каждые пять дней. Эти уникальные источники практически не введены в научный оборот. Между тем эти материалы позволяют судить об организации и деятельности паспортных служб в регионах, динамике паспортизации, организации учета «отказников», количестве бежавших и высланных в добровольно-принудительном порядке.

Материалы советских газет востребованы в плане изучения официальной политики в области паспортизации и ее агитационно-пропагандистского содержания. Материалы информационного характера о начавшейся паспортизации публиковала в первую

очередь газета «Советская Сибирь». В городской прессе обычно публиковались так называемые обязательные постановления горсоветов о сроках начала и окончания кампании.

Новизна полученных результатов исследования определяется тем, что осуществлено первое комплексное исследование хода паспортизации в одном из крупных регионов Сибири, в частности, выявлены ее причины и предпосылки, описан начальный этап введения паспортной системы для населения Кузбасса, ее ход, причины форсированного проведения в отдельных регионах и городах, основные итоги. В научный оборот введен комплекс архивных материалов органов милиции, позволивших выявить региональную специфику кампании и оценить количественные параметры паспортизации.

Результаты

Паспортизация проводилась на основании серии решений Политбюро ЦК ВКП(б), постановлений ЦИК и СНК СССР и приказов ОГПУ, принятых в период с ноября 1932 г. по август 1933 г., носящих как открытый, так и секретный характер. Паспортизация стартовала с постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов» от 15 ноября 1932 г. За ним последовало совместное постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» от 27 декабря 1932 г. Конкретизировало его постановление СНК СССР № 43 от 14 января 1933 г. «Об утверждении инструкции о выдаче паспортов». Затем было принято постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР», утвержденное решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июня 1933 г.³ Реализация этих решений была подкреплена реформой милицкого ведомства, ставшего фактически частью ОГПУ: 27 декабря 1932 г. введено в действие «Положение об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ Союза ССР». В связи с паспортизацией принимается ряд других ведомственных решений: приказ ОГПУ № 009 от 5 января 1933 г. «О чекистских мероприятиях по введению паспортной системы в СССР»⁴ и последовавшая за ним серия циркуляров, среди которых – директива № 96 от 13 августа 1933 г. о порядке применения мер

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 65–66.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 1–2.

внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения⁵.

Паспортизацию планировали провести за полтора года, что дает основания характеризовать ее как чрезвычайную кампанию по учету населения. Вводилось ранжирование территорий и очередность кампании. В ускоренном порядке была проведена паспортизация 30 городов СССР, в числе которых оказались, помимо столиц Москвы, Киева и Минска, города-новостройки и крупные индустриальные города. Паспортизация данных городов проходила в ускоренном порядке, стартовав в основном зимой 1933 г., ее завершение планировалось на лето 1933 г. Вслед за паспортизацией режимных городов в 1933–1934 гг. паспортизацию провели в городах и поселениях городского типа на тех территориях, которые оказались в статусе нережимных.

Власть не афишировала, но и не скрывала целей и задач, которые решались в связи с началом паспортизации страны. Текущими задачами стали «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпенизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата.

Тенденции к резкому росту городского населения СССР обозначились со второй половины 1920-х гг. В течение 1926–1931 гг. численность городского населения Западной Сибири выросла почти в полтора раза, а Кузбасс демонстрировал одни из самых высоких темпов урбанизации в стране [Исупов 2018: 17]. Высокие темпы урбанизации и экономический статус региона как второго после Донбасса угольного бассейна страны и первого за Уралом металлургического центра стали одной из главных причин изменения в период паспортизации статуса ряда городов.

Согласно постановлению СНК СССР № 861 от 28 апреля 1933 г. о выдаче советским гражданам паспортов на территории Союза ССР⁶, статус режимных получили города Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск. Население этих городов было занято преимущественно в угольной промышленности и на строительстве крупнейшей стройки первой пятилетки – Кузнецкого металлургического комбината. Согласно данным переписи городского населения, проведенной весной 1931 г. в Кузбассе, численность Сталинска оценивалась в 45 тыс. человек; Прокопьевска – 54; Анжеро-Судженска – 54,5; Ленинска-Кузнецкого – 39 тыс. человек⁷. При этом данные поселения характеризовались как города, имеющие сельскую местность. Анализ локальной переписи показывает, что среди новоселов, проживавших в городах региона менее трех лет, доля выходцев из села составляла 87 % [Там же: 19].

В ходе паспортизации власти повсеместно столкнулись с тем, что официальная численность городского населения, включая работающее, оказалась сильно заниженной, в первую очередь численность проживающих в пригородах и промзоне. Так, на момент паспортизации численность Сталинска оценивалась уже в 180–200 тыс. человек. Особые трудности вызвало и определение границ городской черты, т.к. под ними понимали только земли, отведенные городам, или территорию городского округа⁸. Рабочие пригороды, промышленные и промысловые объекты в основном не имели планов и карт застройки. Органы милиции докладывали: в Сталинске «нет ни улиц, ни номеров домов», но имеет место «бесплановое, самовольное заселение (постройка землянок)», на стройке КМК отсутствуют «коменданты и ответственные по домовладениям»⁹. Специфика ситуации определялась еще и тем, что шахты находились в радиусе 10–30 км от городов, при этом рабочие поселки и поселения при шахтах составляли единый комплекс. Например, карьеры Осиновских угольных копей, территориально расположенные в 20 км от города, относились к Сталинску. Территории Анжеро-Судженска, Прокопьевска и Сталинска были зоной трудпоселков и лагпунктов, в которых суммарно могло находиться более 6 тыс. семей ссыльных и около

⁵ Там же. Л. 202–204.

⁶ Собрание Законов СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

⁷ Кузбасс: Результаты переписи гор. населения 1931 г. Новосибирск: Статсектор Запсибкрайплана, 1931. 44 с.

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 18 об.

⁹ Там же. Л. 1 об.

5 тыс. заключенных, занятых на стройке и в шахтах [Бикметов 2004: 113].

Основная предварительная работа сводилась к обработке учетных данных и составлению списков лишенцев, ссыльных, лиц с судимостью, раскулаченных и так называемых социально вредных элементов, к которым относили в первую очередь неработающих и лиц с девиантным поведением. Списки передавались в паспортные столы и отделения. К работе были привлечены городские адресные столы, работники уличных и домовых комитетов. Так как получение работающим населением паспортов планировалось организовать преимущественно на производстве, составлялись списки работающих с указанием места жительства. Временные паспортные столы учреждались по производственному принципу – по цехам и шахтам, для неорганизованного населения и служащих – по территориальному, в зависимости от места службы или жительства. В Сталинске было создано сначала 19 пунктов, потом их число возросло до 22: 11 из них были общегородскими, 9 – производственными (например, коксовый и мартеновский цеха КМК), 2 – для населения пригородных совхозов. Местонахождение паспортных пунктов в Сталинске наглядно демонстрирует реальную структуру города, прежде всего тот факт, что часть городского населения проживала на территории предприятий, в зонах «барачных колоний», а сам город сохранил деление на Кузнецк, Соцгород (Новокузнецк) и пригородные поселения, включенные в городскую черту лишь в марте 1932 г. при объединении городов¹⁰.

В Прокопьевске и Ленинске-Кузнецком работало по 10 паспортных столов в каждом, в Анжеро-Судженске – 14. Первыми в очереди на получение документов стояли ударники производства, но члены их семей получали документы в обычном порядке в общегражданских паспортных пунктах. Существовали особые пункты для выдачи паспортов партийно-советской и хозяйственной номенклатуре, руководящим сотрудникам силовых структур и военизированных подразделений.

Динамику паспортизации иллюстрируют пятидневные сводки милиции, в которых агрегирована информация по четырем позициям: 1) количество выданных паспортов и временных удостоверений;

2) количество отказов в выдаче паспорта с разбивкой по категориям; 3) количество выданных паспортов после жалоб граждан; 4) количество выбывших, которым отказано в выдаче паспорта. Паспорта выдавались четырех видов: трехгодичные паспорта, бланки годичных удостоверений личности и два вида временных документов (сезонные и «сомнительные» удостоверения).

Как нам представляется, самый массовый отток был обусловлен бегством из городов и промзон, пик которого пришелся на начало кампании, о чем свидетельствуют данные о росте заявлений об увольнении, особенно с производства; рост числа брошенного жилья, особенно в пригородах и в зонах самовольной застройки; повышенный спрос на железнодорожные билеты и всплеск конокрадства; массовая распродажа имущества.

В ходе обходов пригородов и промзон было обнаружено, что только за первые три дня паспортизации в Сталинске, где насчитывалось около 6 тыс. землянок, оказались брошенными 343, в которых числилось 388 семей (1437 человек)¹¹. За следующие пять дней количество брошенных землянок увеличилось до 445, число семей – до 608, проживающих – до 2210 человек¹². За вторую половину марта было брошено еще 923 землянки, в которых жили 1172 семьи (4916 человек)¹³. Суммарный отток за март превысил 7,1 тыс. человек. К середине апреля общее число брошенного жилья оценивалось в 1100 землянок, а на 25 апреля эта цифра выросла до 1970. Большинство выезжали ночью, жилье обычно просто бросали, в силу чего оно резко упало в цене. Рыночная стоимость землянок снизилась с 500–700 и даже 1000 руб. до 100, нередко – до 25–50 руб. В целом, по данным милиции, на начало мая Сталинск покинули не менее 10 тыс. человек. Количество уехавших в трех других городах превысило 17 тыс. человек¹⁴.

Данные по самовольному оттоку населения из городов существенно превосходят статистику милиции о числе выселенных в связи с невыдачей паспортов. Секретный раздел инструкции о выдаче 1933 г. устанавливал ограничения на выдачу паспортов и прописку в режимных местностях для нескольких групп населения, а именно: лиц, лишенных избирательных

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 13.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 128.

прав; раскулаченных и отправленных на поселение; судимых по политическим и ряду уголовных статей; не занятых общественнополезным трудом и «дезорганизаторов производства», под которыми понимались лица, допустившие самовольный уход с производства или отработки и уволенные за нарушение трудовой дисциплины, в том числе прогулы. В списке оказались и так называемые перебежчики, к числу которых относились лица, незаконно прибывшие на территорию СССР, а также иждивенцы тех, кто не получил паспорта¹⁵. Исключения были предусмотрены для специалистов, служителей религиозных конфессий и сезонных рабочих. Статус режимных городов, особенно тех, где располагались новостройки, существенно осложнял найм отходников. Массовый набор работников на производство разрешался только через оргнабор. В сентябре 1934 г. правительство все-таки разрешило принимать на работу в паспорттизированных местностях колхозников по заявлениям предприятий и без договора колхоза с хозорганами¹⁶. Но уже в начале 1935 г. законодательство было ужесточено в плане требования получения паспорта до выезда на сезонную работу¹⁷. В нережимных городах допускалось получение паспортов лицензиями, выехавшими из режимных городов и территорий, но только для тех из них, кто мог доказать наличие работы и стажа не менее пяти лет. В марте 1935 г. эта норма была отменена постановлением правительства СССР.

Имеющиеся материалы милиции также позволяют судить о количестве лиц, не получивших паспорта и высланных в добровольно-принудительном порядке. Согласно отчетам, из режимных городов было выслано 4189 человек, в том числе 155 в принудительном порядке¹⁸. При этом паспорта не получили 6591 человек¹⁹. Анализ состава отказников указывает на то, что паспорта не выдавали преимущественно тем, кто не смог доказать свою трудовую занятость или подтвердить социальный статус. Получившие отказ в выдаче паспорта подлежали выселению

в 10-дневный срок. Циркуляр ОГПУ № 96 от 13 августа 1933 г. о порядке проведения внесудебных репрессий в связи с паспорттизацией²⁰ предписывал формировать «тройки» при региональных Полномочных представительствах ОГПУ, в состав которых входили помощник ПП ОГПУ по милиции, начальник паспортного отдела и начальник оперотдела ПП ОГПУ. Оформление и рассмотрение дел должно было занимать не более трех суток. Отказ в выдаче паспорта можно было обжаловать в комиссии при горсовете, и в среднем около 30 % жалоб удовлетворялось²¹ (в общей сложности, по итогам работы городских комиссий, таким образом паспорта получили 815 человек, или каждый десятый²²). После положительного решения дело поступало в пункт паспорттизации, где заявитель получал временное удостоверение. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что рассмотрение дела занимало какое-то время, а отказникам грозило выселение.

Согласно итоговым отчетам по четырем режимным городам, в общей сложности паспортные документы разного типа получили чуть менее 214 тыс. человек, в том числе в Сталинске – 99057, Прокопьевске – 40638, Ленинске-Кузнецком – 37741, Анжеро-Судженске – 36249 человек²³. В целом можно утверждать, что основное количество паспортов было выдано в марте-апреле, с резким (в шесть раз) сокращением в первой половине мая и колебаниями в диапазоне от тысячи до полутора тысяч в течение каждой последующей пятидневки. Пятую часть выдаваемых документов составляли временные удостоверения и годовые паспорта.

За незаконное получение паспорта или его подделку приговаривали к трем годам лагерей и пяти годам ссылки. В Ленинске-Кузнецком под суд за это попали 43 человека, среди которых оказались и бывшие кулаки, и рабочие²⁴. За нарушение паспортного режима – проживание без прописки и паспорта – в местностях, где вводилась паспортная система, на нарушителей налагался штраф в 100 руб. или исправительные работы сроком до 30 дней. Повторное нарушение влекло за собой уголовную ответственность.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 59–60.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. I. Д. 91. Л. 149.

¹⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 21. Ст. 116.

¹⁸ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 113.

¹⁹ Там же. Л. 112.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202–204.

²¹ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 27.

²² Там же. Л. 112 об.

²³ Там же. Л. 119.

²⁴ Там же. Л. 130.

Включенная в 1934 г. указом ВЦИК и СНК РСФСР в Уголовный кодекс 1926 г. ст. 192 предусматривала за такое правонарушение лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до шести месяцев²⁵.

Паспортизация означала введение и поддержание паспортного режима, основанного на механизме прописки по месту жительства и соблюдении правил проживания, которые определялись статусом поселения или территории. Прописку в городах ввели в 1925 г., и сначала она носила уведомительный характер, но с 1928 г. за ее нарушение ввели административную ответственность. Для территорий, где проходила паспортизация, она стала обязательной. Процесс прописки в Кузбассе начали с опозданием: в Сталинске – с середины мая, в Прокопьевске – с июня, в Анжеро-Судженске и Ленинске-Кузнецком – с середины июля 1933 г.²⁶ Домовые книги и приписные бланки были в срочном порядке отпечатаны в городских типографиях. В кампании, на проведение которой отводился месяц, были задействованы в основном сотрудники паспортных столов, которых переключили с выдачи на прописку. За месяц в Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком и Прокопьевске прописали 51 тыс. человек²⁷.

Единственная информация в прессе о начавшейся паспортизации в Кузбассе прошла 1 марта 1933 г. Несколько фраз о подготовке к выдаче паспортов в Сталинске опубликовала главная газета края «Советская Сибирь»²⁸. В заметке упоминалось, что паспортизация в городе закончится уже 1 мая. Фактически вся агитационно-массовая работа в рамках паспортизации сводилась к информационно-пропагандистским выступлениям на производстве и собраниях актива, регламент которых предусматривал вопросы и обсуждения, естественно, только в позитивном духе. Горкомы разрабатывали свои средства агитации, но в основном использовали спущенные из центра типовые лозунги. Несмотря на ограниченный формат пропагандистской кампании, следует отметить, что какая-то информация о ходе паспортизации

все-таки доходила до населения, в то время как обмен паспортов в 1936–1937 гг. проходил в условиях полного информационного вакуума.

Наиболее типичной реакцией населения на проведение паспортизации стало бегство из городов, которое началось сразу «с момента осведомленности населения»²⁹. Паспортизация также подхлестнула волну доносов как среди рабочих, так и служащих. Доносительство как явление представляло собой сложный феномен, будучи свидетельством высокого уровня социальной напряженности, при этом советско-партийные активисты, представители власти и милиция характеризовали его как исключительно «здоровое» явление. Среди публичных высказываний доминировали призывы к социальной чистке «социальночуждого элемента», в первую очередь на промышленных предприятиях и в городах. С паспортизацией связывали надежды на улучшение снабжения городов и новостроек, криминогенной обстановки, сокращение масштабов отходничества и текучести на производстве³⁰. Паспортизация позволила актуализировать образ внутреннего врага, в очередной раз усиливая социальную поляризацию: «Рабочий К. активно ведет работу по выявлению социально-чуждого элемента, при группировке с рабочими объясняет, что нам, рабочим, с кулаками нужно вести усиленную борьбу, выгонять их с производства, а то они забрались в теплые местечки, пожирают наши продукты, отчего все стало дорого и недостаточно для основных рабочих, а вот выгоним их с производства, тогда нам лучше будет жить и все будет дешево»³¹.

В неофициальных разговорах, зафиксированных агентурой и сотрудниками спецслужб, а также членами «групп содействия», отмечалось, что основным лейтмотивом разговоров вокруг паспортизации было отождествление кампании с «новым крепостничеством» («не жизнь, а крепостное право»³²), которое сопровождалось высокой тревожностью. Последняя связана с опасениями усложнения легализации в городах и на стройках. Как и в период хлебозаготовок и коллективизации, люди вновь заговорили о скорой войне,

²⁵ Собрание Указов. 1923. № 54. Ст. 530.

²⁶ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 94.

²⁷ Там же. Л. 132.

²⁸ В Сталинске началась подготовка к выдаче паспортов. *Советская Сибирь*. 01.03.1933. № 47 (4030). С. 3.

²⁹ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 43.

³¹ Там же. Л. 108.

³² Там же. Л. 30.

росли апокалиптические настроения. Доминирующие темы разговоров: социальная чистка общества, раскрестьянивание, прикрепление рабочих к производству, а крестьян – к колхозам, деление на паспортных и беспаспортных, контроль за перемещением и расширение возможностей власти для принудительной отправки людей на освоение необжитых территорий страны, трудности со снабжением городов и низкий уровень жизни рабочих, попытки решить финансовые трудности за счет населения. Подобные разговоры свидетельствовали о попытках рядовых граждан объяснить для себя истинные причины проводившейся паспортизации. Материалы органов милиции также содержат сведения о том, что главный тезис противников паспортизации в рабочей среде сводился к тому, что «практической пользы от паспортизации нет, что она придумана исключительно для прикрепления рабочих к производству и для выкачки денег из населения». Особенно резко, согласно этому виду документов, высказывались те, кто был «ущемлен в период проведения кампании»³³.

Заключение

Выборочное введение паспортной системы в СССР в 1932–1933 гг. продемонстрировало многоступенчатую иерархию стратегических приоритетов власти при оценке роли регионов и территорий. Кузбасс демонстрировал одни из самых высоких в стране темпы урбанизации и индустриализации, в силу чего четыре города – индустриальные центры союзного значения (население было занято в угольной промышленности и на строительстве Кузнецкого металлургического комбината) – в феврале 1933 г. получили особый режимный статус и приоритет при проведении паспортизации населения. Пионерами паспортизации не только в Кузбассе, но и по всей Западной Сибири стали Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск. Выдача внутренних паспортов населению была проведена весной 1933 г., их получили 214 тыс. человек.

Паспортизация спровоцировала краткосрочный миграционный кризис, связанный с массовым несанкционированным оттоком населения из городов и промышленных зон в сельскую местность. На фоне кампании вынужденно уехало более 27 тыс. человек и еще более 4 тыс. человек подверглись принудительной высылке. Фактически эти выселения стали

первой масштабной чисткой сибирских городов от социально чуждого и маргинализованного элемента. Паспортизация привела к нарастанию социальной напряженности в обществе, что не в последнюю очередь было связано с усиленной циркуляцией различного рода слухов и разговоров о «новом крепостничестве».

Введенный в городах летом 1933 г. паспортный режим представлял собой систему учетно-надзорного контроля за городским населением через обязательную прописку и жесткое регулирование притока мигрантов. Статус режимных городов предписывал осуществлять набор работников на производство только через оргнабор, что при существующем стихийном рынке труда обеспечить было трудно и вскоре вызвало необходимость скорректировать политику в области отходничества на паспортизованных территориях. Уже с 1933 г. на режимные города Кузбасса было распространено ограничение на проживание лиц, освобождающихся из заключения, при этом в самих режимных городах практиковалась паспортизация занятых на производстве режимных категорий населения.

В рамках дальнейшего исследования паспортизации в режимных городах Кузбасса перспективными направлениями могут стать анализ кампании по обмену паспортов в 1936 г., ужесточению паспортного режима в конце 1930-х гг. на объектах железнодорожного транспорта, а также изучение административных и политических репрессий 1935–1938 гг. по паспортным основаниям.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта № FWZM-2024-0005 «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст».

Funding: The research was part of project No. FWZM-2024-0005: Socio-economic potential of Eastern Russia in XX – early XXI centuries: Management strategies and practices, dynamics, and geopolitical context.

³³ Там же. Л. 120, 133.

Литература / References

- Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. «Массовые» операции НКВД 1937–1938 гг. в отношении уголовных и «деклассированных элементов». *Новейшая история России*. 2024. Т. 14. № 1. С. 102–126. [Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S. "Mass" operations of the NKVD in 1937–1938 against criminal and "declassified elements". *Modern History of Russia*, 2024, 14(1): 102–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.107>
- Аблажей Н. Н., Потапова Н. А. Репрессивная политика как инструмент решения «китайского вопроса» в СССР в 1930-е гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2023. Т. 22. № 1. С. 125–138. [Ablazhey N. N., Potapova N. A. Repressive policy as a tool of resolving the "Chinese issue" in the USSR in the 1930s. *RUDN Journal of Russian History*, 2023, 22(1): 125–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>
- Байбурин А. К. К предистории советского паспорта (1917–1932). *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2009. № 2. С. 140–154. [Baiburin A. K. Prehistory of the Soviet passport (1917–1932). *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kulture*, 2009, (2): 140–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uobqcg>
- Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: ЕУСПб, 2017. 488 с. [Baiburin A. K. *The Soviet passport: History, structure, and practices*. St. Petersburg. EUSP, 2017, 488. (In Russ.)]
- Бикметов Р. С. Трудопоселенцы на шахтах Кузбасса (1930 – середина 1950-х гг.). *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2004. № 1. С. 113–121. [Bikmetov R. S. Labor settlers in the mines of Kuzbass (1930 – mid 1950). *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, 2004, 1(38): 113–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwlshb>
- Голдман В. Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920 – начало 1930-х гг.). *Новый исторический вестник*. 2005. № 1. С. 72–92. [Goldman W. Prose about the Soviet passport: Workers and free resettlement (late 1920s – early 1930s). *Novyj Istoricheskij Vestnik*, 2005, (1): 72–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwbslr>
- Исупов В. А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка. *ЭКО*. 2018. № 7. С. 7–22. [Isupov V. A. Urbanization of the Western Siberia: In the eyes of an historian. *ECO*, 2018, (7): 7–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtfdvz>
- Исупов В. А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х годов. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. № 1. С. 188–200. [Isupov V. A. The population number of West-Siberian territory according to Siberian statisticians of 1930th. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, 9(1): 188–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzbumb>
- Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 300 с. [Meerovich M. G. *Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people, 1917–1937*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqwdfh>
- Моисеенко В. М. Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы. *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5. № 2. С. 122–146. [Moiseenko V. M. Rural-urban migration in the USSR in the 1920s. *Demographic Review*, 2018, 5(2): 122–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwcdzb>
- Муан Я. Внутрисоюзные границы гражданства: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему. *Режимные люди в СССР*, отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 257–276. [Muan Ya. Intra-union boundaries of citizenship: territorial expression of discrimination in the Soviet Union through the passport system. *Regime people in the USSR*, eds. Kondratyeva T. S., Sokolov A. K. Moscow: ROSSPEN, 2009, 257–276. (In Russ.)]
- Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.). *Социологические исследования*. 1995. № 8. С. 3–14. [Popov V. P. Passport system in the USSR (1932–1976). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1995, (8): 3–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/srcncn>
- Попов В. П. Паспортная система советского крепостничества. *Новый мир*. 1996. № 6. С. 185–203. [Popov V. P. The passport system of Soviet serfdom. *Novyi Mir*, 1996, (6): 185–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smukwm>
- Потемкина М. Н., Кузнецова И. В. Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 4. С. 167–174. [Potemkina M. N., Kuznetsova I. V. Passport sistem of the urban population of the USSR in the 1930s. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, (4): 167–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twcxv>

- Тарасов А. Ю. Становление паспортной системы СССР в начале XX века. Руза: МОФ МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2010. 160 с. [Tarasov A. Yu. *Formation of the passport system of the USSR at the beginning of the twentieth century*. Ruza: Moscow Region Branch of Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, 2010, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vricmt>
- Фетисов М. С. От «Учета, разгрузки, очистки» к праву гражданства: антропология советского паспорта. *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 3. С. 345–358. [Fetisov M. S. From "recording, unloading, purging" to the right of citizenship: Anthropology of the Soviet passport. *Russian Sociological Review*, 2019, 18(3): 345–358. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cgaeic>
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с. [Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s: The city*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 332. (In Russ.)]
- Ширер Д. Р. Сталинский военный социализм: репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 541 с. [Shearer D. R. *Policing Stalin's socialism: Repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2014, 541. (In Russ.)]
- Чернолуцкая Е. Н. «...В порядке паспортного режима»: массовые кампании выдворения «неблагонадежных» граждан с Дальнего востока СССР в 1930-е гг. *Былые годы*. 2013. № 27. С. 71–78. [Chernolutskaia E. N. "...In accordance with passport regulations": Mass expulsion of "insecure" citizens from the Far East of the USSR in 1930s. *Bylye Gody*, 2013, (27): 71–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwppuh>
- Чернолуцкая Е. Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934). *Revue des Études Slaves*. 1999. Т. 71. № 1. С. 17–33. [Chernolutskaia E. N. Passportization in Russia's Far East in 1933–1934. *Revue des Études Slaves*, 1991, 71(1): 17–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoraxe>
- Baiburin A. *The Soviet passport: The history, nature and uses of the internal passport in the USSR*. Cambridge & Medford, MA: Polity Press, 2021, XXIX+451. <https://elibrary.ru/wwrqfd>
- Glebov S. Interview with Zygmunt Bauman in the court where multi-ethnic polities are on trial the jury is still out. *Ab Imperio*, 2008, (1): 19–34. <https://elibrary.ru/pbzqyx>
- Holquist P. *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. Cambridge: Harvard University Press, 2002, 384.
- Holquist P. Violent Russia, deadly Marxism: Russia in the epoch of violence, 1905–1921. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2003, 4(3): 627–652. <https://doi.org/10.1353/kri.2003.0040>
- Kessler G. The passport system and state control over population displacement in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du Monde Russe*, 2001, 42(2-4): 477–504. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8464>
- Kuzemska L. "The Soviet passport. The history, nature and uses of the internal passport in the USSR: Albert Baiburin, Cambridge & Medford, MA: Polity Press, 2021, XXIX+451". *Europe-Asia Studies*, 2023, 75(5): 889–890. <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2205317>
- Shearer D. R. Elements near and alien: Passportization, policing, and identity in the Stalinist state, 1932–1952. *The Journal of Modern History*, 2004, 76(4): 835–881. <https://doi.org/10.1086/427570>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qoordw>

Формирование местных органов РКП(б) на территории Томской губернии (конец 1919 – 1921 г.)

Куренков Артем Валериевич

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 3063-8895

<https://orcid.org/0000-0002-0287-6562>art_1987@inbox.ru

Аннотация: Исследуется процесс формирования местных органов РКП(б) в Томской губернии после освобождения ее территории от колчаковских войск. Выявлены пути образования уездных, районных, волостных и ячейковых партийных структур. Установлено, что по мере восстановления советской власти в уездных городах большевиками-подпольщиками, а также представителями красноармейских частей организовывались собрания коммунистов, избиравшие партийные бюро либо комитеты. Это были временные партийные органы, функционировавшие до проведения в уездах партийных конференций и избрания в соответствии с Уставом РКП(б) уездных партийных комитетов. Показано участие Томского губкома РКП(б) в формировании укомов. Оно выражалось в предварительном обсуждении партийных кандидатур и стремлении добиться их включения в состав уездного партийного органа. Параллельно с образованием укомов в губернии путем выборов шло создание районных комитетов РКП(б). Ряд из них обладали правами укомов, ряд – подчинялись укомам. Остальные райкомы имели характер городских и сельских. На нижестоящем по отношению к укомам и райкомам уровне находились волостные парткомы. Автором выяснено, что они образовывались путем избрания крестьянским населением на волостных партийных конференциях и съездах. Наряду с этим практиковалось назначение волкомов укомками и райкомками, что происходило в случае, если политическая и социально-экономическая обстановка в конкретной местности не позволяла в текущий момент организовать выборы. Последним звеном в партийной иерархии являлись ячейки РКП(б). Они формировались на общих собраниях членов и кандидатов в члены партии и утверждались районными партийными комитетами. Выявлена специфика образования ячеек в сельской местности. Показано, что сельские ячейки могли создаваться как силами самого крестьянского населения, так и политработниками воинских частей и инструкторами-организаторами вышестоящих парторганов. Отмечается, что становление местных органов РКП(б) на территории губернии в значительной степени осложнялось нехваткой партийных работников. Кадровый голод в том или ином масштабе был характерен для всех парторганизаций губернии и отрицательно сказывался на ходе партийной работы. Попытки высшего партийного органа губернии разрешить ситуацию с кадрами заметных результатов не принесли. Кадровая проблема, по мнению автора, стала одной из причин отсутствия в уездных центрах, за исключением Новониколаевска и Томска, городских партийных комитетов.

Ключевые слова: местные органы РКП(б), партийное бюро, партийный комитет, партийная конференция, кадры, Томская губерния

Цитирование: Куренков А. В. Формирование местных органов РКП(б) на территории Томской губернии (конец 1919 – 1921 г.). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 1002–1015. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1002-1015>

Поступила в редакцию 05.06.2024. Принята после рецензирования 26.08.2024. Принята в печать 26.08.2024.

full article

Formation of Local Organs of Russian Communist Party of Bolsheviks in Tomsk Province in late 1919 – 1921

Artem V. Kurenkov

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 3063-8895

<https://orcid.org/0000-0002-0287-6562>

art_1987@inbox.ru

Abstract: The first local organs of the Russian Communist Party of Bolsheviks appeared in the Tomsk Province on various territorial levels after Kolchak's troops had left it. As Soviet power returned to the region, the underground Bolsheviks and Red Army representatives started to organize communist meetings to elect party bureaus and committees. They were temporary party organs that functioned until party conferences could officially be held in accordance with the Charter of the Russian Communist Party of Bolsheviks. The Tomsk provincial committee was the largest one: it participated in the life of smaller, district committees by selecting party candidates. The lower level included local committees, which either had the power of district committees or were subordinate to them. The local committees could be urban or rural. The volost party committees were subordinate to the district committees or local committees. They were formed through election by the peasant population at volost party conferences and congresses. If the political and socio-economic situation made it impossible to organize elections, the volost committees were appointed by the local committees or district committees. The cells were the bottom link in the party hierarchy. They were formed at general meetings of members and candidates for party membership and approved by the district party committees. The rural cells could be organized by the peasant population or appointed by the political workers of military units and instructors of higher party organs. The development of local organs of the Russian Communist Party of Bolsheviks in the Tomsk province was complicated by the constant lack of party workers. Severe staff shortages were typical of all party organizations in the province at all levels and had a negative impact on the party work. Attempts by the provincial committee to resolve the situation were futile. As a result of the personnel problem, Novonikolaevsk and Tomsk were the only urban settlements with their own urban party committees in the province.

Keywords: local organs of the Russian Communist Party of Bolsheviks, party bureau, party committee, party conference, personnel, Tomsk province

Citation: Kurenkov A. V. Formation of Local Organs of Russian Communist Party of Bolsheviks in Tomsk Province in late 1919 – 1921. *SibScript*, 2024, 26(6): 1002–1015. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1002-1015>

Received 5 Jun 2024. Accepted after peer review 28 Aug 2024. Accepted for publication 28 Aug 2024.

Введение

В декабре 1919 г. усилиями красноармейских частей, повстанцев и партизан территория Томской губернии была освобождена от колчаковских войск. Большевики получили возможность приступить к восстановлению ликвидированных в конце весны – начале лета 1918 г. советских органов власти. Наряду с воссозданием государственного аппарата на Томской земле началось возрождение большевистской партийной организации. В губернском центре и на местах стали складываться основные звенья партийного управления.

Проблема становления и развития Томской партийной организации в начале 1920-х гг. получила отражение в исследованиях отечественных историков. Так, в работах

В. Н. Гузарова приведены сведения об организационном устройстве, кадровом составе, основных функциях партийных органов, действовавших в Томской губернии [Гузаров 2007а; 2007б; 2008; 2012а; 2012б]. Н. С. Ларьковым и А. В. Куренковым изучена Томская губернская партийная организация на заключительном этапе Гражданской войны [Ларьков 1985; Куренков 2013]. Ряд специальных статей, в том числе энциклопедического характера, посвящены истории Томского губкома РКП(б) как ключевого звена в иерархии партийных органов губернии [Гузаров 2005; Кан 2008; Куренков 2016]. Некоторые сведения о деятельности томских партийных структур

содержатся в обобщающих работах по истории Томска и Томской области [Дмитриенко 2000: 90–92; Томская область... 1994: 287]. Однако проблема создания местных органов Коммунистической партии на Томской земле после падения на ее территории колчаковского режима пока не стала объектом должного исследовательского внимания.

Цель статьи – выявить характер и особенности формирования местных органов РКП(б) на территории Томской губернии в конце 1919 – 1921 гг. Задачи: 1) раскрыть порядок образования местных партийных органов в губернии после ее освобождения от белогвардейских войск; 2) рассмотреть проблему кадрового обеспечения партийных структур.

В ходе исследования автор опирался на принципы объективности и историзма, использовал сравнительно-исторический и системный методы научного познания. Источниковую базу исследования составили архивные и опубликованные документы, а также материалы периодической печати.

Результаты

Формирование уездных органов РКП(б)

Осенью 1919 г. колчаковский режим вступил в полосу глубокого кризиса. Под натиском превосходящих красноармейских частей войска А. В. Колчака начали широкомасштабное отступление в восточном направлении. 14 ноября белыми была оставлена столица – г. Омск, а уже в конце месяца части Красной армии вступили на территорию Томской губернии [Томская область... 1994: 283; Хандорин 2022: 428]. 1 декабря 1919 г. от колчаковцев были освобождены Барабинск и Каинск. Спустя неделю, 8 декабря, было сформировано организационное бюро РКП(б) Каинского уезда в составе И. В. Смышляева, М. А. Червонного-Усатенко и М. М. Фуксова¹. Оно провело работу по наращиванию партийных сил, результатом которой стал рост партийных рядов уезда. К концу марта 1920 г.

в уездной организации РКП(б) насчитывалось более 560 членов и сочувствующих партии. Это позволило созвать 31 марта 1920 г. в уезде общее собрание коммунистов и сочувствующих, на котором был избран уездный партийный комитет в составе И. В. Смышляева (председатель), Блинова, Рудневской, Николаенко, Микеш, Бротниковой². Заключительным этапом в складывании Каинской уездной парторганизации стал созыв в январе 1921 г. первой уездной партийной конференции. В избранный на ней уездный партком вошли И. Г. Веркутис, Сурков, Макарова, Ларионов, Халь, Комаров³.

Вторым уездным центром, занятым частями Красной армии, стал Новониколаевск. Советская власть здесь была восстановлена 14 декабря 1919 г. [Шиловский 2019: 241]. В этот же день активные участники большевистского подполья Г. К. Соболевский и М. Н. Рютин организовали регистрацию коммунистов города, а спустя сутки состоялось общее собрание членов РКП(б) Новониколаевска, избравшее временное организационное бюро горкома партии. В него вошли М. М. Фельдман (председатель), Г. К. Соболевский, Н. Г. Калашников, Д. Д. Киселев, М. Н. Рютин, М. Я. Карлсон, И. М. Линецкий⁴. 30 декабря оно пополнилось тремя новыми членами – Н. К. Крузе, П. Е. Сайхиным и М. П. Малковым, а 12 января 1920 г. на общегородской партийной конференции было преобразовано в городской комитет РКП(б) в составе М. М. Фельдмана, Я. Я. Эрглиса, Н. К. Крузе, М. П. Малкова⁵. Примечательно, что в этом же месяце в Новониколаевске возникло и губернское бюро партии, состоявшее вначале из шести, а позже из трех человек. Связано это было с постановлением Сибревкома о переносе административного центра Томской губернии из Томска в Новониколаевск, принятым 23 декабря 1919 г.⁶ [Куренков 2013: 85]. Этим же объясняется, по нашему мнению, отсутствие в первое время в Новониколаевске

¹ Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904–1920 гг.), сост. Е. И. Петрова. Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. С. 116; Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 3. Июнь 1918 – декабрь 1919 г., сост. Н. С. Ларьков, В. А. Дробченко. Томск: ТГУ, 2013. С. 348, 351.

² Хроника Новосибирской организации КПСС (1891–1987 годы), отв. ред. В. Т. Шуклецов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. С. 122; Искры коммунизма. 07.04.1920. № 31. С. 2.

³ Резолюции и постановления I-й Барабинской уездной конференции РКП. 15–26 января 1921 г. Каинск: Изд-е Бараб. Центропечати, 1921. С. 15.

⁴ Общественно-политическая жизнь... С. 354; Хроника Новосибирской организации КПСС... С. 113.

⁵ Новосибирск. 100 лет. События. Люди, отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. изд. фирма, 1993. С. 121; Хроника Новосибирской организации КПСС... С. 115.

⁶ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: сб. док. и мат-лов, сост. А. Н. Блохина, Н. Д. Вертоградская, Н. Н. Дворякина, Н. А. Дедюшина, В. Я. Кузьминчук, Е. И. Петрова, Е. Я. Рыжик. Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. С. 36.

уездного органа РКП(б), функции которого выполняло партийное губбюро.

Однако уже весной 1920 г. партийное и советское руководство Сибири приняло решение вернуть Томску статус губернского города [Папков 2024: 15]. Это обусловило очередную перестройку партийного управления в губернии. Губернское бюро было переведено из Новониколаевска в Томск, а в Новониколаевске сформирован временный уком РКП(б), в который вошли М. М. Михайлов, Л. Б. Суница, В. И. Казанцев, Ф. Я. Габишев, Назарова, А. Ф. Енчик, Ф. А. Березовский⁷. Окончательное же оформление Новониколаевской уездной партийной организации произошло в сентябре 1920 г. В период с 2 по 5 сентября в Новониколаевске состоялась Первая горуюездная конференция РКП(б). На ней присутствовало 125 делегатов, представлявших 7192 членов и кандидатов в члены партии. В ходе работы конференции было заявлено о том, что процесс организации ячеек и райкомов партии завершен, особо подчеркивались роль и значимость партийной и трудовой дисциплины для каждого коммуниста. На последнем заседании конференции был избран Новониколаевский горуюездный комитет РКП(б) в составе П. К. Голикова, Ф. А. Березовского, Т. Т. Фролкова, Г. А. Погодичева, А. Я. Буткевича, Н. С. Самойлова, Е. С. Козлова, А. И. Галунова, Т. А. Акатьева⁸. Стоит отметить, что еще 3 сентября 1920 г. Томский губком РКП(б) на заседании президиума предварительно рассмотрел кандидатов в члены Новониколаевского горуюездкома. В итоге из девяти человек, вошедших в состав комитета, шесть были проведены губкомом⁹.

В конце декабря 1919 г. красные войска заняли Мариинск¹⁰. Практически сразу после изгнания неприятеля в городе состоялось общепартийное собрание, участие в котором приняли вышедшие из подполья местные большевики, а также представители 27-й дивизии 5-й Красной армии. Главной темой собрания являлся вопрос о формировании в уезде партийной

организации. С этой целью в течение нескольких дней мариинскими коммунистами совместно с политработниками дивизии была проведена при помощи анкет регистрация партийных сил, позволившая наметить кандидатов в состав партийного комитета¹¹. 3 января 1920 г. Мариинский партком РКП(б) был сформирован. В него вошли предварительно одобренные Томским партийным губбюро пять человек: В. И. Прохаско, А. Н. Сафонова, А. К. Сорокин, Н. Г. Рудоминский-Шинкаревский, В. С. Алексеевский¹². Однако в мае решением высшего партийного органа губернии состав Мариинского парткома был изменен. Вместо Н. Г. Рудоминского-Шинкаревского, В. И. Прохаско и А. Н. Сафоновой в партком на правах членов ввели Охотникова, Стародубова и С. А. Скобникова¹³. Завершающим шагом в процессе формирования партийного управления в уезде стал созыв уездной партийной конференции в сентябре 1920 г. 12 сентября, в последний день работы конференции, был избран Мариинский уездный комитет РКП(б). В его состав вошли В. А. Черных (председатель), П. В. Заборский, В. С. Сорокин, Перлиман, Г. Т. Тарасов, Ф. Ф. Зуев, Э. Локк, И. У. Карнузович, В. Варфоломеев¹⁴.

В губернском центре советская власть была восстановлена еще до прихода регулярных частей Красной армии. В результате вооруженного восстания 17–18 декабря 1919 г. власть в Томске перешла в руки военно-революционного комитета, большинство в котором принадлежало коммунистам [Ларьков 2011: 50, 53]. Менее чем через неделю, 23 декабря, было проведено общее собрание коммунистов города, избравшее Томское организационное бюро в составе К. М. Молотова, А. И. Галунова и А. П. Кириллова. Однако развернуть свою работу в губернском масштабе созданное бюро не смогло по причине переноса административного центра губернии в Новониколаевск. Фактически деятельность бюро распространялась на Томск и одноименный уезд [Куренков 2013: 85].

⁷ Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск: ТГУ, 2003. С. 179; Красное знамя. 26.03.1920. № 74. С. 3.

⁸ Хроника Новосибирской организации КПСС... С. 132.

⁹ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 47.

¹⁰ В боях рожденная. Боевой путь 5 армии (1918–1920): сб. док., отв. сост. С. Д. Гусаревич, Т. Ф. Каряева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 218.

¹¹ Известия Сибирского областного бюро РКП. 08.05.1920. № 2. С. 2.

¹² ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–1 об.

¹³ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.

¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337. Л. 72а.

В начале 1920 г. в состав городского партийного органа вместо А. И. Галунова и К. М. Молотова вошли К. А. Озол, Т. Д. Екишев, А. И. Веженков и В. Д. Вегман¹⁵. А в мае 1920 г., после того как Томску был возвращен статус губернского города, Томский партком был сконструирован в составе семи человек: К. А. Озол (председатель), П. А. Верхотуров, Р. М. Шергов, А. Н. Сафонова, Васильев, Гоберман, В. С. Зорников¹⁶. Финальным аккордом в складывании уездной партийной организации стала Первая Томская горюездная конференция РКП(б). Она состоялась 29–31 августа 1920 г. На конференции присутствовало 102 делегата. Ее председателем был избран руководитель Томского губкома партии П. А. Верхотуров. На заключительном заседании конференции ее участники избрали Томский горюездный комитет РКП(б), в который вошли А. И. Полудинцов (председатель), А. Л. Шиловский, Ф. Семухин, И. М. Невлер, И. С. Никитин, И. О. Семашко, Т. Е. Перова, Ликеев, Линьков¹⁷.

На юге Томской губернии белогвардейская власть также была ликвидирована до прихода регулярных красноармейских частей. К примеру, в Кузнецке это произошло в результате восстания местного гарнизона в ночь с 1 на 2 декабря 1919 г. Для управления городом был образован военно-революционный комитет из восьми человек [Лыкова 2004: 133–138]. Однако вплоть до конца месяца большевики не решались создать местный партийный орган. Связано это было с крайне неустойчивой военно-политической обстановкой, сложившейся в городе и его окрестностях. Только после того, как в город 26 декабря вступили части 35-й дивизии 5-й армии¹⁸, состоялось общее собрание коммунистов, на котором было сформировано Кузнецкое уездное организационное бюро РКП(б). По нашим сведениям, в него вошли А. Н. Иванов, Р. Т. Тагаев, И. П. Колтунов, З. И. Извеков, Г. Е. Мокрецов¹⁹ [Сыроваткин 1967: 16]. Значительные усилия бюро приложило к тому, чтобы наладить в уезде агитационно-пропагандистскую работу среди населения и обеспечить рост партийной организации. В течение первой половины 1920 г. в уезде было создано около 100 сельских коммунистических ячеек.

В каждой волости насчитывалось 300–400 членов РКП(б). Общее же количество членов партии и сочувствующих к осени 1920 г. составляло до 7000 человек [Ермолаев и др. 2021: 42]. В этих условиях в сентябре 1920 г. была созвана уездная партийная конференция, на которой был избран Кузнецкий уездный комитет РКП(б). В его состав вошли Ф. А. Комаров (председатель), К. Г. Беляев, В. Н. Шумиков, Ф. Е. Ефимов, К. Н. Карманов, А. Н. Иванов, Любогощев, Медников, Потанин²⁰.

Другой уездный центр Кузбасса – Щегловск – 21 декабря 1919 г. был занят партизанским отрядом Г. Ф. Рогова [Усков, Пьянов 2020: 433]. Спустя три дня в город вошли красные войска. А 26 декабря при участии военкома 35-й дивизии И. М. Погодина состоялось первое собрание членов большевистской организации Щегловска, на котором было избрано уездное организационное бюро РКП(б). В него вошли П. М. Попов (председатель), П. Н. Старостин, К. Г. Ермолаев, В. В. Гульбе, А. Г. Фрецей [Дмитриев 1962: 21; Очерки истории... 1973: 158; Усков 2011: 180, 182]. В течение нескольких дней были оформлены ячейки коммунистов и сочувствующих на прилегающих к городу химическом заводе и Кемеровском руднике, а также в депо станции Топки²¹. В следующие два месяца проводилась работа по созданию низовых партийных органов в сельской местности. В результате на состоявшейся 29 февраля – 2 марта 1920 г. в Щегловске Первой уездной партийной конференции присутствовали делегаты от 20 коммунистических ячеек [Балибалов 1976: 40]. Конференция избрала Щегловское уездное центральное бюро РКП(б) в составе П. Н. Старостина (председатель), П. М. Попова, Губарева, Климовича и Т. К. Резолюка. Спустя некоторое время бюро было преобразовано в Щегловский уездный комитет РКП(б) под руководством П. Н. Старостина. Однако, как удалось установить И. Ю. Ускову, фактическим руководителем комитета в связи с большой загруженностью П. Н. Старостина стал К. С. Голубцов, отозванный из Брюхановского волостного ревкома [Усков 2011: 182].

¹⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 334. Л. 53.

¹⁶ Там же. Л. 187, 189, 203.

¹⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315а. Л. 13; ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315б. Л. 40, 45.

¹⁸ В боях рожденная... С. 217.

¹⁹ Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: сб. док., сост. А. М. Шиндин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. С. 255–256; Известия Сибирского областного бюро РКП. 08.05.1920. № 2. С. 2.

²⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 325. Л. 364 об.

²¹ Кузбасс в период восстановления народного хозяйства 1920–1926 гг. Кемерово: Кн. изд-во, 1966. С. 38.

Позже всего партийная организация большевиков оформилась в Нарымском крае. Несмотря на то что колчаковский режим пал в Нарыме еще 12 декабря 1919 г., Нарымское районное²² бюро РКП(б) было создано лишь 27 февраля 1920 г. [Мезенцева 1984: 44]. В его состав вошли Резниченко (председатель), И. Е. Блохин, П. Н. Галахов²³. Столь позднее образование партийного органа объясняется, на наш взгляд, рядом факторов. К ним следует отнести внушительный размер территории края, значительную удаленность от губернского центра, разбросанность населенных пунктов, острый недостаток партийных сил, отсутствие нормальных путей сообщения. Неслучайно деятельность партийного бюро на первых порах охватывала фактически только сам город²⁴. К концу апреля в составе городской партийной организации насчитывалось 9 членов и 11 кандидатов в члены РКП(б) [Там же]. Тем не менее постепенное возникновение коммунистических ячеек обусловило необходимость расширить масштаб работы бюро до уровня района. В январе 1921 г. в Нарыме состоялась Первая районная партийная конференция. На ней присутствовало 23 делегата. На конференции был избран Нарымский районный комитет РКП(б) в составе 5 человек: Н. Воронин, Ф. К. Голещихин, В. Новосельцев, П. Хлонов, И. Е. Блохин²⁵.

Становление уездных органов РКП(б) на территории губернии, как и в целом в Сибири, осуществлялось в условиях острого дефицита партийных кадров. Как справедливо заметил В. Н. Гузаров, партийному аппарату уездного звена требовалось работников в семь раз больше по сравнению с губернским [Гузаров 2008: 74]. Кадровая проблема стала одним из наиболее важных вопросов, обсуждавшихся на губернской партийной конференции в феврале 1920 г. В ее работе участвовали представители всех уездных парт-органов губернии. Наряду с недостатком партийной литературы, инструкций, неудовлетворительной связью центра с местами, конференция констатировала «громадный недостаток сил», самым негативным образом сказывавшийся на местной работе²⁶

[Куренков 2013: 85]. Так, в Кузнецком уезде члены партбюро вынуждены были совмещать партийную деятельность с исполнением обязанностей в ревкоме, из-за чего партийной работе, как отмечалось в докладе Кузнецкого уездного оргбюро РКП(б), «приходилось уделять весьма немного времени»²⁷. И хотя в Кузнецком уезде происходило активное пополнение коммунистических рядов, среди коммунистов было довольно много случайных лиц. Опытных же партийных работников, которые сумели бы должным образом организовать работу партийного органа, в уезде не имелось [Ермолаев и др. 2021: 42, 44].

Подобные явления наблюдались в Щегловском и Мариинском уездах. К примеру, в сводке отдела управления Щегловского уездного исполкома о положении в уезде в период с мая по июнь 1920 г. прямо говорилось о том, что «состояние партии, за отсутствием опытных и с должным стажем работников, нельзя назвать хорошим»²⁸. Спустя некоторое время кадровый голод подтвердил в своем докладе представитель Сиббюро ЦК РКП(б) И. С. Дмитриев. Обследовав Щегловский уезд, он констатировал «отсутствие живой инструкторской силы», не позволявшее осуществлять политическое воспитание и просвещение членов сельских ячеек²⁹. На неудовлетворительный характер инструкторской работы в связи с недостатком партийных кадров обращалось внимание в Мариинском уезде³⁰.

Наиболее остро кадровый дефицит ощущался в самой отдаленной от губернского центра местности – Нарымском крае. Во многом из-за отсутствия партийных сил в уезде длительное время не удавалось сформировать большевистскую партийную организацию. Как отмечает Л. В. Мезенцева, «при разбросанности населенных пунктов в 500–700 верст от Нарыма не было ни одного инструктора» [Мезенцева 1984: 44]. Даже после проведения в Нарыме первой партконференции в материалах, собранных Сиббюро ЦК РКП(б) по Нарымскому району, констатировалось отсутствие технических и агитаторских

²² В силу особого географического расположения Нарымского края образовавшиеся там партийные и советские органы именовались *районными*, но действовали на правах уездных.

²³ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 318. Л. 76.

²⁴ Известия Сибирского бюро ЦК РКП. 25.03.2021. № 25. С. 4.

²⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 359. Л. 173.

²⁶ Красное знамя. 25.03.1920. № 73. С. 2.

²⁷ Сибирское бюро ЦК РКП(б)... С. 256.

²⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 10. Л. 86.

²⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315. Л. 139 об.

³⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337. Л. 85–85 об.

работников, которое «не дает возможности развернуться работе и вполне оздоровить организацию»³¹.

Проблема обеспечения партийных органов кадрами стала предметом обсуждения на специальном совещании Томского губбюро с представителями местных парторганизаций в июне 1920 г. Сообщая об основных задачах партии в организационном вопросе, заместитель председателя губбюро Д. И. Розенберг потребовал максимально экономно использовать партийных работников, рационально подходить к перемещениям их с одной должностной позиции на другую, наладить систему количественного и качественного учета всех партийных сил [Куренков 2013: 86]. В середине месяца высшей партийной инстанцией губернии было принято решение перебросить некоторое количество томских коммунистов в уезды в целях укрепления уездных парторганизаций³². В самом же губернском центре в интересах экономии партрботников решено было упразднить городской партийный комитет, а его функции передать созданному при губбюро отделу по работе в городе³³. Однако существенных изменений в деле обеспечения местных партийных структур достаточным количеством кадров добиться все же не удалось. Недостаток партийных функционеров являлся, на наш взгляд, одной из причин отсутствия в уездных центрах, за исключением Новониколаевска и Томска, городских партийных комитетов. Партийная работа в городском масштабе осуществлялась силами уездных парткомов.

Как показывают источники, основную долю ответственных работников укомов составляли коммунисты, возраст которых не превышал 35 лет. По своему социальному происхождению они являлись в основном выходцами из среды рабочих и служащих, хотя встречались среди них и представители интеллигенции³⁴. Невысоким был образовательный уровень партийных функционеров. К примеру, председатель Кузнецкого уездного комитета РКП(б) Ф. А. Комаров имел за плечами лишь начальное училище, а два члена того же комитета – К. Г. Беляев и Ф. Е. Ефимов –

не имели образования вовсе. Низшим было образование членов Каинского оргбюро М. М. Фуксова, Новониколаевского горуездного комитета Т. А. Акатьева, Щегловского партийного бюро В. В. Гульбе и П. Н. Старостина³⁵. Не могли партийные функционеры уездного звена похвастаться и сколько-нибудь значительным партийным стажем. В подавляющем количестве случаев их вступление в большевистскую партию состоялось в 1917 г. и позже. К партийным же работникам, имевшим солидный дореволюционный стаж, можно отнести Г. А. Погодичева, М. М. Фуксова, В. Д. Вегмана, Л. Б. Суницу, К. А. Озола. В ряды большевиков они вступили в период 1903–1905 гг.³⁶ [Косых 2004: 47; Морозова 2015: 117].

Образование районных, волостных органов РКП(б) и партийных ячеек

Параллельно с образованием уездных органов РКП(б) на территории Томской губернии создавались районные комитеты партии. Первыми органами подобного рода стали городские райкомы, возникшие в Новониколаевске. Так, 15 декабря, на следующий день после освобождения Новониколаевска от белых, состоялось собрание коммунистов Вокзального района города, на котором был избран Вокзальный районный комитет РКП(б) во главе с А. А. Поваренковым. Позднее образовались комитеты Центрального, Закаменского и Ипподромского районов. В их состав входили, как правило, пять человек³⁷ [Кокоулин 2022: 146].

В середине февраля 1920 г. на заседании Томского губбюро РКП(б) был поставлен вопрос об образовании районов в уездах губернии. По поручению губернского партийного органа началась подготовительная работа в этом направлении³⁸. В апреле появилось Положение о районных партийных организациях Томской губернии, предусматривавшее создание районных бюро³⁹ в составе четырех человек для осуществления партийного руководства⁴⁰.

Летом 1920 г. проблема районирования стала предметом специального обсуждения в ходе работы

³¹ Известия Сибирского бюро ЦК РКП. 25.03.2021. № 25. С. 4.

³² ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 43.

³³ Там же. Л. 52 об.–53.

³⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 687. Л. 9, 13, 18, 23, 28, 33, 35–37, 42–43, 49–49 об., 50.

³⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 687. Л. 13, 33 об., 42, 49; ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 814. Л. 67.

³⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 687. Л. 106, 109; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 884. Л. 31–31 об.

³⁷ Хроника Новосибирской организации КПСС... С. 114, 116, 122–125.

³⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 12 об.

³⁹ В дальнейшем они стали именоваться районными комитетами РКП(б) (райкомами).

⁴⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322 Л. 19.

Первой губернской партийной конференции. Принимая во внимание экономические условия, сложившиеся в Томской губернии, делегаты приняли резолюцию о выделении ряда районных единиц с непосредственным подчинением их губкому. Таковыми стали Анжеро-Судженский, Кольчугинский, Тайгинский, Боготольский и Нарымский районы. Кроме того, конференция поручила губкому РКП(б) рассмотреть возможность организации районов в таких центрах, как Яшкино, Болотное, Колывань, северная группа рудников Щегловского уезда⁴¹.

Основываясь на решениях конференции, Томский губернский комитет РКП(б) в августе 1920 г. установил типы районных комитетов губернии (табл. 1⁴²).

Важно отметить, что большинство парткомов, отнесенных к первому и второму типам, были образованы еще в первой половине 1920 г. на общих собраниях местных коммунистов. Статус же партийных органов районного уровня они получили летом 1920 г. Тогда же началось формирование сельских райкомов. Однако данный процесс существенно осложнялся недостатком подготовленных работников и весьма скудным финансовым обеспечением. В октябре 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) подвергло райкомы села достаточно жесткой критике, назвав их «повисшими в воздухе». Учитывая это, Томский губком в начале 1921 г. принял решение упразднить сельские райкомы с передачей партийной работы районным инструкторским пунктам в составе трех человек [Гузаров 2007а: 311–312].

В январе 1921 г. районное партийное управление было установлено в масштабах самого губернского города. Томск разделялся на три района во главе с райкомами. Координация деятельности райкомов осуществлялась специально созданным при губкоме секретариатом из трех человек. Общее же партийное руководство городом оставалось в руках губернского партийного комитета [Там же: 314].

Нижестоящими по отношению к уездным и районным комитетам РКП(б) органами являлись волостные партийные комитеты. Их образование диктовалось возникновением на территории губернии сельских партийных ячеек. Руководство ячейками составляло одну из главных функций волкомов.

Анализ источников позволяет утверждать, что создание волкомов в Томской губернии началось во второй половине 1920 г. и продолжалось в течение 1921 г. Образовывались волкомы путем избрания на волостных партийных конференциях либо съездах. К примеру, в конце ноября 1920 г. состоялась конференция коммунистических ячеек Спасской волости Томского уезда. На ней присутствовало 14 членов и 16 кандидатов в члены РКП(б). Обсудив ряд текущих вопросов, делегаты конференции избрали волостной партийный комитет в составе П. Е. Кустова, Е. А. Чертенкова и П. А. Неверова⁴³. 19 декабря 1920 г. партийный съезд провели крестьяне Кондомской волости Кузнецкого уезда. Всего в работе съезда участвовало 18 человек. После выступления инструктора уездного комитета Фирсова, заявившего о важности поддержания связи между всеми комячейками,

Табл. 1. Районные комитеты РКП(б) на территории Томской губернии

Tab. 1. District committees of the Russian Communist Party of Bolsheviks in the Tomsk Province

Тип райкома	Местности, в которых создавались райкомы	Количество членов райкома
Районный комитет с правами горuezдных	Анжеро-Судженский, Тайгинский, Кольчугинский, Боготольский, Нарымский районы	5
Районный комитет фабрично-заводского типа с подчинением горuezдному	Болотнинский, Колыванский районы, Северная группа рудников	3
Районный комитет городского типа без обслуживания окрестных волостей	Города Томск, Новониколаевск, Барабинск	3
Районный комитет сельского типа с обслуживанием окрестных волостей	Сельские районы в составе уезда	3

⁴¹ Известия Томского губернского комитета РКП. Январь 1921 г. № 1. С. 36.

⁴² Сост. по: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 51 об.

⁴³ ЦДНИ ТО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

был избран волком, в который вошли Я. Злобин, И. Шмаков, П. Патрин⁴⁴. В начале марта 1921 г. по инициативе Новониколаевского горюездного комитета РКП(б) была созвана партийная конференция Шегарской волости Новониколаевского уезда. В ее работе участвовали 27 человек. Участников напутствовал представитель горюездкома Бреев, обративший внимание делегатов на необходимость иметь крепкий состав волостного комитета, способный «поднять» организационную и партийную работу в своей волости. По итогам голосования был избран волостной партийный комитет в составе Я. Е. Манюнина и А. Н. Сутыгина⁴⁵.

В местностях, где в силу разных обстоятельств не удавалось сразу провести партийные конференции или съезды, временно по решению вышестоящих партийных органов создавались волостные партийные бюро. В качестве примера обратимся к деятельности Кольчугинского райкома РКП(б). Основные шаги по формированию органов партии волостного звена райком предпринял осенью 1921 г. Целый ряд партийных работников, снабженных необходимыми инструкциями и руководящими материалами, отбыл на места. При их активном содействии в первой половине сентября возникли Караканский, Урско-Бедаревский, Николаевский, Кольчугинский волпарткомы. В то же самое время в такие волости, как Карачумышская, Усть-Катская, Бачатская, Телеутская, Салаирская, был направлен специальный уполномоченный организационно-инструкторского отдела райкома, создавший волостные бюро РКП(б) во главе с секретарями. Итоги проделанной работы были подведены на состоявшемся 28–29 сентября съезде секретарей и делопроизводителей волостных комитетов. Заслушав доклады с мест, сотрудники райкома большое внимание уделили инструктированию представителей волпарткомов с целью грамотного выполнения последними своих функций⁴⁶.

Фактором, отрицательно сказывавшемся на становлении и упрочении волостных парткомов, являлся, как и в случае с органами уездного и районного масштабов, дефицит кадров. Применительно

к волкомам ситуация усугублялась еще и тем обстоятельством, что должности волостного масштаба, как правильно отмечает В. Н. Гузаров, оказывались для функционеров менее предпочтительными [Гузаров 2007а: 337]. В докладе организатора по работе в деревне Новониколаевского горюездкома РКП(б) недвусмысленно говорилось о нехватке работников в волпарткомах, являвшейся «тормозом» в работе⁴⁷. А в материалах, поступавших из Щегловского уезда, откровенно заявлялось о том, что «волкомы с возложенной на них работой не справляются, не имея для нее соответствующих работников»⁴⁸. Не способствовало укреплению волостных партийных органов и весьма скудное их материальное обеспечение.

Низшим звеном в иерархии партийных органов губернии являлись ячейки РКП(б). Они создавались на производстве, транспорте, в советских органах, воинских частях, в сельской местности [Морозова, Шишкин 2020: 907]. Учитывая преимущественно крестьянский состав населения Томской губернии, большевистские руководители особое значение придавали образованию партийных ячеек в деревне. Последние должны были обеспечивать связь крестьянского населения с Коммунистической партией. Как свидетельствуют источники, возникновение ячеек после освобождения Томской земли от белогвардейских войск в заметном количестве случаев носило стихийный характер. Это было обусловлено высоким революционным энтузиазмом рабочих и крестьян, возникшим в связи с разгромом колчаковщины. В первой половине декабря 1919 г. ячейки сочувствующих РКП(б) появились в ряде сел Каинского уезда⁴⁹. Образование ячеек по воле самого крестьянского населения имело широкое распространение в Кузнецком уезде⁵⁰. В докладе отдела по работе в деревне Мариинского уездного комитета партии говорилось о том, что «значительная часть комячеек в селах и деревнях создавалась стихийно-самостоятельно без участия инструкторов» [Гущин и др. 1978: 140]. В дальнейшем, после обследования вышестоящими партийными органами, стихийно возникшие ячейки либо продолжали функционировать в неизменном виде,

⁴⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 325. Л. 250–252.

⁴⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об., 13–13 об.

⁴⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375. Л. 307.

⁴⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 120.

⁴⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 10ж.

⁴⁹ Хроника Новосибирской организации КПСС... С. 110–111.

⁵⁰ Знамя революции. 17.06.1920. № 121. С. 3.

либо претерпевали изменения в своем составе по причине обнаружения в них зажиточных и прочих отрицательных «элементов»⁵¹.

Активное участие в создании партийных ячеек в сельской местности принимали армейские политработники. В структуре политотдела 5-й Красной армии был образован специальный крестьянский подотдел, в задачи которого входили изучение политических настроений в деревне, агитационная и культурно-просветительская работа, формирование партийных органов в крестьянской среде. В политотделах дивизий подобную работу проводили крестьянские секции. Так, в начале января 1920 г. в селе Спасское Каинского уезда инструктором-организатором крестьянского подотдела армии Гжаматулиным совместно с представителем партийной организации 268-го полка Чизовым была организована ячейка сочувствующих РКП(б). В середине месяца в Красноярской волости того же уезда партийные ячейки создал инструктор-организатор политотдела 51-й дивизии Марков [Шуклецов 1981: 224, 227–228]. Существенную роль армейские политработники сыграли в создании низовых партийных структур на территории Щегловского уезда [Ермолаев и др. 2021: 44–45].

Еще одним способом создания партийных ячеек в деревне являлось командирование туда инструкторов-организаторов вышестоящих партийных инстанций. В их обязанности входило выяснение социально-политической обстановки на местах, проведение среди крестьян разъяснительной работы, организация партийных структур. К примеру, в марте 1920 г. по инициативе инструктора Томского губкома РКП(б) В. И. Летунова состоялось общее собрание крестьян села Варюхино Варюхинской волости Томского уезда. Сделав доклад о настойчивой борьбе пролетариата с буржуазией как в России, так и во всем мире, В. И. Летунов обратился к участникам собрания с призывом записываться в ячейку. В итоге была оформлена Варюхинская партийная ячейка в составе восьми человек⁵². В мае 1920 г. в Барзасской волости Щегловского уезда работал инструктор губкома М. Соловьев. Обследовав волость, он констатировал факт положительного отношения населения к Коммунистической партии, однако обратил

внимание на неудовлетворительный уровень партийной работы. Проведя ряд агитационных мероприятий, М. Соловьев организовал в волости две партийные ячейки. Кроме того, представитель губкома способствовал обеспечению населения волости газетами и другим печатным материалом⁵³.

К концу 1920 г. партийное руководство губернии разработало единый порядок организации ячеек. Он был закреплён в изданном в январе 1921 г. Томским губкомом РКП(б) специальном Положении. Согласно документу, для образования партийной ячейки по инициативе одного из членов Коммунистической партии и с согласия районного комитета созывалось организационное собрание. На него приглашались все члены и кандидаты в члены партии, закреплённые за конкретным предприятием, учреждением, проживавшие в конкретной местности. На собрании разъяснялись цель и значение ячейки, происходило знакомство с партийным уставом, избиралось временное бюро ячейки. Бюро, проверив партийную принадлежность присутствовавших, составляло протокол собрания с приложением анкетных листов, заполненных вступающими в партию. Затем документы передавались в районный комитет, который принимал решение об утверждении ячейки. После этого временное бюро созывало новое общее собрание, на котором избиралось бюро ячейки сроком на три месяца. На этом же собрании определялось и количество членов бюро⁵⁴.

К началу февраля 1921 г. в Томской губернии функционировали 1624 партийные ячейки (табл. 2⁵⁵).

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что в конце 1919 – 1921 г. на территории Томской губернии была образована целостная система местных органов РКП(б). После освобождения уездных городов от белогвардейцев выходившие из подполья большевики, а также представители воинских частей организовывали в городах общие собрания коммунистов, на которых избирались партийные бюро либо комитеты. Их функционирование носило временный характер и продолжалось до проведения уездных партийных конференций, избравших

⁵¹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375. Л. 116, 117.

⁵² ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315. Л. 32–32 об.

⁵³ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 38–38 об.

⁵⁴ Известия Томского губернского комитета РКП. Январь 1921 г. № 1. С. 25.

⁵⁵ Сост. по: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 988. Л. 3.

Табл. 2. Количественный состав партийных ячеек Томской губернии по состоянию на 1 февраля 1921 г.
Tab. 2. Quantitative analysis of party cells in the Tomsk Province on February 1, 1921

Местность	В городе	В уезде / районе / крае	Всего
Томский уезд	113	192	305
Новониколаевский уезд	128	426	554
Каинский уезд	44	145	189
Мариинский уезд	18	73	91
Кузнецкий уезд	17	81	98
Щегловский уезд	20	173	193
Тайгинский район	17	31	48
Анжеро-Судженский район	30	19	49
Боготольский район	15	18	33
Кольчугинский район	13	35	48
Нарымский край	–	16	16
Итого	415	1209	1624

в соответствии с Уставом РКП(б) уездные комитеты партии. Активную роль в формировании укомов играл Томский губернский партийный комитет. Губернские партийные руководители стремились провести в состав уездных комитетов своих кандидатов и заполучить таким образом лояльный им парторган уездного звена.

Одновременно с созданием укомов в губернии на основе выборов происходило образование районных комитетов РКП(б). Часть из них имели права уездных парткомов и подчинялись непосредственно губкому, часть – являлись органами фабрично-заводского типа с подчинением укомам. Также были образованы городские и сельские райкомы. Однако последние просуществовали крайне непродолжительное время, уступив решением губкома свои функции районным инструкторским пунктам.

На следующем после укомов и райкомов уровне иерархии находились волостные комитеты РКП(б). Они формировались на волостных партийных конференциях и съездах. Но имело место и назначение волостных органов вышестоящими партийными структурами. В данном случае они именовались волостными бюро и действовали до проведения выборов.

Последним звеном системы парторганов являлись партийные ячейки. Они образовывались на собраниях членов и кандидатов в члены партии в пределах конкретных предприятий, учреждений, воинских частей, сел и утверждались районными партийными комитетами. В сельской местности процесс формирования ячеек был наиболее сложным и включал в себя как стихийный элемент, когда ячейки создавались силами самих крестьян, так и участие армейских коммунистов-политработников и инструкторов-организаторов вышестоящих партийных инстанций.

Негативным образом на становлении местных органов РКП(б) на территории губернии сказывалась нехватка партийных работников. Не будет преувеличением сказать, что практически каждая парторганизация в той или иной степени сталкивалась с подобного рода проблемой. Дефицит кадров, невысокий уровень их образования, малый партийный стаж вкупе с неудовлетворительным материальным обеспечением парторганов ослабляли политическое влияние на подчиненные партийные структуры, создавали препятствия для осуществления коммунистического воспитания и просвещения масс.

Районирование Томской губернии, начавшееся в период складывания на ее территории партийных организаций, обусловило упразднение в будущем уездных и волостных комитетов РКП(б). Основными органами партийного управления станут районные комитеты партии.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Балибалов И. А. Кемерово вчера, сегодня, завтра. Кемерово: Кн. изд-во, 1976. 180 с. [Balibalov I. A. *Kemerovo yesterday, today, and tomorrow*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1976, 180. (In Russ.)]
- Гузаров В. Н. Партийные и советские руководители Томской губернии (1920–1923 гг.). *Известия Томского политехнического университета*. 2012а. Т. 321. № 6. С. 234–239. [Guzarov V. N. Party and government leaders of Tomsk province (1920–1923). *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2012a, 321(6): 234–239. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvifaz>
- Гузаров В. Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917–1925 гг. Томск: ТГУ, 2007а. 390 с. [Guzarov V. N. *The party apparatus of the Russian Communist Party of Bolsheviks, 1917–1925*. Tomsk: TSU, 2007a, 390. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvmdex>
- Гузаров В. Н. Политические технологии ЦК РКП(б) руководства провинцией в 1920–1925 гг. (на материалах Томской губернии). *Тоталитаризм и тоталитарное сознание: 14-я городская ежегодная науч.-практ. конф.* (Томск, 7 апреля 2012 г.) Томск: КИТ, 2012b. Вып. 10. С. 141–151. [Guzarov V. N. Political technologies of the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks of the province leadership in 1920–1925 in the Tomsk Province. *Totalitarianism and totalitarian mentality: Proc. 14th city annual Sci.-Prac. Conf.*, Tomsk, 7 Apr 2012. Tomsk: KIT, 2012b, iss. 10, 141–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tfvsyr>
- Гузаров В. Н. Структура и штаты губернских комитетов РКП(б) в 1920–1925 гг. *Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Всерос. науч. конф.* (Томск, 19–21 октября 2005 г.) Томск: ТГУ, 2007b. С. 213–219. [Guzarov V. N. The structure and staffing of the provincial committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks in 1920–1925. *Siberian society in the period of social transformation of the XX century: Proc. All-Russian Sci. Conf.*, Tomsk, 19–21 Oct 2005. Tomsk: TSU, 2007b, 213–219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgavct>
- Гузаров В. Н. Томский губернский комитет Российской коммунистической партии большевиков (1920–1925 гг.). *Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска)*, науч. ред. В. П. Зиновьев, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк. Томск: ТГУ, 2005. С. 140–143. [Guzarov V. N. Tomsk Provincial Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks (1920–1925). *The fate of the regional center in Russia: 400th anniversary of Tomsk*, eds. Zinoviev V. P., Fominykh S. F., Chernyak E. I. Tomsk: TSU, 2005, 140–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trxosd>
- Гузаров В. Н. Уездные комитеты Российской коммунистической партии: 1920–1925 гг. (на материалах Сибири). *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 316. С. 74–79. [Guzarov V. N. The Uyezd Committees of the Russian Communist Party. 1920–1925 (by the historical sources of Siberia). *Tomsk State University Journal*, 2008, (316): 74–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvoxst>
- Гущин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1978. 427 с. [Gushchin N. Ya., Zhurov Yu. V., Bozhenko L. I. *The union of the working class and peasantry of Siberia in building socialism (1917–1937)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1978, 427. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ualout>
- Дмитриев Ф. М. Зарождение Кемеровской партийной организации и ее деятельность в 1917–1920 гг. *К истории партийных организаций Кузбасса: доклады и сообщения к научной конференции*, ред. кол.: В. А. Кадейкин и др. Кемерово, 1962. Вып. 1. С. 19–23. [Dmitriev F. M. The origin of the Kemerovo party organization and its activities in 1917–1920. *History of party organizations in Kuzbass: scientific conference proceedings*, ed. board: Kadeikin V. A. et al. Kemerovo, 1962, iss. 1, 19–23. (In Russ.)]
- Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: ТГУ, 2000. 280 с. [Dmitrienko N. M. *The Siberian city of Tomsk in the XIX – early XX century: Management, economics, and population*. Tomsk: TSU, 2000, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syqacj>
- Ермолаев А. Н., Карпинец А. Ю., Морозов Н. М., Усков И. Ю. История Кузбасса. Т. 2. Кн. 2. Кузнецкий край на переломе эпох в 1890-х – начале 1940-х годов. Кемерово: Кузбасская медиагруппа; ArtAvis, 2021. 380 с. [Ermolaev A. N., Karpinets A. Yu., Morozov N. M., Uskov I. Yu. *History of Kuzbass. Vol. 2. Book 2. The Kuznetsk Territory at the tipping point of the eras in 1890s – early 1940s*. Kemerovo: Kuzbasskaia mediagruppa; ArtAvis, 2021, 380. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nqoxim>

- Кан Г. И. Томский губернский комитет РКП(б). *Энциклопедия Томской области. Т. 1: А–М*, науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: ТГУ, 2008. С. 178. [Kan G. I. Tomsk Provincial Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks. *Encyclopedia of Tomsk region. Vol. 1. A–M*, ed. Dmitrienko N. M. Tomsk: TSU, 2008, 178. (In Russ.)]
- Кокоулин В. Г. Партийная организация Новониколаевска-Новосибирска в годы новой экономической политики. *Сибирский архив*. 2022. № 1. С. 145–168. [Kokoulin V. G. Party organization of Novonikolaevsk-Novosibirsk in the years of the new economic policy. *Sibirskii arhiv*, 2022, (1): 145–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/asizvi>
- Косых Е. Н. Вегман Вениамин Давидович. *Томск от А до Я: краткая энциклопедия города*, ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: НТЛ, 2004. С. 47. [Kosykh E. N. Veniamin D. Vegman. *Tomsk from A to Z: A brief encyclopedia of the city*, ed. Dmitrienko N. M. Tomsk: NTL, 2004, 47. (In Russ.)]
- Куренков А. В. Томская губернская организация РКП(б) в конце 1919 – июле 1920 г. *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 375. С. 85–87. [Kurenkov A. V. Tomsk provincial organization of the Russian Communist Party of Bolsheviks at the end of 1919 – July 1920. *Tomsk State University Journal*, 2013, (375): 85–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfusib>
- Куренков А. В. Томский губернский комитет РКП(б) (1920–1925 гг.). *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 406. С. 113–120. [Kurenkov A. V. Tomsk Provincial Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks (1920–1925). *Tomsk State University Journal*, 2016, (406): 113–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/406/18>
- Ларьков Н. С. Декабрьские события 1919 г. в Томске. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011. № 3. С. 46–56. [Larkov N. S. The events of December 1919 in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2011, (3): 46–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/occulz>
- Ларьков Н. С. Томская губернская партийная организация на заключительном этапе Гражданской войны (декабрь 1919 – 1920 гг.). *Томская областная партийная организация – боевой отряд КПСС*, ред. М. С. Кузнецов. Томск: ТГУ, 1985. С. 30–34. [Larkov N. S. Tomsk provincial Party organization at the final stage of the Civil war (December 1919 – 1920). *Tomsk regional Party organization as a combat unit of the Communist Party of the Soviet Union*, ed. Kuznetsov M. S. Tomsk: TSU, 1985, 30–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhjspt>
- Лыкова А. А. К вопросу о кузнецком восстании 1919 года. *Кузнецкая старина*, ред. Ю. В. Ширин. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. Вып. 6. С. 128–140. [Lykova A. A. The Kuznetsk uprising of 1919. *Kuznetsk history*, ed. Shirin Yu. V. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost, 2004, iss. 6, 128–140. (In Russ.)]
- Мезенцева Л. В. Нарым. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 88 с. [Mezentseva L. V. *Narym*. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1984, 88. (In Russ.)]
- Морозова Т. И. Политические представления коммунистов Сибири о демократизации РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е годы. *Власть и общество в Сибири в XX веке*, отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 106–132. [Morozova T. I. Political perceptions of Siberian communists about democratization in RCP(b) – AUCP(b) in 1920s. *Power and society in Siberia in the 20th century*, ed. Shishkin V. I. Novosibirsk: Parallel, 2015, iss. 6, 106–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuzmj d>
- Морозова Т. И., Шишкин В. И. Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики. *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 4. С. 902–932. [Morozova T. I., Shishkin V. I. Communist Party of Bolsheviks as a Soviet social elevator in the context of the New Economic Policy. *Modern History of Russia*, 2020, 10(4): 902–932. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.406>
- Очерки истории партийной организации Кузбасса, отв. ред. П. К. Редькин. Кемерово: Кн. изд-во, 1973. Ч. 1–2. 336 с. [Essays on the history of the party organization in Kuzbass, ed. Redkin P. K. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1973, pts. 1–2, 336. (In Russ.)]
- Папков С. А. Становление Новониколаевска / Новосибирска как столицы Сибири в начале 1920-х гг. *Омский научный вестник. Серия: общество, история, современность*. 2024. Т. 9. № 2. С. 14–21. [Papkov S. A. Transforming Novosibirsk into the capital of Siberia in the early 1920s. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2024, 9(2): 14–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-2-14-21>
- Сыроваткин А. Н. Новокузнецк. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. 123 с. [Syrovatkin A. N. *Novokuznetsk*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1967, 123. (In Russ.)]
- Томская область: исторический очерк, отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: ТГУ, 1994. 656 с. [Tomsk Region: A historical review, ed. Zinoviev V. P. Tomsk: TSU, 1994, 656. (In Russ.)]

- Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. 351 с. [Uskov I. Yu. *Kemerovo: City birth*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qptotl>
- Усков И. Ю., Пьянов А. Е. Партизанское движение в Кузбассе в годы гражданской войны 1917–1919 годов. *Научный диалог*. 2020. № 3. С. 423–438. [Uskov I. Yu., Pyanov A. E. Partisan movement in Kuzbass during the Civil war of 1917–1919. *Nauchnyi Dialog*, 2020, (3): 423–438. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-423-438>
- Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: Драма Верховного правителя. М.: АФК «Система»; РОССПЭН, 2022. 526 с. [Handorin V. G. *Admiral Kolchak: Drama of the Supreme Ruler*. Moscow: AFK "Sistema"; ROSSPEN, 2022, 526. (In Russ.)]
- Шиловский М. В. Новониколаевск осенью-зимой 1919 года. *Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.)*: Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Новосибирск, 18–20 ноября 2019 г.) Новосибирск: СО РАН, 2019. С. 233–242. [Shilovskiy M. V. Novonikolaevsk in the autumn and winter of 1919. *Civil war in eastern Russia (November 1917 – December 1922)*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Novosibirsk, 18–20 Nov 2019. Novosibirsk: SB RAS, 2019, 233–242. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/978-5-7692-1664-0-233-242>
- Шуклетцов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и Гражданской войны. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 269 с. [Shukletsov V. T. *Siberians in the struggle for the Soviet power: Party activity in the peasant population of Western Siberia during the Revolution and Civil war*. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1981, 269. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bnwauh>

Смерть И. В. Сталина в восприятии советских граждан (по материалам Кемеровской области)

Морозов Дмитрий Сергеевич

Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 5725-1153

dimamorozo@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению реакции населения Кемеровской области на смерть И. В. Сталина, проявляемой в ходе проведения траурных мероприятий, связанных со смертью вождя, и являвшейся проекцией советского мифа. Цель – определить содержание ключевых вербальных и невербальных форм реакции советских граждан на смерть И. В. Сталина, выявить основные мыслительные конструкции и шаблоны, используемые ими для описания своего психоэмоционального и когнитивного состояния после получения известия о смерти вождя. В результате применения методов контент-анализа и дискурсивного анализа к изучению содержания отчетов и информационных сводок о проведении этих мероприятий в Кемеровской области установлены следующие основные вербальные проявления реакции населения: осознание смерти И. В. Сталина как «общей утраты» и глубоко переживаемого «личного горя»; восприятие образа И. В. Сталина как «отеческой» фигуры, олицетворяющей патерналистское отношение советского государства к гражданам; установление связи образа И. В. Сталина с ключевыми достижениями советской страны; идея о необходимости усиления мобилизационно-производственной и политической активности граждан, сплочения вокруг действующей власти; тезис о бессмертии И. В. Сталина и созданной им системы, олицетворяющей собой достижения советского строя, «вечном значении» его идей и заветов. Невербальные реакции представлены действиями, отражающими усиление мобилизационно-политической и производственной активности населения, направленными на консолидацию вокруг существующих партийно-государственных институтов. В целом восприятие населением смерти вождя может быть сведено к воспроизведению определенных реакций, отражающих основные идеологемы советского мифа.

Ключевые слова: сталинизм, смерть И. В. Сталина, идеология, пропаганда, массовое сознание, общественные настроения, Кемеровская область

Цитирование: Морозов Д. С. Смерть И. В. Сталина в восприятии советских граждан (по материалам Кемеровской области). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 1016–1025. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1016-1025>

Поступила в редакцию 08.10.2024. Принята после рецензирования 05.12.2024. Принята в печать 05.12.2024.

full article

Joseph Stalin's Death as Perceived by Soviet Citizens: Materials from the Kemerovo Region

Dmitry S. Morozov

Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul

Altai State University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 5725-1153

dimamorozo@mail.ru

Abstract: The article describes the way the population of the Kemerovo Region responded to the death of Joseph Stalin at mourning events as a projection of the Soviet myth. The author studied verbal and non-verbal reactions to identify the main concepts and patterns used by the local people to describe their psycho-emotional and mental

state after receiving the news of Stalin's death. The content and discourse analyses revealed the following verbal reactions: "shared loss" and "personal grief"; Stalin as a father figure, personifying the paternalistic attitude of the Soviet state towards its citizens; a connection between Stalin and the achievements of the entire country; appeals to citizens to strengthen production and political activity, to support the government; "immortality" of Stalin, his system, and Soviet achievements, and the "eternal significance" of his ideas. The non-verbal reactions included a total mobilization of political and production activities to consolidate people around the party and state institutions. In general, people's response to Stalin's death could be reduced to a reproduction of certain patterns that reflected the main ideologemes of the Soviet myth.

Keywords: Stalinism, death of Joseph Stalin, ideology, propaganda, mass consciousness, public sentiment, Kemerovo Region

Citation: Morozov D. S. Joseph Stalin's Death as Perceived by Soviet Citizens: Materials from the Kemerovo Region. *SibScript*, 2024, 26(6): 1016–1025. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1016-1025>

Received 8 Oct 2024. Accepted after peer review 5 Dec 2024. Accepted for publication 5 Dec 2024.

Введение

В политической системе, сложившейся в СССР в период правления И. В. Сталина воплощающей в себе основные характерные черты и ключевые особенности тоталитарного политического режима, важную роль играл идеолого-пропагандистский компонент. Основой последнего являлся советский миф, включающий ряд стереотипных идеологических конструкций и клише, призванных обеспечить внедрение в сознание советских граждан представлений о прогрессивном характере социалистической системы и преимуществах социалистического строя перед капиталистическим, сформировать преданность действующей власти, персонифицированной и воплощенной в фигуре И. В. Сталина, во многом архетипичной и совмещающей в себе образы вождя, отца и учителя. Наиболее распространенной формой внедрения советского политического мифа в массовое сознание советских граждан стали централизованно осуществляющиеся идеолого-пропагандистские кампании, реализующиеся вплоть до смерти вождя в марте 1953 г.

Рассмотрение реакции советских граждан на известие о смерти И. В. Сталина представляется весьма важным в контексте изучения как сталинской политической системы в целом, так и отдельных, реализуемых в ее рамках политико-идеологических кампаний, а также особенностей массового сознания советского общества. Анализ восприятия советскими гражданами смерти И. В. Сталина позволит оценить эффективность созданной им политической системы, определить уровень политической лояльности населения страны. Рассмотрение данного аспекта советской социально-политической истории

1950-х гг. может представлять интерес в контексте «транзита власти», происходившего после смерти И. В. Сталина: для его преемников важно было обеспечить массовую легитимацию своей власти, добиться положительного восприятия собственного образа в массовом сознании.

Феномену советского массового сознания и различным его аспектам посвящены работы, в которых рассматриваются основные этапы и механизмы социального конструирования «советского» человека, анализируются основные психоэмоциональные составляющие массового сознания в советском обществе, выявляются способы воздействия властных структур на умонастроение и поведение граждан [Вдовин, Дробижев 1971; Геллер 1994; Гуревич 1964; Кузнецов 1995; 1996; Никифоров 2002; Поршневу 1966; Шаранов 1975].

Различным формам и особенностям проявления политической лояльности либо инакомыслия, исходящим от различных социальных групп советского общества, в своих работах уделяют внимание западные исследователи, в частности, признанный классик западной советологии, последователь «ревизионистской школы» Ш. Фицпатрик, автор книги «Социальная история Советской России в 30-е годы» [Фицпатрик 2001; 2008]; автор монографии «Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941» С. Дэвис [Дэвис 2011]. Из отечественных исследователей, занимающихся данной проблемой, следует упомянуть Е. Ю. Зубкову [Зубкова 1993; 2000].

Из работ, посвященных реконструкции психоэмоциональной реакции советских граждан на смерть И. В. Сталина, следует отметить статью А. И. Лушина,

исследующего указанный процесс в общесоюзном масштабе [Лушин 2022]; работу белорусского исследователя В. Л. Короля, посвященную реакции на события 5 марта 1953 г. жителей БССР [Король 2021]. Общественные настроения в Москве и Ленинграде, связанные со смертью И. В. Сталина, в начале марта 1953 г. анализирует Ю. З. Кантор [Кантор 2024]. Отклики населения Мордовии на смерть вождя рассматривают Т. М. Гусева и Т. Ю. Задкова [Гусева, Задкова 2023]. На материалах источников личного происхождения – дневников советской молодежи – рассматривает реакцию на смерть И. В. Сталина А. Н. Кабацков [Кабацков 2023]. Из работ зарубежных авторов на эту тему следует отметить исследование Джошуа Рубинштейна «Последние дни Сталина». Помимо анализа ситуации в СССР и в мире на протяжении нескольких месяцев до и после смерти И. В. Сталина, автор уделяет отдельное внимание рассмотрению реакции на смерть вождя различных слоев населения СССР – от «властителей дум», творческой и научно-технической интеллигенции до простых советских граждан [Рубинштейн 2024].

Единственной специальной работой, посвященной анализу восприятия советскими гражданами смерти И. В. Сталина, написанной на материалах сибирских регионов, является статья О. В. Филиппенко, в которой рассматривается протестная реакция на смерть советского вождя спецпоселенцев Томской области [Филиппенко 2021]. Отдельные сведения о реакции на смерть И. В. Сталина жителей Кузбасса можно обнаружить в работах [Генина, Колязимова 2014; Колязимова 2014]. В контексте изучения более широкой проблемы трансформации массового политического сознания и общественных настроений рассматривает отдельные проявления реакции жителей Сибири на смерть вождя М. С. Петренко [Петренко 1996: 53–58; 2014].

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе изучения материалов, характеризующих восприятие смерти И. В. Сталина населением Кемеровской области, определить содержание ключевых вербальных и невербальных форм реакции советских граждан на смерть И. В. Сталина, выявить основные мыслительные конструкции и шаблоны, используемые ими для описания своего психоэмоционального и когнитивного состояния после получения известия о смерти вождя. Новизна исследования состоит в использовании для достижения поставленной цели методов контент-анализа и дискурс-анализа, позволивших осуществить переход

от нарративно-описательной модели представления ключевых реакций населения на смерть И. В. Сталина к углубленному (в том числе и количественному) анализу внутренних составляющих подобного рода реакций и общественных настроений.

Методы и материалы

Основным источником для написания статьи послужили отложившиеся в фонде П-75 (Кемеровский обком КПСС) Государственного архива Кузбасса (ГАК) отчеты и информационные сводки местных горкомов и райкомов КПСС о проведении траурных митингов и собраний в городах и районах области, направляемые в Кемеровский обком на имя его секретаря М. И. Гусева, а также аналогичные материалы, посылаемые из обкома в ЦК КПСС на имя заместителя заведующего отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов Е. И. Громова. При этом следует иметь в виду, что приведенные в этих источниках высказывания граждан интерпретировались советскими чиновниками с точки зрения официального советского идеологического дискурса, а конечной целью официальных лиц являлось создание картины полной политической лояльности советских граждан. Информационные сводки, направляемые в вышестоящие инстанции, были тщательно отредактированы, и указания на нестандартные реакции населения в них сведены к минимуму [Коновалов 2005: 158–159].

Исследование основано на фундаментальных принципах историзма и системности. Основными используемыми в исследовании методами являются контент-анализ и дискурсивный анализ. Контент-анализ позволяет выявить наиболее часто встречающиеся в выступлениях советских граждан на траурных мероприятиях лексические единицы, выражающие особенности их психоэмоциональных переживаний, связанных со смертью вождя. Установление соотношения между высказываниями, содержащими в себе наиболее распространенные лексемы, речевые обороты и характеристики, касающиеся фигуры И. В. Сталина и раскрывающие отношение населения к переживаемой ими утрате, и общим числом траурных высказываний позволяет определить наиболее характерные черты образа советского вождя, воспроизводимые в массовом сознании. Дискурсивный анализ направлен на выявление социально-психологических характеристик советских граждан, позволяющих понять, как используемый ими язык определяет их идентичность и восприятие окружающей действительности через существующие в советском обществе

идеологические нарративы. В контексте исследования использование данного метода показывает, как личное восприятие гражданами смерти И. В. Сталина отражало господствующие в советском обществе политико-пропагандистские нарративы и идеологемы, как они отражались в публичном поведении населения.

Ввиду отсутствия источников, к которым можно было бы применить контент-анализ для изучения нестандартных (расходящихся с официальным дискурсом) реакций населения Кемеровской области на смерть И. В. Сталина, последние остаются за рамками данного исследования. Вместе с тем реакции населения на смерть И. В. Сталина, укладывающиеся по своему содержанию в официальную линию, заслуживают специального исследования, поскольку отражают политическое мировоззрение и поведение абсолютного большинства советских граждан, являясь проекцией официальной советской идеологии и мифологии, формирующей массовое сознание в сталинскую эпоху. Изучение именно этого типа реакций позволяет наиболее глубоко и системно раскрыть характерные черты общественного сознания в послевоенном СССР.

Результаты

Высказывания советских граждан, посвященные смерти И. В. Сталина, укладывающиеся в официальную линию, по своему содержанию и политическому смыслу являются выражением представлений и эмоций подавляющего большинства советского общества – людей, полностью «включенных» в существующий советский миф и разделяющих его базовые составляющие, формирующие их личную, национально-гражданскую и политическую идентичность.

Как правило, это люди, достигшие при И. В. Сталине и благодаря ему и созданной им системе определенных карьерных, профессиональных высот и привилегий. Помимо региональной и местной партийно-политической элиты это могли быть представители так называемых лучших людей – председатели успешных колхозов, директора предприятий, передовики производства, ударники, стахановцы – люди, включенные официальной пропагандой в пантеон «героев», олицетворяющих собой достижения и успехи советского строя. Кроме того, в число адептов советского политического мифа могут быть включены и рядовые советские граждане – представители рабочего класса, части крестьянства, служащие и пр. Это были люди, для которых свершившаяся в 1930-е гг. сталинская «революция сверху» означала беспрецедентное расширение

их социальных и политических прав и возможностей, а победа в Великой Отечественной войне подтвердила силу и мощь советского строя.

К основным составляющим советского мифа, определяющего сознание основной массы населения, могут быть отнесены:

- 1) персонифицированное восприятие власти с точки зрения советского патернализма (*И. В. Сталин – наш любимый отец, учитель и вождь*);
- 2) убеждение в преимуществе построенного усилиями этой власти социалистического строя над капиталистическим, нового советского образа жизни – над прежним, дореволюционным (*Только И. В. Сталин освободил нас от капиталистической эксплуатации*);
- 3) осознание необходимости внесения личного вклада в укрепление данного строя, противостояние внутренним и внешним врагам, усиление политической бдительности и движение к светлому будущему, общей великой цели (*Клянусь еще больше сплотиться вокруг партии, повысить свои социалистические обязательства и коммунистическую бдительность, шире развернуть критику и самокритику, нетерпимость к врагам нашей Родины*);
- 4) повышенное внимание к формальным свидетельствам принадлежности к существующим государственным, партийным институтам и объединениям (быть членом КПСС, ВЛКСМ, профсоюза, осуществлять тот или иной вид партийно-политической, массовой работы, иначе говоря – быть социальным активистом в строго определенных партий и государством формах) [Кимерлинг 2017: 123–136].

Следствием такого рода восприятия окружающей действительности была ярко выраженная реакция на смерть вождя, демонстрирующая восприятие его кончины как, с одной стороны, глубокого личного горя, с другой – как «общей утраты» и «коллективной печали». Советские граждане предпринимали попытки дать рациональное объяснение внезапной для большинства населения смерти вождя. Неожиданность утраты «ломала» привычную для советского человека картину мира, и, подсознательно стремясь воспроизвести ее, население связывало смерть вождя с контекстом разворачивающихся ранее политических событий и процессов – антиеврейской политикой и «делом врачей», конфронтацией с западным миром. Данное обстоятельство привело к тому, что «смерть Сталина породила волну всевозможных

домыслов, слухов, предположений. Говорили, что Сталина отравили, что к этому имеет отношение его любовница, которая якобы была еврейка, но, пожалуй, наиболее распространенной была тема войны. Многие думали, что сохранение мира достигалось исключительно благодаря авторитету Сталина, и что теперь после его смерти, США ни перед чем не остановятся» [Петренко 2014: 16–17]. Ю. В. Аксютин указывает на то, что в связи с кончиной И. В. Сталина партийно-государственные инстанции «были завалены резолюциями партийных организаций и трудовых коллективов, а также письмами граждан с предложениями, как лучше увековечить память почившего», отмечая, что «подобные предложения отражали преобладавшие тогда настроения простых людей» [Аксютин 2010: 24].

Проанализировано содержание 110 высказываний жителей Кемеровской области, прозвучавших на траурных митингах и собраниях и получивших отражение в информационных сообщениях о траурных мероприятиях, прошедших в области в связи со смертью И. В. Сталина¹. В результате были установлены наиболее часто встречающиеся в высказываниях граждан лексические единицы и выявлены основные стереотипные мыслительно-вербальные конструкции, постулируемые гражданами Кемеровской области, что позволило выявить отношение населения данной территории к факту смерти И. В. Сталина, охарактеризовать восприятие образа советского вождя и созданной им системы в массовом сознании граждан.

1. Выступавшие на траурных мероприятиях граждане восприняли смерть руководителя СССР **как горестное, трагическое событие**, повергнувшее их в состояние шока, ставшее для них неожиданно и по своему характеру и значению имеющее важные последствия для будущего развития страны. В связи с этим характерной эмоциональной реакцией граждан на известие о смерти вождя стал плач. В данном случае мы подразумеваем под ним психофизическую реакцию на сильное эмоциональное переживание, не вкладывая в это понятие смыслового наполнения, характерного для рассмотрения плача как традиционного жанра русского фольклора, связанного с похоронными обрядами. И хотя существуют специальные исследования, посвященные феномену «советского плача» (анализируются, в частности,

«плачи по Ленину» как пример смешения элементов традиционного русского фольклора и советской идеологии [Иванова 2006; Петрович 2012]), в используемых нами источниках речь идет именно о психофизической реакции.

В проанализированных нами источниках использование гражданами по отношению к смерти И. В. Сталина таких определений своих ощущений, как *горе, трагедия, боль, великая утрата, скорбная весть*, а также непосредственные и опосредованные упоминания о *плаче, слезах и рыданиях* граждан на траурных собраниях и митингах встречаются 101 раз (91,8 % от общего числа анализируемых высказываний).

Примером наиболее ярких траурных выступлений, свидетельствующих о глубине переживания утраты, может служить высказывание колхозника Гурьевского района Ф. М.: «Тяжела утрата для партии и советского народа. Нет слов выразить ту боль, то горе, которое постигло нас»². Фиксируются в высказываниях и случаи плача: «Я видел... как плакали седоволосые старики и малые дети, плакали видевшие многое на своем веку старые коммунисты, плакали, не скрывая своих слез и не стыдясь их»³.

Приведенные примеры могут свидетельствовать о подданническом типе политической культуры населения, а также об одновременном наличии прочных вертикальных связей между государством (в его персонафицированном проявлении) и гражданами, с одной стороны, и социальной атомизации общества, проявляющейся в разрушении горизонтальных социальных связей, вытеснении индивидуальных и групповых интересов государственными, что порождает формирование у граждан государственно-патерналистской психологии, – с другой.

2. Наиболее часто встречающийся мыслительный штамп, характеризующий отношение людей к личности вождя, иллюстрирует восприятие жителями Кемеровской области смерти И. В. Сталина **как утраты близкого, родного человека, отца**. Наиболее часто употребляются в отношении И. В. Сталина характеристики *близкий, родной, дорогой, любимый, отец, друг* и пр. Данного рода лексемы встречаются в 74 высказываниях из 110 (67,2 % от общего числа анализируемых высказываний).

Фигура И. В. Сталина являлась формальным олицетворением государства и власти и служила образцом,

¹ Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-75. Оп. 7. Д. 199. Во всех высказываниях сохранены авторские орфография и пунктуация.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л. 25–26.

примером и идеалом для подражания, иллюстрацией лучших качеств «простого советского человека». Характерным примером таких высказываний может служить выступление слесаря цеха № 5 азотно-тукового завода г. Кемерово Г.: «Трудно свыкнуться с мыслью, что больше нет в живых нашего дорогого отца, учителя и друга Иосифа Виссарионовича Сталина»⁴.

3. Многими выступающими на траурных мероприятиях отмечались **достижения страны**, напрямую связывающиеся с именем советского вождя. Имя И. В. Сталина прочно ассоциировалось со строительством нового, «светлого коммунистического будущего». Шахтер г. Осинники Ч. заявлял: «С именем товарища Сталина связаны всемирно-исторические победы советских людей. Товарищ Сталин привел наш народ к победе социализма и начертал ясную программу строительства коммунизма»⁵. И. В. Сталин воспринимался и как главный архитектор и творец Победы в Великой Отечественной войне: «Исключительная роль товарища Сталина в годы величайших испытаний советского народа в Великой Отечественной войне, против гитлеровских захватчиков»⁶.

Частыми были сравнения гражданами пожилого возраста дореволюционного и советского опыта их повседневной жизни. Так, 66-летняя жительница Анжеро-Судженска М. Т. отмечала в своем выступлении: «Я прожила 66 лет, испытала жизнь при царизме, пережила страшные опустошительные войны, которые вели капиталисты и фашисты против нашей страны, и лучшей жизни, как при советской власти, еще никогда не было. Когда я услышала, что умер товарищ Сталин, мне стало на сердце тяжело, ведь он о нас всегда заботился»⁷.

В целом упоминание достижений страны во время правления И. В. Сталина встречается в 42 высказываниях из 110 (38,1 % от общего числа высказываний). В 22 (52,3 %) из них в качестве основной его заслуги перед народом упоминается продолжение дела И. В. Ленина, построение в СССР социализма и начертание программы строительства коммунизма; 6 (14,2 %) высказываний в качестве главных достижений называют осуществление под руководством И. В. Сталина процессов коллективизации и индустриализации, превращение СССР в аграрно-индустриальную

державу, укрепление колхозного строя, интенсификацию сельского хозяйства и поднятие уровня жизни на селе, увеличение материального благосостояния граждан; в 6 (14,2 %) высказываниях в качестве основных достижений правления И. В. Сталина упоминаются создание условий для свободного развития науки и образования, реализация права на образование и труд, предоставление населению основных социальных гарантий; 5 (11,9 %) высказываний посвящены роли И. В. Сталина в обеспечении победы в Великой Отечественной войне; в 3 (7,14 %) высказываниях внимание акцентируется на достижении гендерного равенства, «освобождении» женщин и наделении их равными правами с мужчинами.

Приведенные выше результаты анализа содержания выступлений граждан свидетельствуют о высоком уровне персонифицированного восприятия советскими гражданами власти и проводимой ею политики, а также наглядно иллюстрируют такую составляющую советского мифа, как тезис о превосходстве социалистической системы над капиталистической.

4. Еще одной характерной вербальной реакцией на смерть вождя являлись высказывания, свидетельствующие о **необходимости усиления мобилизационно-производственной и политической активности граждан**. Почти в каждом анализируемом нами высказывании присутствуют клятвы и призывы к повышению бдительности, сплочению вокруг действующей власти, взятию на себя новых производственных обязательств. Навалоотбойщик шахты «Физкультурник» (г. Анжеро-Судженск) Б., например, заявил: «Наша страна понесла большую утрату, смерть дорогого и любимого друга народа Иосифа Виссарионовича Сталина. Товарищи! Мы должны сохранить твердость духа, проявлять бдительность, сплотиться еще теснее вокруг нашего Центрального Комитета Коммунистической партии. Мы, шахтеры, должны умножить свои силы на выполнение и перевыполнение плана по добыче угля. Наша бригада... берет обязательства дать сверх плана 300 тонн угля. Призываю остальных товарищей включиться в социалистическое соревнование»⁸.

5. Отдельный нарратив в публичных выступлениях на траурных собраниях и митингах был посвящен

⁴ Там же. Л. 73.

⁵ Там же. Л. 66.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же. Л. 39.

⁸ Там же. Л. 30.

бессмертию И. В. Сталина «в сердцах советского народа». Говорилось о «вечном значении» его идей и заветов. Подобного рода утверждения содержатся в 26 высказываниях из 110 (23,6 %).

В качестве возможных причин смерти вождя гражданами, как правило, указывались напряженный график работы И. В. Сталина, не соответствующий его возрасту и подорвавший здоровье, а также происки не столь давно «разоблаченных» «врачей-вредителей». Жители Гурьевского района отмечали: «Здоровье у товарища Сталина наверное было слабое, а работал много, вот и получилось такое большое горе», «Хотя бы так сделали, чтобы И. В. Сталин не работал, а так бы иногда пришел в ЦК, справился, как идут дела, и все», «Наверное, это бандиты-вредители – врачи устанавливали режим товарищу Сталину неправильный»⁹.

К невербальным (поведенческим) реакциям, свидетельствующим о практической реализации зафиксированных в высказываниях обещаний граждан и наглядно демонстрирующим позитивное отношение общества к ушедшему из жизни руководителю государства и его политическому курсу, следует отнести, во-первых, массовое присутствие на траурных митингах и собраниях, стихийный характер кооперации людей. Согласно информационному сообщению о проведении траурных дней в Кемеровской области, направленному заместителю заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е. И. Громову от имени секретаря Кемеровского обкома КПСС В. Шаповалова, в день получения местными партийными органами обращения ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР к коммунистам и трудящимся о смерти И. В. Сталина «на всех предприятиях, в колхозах, учреждениях и учебных заведениях состоялись многоярусные траурные митинги, на которых присутствовало более 900 тыс. человек... выступило 24 720 чел.»; после «погребения тела великого Сталина вновь состоялись траурные митинги трудящихся области» в количестве «4006 митингов, на которых присутствовало ок. 800 тыс. человек, выступило – 23 713 чел.»¹⁰.

Во-вторых, свидетельством практического выражения верности, лояльности и сплочения населения

вокруг существующих общественно-политических институтов следует считать поступление многочисленных заявлений от советских граждан о приеме в компартию после получения известий о смерти И. В. Сталина. В информации о проведении траурных митингов в связи со смертью и похоронами И. В. Сталина на предприятиях и учреждениях г. Кемерово от 12 марта 1953 г. за подписью секретаря Кемеровского горкома З. Кузьминой отмечается, что «во многие партийные организации города поступают заявления трудящихся о приеме их в партию». Граждане просят местные парторганизации «принять их в партию» и «обещают с честью оправдать доверие партии». Возросло и число желающих вступить в комсомол. В информации отмечается, что только в комсомольские организации Рудничного района «поступило 550 заявлений от несоюзной молодежи о приеме в члены ВЛКСМ»¹¹.

В-третьих, к распространенным поведенческим реакциям советских граждан на смерть И. В. Сталина следует отнести активность, связанную с выполнением принимаемых на себя повышенных производственных обязательств. Так, в отчете о проведении траурных митингов в Анжеро-Судженске в связи с обещанием усилить производственную активность, высказанным работником шахты «Физкультурник» Б-ковым в его выступлении на митинге, отмечалось, что «свои обязательства тов. Б-ков выполняет с честью – участок дал сверх плана 1199 тонн угля, в том числе с 6-го по 9-е марта дали 534 тонны»¹².

Итак, общее настроение населения Кемеровской области было выдержано в траурном ключе. Вместе с тем жители выразили готовность «еще теснее сплотиться вокруг партии», «усилить бдительность», а также связывали надежды на «светлое будущее» с КПСС, обязанной, согласно представлениям граждан, и после смерти И. В. Сталина разрабатывать и реализовывать актуальный политический курс по «сталинским заветам». Все эти мысли, чувства и эмоциональные реакции в полной мере соответствовали господствовавшим официальным идеологемам и выражали определенную стереотипность, шаблонность и пассивность (в смысле отсутствия рассмотрения альтернативных политических сценариев) восприятия «текущего момента».

⁹ Там же. Л. 52.

¹⁰ Там же. Л. 25, 27.

¹¹ Там же. Л. 80.

¹² Там же. Л. 30.

Заключение

Содержание вербальных проявлений реакции населения Кемеровской области на смерть И. В. Сталина включает: 1) осознание смерти И. В. Сталина не только как «общей утраты», но и глубоко переживаемого «личного горя»; 2) восприятие образа И. В. Сталина как «отеческой» фигуры, олицетворяющей патерналистское отношение советского государства к гражданам и служащей не только формальным олицетворением государства и власти как таковой, но и образцом, примером и идеалом для подражания; 3) установление связи образа И. В. Сталина с ключевыми достижениями советской страны во внутренней и внешней политике; 4) идею о необходимости усиления мобилизационно-производственной и политической активности граждан, сплочения вокруг действующей власти; 5) тезис о бессмертии И. В. Сталина и созданной им системы, олицетворяющей собой достижения советского строя, «вечном значении» его идей и заветов.

Невербальные реакции включали в себя действия, отражающие усиление мобилизационно-политической и производственной активности населения, направленной на консолидацию вокруг существующих партийно-государственных институтов: массовое участие в траурных мероприятиях, связанных со смертью

И. В. Сталина, приток новых членов в ряды компартии и комсомола, активность в выполнении повышенных производственных обязательств.

В целом восприятие населением смерти вождя может быть сведено к воспроизведению гражданами определенных реакций, отражающих основные идеологемы «советского мифа»: при получении известий о смерти И. В. Сталина население продемонстрировало патерналистско-персонифицированное восприятие верховной власти (в соответствии с ним государственная власть в глазах советских граждан преимущественно отождествлялась с отдельной личностью, воплощающей в себе архетипы отца и народного заступника, а не с общественно-политическими институтами), сопровождающееся глубоким личным переживанием общего горя.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. 621 с. [Aksyutin Yu. V. *Khrushchev's Thaw and public sentiment in the USSR in 1953–1964*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 2010, 621. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qppoat>
- Вдовин А. И., Дробизhev В. З. Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества. *История СССР*. 1971. № 5. С. 23–42. [Vdovin A. I., Drobizhev V. Z. Social Psychology and Some Issues in the History of Soviet Society. *Istoriia SSSR*, 1971, (5): 23–42. (In Russ.)]
- Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с. [Geller M. *Cogs in the wheel: The formation of Soviet man*. Moscow: MIK, 1994, 335. (In Russ.)]
- Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-2. С. 145–150. [Genina E. S., Kolyazimova M. M. Ideological campaigns in the USSR in 1946–1953 connected with the image of J. V. Stalin (revealed by the example of Kemerovo region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 145–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcewfr>
- Гуревич А. Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории. *Вопросы истории*. 1964. № 10. С. 54–59. [Gurevich A. Ya. Some aspects of social history. *Voprosy Istorii*, 1964, (10): 54–59. (In Russ.)]
- Гусева Т. М., Задкова Т. Ю. «Прощай, наш учитель и вождь, наш дорогой друг, родной товарищ Сталин!» Отклики населения Мордовии на смерть И. В. Сталина (по материалам районных газет). *Центр и периферия*. 2023. Т. 18. № 1. С. 52–60. [Guseva T. M., Zadkova T. Yu. "Farewell, our teacher and leader, our dear friend, dear comrade Stalin!" Responses of the population of Mordovia to the death of I. V. Stalin (according to the materials of regional newspapers). *Center and Periphery*, 2023, 18(1): 52–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/axzmtg>

- Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН, 2011. 229 с. [Davies S. *Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934–1941*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpuiff>
- Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. 200 с. [Zubkova E. Yu. *Society and reforms. 1945–1964*. Moscow: Rossiia molodaia, 1993, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyikuh>
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с. [Zubkova E. Yu. *Postwar Soviet society: Politics and everyday life. 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2000, 229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pхrcjp>
- Иванова Т. Г. Плачи о Ленине в свете фольклорной традиции и советской идеологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2006. № 1. С. 100–106. [Ivanova T. G. Lamentations for Lenin in the light of folklore tradition and Soviet ideology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*, 2006, (1): 100–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rttcon>
- Кабацков А. Н. «Как понять, как смириться с тем, что нет Сталина!»: смерть Сталина в дневниках советских молодых людей. 1953-й. *Подведение итогов и выбор пути*: XV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г.) М.: РОССПЭН, 2023. С. 516–528. [Kabatskov A. N. "How can you comprehend and come to terms with the fact that Stalin is gone?": Stalin's death in the diaries of Soviet young people. 1953. *Summing up and choosing a path*: Proc. XV Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 21–24 Jun 2023. Moscow: ROSSPEN, 2023, 516–528. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gkqevn>
- Кантор Ю. З. «Теперь можно быть спокойным за дело Сталина». Общественные настроения в Москве и Ленинграде в начале марта 1953 г. (по рассекреченным документам ЦА ФСБ РФ и УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). *Большая перемена: трансформация общественного сознания в 1953–1985 гг.*: VIII Всерос. науч. конф. (Пермь, 19–21 октября 2023 г.) Пермь: ПГПУ, 2024. С. 16–24. [Kantor Yu. Z. "Now you can be calm for Stalin's cause": Public mood in Moscow and Leningrad at the beginning of March 1953 (according to declassified documents of the Federal Security Service of the Russian Federation and the Department of the FSB of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region). *Big change: Transformation of public consciousness in 1953–1985*: Proc. VIII All-Russian Sci. Conf., Perm, 19–21 Oct 2023. Perm: PSHPU, 2024, 16–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/awklfx>
- Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: ВШЭ, 2017. 211 с. [Kimerling A. S. *Do what you are told but be cunning: Political campaigns of the late Stalin era*. Moscow: HSE, 2017, 211. (In Russ.)]
- Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг.: по материалам Кемеровской области. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 123 с. [Kolyazimova M. M. *Ideological campaigns in the USSR 1946–1953: Based on materials from the Kemerovo Region*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 123. (In Russ.)]
- Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово: СКИФ, 2005. 311 с. [Konovalov A. B. *Party nomenclature in Kuzbass during post-war Stalinism and the Thaw (1945–1964)*. Kemerovo: SKIF, 2005, 311. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvludd>
- Король В. Л. Смерть Сталина и реакция жителей Советской Беларуси. *Белорусский исторический обзор*. 2021. № 1. С. 183–198. [Korol V. L. Stalin's death and the response of Soviet Belarus citizens. *Belorusskii istoricheskii obzor*, 2021, (1): 183–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/agdpcy>
- Кузнецов И. С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск: НГУ, 1995. 156 с. [Kuznetsov I. S. *Soviet totalitarianism: An essay on psychohistory*. Novosibirsk: NSU, 1995, 156. (In Russ.)]
- Кузнецов И. С. Формирование «образа врага» и социально-психологические предпосылки тоталитаризма (по материалам сибирской деревни 20-х гг.). *Вопросы истории Сибири XX века*, ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: НГУ, 1996. С. 52–63. [Kuznetsov I. S. Forming the image of the enemy and socio-psychological prerequisites for totalitarianism: Materials from a Siberian village 1920s. *History of Siberia in the XX century*, ed. Shilovskiy M. V. Novosibirsk: NSU, 1996, 52–63. (In Russ.)]

- Лушин А. И. К вопросу об откликах советского общества на смерть И. В. Сталина. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 3. С. 146–154. [Lushin A. I. To the question of the responses of Soviet society to the death of I. V. Stalin. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, 2022, (3): 146–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfauek>
- Никифоров А. Л. Феномен вождя в официальной пропаганде и обыденном сознании в 1945–1956 годах: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 255 с. [Nikiforov A. L. *The phenomenon of a leader in official propaganda and everyday consciousness in 1945–1956*. Cand. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2002, 255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdscov>
- Петренко М. С. Общественные настроения в Западной Сибири в 50-е годы: социально-психологический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. 264 с. [Petrenko M. S. *Public sentiment in Western Siberia in the 1950s: Socio-psychological aspect*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1996, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/magaeh>
- Петренко М. С. Политическое сознание в России в 1950-е гг.: начало идейно-психологического кризиса (на материалах Западной Сибири). *Известия Томского политехнического университета*. 2014. Т. 324. № 6. С. 14–25. [Petrenko M. S. Political consciousness in Russia in 1950s: Beginning of ideological and psychological crisis (materials of Western Siberia). *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2014, 324(6): 14–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sientr>
- Петрович М. «Крепко спит да не пробудится...»: плачи как форма ритуального подтверждения смерти Ленина. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2012. № 2. С. 299–310. [Petrovich M. "He sleeps the sleep that knows no breaking...": Lamentations as a form of ritual confirmation of Lenin's death. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2012, (2): 299–310. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pabztt>
- Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. 213 с. [Porshnev B. F. *Social psychology and history*. Moscow: Nauka, 1966, 213. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgtbdh>
- Рубинштейн Д. Последние дни Сталина. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 309 с. [Rubenstein J. *The last days of Stalin*. Moscow: Alpiba non-fikshn, 2024, 309. (In Russ.)]
- Филиппенко О. В. «Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев Томской области на смерть И. В. Сталина. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 4. С. 920–928. [Filippenko O. V. People are crying, but I can't stop laughing": Protest reaction of the deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's death. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 920–928. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-920-928>
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с. [Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s: The city*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 332. (In Russ.)]
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с. [Fitzpatrick S. *Stalin's peasants. Resistance and survival in the Russian village after collectivization*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 421. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpiyxn>
- Шаранов В. В. Психология класса (проблема методологии изучения). Л.: Ленингр. ун-т, 1975. 143 с. [Sharanov V. V. *Class psychology: Research methodology*. Leningrad: Leningrad University, 1975, 143. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fvezdg>

Стратегии, тактики и формы взаимодействия сельского общества и органов власти в рамках реформы административно-территориального деления в 1962–1966 гг.: по материалам «писем во власть» из Алтайского края

Рыков Алексей Викторович

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 3311-3549

<https://orcid.org/0000-0001-5051-3849>

Scopus Author ID: 57742535200

avrykov@bk.ru

Аннотация: Большую роль в получении обратной связи о результативности осуществляемой государством реформы играют выстроенные отношения между властью и обществом. Одним из средств для этого в советское время служили «письма во власть». Цель – на примере реализации реформы административно-территориального деления на территории Алтайского края в 1962–1966 гг. проанализировать через «письма во власть», какие стратегии, тактики и формы взаимодействия с органами власти выбирало сельское население для решения проблем, возникших в результате осуществления данной реформы. Источниковой базой исследования стали материалы Государственного архива Алтайского края: «письма во власть», материалы нормативно-правовых актов и иных сопутствующих документов из фонда крайисполкома, которые непосредственно связаны с процессом принятия и юридического закрепления итоговых решений в рамках рассматриваемой реформы. В результате можно выделить две основных стратегии, которыми руководствовало население в качестве возможного решения возникших проблем в результате проведения реформы административно-территориального деления: осуществление попыток добиться полного восстановления ликвидированного района и проведение перехода населенного пункта в подчинение соседнего района или региона. В рамках данных стратегий в ходе осуществления попыток выйти на диалог с властью население применяло «пассивную» и «активную» тактики, но все попытки восстановления районов являлись неудачными. Более успешным было использование стратегии проведения перехода сел, сельсоветов, колхозов или совхозов в подчинение соседнего района или региона для улучшения логистики и управления. Во многом это было связано с тем, что вопрос о переводе населенного пункта в другой район в большинстве случаев определялся через решение краевых властей по выстроенному механизму, а также не был ограничен рамками необходимой реформы по объединению районов, которая была спущена центральными органами власти.

Ключевые слова: «письма во власть», взаимоотношения власти и общества, реформы, административно-территориальное деление, Алтайский край, 1962–1966 гг.

Цитирование: Рыков А. В. Стратегии, тактики и формы взаимодействия сельского общества и органов власти в рамках реформы административно-территориального деления в 1962–1966 гг.: по материалам «писем во власть» из Алтайского края. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 1026–1041. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1026-1041>

Поступила в редакцию 15.09.2024. Принята после рецензирования 05.11.2024. Принята в печать 11.11.2024.

full article

Strategies, Tactics, and Forms of Interaction between Rural Communities and Governmental Bodies during the Administrative and Territorial Reform of 1962–1966: "Letters to the Authorities" from the Altai Region

Alexey V. Rykov

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 3311-3549

<https://orcid.org/0000-0001-5051-3849>

Scopus Author ID: 57742535200

avrykov@bk.ru

Abstract: Well-organized relations between the authorities and the population provide prompt feedback on the effectiveness of state reforms. The so-called *letters to the authorities* were a means of obtaining feedback from the population in the USSR. The author analyzed the archival *letters to the authorities* sent by the rural population of the Altai Region during the administrative and territorial reform of 1962–1966. The research objective was to reveal the strategies, tactics, and forms of interaction between the rural population and the authorities. The materials from the State Archive of the Altai Region included *letters to the authorities* and legal documents received by the regional executive committee, which were directly related to the reform in question. The rural population turned to two main strategies to solve the problems caused by the new administrative and territorial division: 1) they tried to achieve a complete restoration of the liquidated district; 2) they attempted to transfer their village to the subordination of the neighboring district. The senders adhered to passive or active tactics but failed in all their attempts to restore their districts. The strategy of transferring villages, village councils, collective farms, or state farms to the subordination of an adjacent district or region proved to be more successful in terms of logistics and management. To resolve the transfer issues, the regional authorities used an established decision-making pattern, in which they were not limited by the necessity to merge the districts, imposed by the central authorities.

Keywords: "letters to the authorities", authorities and population, reforms, administrative-territorial division, Altai Krai, 1962–1966

Citation: Rykov A. V. Strategies, Tactics, and Forms of Interaction between Rural Communities and Governmental Bodies during the Administrative and Territorial Reform of 1962–1966: "Letters to the Authorities" from the Altai Region. *SibScript*, 2024, 26(6): 1026–1041. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1026-1041>

Received 15 Sep 2024. Accepted after peer review 5 Nov 2024. Accepted for publication 11 Nov 2024.

Введение

Проведение реформ является неотъемлемой частью существования государства. Имея определенные цели, они могут приводить к заранее незапланированным результатам. В этом аспекте большую роль в получении обратной связи о результативности осуществляемой реформы являются выстроенные отношения между властью и обществом. Одним из средств для этого в советское время служили так называемые «письма во власть», которые граждане отправляли в районные, региональные и центральные органы власти, периодические издания,

а также депутатам для сигнализирования о тех или иных имеющихся проблемах в разных аспектах жизни общества.

Цель статьи – на примере реализации реформы административно-территориального деления на территории Алтайского края в 1962–1966 гг. проанализировать через «письма во власть», какие стратегии, тактики и формы взаимодействия с органами власти выбирало сельское население для решения проблем, возникших в результате осуществления данной реформы.

Хронологические рамки проведения реформы в Алтайском крае расширены до 1966 г., т. к. именно к этому времени были завершены административно-территориальные преобразования, направленные на ликвидацию последствий проведенной реформы: завершается процесс восстановления абсолютного большинства районов, которые существовали ранее.

В советской историографии реформа административно-территориального деления рассматривалась преимущественно в контексте процесса реформирования структуры партийных советских, профсоюзных и комсомольских организаций. Результаты реформы критиковались с указанием на их необдуманность, поспешность и появление трудностей в работе партийных и государственных организаций [Гущин 1991: 8; Попов 1982: 589; Толкачев 1980: 61]. Административно-территориальное деление упоминалось косвенно через проблему ослабления районного звена руководства и ликвидации сельских райкомов [Коваленко 1972: 491–492].

На общероссийском уровне реформы начала 1960-х гг., в том числе реформирование местных органов власти на основе производственно-трассевого принципа с повсеместным проведением реформирования административно-территориального деления, достаточно подробно и с разных аспектов рассматриваются в постсоветской историографии [Аксютин 2010; Ведерников 2013; Кошкидько 2021; Мохов 1998; Пыжиков 1998; 1999; Хлевнюк 2012]. Вопросы, связанные с данными реформами, изучаются и на региональном уровне [Большакова 2009; Ракачев 2020; Цуркан 2011; Шабельников 2018]. На уровне Алтайского края реформа административно-территориального деления 1962–1966 гг. целостно фактически не рассматривалась. Имеются лишь отдельные статьи, в которых констатируются те изменения в делении районов, которые сначала были установлены в результате реформы, а затем и ликвидированы¹ [Борблик и др. 1996].

В целом рассмотрение проблем с привлечением «писем во власть» уже является традиционным для отечественной историографии. При этом следует отметить, что в основном это касается вопросов довоенного и военного периодов [Морозова 2016; Рожков 2023; Суровцева 2008; Тажидинова 2017; Тихомиров 2016]. По послевоенной истории они привлекаются по отдельным проблемам. В основном акцент делается на особенностях самого источника, на изучении образов и стереотипов, формировавшихся у населения рассматриваемого периода [Белякова 2019; Попова 2020; Стрекалов 2022; Фокин 2021]. Сложившаяся в историографии ситуация связана как с вводом в научный оборот значительного количества источников довоенного и военного периодов², так и с доступностью фондов, содержащих данные «письма во власть» послевоенного периода в связи с действующим законодательством и политикой разных архивов в его трактовании. Таким образом, как сама реформа на уровне алтайского региона, так и взаимодействие в рамках ее проведения между властью и обществом требуют дальнейшего изучения.

Методы и материалы

Источниковой базой исследования стали материалы «писем во власть»³, которые находятся в фонде Государственного архива Алтайского края Р-834 «Администрация Алтайского края». Данные письма отложились в указанном фонде, потому что после получения их адресатами (редакциями центральных газет и журналов, Политбюро ЦК КПСС, Президиумами ВС СССР или РСФСР, секретариатами руководителей государства) они перенаправлялись на имя исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся для реагирования и решения поставленных в них проблем.

Всего было выявлено и проанализировано 64 письма, которые относятся к теме исследования. Автор использовал сплошную выборку, выявляя и используя письма

¹ Административно-территориальные изменения на Алтае в 1917–1997 гг. *Центр хранения Архивного фонда Алтайского края. Отдел специальной документации: путеводитель*, отв. сост. Е. Д. Егорова, отв. ред. Н. И. Разгон. М.: Звенья, 2001. С. 769–780; *Очерк административно-территориального устройства Алтайского края. Справочник административно-территориальных изменений на Алтае, 1917–1980*, отв. ред. В. С. Петренко. Барнаул: Алт. Кн. изд-во, 1987. С. 8–25.

² Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): сб. док., сост. Т. И. Морозова, В. И. Шишкин. Новосибирск: Автограф, 2020. 496 с.; Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.), сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Автограф; ИИ СО РАН, 2015. 419 с.; Письма во власть. 1917–1927: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям, сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998. 663 с.; Письма во власть. 1928–1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям, сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 524 с.; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945, сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РГБ, 2003. 470 с.

³ Во всех цитатах из писем сохранены авторские орфография и пунктуация.

за период проведения реформы и основного завершения ликвидации ее последствий (1962–1966 гг.). Важно отметить, что вследствие того, что значительная часть подобных писем сейчас находятся в закрытых партийных фондах или недоступны в связи с законом о защите персональных данных, то именно фонд крайисполкома, по сути, является чуть ли не единственным, откуда можно получить подобные источники.

Важно отметить, что в документах дел дополнительно выявлены следы еще 7 писем. Сами письма в материалах дел отсутствуют, но имеются документы крайисполкома, которые ссылаются на их наличие. По некоторым из них даже присутствуют итоговые решения краевого органа власти или большое количество важных документов, связанных с конкретными проблемами, которые в них поднимались (записки, справки и др.). Так как они непосредственно создавались в связи с реакцией на «письма во власть», то данные материалы тоже используются в статье. При этом важно учитывать, что в рамках сложившейся ситуации «письма во власть» могли быть средством для отстаивания своих интересов не только для рядового сельского населения, но и представителей разных заинтересованных групп. Сильнее это заметно в письмах сельскохозяйственных организаций и предприятий (прежде всего колхозов и совхозов), в заявлениях местных депутатов.

Кроме того, в качестве источников будут выступать материалы нормативно-правовых актов и иных сопутствующих документов из этого же фонда крайисполкома, которые непосредственно связаны с процессом принятия и юридического закрепления итоговых решений в рамках рассматриваемой реформы: решения крайисполкома об изменениях в административно-территориальном делении на территории Алтайского края, различные справки, переписка и иные документы, возникавшие в результате взаимодействия с центральными, районными органами власти, а также гражданами региона.

Применены историко-генетический и метод структурного анализа. Благодаря историко-генетическому методу выявлялись причинно-следственные связи в разных стратегиях, тактиках и формах взаимодействия власти и сельского общества. С помощью метода структурного анализа рассматривалось взаимодействие сельского общества с разными отдельными

уровнями власти, которые совместно составляют единую систему.

Изучение регионального опыта выстраивания взаимодействия власти и сельского общества в рамках ранее проведенных реформ дает возможность оценить стратегии, тактики и формы выстраивания диалога во время проведения крупных реформ, касающихся значительного числа населения. Это особенно актуально для современной России, находящейся в периоде динамичных изменений.

Результаты

В 1962 г. в СССР была проведена крупная перестройка органов партийного и государственного руководства народным хозяйством. На основании решения пленума ЦК КПСС, проходившего в марте 1962 г., в Алтайском крае было создано 12 территориальных производственных колхозно-совхозных управлений. Решением пленума ЦК КПСС, состоявшегося в ноябре 1962 г., предусматривалось разукрупнение производственных управлений и укрупнение мелких сельскохозяйственных районов в более крупные. В связи с этим, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета (ВС) РСФСР от 1 февраля 1963 г. «Об укрупнении районов и изменении подчиненности районов и городов Алтайского края», в регионе вместо существовавших ранее 64 районов в 1963 г. были образованы 24 укрупненных сельских района (Алейский, Алтайский, Бийский, Благовещенский, Завьяловский, Каменский, Кулундинский, Локтевский, Мамонтовский, Михайловский, Павловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Рубцовский, Славгородский, Смоленский, Сорокинский, Тальменский, Топчихинский, Троицкий, Усть-Калманский, Хабарский, Целинный, Шипуновский). В Горно-Алтайской автономной области вместо существовавших ранее 9 районов были образованы 6 (Усть-Канский, Онгудайский, Майминский, Улаганский, Кош-Агачский, Турочакский)⁴. Всего в результате данной реформы было упразднено 40 районов⁵.

Однако данная реформа была неудачной. Увеличение размеров сельских районов привело к значительным неудобствам у населения. Она негативно отразилась и на районных управленческих кадрах, определенная часть которых была вынуждена перейти работать в другие отрасли хозяйства⁶. В 1964–1966 гг.

⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 101. Л. 239–241.

⁵ Административно-территориальные изменения на Алтае в 1917–1997 гг... С. 776–777.

⁶ Там же. С. 776.

в крае была возвращена старая районная сеть. Было образовано 25 районов: 1964 г. – Ключевский, Краснощековский, Кытмановский, Родинский, Солтонский, Тюменцевский районы; 1965 г. – Баевский, Бурлинский, Волчихинский, Красногорский, Панкрушихинский, Первомайский, Угловский, Усть-Пристанский районы, позже образованы Залесовский, Курьинский, Романовский районы; 1966 г. – Ельцовский, Косихинский, Новичихинский, Петропавловский, Советский, Табунский, Тогульский, Третьяковский районы⁷.

Подобные значительные изменения административно-территориального деления края не могли не вызвать вопросы и, самое главное, недовольство значительного количества населения. Причем это касалось не только жителей ликвидированных районов, но и других районов, у которых в результате проведения реформы резко изменилась привычная логистика, что значительно повлияло на качество их жизни.

Всего, по мнению автора, можно выделить 2 основные стратегии, которых придерживалось население в качестве реакции на проведение реформы административно-территориального деления:

- 1) осуществление попыток добиться полного восстановления ликвидированного района;
- 2) решение возникших проблем за счет проведения перехода (села, нескольких сел, сельсовета или колхоза / совхоза) в подчинение соседнего района или в отдельных случаях региона.

Стратегия по осуществлению полного восстановления ликвидированного района

Один из самых заметных следов оставили попытки жителей добиться восстановления своих ликвидированных районов. Материалы данного содержания составляют абсолютное большинство выявленных автором «писем во власть», составленных по результатам проведенной реформы (46 писем из 64). Это связано как с тем, что данные вопросы поднимались жителями сельской местности на самый высокий управленческий уровень, так и с тем, что они решались сложнее всего.

Всего в 46 письмах, которые непосредственно были посвящены просьбам о восстановлении районов, выявлено 55 адресатов. Как показывает анализ

данных писем, чаще всего они писались на имя центральных государственных и партийных инстанций (Президиум ВС СССР, Президиум ВС РСФСР, Президиум ЦК КПСС, Бюро ЦК КПСС по РСФСР) – 15 упоминаний, лично первым лицам государства (Н. С. Хрущеву, Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, А. И. Микояну, Н. В. Подгорному) – 12 упоминаний.

Следующими по частоте упоминания в письмах в качестве адресата (14 упоминаний) были органы краевой власти и их руководители. Сюда входят как письма в целом на Алтайский краевой комитет КПСС (крайком) и исполнительный комитет Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся (крайисполком), так и лично на их руководителей – первого секретаря крайкома КПСС А. В. Георгиева и председателя Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся С. В. Кальченко соответственно.

На третьем месте по количеству адресатов (8 упоминаний) идут письма в периодические издания. Прежде всего, это центральные газеты «Правда», «Известия», «Сельская жизнь», «Советская Россия». Единожды письмо отправлялось в адрес главной краевой газеты – «Алтайская правда».

Наименее частыми (6 упоминаний) были письма на имена депутатов. При этом в данном случае письма составлялись только в адрес депутатов ВС СССР соответствующего созыва, представлявшего в данном органе территорию, откуда отправлялось письмо. Конкретно в рассматриваемых письмах в качестве адресатов выступали депутаты 6-го созыва – Н. Г. Игнатов, Г. С. Титов, Д. С. Полянский.

Анализируя составителей писем, следует отметить, что большинство из них были написаны коллективно. Из 46 писем, касавшихся просьб о восстановлении ликвидированных районов, 38 являлись коллективными, причем 10 из них были составлены или с привлечением представителей местных органов власти (чаще всего депутатов местных сельских советов) или непосредственно ими. Еще 7 писем имели одного автора, а 1 письмо было анонимным. Коллективные письма чаще всего составлялись от неопределенного количества людей. В них для обозначения адресатов использовались формулировки «жители с. Хабары»⁸, «жители бывшего Баевского района»⁹, «граждане Гришинского сельского совета»¹⁰.

⁷ Очерк административно-территориального устройства Алтайского края... С. 23–24.

⁸ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 102. Л. 3.

⁹ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 100. Л. 112.

¹⁰ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 119.

При участии в составлении писем представителей местных органов власти указывалась роль, в которой они действовали. В одних случаях в письме прямо указывалось, что оно было составлено «по поручению общественности села». В частности, именно с такой формулировкой было составлено письмо председателем Шелаболихинского сельского Совета депутатов трудящихся В. Храмовым в Президиум ЦК КПСС, Президиум ВС СССР и Совет Министров СССР по вопросу восстановления Шелаболихинского района в прежних границах. Составление письма можно датировать периодом не ранее 7 июля 1965 г.¹¹

В других случаях представители местной власти сами являлись непосредственными авторами и составителями писем. В частности, депутаты Шарчинского сельского Совета, члены женсовета и пенсионеры не позднее февраля 1965 г. подготовили обращение в Президиум ВС РСФСР, депутату ВС СССР Д. С. Полянскому и Председателю Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся С. В. Кальченко с просьбой о восстановлении Шарчинского района¹².

Кроме того, в коллективных письмах в отдельных случаях принимали участие и представители организаций, учреждений и предприятий упраздненного района. Так, партком и правление колхоза им. Ленина Топчихинского района не ранее 30 октября 1965 г. составили письмо на имя первого секретаря Алтайского крайкома КПСС А. В. Георгиева и председателя крайисполкома С. В. Кальченко с просьбой о восстановлении Калманского района¹³. Еще в качестве примера можно привести письмо руководителей хозяйств, организаций и учреждений бывшего Залесовского района в Президиум ЦК КПСС, Алтайский крайком КПСС, Алтайский крайисполком и Сорокинский РК КПСС о его восстановлении, составленное не позднее 24 марта 1965 г.¹⁴

В рамках своих попыток выйти на диалог с властью население применяло разные тактики по использованию писем для донесения сведений о возникших проблемах и началу выстраивания диалога с органами власти для ее решения. Анализ представленных

в материалах дел писем позволил автору выделить два типа тактик: условно «пассивную» и «активную». Условность и взятие в кавычки вызваны тем, что та же «пассивная» тактика не является полностью таковой, т. к. люди проявили определенную активность хотя бы тем, что составили и отправили письма, описывающие имеющуюся проблему. В данном случае «пассивность» или «активность» определяется только тем, насколько далеко авторы писем пошли в своей деятельности по отстаиванию своих прав и интересов.

Условно «пассивная» тактика взаимодействия с органами власти выражалась в составлении писем одним или несколькими авторами, которые единожды отправлялись на определенный адрес. В этом случае авторы, единожды пытаясь поднять проблему и получая или не получая ответ по тем или иным причинам, больше не предпринимали попыток для ее освещения и решения.

Число писем от одного автора на имя одного адресата было крайне немногочисленным. Всего из общей выборки можно выделить 4 письма. В качестве примеров приведем письмо жителя с. Родино П. И. Играшко от 11 декабря 1962 г. в редакцию газеты «Советская Россия» с просьбой отменить объединение Благовещенского и Родинского районов¹⁵ и письмо учительницы-пенсионерки из с. Косиха П. Т. Киселевой на имя А. Н. Косыгина от 21 сентября 1965 г. о восстановлении Косихинского района¹⁶. При этом число коллективных писем, отправленных единожды одному или нескольким адресатам, было значительно больше. Всего было выявлено 17 из 46 писем. К примеру, это письма жителей бывшего Суетского района на имя Л. И. Брежнева по поводу восстановления Суетского района от 24 декабря 1963 г.¹⁷ и жителей с. Хабары по вопросу оставления районного центра в с. Хабары в редакцию газеты «Правда», написанное не позднее 15 января 1963 г.¹⁸

Условно «активная» тактика заключалась в гораздо более энергичном донесении информации о проблемах и отстаивании своих интересов перед органами власти через использование «писем во власть».

¹¹ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 218. Л. 147–154.

¹² ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 96–97.

¹³ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 218. Л. 268–269.

¹⁴ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 208–212 об.

¹⁵ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 72. Л. 85–88 об.

¹⁶ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 218. Л. 251–252.

¹⁷ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 101. Л. 198–198 об.

¹⁸ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 102. Л. 3–5.

К ним, прежде всего, можно отнести коллективные письма от отдельной части определенного коллектива, отправлявшиеся одновременно во множество инстанций (8 писем из 46). В этом случае формировалась небольшая группа людей, которая, подписываясь в составе разных подгрупп, отправляла одно и то же письмо в различные организации для дальнейшего рассмотрения. Ярким примером данной тактики является ситуация с письмами от жителей с. Волчиха. В течение мая-июня 1964 г. группа жителей с. Волчиха от разных авторов (11 человек), которые в разных письмах менялись полностью или частично, отправляла одно и то же письмо в разные инстанции. В результате за обозначенный период они отправили 5 одинаковых писем в адрес редакции газет «Сельская жизнь»¹⁹, «Правда» (отдельно в редакцию²⁰ и отдельно главному редактору²¹), председателя Совета Министров РСФСР Г. И. Воронову²² и в Бюро ЦК КПСС по РСФСР²³.

В эту же категорию относятся письма разных авторов, объединенные территориально и отправленные примерно в одно время во множество инстанций (15 из 46 писем). В этом случае письма отправлялись от разных адресатов, но находившихся на территории бывшего разукрупненного района приблизительно в один период. Можно утверждать, что в данном случае заранее проводилась определенная координационная работа. Содержание писем не являлось полной копией друг друга, но главная идея в них была одинаковой.

Примерами использования такой тактики являются письма от жителей бывшего Шарчинского района. В частности, в течение ноября 1964 – февраля 1965 г. жителями и депутатами Шарчинского, Ермачихинского, Гришинского сельсоветов, с. Шумилиха, а также коллективом медицинских работников бывшей Шарчинской районной больницы в разные инстанции было отправлено в общей сложности 11 писем с просьбой о восстановлении Шарчинского района²⁴. Адресатами данных писем являлись Президиум ВС СССР, Президиум

ВС РСФСР, депутат ВС СССР Д. С. Полянский, а также председатель Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся С. В. Кальченко.

Использование тактики массовой рассылки писем показывает большую заинтересованность людей в решении проблем, связанных с ликвидацией районов именно через письма в органы власти и печати за счет увеличения круга структур, вовлеченных в решение проблемы.

Отдельным приемом «активной» тактики следует выделить отправку писем от людей, не проживающих в Алтайском крае, но освещающих проблемы, связанные с укрупнением районов в регионе. Всего автором было выявлено 2 таких письма. Первое письмо было написано не позднее 2 апреля 1963 г. жителем г. Донецк А. С. Рубаном на имя председателя Алтайского совнархоза по вопросу укрупнения сельского хозяйства²⁵. Автор данного письма хотел вместе со своими товарищами «ехать в село в Алтай»²⁶, но получил письмо от других своих коллег, которые написали, что после укрупнения «становится хуже» и «все пустует, народ бежит от скуки и темноты»²⁷.

Второе письмо было составлено жителем г. Гомель И. М. Долинских 6 декабря 1964 г. на имя председателя ВС СССР и было посвящено нецелесообразности укрупнения Смоленского, Петропавловского и Быстроистокского в единый Смоленский район²⁸. По его содержанию понятно, что автор письма полностью погружен в тему, т. к. подробно поясняет все основные аспекты проблемы, связанной с укрупнением районов. В письме отмечается точное расстояние между населенными пунктами, констатируется длительность и неудобность маршрутов между ними. Даже описывается ситуация с двухэтажным магазином в с. Быстрый Исток, который якобы не был достроен, т. к. районный центр был переведен в Смоленское. При этом сам автор письма отмечает, что «Вы правда извините меня в 1964 году я там не был и может быть его достроили»²⁹.

¹⁹ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 168. Л. 95–102.

²⁰ Там же. Л. 104–106.

²¹ Там же. Л. 186–190.

²² Там же. Л. 107–109.

²³ Там же. Л. 110–112.

²⁴ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 96–97, 98–99, 100–101, 104–105, 106–107, 112–113 об., 114–116, 117–118 об., 119, 122–123, 124, 137.

²⁵ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 72. Л. 129–130.

²⁶ Там же. Л. 130.

²⁷ Там же. Л. 129.

²⁸ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 87–88 об.

²⁹ Там же. Л. 88.

Обобщая, можно сделать вывод, что в рамках «активной» тактики данных людей могли использовать, чтобы через письма из других регионов донести информацию о ситуации в одном из районов Алтайского края.

Всего на основе анализа писем можно выделить 4 основных блока проблем, которые в них поднимаются в связи с ликвидацией районов.

1. В первом блоке проблем авторы писем основное внимание уделяют увеличившемуся времени на поездки в райцентр, определенному ухудшению снабжения сел и увеличению числа людей, отвлекаемых от производства для решения разных вопросов с отдаленным райцентром и отправлявшихся в командировки.

2. Второй блок касался прекращения текущих и проработки будущих проектов по социально значимым объектам в населенных пунктах бывших районов, значительного сокращения финансирования и плохого функционирования существующей инфраструктуры населенных пунктов.

3. Третий блок проблем – сокращение контроля и надзора над населенными пунктами и предприятиями на территории бывших районов, ухудшение взаимодействия между представителями власти и населением.

4. Четвертый блок касался ломки имеющихся экономических связей между селами и районами: сокращение краевыми и районными организациями штатов на местах в подведомственных учреждениях, которые находились на территории присоединяемых районов, а также перестройка получения необходимого снабжения на новые места и, кроме этого, увеличение безработицы и оттока населения.

Помимо рассмотрения и анализа самих «писем во власть» как средства для населения в отстаивании своих интересов, отдельные упоминания в письмах и материалах сопутствующих к ним документов крайисполкома позволяют выявить и иные формы взаимодействия, к которым прибегало население в попытках восстановить упраздненные районы. Сразу следует отметить, что данные выявленные случаи являлись единичными.

В частности, в письме на имя Л. И. Брежнева от 24 декабря 1963 г. рабочие, служащие и колхозники бывшего Суетского района отмечали, что «посылали двух человек "Ходаков", он они пробыв недолго в Москве ничего не добились, вернулись ни-чем»³⁰. В конце этого письма также было обращение о готовности повторить данный способ донесения информации до высших органов власти: «Дорогой Леонид Ильич. И если что то мы готовы послать к вам делегацию с прошением. Деньги для этого мы уже собрали и наметили людей для поездки к вам. Леонид Ильич, мы готовы месяц целый работать все бесплатно для благоустройства нашего района... Вот после нового года думаем посылать "Ходаков" которые Вам расскажут всю правду»³¹.

Еще одним интересным случаем является ситуация с группой жителей Новичихинского района. В результате своей активной деятельности ситуация оказалась на контроле у крайисполкома. В начале жители бывшего Новичихинского района также пытались решить возникшие в связи с упразднением района проблемы через переписку с органами власти. Не позднее 18 января 1965 г. ими было написано письмо в Президиум ВС РСФСР, Алтайский крайком КПСС и Алтайский краевой Совет депутатов трудящихся с просьбой о воссоздании Новичихинского района³². По результатам рассмотрения письма от заведующего организационно-инструкторским отделом крайисполкома Т. Глухова на имя председателя Поспелихинского райисполкома И. А. Антонова и председателя Новичихинского сельского Совета А. И. Дудко были направлены письма³³ о том, что «в настоящее время восстановить Новичихинский район не представляется возможности». Кроме того, председателю Поспелихинского райисполкома предписывалось «рассмотреть и решить вопрос об устранении недостатков в культурном и бытовом обслуживании населения села Новичихи»³⁴.

После получения отрицательного ответа местное население перешло к более активным мерам, о которых мы узнаем из записок на имя председателя Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся С. В. Кальченко³⁵ и секретаря Алтайского

³⁰ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 101. Л. 198.

³¹ Там же. Л. 198 об.

³² ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 173–176.

³³ Там же. Л. 171, 172.

³⁴ Там же. Л. 171.

³⁵ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 218. Л. 338–358.

крайкома КПСС А. В. Георгиева³⁶. В ноябре 1965 г. в населенных пунктах Новичихинского, Поломошенского, Токаревского, Мельниковского и Долговского сельских Советов был организован сбор подписей за восстановление бывшего Новичихинского района. Всего было собрано 3126 подписей. Письмо с подписями было направлено гр. Голубевой, проживающей в Москве, которая лично вручила его сотрудникам ЦК КПСС. Сбор подписей проводился путем подворного обхода в организациях, учреждениях и в отдельных магазинах Новичихинского сельпо и Мельниковского совхоз-рабкооп. Списки концентрировались в партийном кабинете колхоза «Россия» под руководством художника Дома культуры Гальцова Владимира Федоровича³⁷. Данное письмо действительно дошло до адресата, т. к. в итоге в крайком КПСС поступил звонок из ЦК КПСС от П. М. Рясова, который получил письмо жителя с. Новичиха Горячих Константина Моисеевича, обращавшегося от имени колхоза «Прогресс», лесничества и других с просьбой о восстановлении Новичихинского района и описанием текущей тяжелой ситуации в районе. Это зафиксировано в памятке, которую составили для С. В. Кальченко, и она имеется в материалах³⁸. Сам оригинал письма в документах отсутствует, но по тем данным, которые сохранились в имеющейся памятке о разговоре с представителем ЦК КПСС П. М. Рясовым, было указано, что «жители разбегаются, дорог нет, ничего не строится в Новичихе и т. д.»³⁹. Предписывалось пригласить автора письма на собрание и разъяснить ему, что письмо получено в ЦК КПСС. Сам же представитель ЦК КПСС поручил «разъяснить по существу вопроса».

Итогом развития данной ситуации стало проведение 19 января 1966 г. совещания председателей сельских Советов, председателей колхозов, директоров совхозов, руководителей организаций и учреждений, секретарей партийных организаций, а затем собрания граждан села Новичиха о восстановлении бывшего Новичихинского района. На совещании присутствовали 6 председателей сельских Советов, 6 председателей колхозов, 15 секретарей партийных организаций,

11 руководителей организаций и учреждений, на собрании – 684 человека⁴⁰. На обоих собраниях желающим была предоставлена возможность высказать свои мнения по существу вопроса. Всего выступило 24 человека, из которых только 2 председателя колхоза высказались против восстановления Новичихинского района⁴¹. Кроме того, на собрании граждан присутствовали первый секретарь Пospelихинского райкома КПСС К. Ф. Варламов и заместитель председателя райисполкома М. Ф. Гусев⁴².

По итогам собраний Пospelихинскому райисполкому было дано указание в пятидневный срок разработать и утвердить мероприятия по улучшению культурно-бытового строительства, медицинского, торгового и бытового обслуживания населения, проживающего на территории бывшего Новичихинского района. Одновременно с этим планировалось оказание соответствующей помощи организациям и учреждениям с. Новичиха через краевые организации и ведомства⁴³.

Несмотря на применение разных форм и тактик отстаивания своих интересов в рамках попыток восстановления упраздненных районов (ведение переписки, посылка «ходаков», сбор подписей и др.), напрямую это не повлияло на их немедленное возвращение. Все ответные письма, которые направлялись адресатам, обращавшимся или напрямую в краевые, или сначала в центральные органы власти и периодической печати (в данном случае письма пересылались из центра в регион), содержат в себе однотипный ответ о том, что восстановление района невозможно или нецелесообразно, и о том, что будут приняты меры по ликвидации негативных последствий от объединения районов.

К примеру, на письмо жителя с. Баево П. И. Алексеенкова, адресованное депутату ВС СССР Г. С. Титову, по вопросу упразднения Баевского района был составлен ответ заведующей организационно-инструкторским отделом сельского крайисполкома В. Зудовой о том, что «Вновь созданный укрупненный Завьяловский район, имеет хорошие экономические

³⁶ Там же. Л. 335–337.

³⁷ Там же. Л. 345.

³⁸ Там же. Л. 338.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 339.

⁴¹ Там же. Л. 335.

⁴² Там же. Л. 336.

⁴³ Там же. Л. 336–337.

связи со всеми хозяйствами бывшего Баевского района, с укрупнением этих двух районов созданы благоприятные условия для дальнейшего развития хозяйственного и культурного строительства. Поэтому выделение из состава Завьяловского района бывшего Баевского района нецелесообразно»⁴⁴.

В рамках устранения недостатков, появившихся в результате объединения районов, крайисполком вступал в переписку с районами, получая ответы на обозначенные претензии. В частности, секретарь Павловского райкома КПСС И. Березняк, председатель Павловского райисполкома Н. Гуляев и инструктор Крайисполкома А. Шонин в справке от 18 июля 1965 г. для крайисполкома по результатам проверки письма председателя Шелаболихинского сельисполкома В. Храмова отмечали, что жалобы и письма о восстановлении района имеются только из райцентра. Также они признали, что «ряд вопросов культурно-бытового обслуживания населения села Шелаболихи до сих пор Павловским райисполкомом до конца не решены», что действительно ряд краевых организаций ликвидируют свои отделения на территории бывшего Шелаболихинского района⁴⁵. При этом «плохое снабжение населения села Шелаболихи медикаментами, невыделение средств на ремонт дорог и другие не подтвердились и не соответствуют действительности»⁴⁶. Кроме того, в справке были перечислены и те меры, которые принимались и будут приняты для улучшения культурно-бытового обслуживания села⁴⁷.

По нашему мнению, политика отказа в восстановлении районов была связана с тем, что руководство регионов фактически было ограничено рамками необходимой реформы по объединению районов, которая была спущена центральными органами власти. В этих условиях, постоянно отказывая, руководство региона очень сильно теряло в доверии со стороны граждан Алтайского края. Это даже видно из ряда писем, в которых именно руководство региона называется главным виновником сложившейся ситуации. Жители Родинского района в письме, написанном не позднее 19 января 1963 г. на имя Н. С. Хрущева, прямо отмечали,

что «Некоторые, может быть, по своему недопониманию, ошибку краевой администрации приписывают правительству. Это плохо»⁴⁸. В своем письме группа жителей с. Волчиха в редакцию газеты «Сельская жизнь» прямо обвиняла первого секретаря крайкома КПСС А. В. Георгиева в том, что именно «в угоду» для него был восстановлен Ключевской район, который «в старых границах меньше от бывшего Волчихинского почти вдвое»⁴⁹. В конце этого же письма его авторами подчеркивалось, что «рассматривая наше письмо, просим не направлять его для принятия мер на месте в крайком КПСС, т. к. в территориальном сельскохозяйственного производства виновен только крайком КПСС и вряд ли согласится он дать самому себе пощечину»⁵⁰.

В свою очередь, не имея возможности сразу вернуть вспять неудачную реформу и восстановить упраздненные районы, руководство региона выступало с предложениями по улучшению ситуации в укрупненных районах. В адрес отдела по вопросам работы Советов Президиума ВС РСФСР 19 июля 1963 г. были отправлены предложения об улучшении работы и расширении прав сельских и поселковых советов Алтайского края. В них предлагалось передать часть вопросов на окончательное решение сельских и поселковых советов, расширить права сельских советов по исполнению бюджета, образовать административные комиссии, передать вопросы учета, начисления и предоставления льгот по сельскохозяйственному, подоходному и налогу со строений и земельной ренты, а также предоставить право привлечения населения и транспорта в порядке мобилизации для борьбы со стихийными бедствиями⁵¹.

Подводя итог рассмотрению борьбы за восстановление районов, нужно отметить, что значительная часть из упраздненных районов была восстановлена в течение 1964–1966 гг. Но некоторые из них в итоге исчезли навсегда или были восстановлены гораздо позже. При этом важность вопроса по восстановлению районов не снизилась для жителей тех из них, которые так и не были восстановлены за 1964–1966 гг. Примером этого могут служить

⁴⁴ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 72. Л. 161.

⁴⁵ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 218. Л. 165.

⁴⁶ Там же. Л. 166.

⁴⁷ Там же. Л. 166–167.

⁴⁸ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 72. Л. 115 об.

⁴⁹ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 168. Л. 101.

⁵⁰ Там же. Л. 102.

⁵¹ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 100. Л. 161–166.

и «письма во власть», но уже последующего периода. В частности, трудящиеся с. Верх-Суетка направили 21 января 1970 г. на имя председателя Президиума ВС СССР Н. В. Подгорного заявление о восстановлении Суетского района⁵². В этом же году на имя Н. В. Подгорного 25 января 1970 г. было составлено заявление от рабочих совхозов, учителей, медработников, инвалидов Великой Отечественной войны бывшего Белоглазовского района о восстановлении соответствующего района⁵³. Подобная активизация населения, скорее всего, связана с проведением очередной переписи населения.

Стратегия по проведению перехода населенного пункта в подчинение соседнего района или региона

Второй основной стратегией, которой придерживалось население в качестве реакции на проведение реформы административно-территориального деления, являлось решение возникших проблем за счет проведения перехода сел, сельсоветов, колхозов или совхозов в подчинение соседнего района или региона для улучшения логистики и управления.

Из 64 выявленных писем данной стратегии посвящены 18. Всего в этих письмах было выявлено 24 адресата. В отличие от писем по восстановлению упраздненных районов, основными адресатами писем о переводе населенных пунктов являлись крайком КПСС и крайисполком (14 упоминаний). Далее по количеству упоминаний (5) идут центральные государственные и партийные инстанции (Президиум ВС СССР, Президиум ВС РСФСР), газеты и журналы (4) – «Правда», «Советская Россия», «Известия», «Крокодил», также выявлено 1 письмо на имя депутата ВС СССР Н. Г. Игнатова. При этом не было найдено ни одного письма на имя высших руководителей государства. Это связано с тем, что данный вопрос решался именно краевыми властями и не являлся столь сложным в решении в рамках проводимой реформы, в отличие от разукрупнения районов.

Как и в письмах по поводу восстановления упраздненных районов, в переписке о переводе населенных

пунктов в другой район большинство имело коллективное авторство (11 писем из 18). При этом важно отметить, что в данной категории писем в качестве коллективного автора гораздо чаще выступали какие-либо сельские организации и предприятия (преимущественно колхозы или совхозы, леспромхозы и др.). В качестве примера можно привести письмо от партийной, профсоюзной организации и дирекции совхоза «Егорьевский» в бюро Алтайского краевого комитета КПСС от 16 октября 1965 г.⁵⁴ или письмо руководства Боровлянского леспромхоза, парткома и рабочего комитета ЛПХ на имя председателя Алтайского крайисполкома С. В. Кальченко и начальнику управления лесного хозяйства В. С. Вашкевичу о присоединении пос. Чернявка и Уткино в состав Троицкого района от 9 января 1964 г.⁵⁵

Что касается используемых тактик по применению писем для выстраивания диалога с властью, то большинство авторов придерживалось «пассивной» тактики. В основном это были письма одного автора, отправляемые на имя одного адресата. Примерами являются письмо председателя исполнительного комитета Троицкого (сельского) районного Совета депутатов трудящихся М. Мочалова на имя председателя исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся С. В. Кальченко о передаче Бобровского и Рассказихинского сельских советов гор Барнаулу, написанное не ранее 29 марта 1963 г.⁵⁶; письмо жителя с. Долгово М. С. Прохода от 2 апреля 1964 г. в редакцию газеты «Известия» с просьбой передать данное село из Поспелихинского в Мамонтовский район⁵⁷. Также составлялись и коллективные письма на одного адресата. Например, письмо жителей с. Гилев-Лог на имя секретаря Алтайского сельского крайкома КПСС А. В. Георгиева о переводе села из Мамонтовского в Завьяловский район⁵⁸.

Применение «активных» тактик во взаимодействии с властью через письма носило единичный характер. В частности, это касалось двух одинаковых по содержанию писем от 18 марта 1963 г. граждан А. Д. Лютова, Н. П. Шарова и других по вопросу передачи сел Богдановка, Георгиевка, Старобеленское

⁵² ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 300. Л. 17–20 об.

⁵³ Там же. Л. 62–70.

⁵⁴ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 218. Л. 270–271.

⁵⁵ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 159.

⁵⁶ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 72. Л. 159–160.

⁵⁷ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 219. Л. 216–223 об.

⁵⁸ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 72. Л. 140.

и Казахское из Кулундинского сельского района в состав Славгородского сельского района, которые они направили сначала в Президиум ВС РСФСР⁵⁹, а потом одновременно в ВС СССР и Президиум ВС РСФСР⁶⁰. Массовая рассылка писем от групп граждан во множество инстанций и письма от жителей других регионов по поводу перевода населенных пунктов в другие районы в данном комплексе источников не фиксируются.

Проведенный анализ писем с просьбами о переводе населенных пунктов в другие районы, в отличие от писем о восстановлении районов, позволяет выделить только 2 блока освещаемых проблем:

1. Акцент на значительном увеличении времени на поездки в райцентр для получения социальных услуг, а также на ухудшении снабжения сел из-за увеличения расстояния между селами и райцентром.

2. Ломка имевшихся экономических связей между селами и районами. Второй блок преимущественно отражен в сюжетах об изменениях экономических связей по получению различных материалов снабжения. Кроме проблем с получением товаров в новых местах в письмах отмечались и определенные сложности с получением денежных средств (пенсий, пособий, зарплат и др.) из-за перераспределения финансовых потоков.

В отличие от писем за восстановление упраздненных районов, на письма по переводу населенных пунктов в соседние районы краевое руководство отвечало гораздо более обнадеживающе. Чаще всего ответ авторам письма был о том, что оно рассматривается или необходимо немедленно рассмотреть данный вопрос. В частности, секретарь исполнительного комитета краевого (сельского) Совета депутатов трудящихся Г. Манжос в своем письме председателю Богдановского сельского Совета отмечал, что письмо получено и рассматривается, а о результатах сельсовет будет поставлен в известность⁶¹. В редких случаях были однозначные отказы.

Важно отметить, что в большинстве случаев вопрос о переводе населенного пункта в другой район решался

без использования «писем во власть» по выстроенному механизму, включавшему в себя проведение сходов населения, утверждения их решений на уровне сельских и районных советов и направления их резолюций в краевые органы для утверждения⁶². К примеру, жители поселка Заречный Баюновского сельсовета Троицкого района провели 27 июня 1964 г. общее собрание, на котором постановили просить о переходе в административное подчинение Санниковского сельсовета Тальменского района⁶³. Затем эта просьба была утверждена на заседании исполкома Баюновского сельского Совета депутатов трудящихся от 29 июня 1964 г.⁶⁴ и уже впоследствии поддержана решением Исполнительного комитета Троицкого районного Совета депутатов трудящихся № 216 от 3 июля 1964 г.⁶⁵ и Исполнительного комитета Тальменского районного Совета депутатов трудящихся № 121 от 10 июня 1964 г.⁶⁶ В итоге переход населенного пункта из одного района в другой окончательно был закреплен решением Исполнительного комитета Алтайского краевого (сельского) Совета депутатов трудящихся № 540 от 13 августа 1964 г.⁶⁷

Достаточно упомянуть, что Алтайским краевым Советом депутатов трудящихся в течение 1963 г. было принято как минимум 29 решений, которые содержали в себе административно-территориальные изменения, связанные с переводом населенных пунктов в другие районы или регионы. В свою очередь, составление и направление «писем во власть» по данным вопросам, как правило, было связано с определенными проблемами, которые возникали во время коммуникации власти и общества по отлаженному механизму решения проблемы, описанному выше.

По тем «письмам во власть», которые рассматриваются в статье и касаются перевода населенного пункта в другой район, можно проследить три итоговых варианта решения поставленных проблем.

Во-первых, это относительно быстрое положительное решение поставленного в письме вопроса. К примеру, просьба парторганизации колхоза им. Калинина

⁵⁹ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 102. Л. 44–47 об.

⁶⁰ Там же. Л. 23–27.

⁶¹ Там же. Л. 41.

⁶² Инструкция о порядке передачи территорий, выделяемых в новую административную единицу или перечисляемых из одной административной единицы в другую. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.01.1931. *СУ РСФСР*. 1931. № 19. Ст. 193.

⁶³ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 168. Л. 46–46 об.

⁶⁴ Там же. Л. 47–47 об.

⁶⁵ Там же. Л. 45 об.

⁶⁶ Там же. Л. 44.

⁶⁷ Там же. Л. 42–43.

в исполком Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся о переводе села Неводное из Ключевского в Михайловский район была составлена не ранее 21 декабря 1964 г., а уже 14 января 1965 г. решением № 13 этого же органа данная просьба была удовлетворена⁶⁸. Также в течение года была удовлетворена просьба о передаче сел Богдановка, Георгиевка, Старобеленское и Казахское из Кулундинского в Славгородский сельский район из письма группы граждан в ВС СССР и Президиум ВС РСФСР от 18 марта 1963 г. Соответствующее решение № 239 было принято крайисполкомом 11 апреля 1964 г.⁶⁹

Во-вторых, это решение вопроса через определенный длительный период и со сложностями в согласовании между различными заинтересованными структурами. Показательной в этом плане была ситуация с селом Гилев-Лог. Письмо жителей данного села на имя секретаря Алтайского крайкома КПСС с просьбой о переводе села из Мамонтовского в Завьяловский район было написано 15 февраля 1963 г. После этого 28 февраля 1963 г. из крайисполкома на имя авторов письма и в Гилев-Логовский сельисполком было направлено письмо, в котором указывалось, что ходатайство не может быть удовлетворено, т. к. в ближайшее время состоятся выборы в ВС РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся и изменения могут вызвать путаницу в подсчете результатов. Кроме того, указывалось, что внимание жителей села должно было быть сосредоточено на претворение в жизнь указаний недавних съездов и пленумов ЦК КПСС⁷⁰. Затем появляется проект постановления бюро крайкома КПСС и крайисполкома от 21 марта 1963 г. «О передаче Гилев-Логовского сельского Совета Мамонтовского района в подчинение Завьяловского райисполкома»⁷¹, а также положительное заключение по данному вопросу от крайисполкома⁷². Но 3 мая 1963 г. от начальника краевого управления производства и заготовок сельхозпродуктов Романенко в крайисполком приходит справка по проекту данного постановления⁷³,

в которой доказывается, что из-за отсутствия ремонтной базы в колхозах Гилев-Логовского сельсовета и Завьяловском производственном управлении их передача «будет большой ошибкой и делать этого не следует»⁷⁴. В итоге крайком КПСС и крайисполком 8 мая 1963 г. приняли решение оставить без удовлетворения ходатайство граждан. В письме секретарю парткома и председателю Мамонтовского райисполкома прямо указывалось на проведение разъяснительной работы среди населения о нецелесообразности требуемого ими решения⁷⁵.

Данный вопрос окончательно был решен только в рамках процесса по отмене результатов проведенной реформы. Сначала решением крайисполкома № 13 от 14 января 1965 г. село Гилев-Лог все-таки было передано из Мамонтовского в Завьяловский район⁷⁶. А уже решением № 671 от 15 ноября 1965 г. оно было передано в состав вновь создаваемого Романовского района⁷⁷, где и находится по настоящее время.

В-третьих, решение могло так и не быть принято, или авторы письма получали отказ на свое ходатайство. В частности, по итогам рассмотрения письма от партийной, профсоюзной организации и дирекции совхоза «Егорьевский» в бюро Алтайского краевого комитета КПСС и исполкома Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся о сохранении совхоза в составе Рубцовского района от 16 октября 1965 г. было принято решение, что «краевой комитет КПСС не дает согласия оставить Егорьевский совхоз в административном подчинении Рубцовского района»⁷⁸.

Заключение

В ходе исследования выделены две основных стратегии населения, которыми оно руководствовалось в качестве возможного решения возникших проблем в результате проведения реформы административно-территориального деления: осуществление попыток добиться полного восстановления ликвидированного

⁶⁸ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 591. Л. 121.

⁶⁹ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 374. Л. 275.

⁷⁰ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 72. Л. 139.

⁷¹ Там же. Л. 143.

⁷² Там же. Л. 144.

⁷³ Там же. Л. 141–142.

⁷⁴ Там же. Л. 142.

⁷⁵ Там же. Л. 136.

⁷⁶ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 591. Л. 126.

⁷⁷ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 609. Л. 102.

⁷⁸ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 8. Д. 218. Л. 269–271.

района и проведение перехода населенного пункта в подчинение соседнего района или региона.

В рамках данных стратегий в ходе осуществления попыток выйти на диалог с властью население применяло «пассивную» и «активную» тактики по использованию писем для донесения сведений о возникших проблемах и начала выстраивания диалога с органами власти для их решения. При этом «пассивность» или «активность» определяется только тем, насколько далеко авторы писем пошли в своей деятельности для отстаивания своих прав и интересов. В ходе восстановления ликвидированного района «активные» тактики применялись авторами писем гораздо чаще, чем во время проведения перехода населенного пункта в подчинение соседнего района или региона. Кроме того, «письма во власть» позволяют выделить сведения и об использовании иных форм взаимодействия с органами власти, таких как сбор подписей, отправка «ходаков». Но несмотря на значительно больший массив писем и использование «активных» тактик в применении «писем во власть», а также разных иных форм отстаивания собственных интересов и донесения информации до центральных органов власти, все попытки восстановления районов являлись неудачными. Изменение ситуации в данном аспекте началось только с 1965 г. в рамках общей государственной политики в данном вопросе после смещения со своего поста Н. С. Хрущева.

Более успешным, несмотря на меньшую как количественно, так и качественно активность со стороны населения, было использование стратегии решения возникших из-за реформы проблем за счет проведения перехода сел, сельсоветов, колхозов или совхозов в подчинение соседнего района или региона

для улучшения логистики и управления. Во многом это было связано с тем, что вопрос о переводе населенного пункта в другой район в большинстве случаев решался без использования «писем во власть», через решение краевых властей по выстроенному механизму, и не был ограничен рамками необходимой реформы по объединению районов, которая была спущена центральными органами власти. В данном случае составление и направление «писем во власть», как правило, было связано с определенными проблемами, которые возникали во время коммуникации власти и общества. Как показывает проведенный анализ, результативность решения поставленных в письмах проблем находилась на высоком уровне.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01443 «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)», <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01443: Rural Community and Authorities in the 1950s and mid-1980s: Communication and Social Memory in West Siberia, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01443/>

Литература / References

- Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. 621 с. [Aksyutin Yu. V. *Khrushchev's Thaw and public sentiment in the USSR in 1953–1964*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 2010, 621. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qppoat>
- Белякова Н. А. Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма. *Российская история*. 2019. № 1. С. 207–214. [Belyakova N. A. Soviet in style, religious in content. Letters from believers to authorities during the late socialism. *Rossiiskaia Istoriia*, 2019, (1): 207–214. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S086956870004236-0>
- Большакова Г. И. Административно-территориальные преобразования на Карельском перешейке в 1940–1960-е годы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 93. С. 14–21. [Bolshakova G. I. Administrative-territorial reorganization on the Karelian Isthmus in the 1940–1960s. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, (93): 14–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwrvir>

- Борблик Е. М., Соболева Т. Н., Ковалева Л. Г., Разгон Н. И. Административно-территориальное устройство Алтая. *Энциклопедия Алтайского края*, гл. ред. В. Т. Мищенко. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. Т. 1. С. 169–175. [Borblik E. M., Soboleva T. N., Kovaleva L. G., Razgon N. I. Administrative and territorial structure of Altai. *Encyclopedia of the Altai Region*, ed. Mishchenko V. T. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1996, vol. 1, 169–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxxtsd>
- Ведерников А. В. Реформы Н. С. Хрущева в области управления народным хозяйством СССР в 1957–1964 гг. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2013. № 8-1. С. 123–125. [Vedernikov A. V. N. S. Khrushchev's reforms of the USSR economy management in 1957–1964. *Mezhdunarodnyy nauchnoissledovatel'skiy zhurnal*, 2013, (8-1): 123–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbfybv>
- Гущин Н. Я. Введение. *Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.*, отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 5–42. [Gushchin N. Ya. Introduction. *Siberian peasantry and agriculture in 1960–1980s*, ed. N. Ya. Gushchin. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 5–42. (In Russ.)]
- Коваленко Д. А. Борьба за выполнение семилетнего плана. Совершенствование управления экономикой. *Краткая история СССР. Ч. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней*, отв. ред. А. М. Самсонов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 486–496. [Kovalenko D. A. Achieving the Seven-Year Plan. Improving economic management. *Brief History of the USSR. Pt. 2. From the Great October Socialist Revolution to the Present Day*, ed. Samsonov A. M. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972, 486–496. (In Russ.)]
- Кошкидько В. Г. Реформирование регионального и местного управления СССР в начале 60-х гг. XX в. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2021. № 1. С. 65–79. [Koshkidko V. G. Reforming of the regional and local government in the USSR at the beginning 60s XX century. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, 2021, (1): 65–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iofddt>
- Морозова Т. И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики. *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 89–97. [Morozova T. I. Letters of Siberians to the power in the conditions of the New Economic Policy. *Tomsk State University Journal*, 2016, (412): 89–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/412/15>
- Мохов В. П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь: ПГТУ, 1998. 255 с. [Mokhov V. P. *Evolution of the Regional Political Elite of Russia (1950–1990)*. Perm: PSTU, 1998, 255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swfvrb>
- Попов В. И. Борьба за выполнение семилетнего плана. Октябрьский пленум ЦК 1964 года. Последовательное осуществление ленинских норм партийной жизни и принципов партийного руководства. In: Пономарев Б. Н., Волин М. С., Зайцев В. С. и др. *История Коммунистической партии Советского Союза*. 6-е изд., доп. М.: Политиздат, 1982. С. 587–594. [Popov V. I. Achieving the Seven-Year Plan. October Plenum of the Central Committee of 1964. Consistent implementation of Leninist Norms of party life and principles of party leadership. In: Ponomarev B. N., Volin M. S., Zaitsev V. S. et al. *History of the Communist Party of the Soviet Union*. 6th ed. Moscow: Politizdat, 1982, 587–594. (In Russ.)]
- Попова О. Д. «Письма во власть» как источник по изучению уровня жизни советских граждан в 1950–60-е годы. *Развитие территории в условиях современных вызовов: Нац. науч.-практ. конф. (Рязань, 12–13 ноября 2020 г.)*. М.: Изд-во Ипполитова, 2020. С. 64–69. [Popova O. D. "Letters to power" as a source for studying the standard of living of Soviet citizens in the 1950s and 60s. *Territorial development in the context of modern challenges: Proc. National Sci.-Prac. Conf., Ryazan, 12–13 Nov 2020*. Moscow: Izd-vo Ippolitov, 2020, 64–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ajmrvx>
- Пыжиков А. В. О некоторых аспектах перестройки партийно-советских органов по производственному принципу (1962–1964 гг.). М.: Ин-т молодежи, 1998. 26 с. [Pyzhikov A. V. *Some aspects of reforming the Party and Soviet Bodies based on the production principle (1962–1964)*. Moscow: In-t molodezhi, 1998, 26. (In Russ.)]
- Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР (1950–1960-е годы). М.: Квадрат С, 1999. 305 с. [Pyzhikov A. V. *Political transformations in the USSR (1950–1960s)*. Moscow: Kvadrat S, 1999, 305. (In Russ.)]
- Ракачев В. Н. Административно-территориальные преобразования в Адыгее в годы советской власти и их влияние на численность и состав населения. *Manuscript*. 2020. Т. 13. № 12. С. 80–86. [Rakachev V. N. Administrative and territorial transformations in the Adyghe autonomous region in the Soviet period and their influence on population size and STRUCTURE. *Manuscript*, 2020, 13(12): 80–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/mns200577>

- Рожков А. Ю. «Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой»: письма студентов КубГУ – КГПИ «во власть» (1921–1929 гг.). *Голос минувшего*. 2023. № 3. С. 75–94. [Rozhkov A. Yu. "I am addressing you with a most humble request": "letters to the authorities" from students of Kuban State University and Krasnoyarsk State Pedagogical Institute (1921–1929). *Golos minuvshogo*, 2023, (3): 75–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ajpebv>
- Стрекалов И. Н. «Письма во власть» советских граждан в ходе создания Конституции СССР 1977 года: ломка стереотипа и неожиданные «откровения». *Исторический курьер*. 2022. № 6. С. 154–163. [Strekalov I. N. "Letters to power" by Soviet citizens during the creation of the Constitution of the USSR in 1977: "Breaking" the template and unexpected "revelations". *Historical Courier*, 2022, (6): 154–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-6-12>
- Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920–1950-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2008. 147 с. [Surovtseva E. V. *"Letters to the Leader" as a Genre in the Totalitarian Era (1920–1950s)*. Moscow: AIRO-XXI, 2008, 147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtrqpb>
- Тажидинова И. Г. Метаморфозы радости, или Письма вождям из провинциальных городов СССР как источник по истории эмоций (1930-е гг.). *Город и горожане в Советской России 1920–1930-х гг.: мир эмоций и повседневных практик*, отв. ред. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. С. 112–151. [Tazhidinova I. G. Metamorphoses of joy, or Letters to the leaders from the provincial cities of the USSR as a source on the history of emotions (1930s). *The City and Citizens in Soviet Russia in 1920s–1930s: The World of Emotions and Everyday Practices*, ed. Rozhkov A. Yu. Krasnodar: Traditsiia, 2017, 112–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uudjpw>
- Тихомиров А. А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней Советской России. *Новейшая история России*. 2016. № 3. С. 138–158. [Tikhomirov A. A. Earning, vindicating and returning the Party's trust: The Soviet "I" in public letters-writing to party-state authorities in early Soviet Russia. *Modern History of Russia*, 2016, (3): 138–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrvnmx>
- Толкачев А. С. Совершенствование системы планирования народного хозяйства. *История социалистической экономики СССР. Т. 7. Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970-е гг.)*, отв. ред. И. А. Гладков. М.: Наука, 1980. С. 55–86. [Tolkachev A. S. Improving the system of national economic planning. *History of the Socialist Economy of the USSR. Vol. 7. Economy of the USSR at the stage of developed socialism (1960–1970s)*, ed. Gladkov I. A. Moscow: Nauka, 1980, 55–86. (In Russ.)]
- Фокин А. А. Ритуал «писем во власть» и образы будущего позднего СССР. *Образ будущего: Междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 19–20 февраля 2021 г.)* Орел: Картуш, 2021. С. 89–90. [Fokin A. A. The ritual of "letters to power" and images of the future of the late USSR. *Image of the Future: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orel 19–20 Feb 2021*. Orel: Kartush, 2021, 89–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysacgo>
- Хлевнюк О. В. Роковая реформа Н. С. Хрущева: Разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 годы. *Российская история*. 2012. № 4. С. 164–179. [Khlevnyuk O. V. N. S. Khrushchev's fatal reform: Division of the party apparatus and its consequences. 1962–1964. *Rossiiskaia Istoriia*, 2012, (4): 164–179. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcorwl>
- Цуркан М. В. Административно-территориальное деление Калининской области в конце 1950–1960-х гг. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2011. № 12. С. 145–149. [Tsurkan M. V. Administrative-territorial division of Kalinin Area in the end of 1950–1960. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Ekonomika i upravlenie*, 2011, (12): 145–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oqoiox>
- Шабельников В. И. Реформирование территориальной организации и управления экономикой Донбасса в 1957–1965 гг. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 35–42. [Shabelnikov V. I. Reforming the territorial organization and management of Donbass economy in 1957–1965. *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seria B: Gumanitarnye nauki*, 2018, (1): 35–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyzvvr>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cmgeph>

Деятельность Германии в Совете Безопасности ООН в 1995–1996 гг. по урегулированию ситуации в Афганистане

Семенов Олег Юрьевич

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 1852-2320
<https://orcid.org/0000-0003-0324-3350>
horrin@mail.ru

Белашченко Дмитрий Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 8974-7667
<https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>
Scopus Author ID: 58161197300

Аннотация: Рассмотрены особенности деятельности Федеративной Республики Германии в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 1995–1996 гг., связанной с урегулированием кризиса в Афганистане. Актуальность представленной тематики для российской внешней политики обусловлена ответственностью нашей страны за глобальный мир и безопасность как постоянного члена Совета Безопасности, активной деятельностью С. В. Лаврова в качестве российского посла в ООН в рассматриваемый период, в том числе по нормализации ситуации в Афганистане. В статье представлены результаты исследования нормотворческой деятельности Германии в Совете Безопасности, свидетельствующие о двойственности афганского направления внешней политики страны в рамках Организации Объединенных Наций. Цель – на основе анализа оригинальных источников и документов ООН, в том числе ранее не вводившихся в научный оборот, выявить ключевые параметры, характеристики и тенденции афганского вектора политики ФРГ в системе ООН середины 1990-х гг. Базируясь на принципах историзма и объективности, ролевой концепции международных организаций Клайва Арчера, используя сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, авторы показывают, что ФРГ не была заинтересована в решающей роли Совета Безопасности по вопросу Афганистана. После нескольких десятилетий послевоенных дипломатических усилий по возвращению себе политического влияния в мире, а тем более после воссоединения и в рамках тезиса о «нормальности» страны, фокус немецкого представительства в ООН 1990-х гг. всецело был сориентирован на Генеральную Ассамблею, а задачей афганской политики Бонна в Совете Безопасности в 1995–1996 гг. была максимально возможная политическая поддержка немецкого специального посланника Норберта Холла как главы инициированной Генассамблеей миссии ООН UNSMA в Афганистане, равно как и минимизация роли Совета Безопасности в афганском вопросе.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, внешняя политика Германии, Антониус Айтель, ситуация в Афганистане, миссия UNSMA

Цитирование: Семенов О. Ю., Белашченко Д. А. Деятельность Германии в Совете Безопасности ООН в 1995–1996 гг. по урегулированию ситуации в Афганистане. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 1042–1050. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1042-1050>

Поступила в редакцию 08.10.2024. Принята после рецензирования 07.11.2024. Принята в печать 11.11.2024.

full article

Germany's Policy on Afghanistan in the United Nations Security Council in 1995–1996

Oleg Yu. Semenov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 1852-2320

<https://orcid.org/0000-0003-0324-3350>horrin@mail.ru

Dmitry A. Belashchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 8974-7667

<https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>

Scopus Author ID: 58161197300

Abstract: The article describes the policy on Afghanistan conducted by Germany during its temporary membership in the UN Security Council in 1995–1996. As a permanent member of the Security Council, the Russian Federation was responsible for global peace and security, Sergei V. Lavrov being the Russian ambassador to the UN during the period under consideration. Based on archival and previously unpublished documents, the authors identified the key parameters, characteristics, and trends of the Afghan vector in Germany's policy in the UN system. They relied on the principles of historicism and objectivity, as well as on Clive Archer's role concept of international organizations. Germany's activities in the Security Council revealed the duality of its foreign policy regarding the conflict in Afghanistan. After several decades of post-war diplomatic efforts to regain political influence, Germany opposed the crucial role of the Security Council on the Afghan issue. It focused on the General Assembly in an attempt to support Norbert Hall, who was the German Special Envoy in Afghanistan and the Head of the UNSMA mission, which was initiated by the UN General Assembly. As a result, Germany tried to minimize the role of the Security Council in Afghanistan in favor of the General Assembly.

Keywords: United Nations, Security Council, German foreign policy, Antonius Eitel, situation in Afghanistan, UNSMA mission

Citation: Semenov O. Yu., Belashchenko D. A. Germany's Policy on Afghanistan in the United Nations Security Council in 1995–1996. *SibScript*, 2024, 26(6): 1042–1050. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1042-1050>

Received 8 Oct 2024. Accepted after peer review 7 Nov 2024. Accepted for publication 11 Nov 2024.

Введение

Избрание Федеративной Республики Германии (ФРГ) непостоянным членом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) в 1995–1996 гг. стало важным этапом в укреплении международного положения страны и значительным шагом в ее внешнеполитической стратегии, направленной на активное участие в глобальных процессах обеспечения мира и безопасности. В этот период Германия, еще относительно недавно объединенная после долгого разделения, стремилась утвердить свой статус ответственного и влиятельного актора на мировой арене, что требовало усиленной интеграции в международные институты и более заметного участия в решении глобальных проблем [Гуляев 2019]. Таким образом, членство в Совете Безопасности ООН предоставило Германии уникальную возможность продемонстрировать свою приверженность международным нормам, активно

участвовать в принятии ключевых решений, касающихся международной безопасности, и укрепить свои позиции в качестве важного партнера для других государств [Таранец 2020; Dobosz-Dobrowolska 2021].

Важность этого избрания для внешней политики Германии также заключалась в том, что участие в Совете Безопасности позволяло стране активно способствовать реализации миротворческих инициатив и гуманитарных проектов, тем самым укрепляя свою репутацию как одного из ведущих мировых доноров и поборников международного права [Шамаров 2022]. В ходе своего членства в СБ ООН Германия поддерживала различные резолюции, направленные на урегулирование конфликтов и предотвращение гуманитарных катастроф, что соответствовало ее долгосрочным внешнеполитическим целям по продвижению стабильности и безопасности в различных регионах мира

[Tröller 2019]. Кроме того, этот опыт способствовал развитию дипломатических навыков и укреплению связей с другими ключевыми международными акторами, что имело долговременные положительные последствия для внешней политики Германии [Beisheim, Weinlich 2023: 168–169; Mello 2019: 296].

Цель статьи – на основе анализа оригинальных источников и документов ООН, в том числе ранее не вводившихся в научный оборот, выявить ключевые параметры, характеристики и тенденции афганского вектора политики ФРГ в системе ООН середины 1990-х гг. Согласно поставленной цели в работе решается ряд научно-исследовательских задач: привлечение оригинальных источников и построение с их помощью авторской картины деятельности Германии как постоянного члена Совета Безопасности ООН применительно к афганскому вопросу, подбор релевантной методологической основы и ее авторское применение в процессе анализа заявленной проблемы, выявление базовых параметров и особенностей афганского направления дипломатической активности ФРГ в ООН 1995–1996 гг. Научная новизна исследования детерминирована введением в научный оборот целого ряда оригинальных документов ООН и германоязычных источников по внешней политике ФРГ, авторским применением ролевого методологического подхода к анализу деятельности Германии в рамках ООН, доказательной иллюстрацией двойственной политики Бонна в отношении Совета Безопасности.

Актуальность исследования опыта ФРГ как постоянного члена СБ ООН в 1995–1996 гг. для современной России заключается в возможности извлечения полезных уроков для собственной внешнеполитической стратегии и более эффективного участия в международных организациях. Россия, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, несет особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности, и анализ опыта Германии может предложить ценные инсайты относительно подходов к сотрудничеству с другими государствами, выработке консенсуса и продвижению миротворческих инициатив. В условиях текущих геополитических вызовов и усиления международной напряженности изучение успешных примеров активного и конструктивного участия в работе международных институтов приобретает особое значение для выработки более сбалансированной и многовекторной внешнеполитической стратегии современной России.

Методы и материалы

Ролевая концепция международных организаций, разработанная Клайвом Арчером, представляет собой методологическую основу для анализа деятельности государств в рамках международных структур. К. Арчер рассматривает международные организации как арену, где государственные и негосударственные акторы реализуют свои интересы, адаптируют свои поведенческие модели и участвуют в формировании глобальных норм. В этом контексте ролевой анализ позволяет исследовать, каким образом конкретное государство исполняет свои обязанности, принимает решения и взаимодействует с другими членами организации, исходя из своей уникальной позиции и политических целей [Archer 2008; 2015; Peacekeeping and the role of Russia... 1996].

Применение ролевой концепции К. Арчера к исследованию деятельности Федеративной Республики Германии в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН в 1995–1996 гг. позволяет детально изучить, как Германия адаптировала свою внешнюю политику в соответствии с международными ожиданиями и собственными национальными интересами. В этот период Германия стремилась укрепить свои позиции на международной арене, активно участвуя в миротворческих операциях и поддерживая инициативы по укреплению международной безопасности [Gowan 2021: 6]. Анализ роли Германии в Совете Безопасности ООН через призму концепции К. Арчера помогает понять, каким образом ФРГ балансировала между своими национальными интересами и обязательствами перед международным сообществом [Wittig 2011: 4].

Кроме того, ролевой подход позволяет оценить влияние внутренних и внешних факторов на деятельность Германии в ООН. Внутренние факторы включают политическую динамику внутри страны, общественное мнение и экономические возможности, тогда как внешние факторы охватывают отношения с другими государствами и глобальные тенденции в международных отношениях [Bickerton et al. 2011: 2–6]. Используя ролевую концепцию К. Арчера, исследование выявляет, каким образом эти факторы формировали поведение Германии в Совете Безопасности и как ФРГ пыталась использовать свою позицию постоянного члена СБ ООН для продвижения миротворческих и гуманитарных инициатив, тем самым укрепляя свой статус ответственного и активного участника международного сообщества [Germany... 2001: 115].

Результаты

В случае с первым избранием воссоединенной Германии в качестве непостоянного члена СБ ООН в 1995–1996 гг. обращает на себя внимание тот момент, что это событие вызвало гораздо меньший резонанс в СМИ и аналитических кругах самой ФРГ, чем, например, самое первое представительство ФРГ в Совете Безопасности – еще во времена «холодной войны», в 1977–1978 гг. [Talmon 2021]. Основной акцент делался на популярном тогда нарративе «нормальности» объединенной Германии, т. е. ее полноценности в качестве участника международного сообщества: как писала газета "Die Welt", немецкий посол в ООН теперь представлял «совершенно нормальную страну»¹ [Narlikar 2020; Schmidt 1994]. Гюнтер Альтенбург, начальник отдела по вопросам представительства в ООН в Федеральном министерстве иностранных дел, выразился похожим образом: «Организация Объединенных Наций не заинтересована в том, чтобы Германия смирилась со своим прошлым и предалась пустым размышлениям, даже в отношении членства Германии в Совете Безопасности, учитывая обилие задач, которые стоят перед ней. Напротив, международное сообщество хочет, чтобы объединенная Германия взяла на себя более твердые международные обязательства, взяла на себя большую политическую ответственность. Мы не можем разочаровать эти ожидания, не навредив себе и своей безопасности» [Altenburg 1996: 103]. Посол ФРГ в ООН граф Детлев цу Ранцау также заявил, что «такая страна, как Германия, больше не может уклоняться от своей ответственности за помощь в глобальных усилиях по установлению порядка и поддержанию мира. В конце концов немного в мире стран такого размера с такой здоровой экономической и политической стабильностью» [McCarthy 1997: 150].

В целом за время пребывания Германии в 1995–1996 гг. в качестве непостоянного члена СБ ООН уделял внимание более чем 20 конфликтам и вопросам

международной безопасности разной степени обостренности [Eitel 1999: 135], при этом центральное место отводилось обсуждению ситуации на территории бывшей Югославии (более трети всех заседаний СБ были посвящены различным аспектам этого конфликта), второе место делили африканский кризис в районе Великих озер и являющаяся предметом рассмотрения данной статьи ситуация в Афганистане, все еще далекая от нормализации и успокоения после вывода советских войск [Fröhlich 2023: 11]. Стоит также отметить достаточно высокую нормотворческую активность немецкой делегации, ставшей автором 31 из 123 резолюций, принятых Советом Безопасности в 1995–1996 гг. [Knapp 1998: 466].

Относительно ситуации в Афганистане отметим, что еще непосредственно после ввода советского контингента ФРГ стала 3 января 1980 г. одним из инициаторов срочного созыва заседания СБ ООН², который однако уже 6 января был вынужден признать невозможность «осуществления своей главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности» после отклонения Советским Союзом и ГДР проекта резолюции о выводе войск³ и передал афганский вопрос в ведение Генеральной Ассамблеи⁴. В исключительном ведении главного совещательного органа ООН афганская проблема и оставалась до вывода советских сил в 1988 г., когда Совет Безопасности вновь подключился к процессу и утвердил создание Миссии добрых услуг ООН в Афганистане и Пакистане (UNGOMAP)⁵, хотя следует отметить, что Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) свои позиции продолжала удерживать и в 1993 г. стала инициатором важного шага в урегулировании ситуации – учреждения Специальной миссии ООН в Афганистане (UNAMA)⁶, которая должна была способствовать мирному разрешению афганского конфликта в соответствии с мандатом, включающим различные гражданские компоненты, в первую очередь национальное примирение и восстановление страны.

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

² Документ СБ ООН UN S/13724. Письмо от 03.01.1980 на имя председателя Совета Безопасности. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/gl0/118/08/pdf/gl011808.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

³ Документ СБ ООН UN S/13729. Проект резолюции от 06.01.1980. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/nl8/000/50/img/nl800050.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

⁴ Документ СБ ООН UN S/RES/462. Резолюция 462 от 09.01.1980. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/400/01/pdf/nr040001.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

⁵ Документ СБ ООН UN S/RES/622. Резолюция 622 от 31.10.1988. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/541/89/pdf/nr054189.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

⁶ Документ ГА ООН UN A/RES/48/208. Резолюция 48/208 от 21.12.1993. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/717/58/img/nr071758.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

Лишь начиная с 1994 г. в свете активизации усилий Российской Федерации по урегулированию афганского вопроса стали заметны попытки СБ ООН вернуть себе главенствующую роль в данном сюжете⁷, а в январе 1996 г. Совет Безопасности собрался для первого официального обсуждения афганского конфликта за 8 лет, однако членам Совета не удалось согласовать проект резолюции – и не в последнюю очередь из-за позиции немецкой делегации [Saikal 1996: 20].

Еще с конца 1980-х гг. ФРГ постепенно становится одним из главных игроков в выработке афганской политики именно в рамках ГА ООН (что совершенно логично, поскольку, во-первых, Совет Безопасности сам передал туда полномочия по афганскому вопросу, а во-вторых – для потерпевшей поражение во Второй мировой войне страны выйти на первые роли в Генеральной Ассамблее было значительно доступнее, чем в Совете Безопасности), с 1994 г. вообще играет ведущую роль в выработке резолюций ГА ООН по Афганистану, а в 1996 г. германский дипломат Норберт Холл становится главой Специальной миссии ООН UNSMA в Афганистане и специальным представителем Генерального секретаря ООН [Debiel, Thomas 1997: 179]. Политические усилия Германии по Афганистану в рамках ГА ООН дополнялись и двусторонним экономическим взаимодействием, которое включало значительную гуманитарную помощь (до 19 млн немецких марок в год), а также поддержку общеевропейских усилий в рамках ЕС по урегулированию ситуации⁸.

Приведенная выше краткая характеристика афганской политики Германии в рамках режима ГА ООН первой половины 1990-х гг. ясно демонстрирует, что ФРГ не была заинтересована в том, чтобы решающую роль в вопросе Афганистана брал на себя Совет Безопасности. После многих лет послевоенных дипломатических усилий по возвращению себе политического влияния в мире немецкое представительство в ООН всецело сориентировалось на Генеральную Ассамблею, а соответственно целью афганской политики Бонна в Совете Безопасности ООН в 1995–1996 гг. была не только максимально

возможная политическая поддержка миссии UNSMA и возглавлявшего ее немецкого специального посланника Н. Холла, но и, как мы увидим далее, недопущение, насколько это возможно, рассмотрения афганского вопроса в рамках Совета Безопасности.

Анализ документов периода пребывания ФРГ в качестве непостоянного члена СБ ООН в 1995–1996 гг. в целом показывает, что вклад Германии в дискуссию вокруг Афганистана был сосредоточен на резолюции ГА ООН 50/88, принятой в декабре 1995 г. по инициативе Бонна уже при новом представителе страны в ООН Антониусе (Тоно) Айтеле (он, кстати, принимал участие еще в подготовке Московского договора 1970 г. между СССР и ФРГ, а также Договора об основах взаимоотношений между ФРГ и ГДР 1972 г.) и наделившей миссию UNSMA в Афганистане более чем весомыми полномочиями, например по созданию и контролю национальных сил безопасности, распоряжению тяжелым вооружением, формированию переходного правительства⁹. Посол ФРГ в ООН А. Айтель заявлял: «Международное сообщество взяло на себя обязательство перед Афганистаном. Это обязательство содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи, принятой консенсусом 19 декабря 1995 г. То, что нам предстоит сделать, – это, по сути, обеспечить работу нашего консенсуса с целью полного выполнения этой резолюции»¹⁰. А. Айтель также выступил против возможных попыток использовать ухудшение ситуации в Афганистане как возможность для создания режима параллельного контроля Совета Безопасности: «Вместо этого следует поощрять UNSMA к расширению своего мандата за счет расширения полномочий и поиска решений любых вопросов, которые должны быть рассмотрены в рамках мандата Генеральной Ассамблеи... немецкая делегация готова обсуждать все дополнительные меры, которые могут принести пользу мирному процессу в Афганистане, как указано в резолюции 50/88 Генеральной Ассамблеи»¹¹. Таким образом, представитель Бонна недвусмысленно давал понять, что именно ГА ООН является тем форумом, который имеет легитимность в глазах международного сообщества для урегулирования ситуации в Афганистане.

⁷ Документ СБ ООН UN S/PRST/1994/4. Заявление председателя Совета Безопасности от 24.01.1994. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n94/039/22/pdf/n9403922.pdf>; Документ СБ ООН UN S/PRST/1994/43. Заявление председателя Совета Безопасности от 11.08.1994. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n94/325/67/pdf/n9432567.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

⁸ Jahresbericht der Bundesregierung. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1995. S. 76.

⁹ Документ ГА ООН UN A/RES/50/88. Резолюция 50/88 от 19.12.1995. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/n96/766/95/img/n9676695.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

¹⁰ UN Press Release SC/6203. 09.04.1996. URL: <https://press.un.org/en/1996/19960409.sc6203.html> (accessed 7 Oct 2024).

¹¹ Ibid.

Такой подход ФРГ вызвал справедливо негативную реакцию со стороны Российской Федерации. Российский посол в ООН, будущий министр иностранных дел С. В. Лавров в ходе посвященного положению в Афганистане заседания СБ ООН 9 апреля 1996 г. отметил, что ситуация в стране представляет угрозу миру во всем мире, и подчеркнул главную ответственность именно Совета Безопасности за урегулирование кризиса и предотвращение дальнейшей эскалации конфликта: «Мы считаем, что ООН призвана сыграть основополагающую роль в процессе достижения афганского урегулирования. Совет Безопасности мог бы приступить к подготовке проекта резолюции, в котором был бы детально прописан план действий Организации Объединенных Наций по Афганистану»¹². Однако следует отметить, что замечание С. В. Лаврова в отношении активизации роли СБ не получило поддержки со стороны западных государств-членов Совета Безопасности, чьи выступления на апрельских дебатах 1996 г. были довольно расплывчатыми, а Великобритания и Италия практически открыто поддержали А. Айтеля и германскую позицию, подчеркнув важность резолюции ГА ООН 50/88 и даже процитировав ее в своих речах¹³.

Далее, даже несмотря на ухудшение ситуации в Афганистане в результате военных успехов «Талибана»¹⁴ летом 1996 г., немецкая делегация в ООН продолжала придерживаться стремления не допустить главенствующей роли Совета Безопасности в афганском вопросе, используя для этого, в частности, свое положение Председателя СБ ООН в августе 1996 г. [Fröhlich, Langehenke 2011: 162]. Например, СБ отреагировал на ожесточенные бои во внутренних районах Афганистана в период председательства Бонна в Совете всего лишь письмом на имя Генерального секретаря, в котором выразил глубокую озабоченность членов СБ продолжением гражданской войны в Афганистане и призвал Б. Бутроса-Гали информировать Совет Безопасности о ходе событий и усилиях

ООН¹⁵. Здесь можно лишь с уверенностью предположить, что при другом председателе Совет Безопасности был бы готов выступить как минимум с официальным заявлением.

Причем такое заявление было сделано по предложению Российской Федерации на заседании СБ ООН 28 сентября 1996 г. под председательством посла Гвинеи-Бисау, после того как заместитель министра иностранных дел Афганистана потребовал созвать экстренное заседание Совета Безопасности. В этом заявлении Председатель СБ ООН решительно осудил продолжение боевых действий и выразил свое негодование по поводу вторжения талибов в помещения ООН в Кабуле и «расправы над бывшим президентом Наджибуллой и теми, кто нашел убежище в этих помещениях»¹⁶. При этом, вопреки упорному сопротивлению немецкой делегации, Россия добилась упоминания миссии UNSMA в документе как «ключевого и беспристрастного посредника в целях скорейшего мирного урегулирования конфликта», что подразумевало возможность расширения участия ООН в урегулировании ситуации уже под эгидой Совета Безопасности.

По мере же эскалации насилия, в частности полного захвата Кабула талибами, и последовавшего (опять же исключительно под давлением России) очередного заявления Председателя СБ ООН нашу страну совершенно закономерно перестал устраивать такой уровень реакции Совета Безопасности. С. В. Лавров инициировал совместное с главами делегаций среднеазиатских республик СНГ письмо на имя Генерального секретаря ООН с предложением срочно провести специальное заседание Совета Безопасности по Афганистану с последующим принятием резолюции (документ более высокого уровня, чем заявление Председателя)¹⁷. Очевидно, что одной из целей такого заседания стала бы передача контроля над миссией UNSMA Совету Безопасности, что никак не устраивало делегацию Бонна.

¹² Документ СБ ООН UN S/PV.3650. Предварительный отчет, 3650-е заседание, 09.04.1996. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n96/853/87/pdf/n9685387.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

¹³ Там же.

¹⁴ Организация признана террористической и запрещена на территории РФ. Решение Верховного Суда РФ № ГКПИ 03-116 от 14.02.2003. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁵ Letter No. S/1996/683 dated 22 August 1996 from the President of the Security Council addressed to the Secretary-General. URL: https://digitallibrary.un.org/record/220356/files/S_1996_683-EN.pdf (accessed 7 Oct 2024).

¹⁶ Документ СБ ООН UN S/PRST/1996/40. Заявление председателя Совета Безопасности от 30.09.1996. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n96/257/46/pdf/n9625746.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

¹⁷ Документ СБ ООН S/1996/838. Письмо представителей Казахстана, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при ООН от 8 октября 1996 г. на имя Генерального секретаря. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n96/266/88/pdf/n9626688.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

Российская инициатива была услышана, и 16 октября 1996 г. специальное заседание СБ ООН по ситуации в Афганистане состоялось. С. В. Лавров первым из представителей стран-членов Совета Безопасности выступал с заявлением и в нем, в частности, резко раскритиковал усилия Германии по сохранению, по сути, монополии Генассамблеи в афганском вопросе: «За прошедшие полтора года Россия неоднократно обращала внимание на то, что Совет Безопасности должен более активно заниматься проблемой Афганистана и не предавать эти проблемы забвению. Сегодняшние события показывают, насколько ошибались те, кто считал, что нет необходимости привлекать Совет Безопасности к серьезному рассмотрению ситуации в Афганистане»¹⁸. Кроме того, С. В. Лавров подчеркнул необходимость однозначной реакции Совета Безопасности в виде взятия на себя ответственности и даже внес подробные предложения по конкретным формулировкам будущей резолюции, что безусловно ограничило пространство для маневра немецкой делегации, выступавшей непосредственно после России.

Заместитель посла ФРГ в ООН Герхард Вальтер Хенце в своем последовавшем за речью С. В. Лаврова заявлении вновь акцентировал внимание на резолюции ГА 50/88 от декабря 1995 г. и при неоднократном подчеркивании усилий обоих ответственных органов ООН в урегулировании афганского конфликта Генеральную Ассамблею всегда ставил на первое место. По словам Г. В. Хенце, ведущая роль ООН выражалась и в упомянутом выше августовском письме немецкого председателя СБ ООН Генеральному секретарю, что, учитывая явно декларативную и ни к чему никому не обязывающую форму документа, следует охарактеризовать как явную идеализацию и преувеличение. Немецкая делегация также сдержанно оценила идею проведения международной конференции по Афганистану, высказавшись в том ключе, что, когда придет время, этот вопрос и нужно будет обсуждать более интенсивно. Со своей стороны делегация ФРГ, разумеется, решительно заявила о поддержке миссии UNSMA под руководством немецкого дипломата Н. Холла: «Одним из важных шагов, безусловно, стало бы расширение контактов между Специальной миссией ООН в Афганистане

и региональными и другими органами власти. Мы должны поощрять главу Специальной миссии к установлению таких контактов в максимально возможной степени»¹⁹. В ходе же последовавшей во время заседания дискуссии с афганской делегацией о предпосылках прекращения огня немецкие дипломаты выразили мнение, что UNSMA должна установить официальные контакты со всеми сторонами конфликта, т. е. по возможности и с талибами.

По итогам дебатов в Совете Безопасности российское предложение об итоговом решении в форме резолюции нашло поддержку, например, со стороны Италии, в результате чего немецкая делегация уже никак не смогла бы саботировать принятие документа без ущерба для своего имиджа «нормальной» страны. В результате 22 октября 1996 г. резолюция СБ 1076 (1996) была принята единогласно, без каких-либо дополнительных согласований или возражений, однако здесь следует отметить, что по своему содержанию она не явилась свидетельством какого-либо однозначного дипломатического поражения Германии: так, в резолюции не содержится даже намек на передаче мандата миссии UNSMA в ведение Совета Безопасности или хотя бы параллелизации контроля с Генеральной Ассамблеей²⁰. Более того, в тексте резолюции нашла, например, отражение немецкая формулировка о центральной роли ООН в афганском вопросе, употребленная еще в августовском письме немецкого председателя СБ ООН Генеральному секретарю.

Заключение

По итогам проведенного исследования представляется доказанным вывод о двойственности политики ФРГ как непостоянного члена Совета Безопасности ООН в отношении проблемы Афганистана.

С одной стороны, было бы преувеличением заявить, что Германия действовала вопреки интересам международного сообщества и самого Афганистана: в конечном итоге немецкие инициативы имели целью урегулирование афганского вопроса (при максимальном, разумеется, повышении авторитета и влияния самой ФРГ), а ввиду многоплановости конфликта и разнонаправленных интересов своих членов СБ ООН

¹⁸ Документ СБ ООН UN S/PV.3705. Предварительный отчет, 3705-е заседание, 16.10.1996. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n96/865/16/pdf/n9686516.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

¹⁹ Там же.

²⁰ Документ СБ ООН UN S/RES/1076(1996). Резолюция 1076 от 22.10.1996. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n96/284/28/pdf/n9628428.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

вряд ли бы смог претендовать на роль полноценного актора и без противодействия со стороны Бонна.

С другой стороны, концептуально политика ФРГ была направлена на то, чтобы помешать Совету Безопасности выполнить главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, возложенную на него ст. 24 Устава ООН. Бонн был прежде всего заинтересован в сохранении доминирующей роли Генеральной Ассамблеи в афганском вопросе, повлиять на позицию которой у него имелось намного больше эффективных инструментов, нежели Совета Безопасности.

В качестве еще одного вывода представим конструктивную позицию российского представительства в ООН и лично С. В. Лаврова в связи с проанализированной проблематикой, результаты деятельности которых не позволили окончательно принизить роль Совета Безопасности по афганскому кризису и свидетельствовали о растущем авторитете российской внешней политики в рамках ООН.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. Ю. Семенов – концептуализация, методология, поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста, редактирование. Д. А. Белашенко – поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста.

Contribution: O. Yu. Semenov developed the research concept, obtained and analyzed the materials, reviewed scientific publications, and wrote and proofread the manuscript. D. A. Belashchenko obtained and analyzed the research materials and academic literature, as well as wrote the manuscript.

Литература / References

- Гуляев Е. В. Политика Германии в качестве члена ООН на современном этапе. *Вестник науки и образования*. 2019. № 10-1. С. 105–107. [Gulyaev E. V. Policy of Germany as the UN member at present stage. *Vestnik nauki i obrazovaniia*, 2019, (10-1): 105–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrklcx>
- Таранец В. А. Германия в Совете Безопасности ООН. *Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформации международных отношений*, ред С. И. Дмитриева. Воронеж: ВГУ, 2020. Вып. 11. С. 135–147. [Taranets V. A. Germany within United Nations Security Council. *Germany at the Crossroads of History. Problems of Domestic and Foreign Policy in the Context of the Transformation of International Relations*, ed. Dmitrieva S. I. Voronezh: VSU, 2020, iss. 11, 135–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xkldpw>
- Шамаров П. В. Трансформация миротворчества Германии: от принципов ООН к урегулированию НАТО. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Социальные науки*. 2022. № 1. С. 51–59. [Shamarov P. V. Transformation of German peacekeeping: From UN principles to NATO settlement. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 2022, (1): 51–59. (In Russ.)] https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_1_846_51
- Altenburg G. Der Wandel der Vereinten Nationen und die Möglichkeit deutschen Mitgestaltung. *Deutschland in der Weltordnung 1945–1995*, Hrsg. Klein E., Eckart K. Berlin: Duncker und Humblot, 1996, 101–110.
- Archer C. *The European Union (Global Institutions)*. Routledge, 2008, 201.
- Archer C. *International organizations*. 4th ed. Routledge, 2015, 203.
- Beisheim M., Weinlich S. Deutschland und die Zukunft der Vereinten Nationen. *Vereinte Nationen (German Review on the United Nations)*, 2023, 71(4): 168–173. <https://doi.org/10.35998/VN-2023-0018>
- Bickerton C. J., Irondelle B., Menon A. Security Co-operation beyond the Nation-State: The EU's Common Security and Defence Policy. *Journal of Common Market Studies*, 2011, 49(1): 1–21. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02126.x>
- Debiel T., Thomas H. Was kostet die Welt? Deutschlands Drängen in den Sicherheitsrat. *Blätter für deutsche und internationale Politik*, 1997, 42: 177–185.
- Dobosz-Dobrowolska J. Aktywność RFN w Radzie Bezpieczeństwa ONZ w latach 2019–2020. *Przegląd Zachodni*, 2021, 1(378): 29–49.

- Eitel T. Bewährungsproben für den Sicherheitsrat der Vereinten Nationen. *Die Friedens-Warte*, 1999, 74(1/2): 126–138.
- Fröhlich M. *50 Years of Germany in the United Nations – Initiatives, continuity and change in German UN policy*. Berlin, 2023, 30.
- Fröhlich M., Langehenke C. Enthaltensamkeit bei Enthaltungen: Das deutsche Abstimmungsverhalten im UN-Sicherheitsrat. *Vereinte Nationen (German Review on the United Nations)*, 2011, 59(4): 159–165.
- Germany as a Civilian Power? The Foreign Policy of the Berlin Republic*, eds. Harnisch S., Maull H. W. Manchester University Press, 2001, 179.
- Gowan R. Bilanz der deutschen Amtszeit im Sicherheitsrat. *Vereinte Nationen (German Review on the United Nations)*, 2021, 1: 3–8. <https://doi.org/10.35998/VN-2021-0001>
- Knapp M. Die Gewachsene Rolle Deutschlands Und Japans in Den Vereinten Nationen. *Die Friedens-Warte*, 1998, 73(4): 465–482.
- McCarthy P. A. Positionality, tension, and instability in the UN Security Council. *Global Governance*, 1997, 3(2): 147–169. <https://doi.org/10.1163/19426720-00302003>
- Mello P. A. Von der Bonner zur Berliner Republik: Die "Zivilmacht" Deutschland im Spiegel parlamentarischer Debatten zu Auslandseinsätzen der Bundeswehr, 1990 bis 2018. *Zivilmacht Bundesrepublik? Bundesdeutsche außenpolitische Rollen vor und nach 1989 aus politik- und geschichtswissenschaftlichen Perspektiven*, eds. Brummer K., Kießling F. Baden-Baden: Nomos, 2019, 295–316.
- Narlikar A. Deutschland im Sicherheitsrat der Vereinten Nationen: Multilateralismus reformieren. *GIGA Focus Global*, 2020, 2. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-66810-6> (accessed 5 Oct 2024).
- Peacekeeping and the role of Russia in Eurasia*, eds. Archer C., Jonson L. NY: Routledge, 1996, 240. <https://doi.org/10.4324/9780429301261>
- Saikal A. The UN and Afghanistan: Case of failed peacemaking intervention. *International Peacekeeping*, 1996, 3(1): 19–34. <https://doi.org/10.1080/13533319608413592>
- Schmidt M. German UN-Policy and a German seat in the Security Council – an analysis. *Peace and the Sciences*, 1994, 25: 16–20.
- Talmon S. UN Security Council reform: A story of growing German frustration. *GPIL – German Practice in International Law*, 30 Sep 2021. <https://dx.doi.org/10.17176/20220627-172712-0>
- Tröller N. Germany in the UN Security Council: The past as prologue. *E-International Relations*. 18 Apr 2019. URL: <https://www.e-ir.info/2019/04/18/germany-in-the-un-security-council-the-past-as-prologue/> (accessed 7 Oct 2024).
- Wittig P. Deutschland im UN-Sicherheitsrat: Schwerpunkte der Arbeit für die Jahre 2011/2012. *Vereinte Nationen (German Review on the United Nations)*, 2011, 59(1): 3–7.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nkfkde>

Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 3: Новый верховный жрец бога Мива и упорядочение культов Ямато

Суровень Дмитрий Александрович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 1922-2708

<https://orcid.org/0000-0001-5676-0859>

Yamato.ur@mail.ru

Аннотация: Анализируются слабо исследованные в российской исторической науке сведения японских источников о религиозно-политических преобразованиях периода раннего Ямато, произошедших в царствование государя Мимаки (Судзин, 324–331 гг. пр. [испр. хрон.]), связанных со сменой главы культов в Мива и упорядочением культов общин, входивших в состав государства Ямато. Установлено, что вместо верховной жрицы верховным жрецом святилища Мива был назначен Ё-тата-нэко (др.-яп. Опо-тата-нэко); а вместо жрицы культа бога-покровителя области Ямато – Ямато-но Ё-кунитама – главным жрецом святилища Ямато-но *кунитама-но дзиндзя* стал Итиси-но Нагаоти (др.-яп. Нагавоти). Проанализированы генеалогические сведения источников о родословной Итиси-но Нагаоти и Ё-тата-нэко, а также о потомках Ё-тата-нэко. Установлено, что Итиси-но Нагаоти принадлежал к клану Ямато-но *куни-но мияцуко* (управляющих областью Ямато), происходившему от младшего сына Тоё-тама-хико (из местности Тоё-тама на островах Цусима) по имени Фуру-тама-но *микото* из рода Адзума-но *мурадзи* (жрецов морского бога Ватацуми), представители которого являлись родственниками по материнской линии основателя династии Ямато – государя Дзимму (301–316 гг. [испр. хрон.]); а Ё-тата-нэко был родственником второй жены Дзимму по имени Исудзу-химэ из рода жриц бога Кото-сиро-нуси (возможно, ветви рода жриц бога Ё-моно-нуси) и правнуком ее старшего брата – Ама-хиката-куси-хиката. С такой генеалогией Ё-тата-нэко имел возможность соперничать в борьбе за главенство в сфере культа бога Ё-моно-нуси с дочерью государя Кōрэя – принцессой Ямато-тотохи-момосо-бимэ, которая не обладала такой родословной, что закончилось отстранением принцессы-жрицы от должности и заменой ее верховным жрецом-мужчиной. Кроме того, проанализированы сведения хроник об упорядочении культов и определении мест для храмовых хозяйств синтоистских святилищ вновь объединенного государства Ямато.

Ключевые слова: Ямато, Судзин, Мимаки, гора Мива, верховный жрец-правитель, Ё-моно-нуси, Ё-куни-дама, Ё-тата-нэко, Итиси-но Нагаоти, древняя Япония

Цитирование: Суровень Д. А. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 3: Новый верховный жрец бога Мива и упорядочение культов Ямато. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 1051–1067. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1051-1067>

Поступила в редакцию 21.08.2024. Принята после рецензирования 14.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 3: New High Priest of Miwa and Arrangement of Yamato Cults

Dmitry A. Surowen

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 1922-2708

<https://orcid.org/0000-0001-5676-0859>

Yamato.ur@mail.ru

Abstract: The religious and political reforms of the early Yamato period remain largely understudied in Russian historical science. This article describes the cult standardization and the changes of the Miwa high priesthood that took place during the reign of Emperor Sūjin, also known as Emperor Mimaki (Sujin, 324–331 AD [corrected chronology]). The High Priestess of the Miwa shrine was substituted by High Priest Ō-tata-neko (*ancient Jap.* Opo-tata-neko); the High Priestess of the Yamato patron god *Yamato-no kunitama* was replaced by Ichishi-no Nagaochi (*ancient Jap.* Nagawochi) in the Yamato-no *kunitama-no jinja* shrine. The research included detailed genealogical information about the family tree of Ichishi-no Nagaochi and Ō-tata-neko, as well as about the descendants of Ō-tata-neko. Ichishi-no Nagaochi belonged to the Yamato-no *kuni-no miyatsuko* clan of Yamato governors, who descended from the youngest son of Toyotama-hiko of Toyotama, the Tsushima islands. The name of the latter was Furu-tama-no *Mikoto*, and he belonged to the Azuma-no *muraji* clan of priests of the sea god Watatsumi, who were maternal relatives of the founder of the Yamato dynasty, i.e., Emperor Jimmu (301–316 AD [corrected chronology]). Ō-tata-neko was a relative of Jimmu's second wife Isuzu-hime, who came from a family of Koto-shiro-nushi priestesses (possibly a branch of the family of Ō-mono-nushi priestesses): he was a great-grandson of her older brother Ama-hikata-kushi-hikata. The noble lineage gave Ō-tata-neko the opportunity to compete for supremacy in the Ō-mono-nushi cult with princess Yamato-totohi-momoso-bime, the daughter of Emperor Kōrei. As a result, the Priestess Princess was replaced by a High Priest. The article also described the process of territorial arrangement of Shintō shrines in the newly united Yamato state.

Keywords: Yamato, Sūjin, Mimaki, Mount Miwa, high priest-ruler, Ō-mono-nushi, Ō-kuni-dama, Ō-tata-neko, Ichishi-no Nagaochi, ancient Japan

Citation: Surowen D. A. Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 3: New High Priest of Miwa and Arrangement of Yamato Cults. *SibScript*, 2024, 26(6): 1051–1067. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1051-1067>

Received 21 Aug 2024. Accepted after peer review 10 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение¹

В связи с формированием на рубеже III–IV вв.² [испр. хрон.]³ федерации Ямато возникает необходимость в упорядочении религиозных культов нового объединения. После смерти основателя династии Ямато – государя Каму-ямато-иварэ-бико (посмертное почетное

имя⁴ Дзимму, 301–316 гг. [испр. хрон.]⁵) – началась борьба за власть, в результате чего было утрачено единство страны в так называемый период «восьми правителей» (316–324 гг. [испр. хрон.]⁶). Восстановление единства государства произошло в правление

¹ Начало темы – в статьях [Суrowень 2020с; 2023а].

² См. [Арутюнов 1975: 10; Воробьев 1958: 28, 65, 106, 108, 109; Светлов 1985: 15; Ishii Yoshimi 1999; 2000; Kanzaki Ivan Hisao 2002: 3; The Cambridge history... 1993: 116]; подробнее см. [Суrowень 1998а; 2015а; 2020b].

³ О хронологии см. [Суrowень 1998а; 1999; 2015а].

⁴ 諡 日. окурин – посмертное имя. *Большой японско-русский словарь* (БЯРС). М.: Рус. яз.; Живой язык, 2000. Т. I. С. 735.

⁵ О хронологии данного периода см. [Суrowень 1998а; 2015а; 2023b: 129–131, 278–279, 352–356].

⁶ О событиях и хронологии данного периода см. [Суrowень 1999: 89–101; 2015а: 163; 2021а].

государя Мимаки (посмертное почетное имя Судзин, 324–331 гг. [испр. хрон.]⁷), когда в политической борьбе против общинной знати укрепилось положение правящей династии и была проведена религиозно-политическая реформа, связанная с упорядочением культов нового образования и решением вопроса о храмовых хозяйствах. Так как данные события слабо исследованы, прежде всего в российской и отчасти в западной исторической науке, необходимо внимательно проанализировать материалы японских источников, сопоставив их с имеющимися на данный момент результатами археологических исследований.

Несчастья⁸, возникшие в результате борьбы за власть в период «восьми правителей» и наблюдавшиеся в начальный период царствования государя Мимаки (Судзина), были в то время расценены как наказание богов Небес и Земли. Государь Мимаки решил провести гадание на равнине Каму-асати-хара, чтобы выяснить причину проблем⁹.

Недовольство знати проводимыми реформами выразила верховная жрица-оракул бога Ō-моно-нуси (др.-яп. Опо-моно-нуси) – принцесса Ямато-тотохи-момосо-бимэ (дочь прежнего могущественного правителя западных районов конфедерации Ямато¹⁰ – государя Кōрэя (начала IV в. [испр. хрон.]¹¹)) [Ellwood 1990: 201]. Она стала духовным лидером оппозиции, выразителем чаяний знати, желавшей восстановления прежней ситуации, воссоздания в прежнем объеме культа Ō-моно-нуси и, как следствие этого, своих политических и экономических позиций. Устами этой принцессы-жрицы бог Ō-моно-нуси потребовал должного исполнения обрядов ему, и в этом случае правителю было обещано успокоение ситуации.

Следуя этому указанию, прежние жрецы божества совершили культовые действия. Однако, как написано в «Нихон-сёки», улучшения не последовало¹². То есть их обрядовые действия были сочтены неэффективными. Здесь явно прослеживается желание сторонников Мимаки дискредитировать лидеров оппозиции, показав их религиозную несостоятельность. Кроме того, чтобы не допустить усиления оппозиции и роста сепаратизма, нужно было их духовного лидера – принцессу Ямато-тотохи-момосо-бимэ – опорочить и в конце концов сместить с занимаемой должности верховной жрицы бога Ō-моно-нуси [Су ровень 2020а; 2021b].

Методологическую базу исследования составляют работы российских и зарубежных ученых [Воробьев 1980; Светлов 1985; Ellwood 1986; 1990]. Методы исследования включают анализ и сопоставление сведений японских источников о религиозно-политических реформах государя Мимаки (Судзина).

Результаты

Назначение новых жрецов бога Ō-моно-нуси и божества Ямато-но Ō-кунитама

Тогда роль жреца, исполняющего ритуалы, взял на себя сам Мимаки [Ellwood 1990: 204]. «Тогда государь **сам совершил** ритуальное омовение, а потом ритуальное очищение дворца, **вознес молитвы...** В ту ночь во сне явился... **Опо-моно-нуси-но Kami** и **рёк**»¹³ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 7-й год пр., 2-я луна). В «Кодзики» говорится: когда «государь... возлежал на божественном ложе, явился ему во сне **великий бог Опомононуси-но Kami** и изрек»¹⁴ (Кодзики, св. 2-й, Судзин). И, вот чудо! Желания бога

⁷ О хронологии данного периода см. [Су ровень 2015а: 162; 2021а]. О Мимаки (Судзине) см. [Су ровень 1999: 101–113; Ellwood 1986: 24–26].

⁸ **Бродяжничество** (流離 яп. *сасурау*, кит. лю'ли' – 1) переселяться [по причине неурожая или войны]; 2) мыкаться по белу свету; стать бездомным (*Большой китайско-русский словарь* (БКРС). М.: Наука, 1984. Т. IV. С. 525)); **болезни** (疾疫 яп. *сицзэки*, кит. *цзиш'* – мор, эпидемия (БКРС. Т. III. С. 675)); **эпидемия** (疫病 яп. *экибё*, кит. *ибин'* (БКРС. Т. III. С. 1056, 1057)), от которых умерла половина населения; **мятежи, бунты и измены** (背叛 яп. *хайхан*, кит. *бэйпань'* – изменять, предавать; взбунтоваться; измена; изменнический, предательский (БКРС. Т. III. С. 191)), являвшиеся результатом борьбы за власть в Ямато периода «восьми правителей» (316–324 гг. [испр. хрон.]). Подробнее см.: Кодзики 古事記 (из серии «Нихон котэн дзэнсю» 日本古典全集). Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. Т. II. С. 97; Кодзики 古事記 (из серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» 日本古典文学全集). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. С. 182, 183, прим. 6; Нихон-сёки 日本書紀 (из серии «Кокуси-тайкэй» 國史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. С. 158–159; [Ellwood 1986: 29]; Нихон-сёки: Анналы Японии, пер. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 207; Кодзики: Записи о деяниях древности, пер. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Шар, 1994. Т. II. С. 56; [Су ровень 1999: 102–103; 2021а: 276–277].

⁹ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 207–208.

¹⁰ См. [Су ровень 1999: 94–95; 2021а: 243–255].

¹¹ О хронологии см. [Су ровень 1999; 2015а; 2021а].

¹² Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 208.

¹³ Там же.

¹⁴ Кодзики. 1994. Т. II. С. 56.

О-моно-нуса вдруг совпали с намерениями Мимаки и его сторонников. Государю приснилось, что этот бог пожелал, чтобы верховным жрецом (яп. *каннуси*)¹⁵ его культа стал «потомок» бога (сын жрицы, находившейся в «священном браке» с О-моно-нуса) по имени **О-тата-нэко** (др.-яп. Опо-тата-нэко¹⁶). Через некоторое время, вдруг, такой же сон приснился еще трем людям – местной женщине из Каму-асати-хара по имени Магухаси-химэ (др.-яп. Магупаси-пимэ); сановнику Исэ-но Воми-но кими; а также родственнику государя Мимаки по имени О-минакути-но сукунэ (др.-яп. Опо-минакути-но сукунэ), предку рода Ходзуми-но оми. По сведениям «Кудзи-хонки», О-минакути-но сукунэ в начале IV в. [испр. хрон.]¹⁷ служил при дворе Кōрэя (7-го правителя в официальной генеалогии династии Ямато) и там получил свое наследственное звание сукунэ¹⁸ (Кудзи-хонки, св. 5-й [5], 4-е поколение). Следует обратить внимание также на то, что Воми-но кими из области Исэ принадлежал к роду Каму Воми-но удзи, проживавшему в селении Воми-но мура волости Воми-но сато области Исэ (что отмечено в «Исэ-фудоки»). «[Происхождение] названия волости Воми-но сато [таково]: от округа (др.-яп. *копори*, яп. *кōри*)¹⁹ на север было [место культа некоего] божества. Этому божеству в обители великого божества (яп. *ōками-но мия*) [священные] одежды (*мидзо*) из грубых чудесных тканей подносили. [Делавшие данные подношения] люди из клана Каму Воми-удзи в этом селении [Воми-но мура] отдельно

проживали. Поэтому [этой волости Воми-но сато и] дали такое название»²⁰ (Исэ-фудоки, волость Воми, селение Воми; фрагмент «Воми-но сато» из «Ямато-химэ-но микото сэйки рисё»).

Кроме того, по предложению сторонников государя («повелению» божества, объявленного в их «сне») вместо лысеющей и худеющей²¹ тетке Мимаки – Нунаки-но ири-бимэ, которая физически не могла исполнять функции жрицы бога **Ямато-но О-кунитама** (бога-покровителя области Ямато), на должность *каннуси* (досл. ‘хозяина священных [ритуалов]’ – главного жреца) святилища Ямато-но кунитама-но дзиндзя нужно было назначить мужчину по имени **Итиси-но Нагаоти** (др.-яп. Нагавоти)²² (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 7-й год пр., 8-я луна). Итиси-но Нагаоти принадлежал к клану Ямато-но куни-но мияцуко (управляющих областью Ямато²³), происходившему от младшего сына Тоё-тама-хико (из местности Тоё-тама на островах Цусима²⁴) по имени Фуру-тама-но микото (еще одно чтение: Фуру-мусуби-но микото²⁵) из рода Адзума-но мурадзи (жрецов морского бога Ватацуми) [Ермакова 1995: 157; Косарев, Соколов 2017: 75–79, 97–99; Ishida Ichirō 1960: 26; Mori Kiyoto 1962: 140], представители которого являлись родственниками по материнской линии основателя династии Ямато – государя Дзимму (301–316 гг. [испр. хрон.]). Фуру-тама-но микото стал дальним предком кланов Ямато-удзи, Цумори-удзи, Овари-удзи²⁶, Морибэ-но мурадзи («[управляющих

¹⁵ 神主 яп. *каннуси* – досл. ‘божественный хозяин’; 1) синтоистский жрец, священнослужитель; 2) *ист.* главный жрец (БЯРС. Т. I. С. 351).

¹⁶ Досл. ‘Господин Великого [святилища] Тата’ (Kojiki: Records of ancient matters, tr. Chamberlain B. H. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1982. P. 216–217, note 6), см. [The Cambridge history... 1993: 117].

¹⁷ О хронологии см. [Суrowень 2021a: 137, 243–244].

¹⁸ Кудзи-хонки. Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀. *Кокусю-тайкэй* 國史大系. Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. Т. 7. С. 267.

¹⁹ 郡 др.-яп. *копори*, яп. *кōри*, кит. *цзюнь* – 1) область, округ, префектура, кантон, уезд; *ист.* округ; область (БЯРС. Т. II. С. 776).

²⁰ 「號レ麻績郷者、郡ノ北ニ神。此神、奉レ大宮ノ神ニ荒妙ノ衣。神麻績ノ氏人等、別居レ此村ニ。因以爲レ名ト也。【倭姫命世記】」 – Кофудоки ицубун 古風土記逸文, сост. Куриита Хироси 編纂者 栗田 寛. Токио 東京: Дай-нихон дзусё кабусики-сякай 大日本圖書株式会社, 1898. Ч. I. С. 18; ср.: 「倭姫命世記裏書 (麻績郷): 『麻績(をみ)の郷と號くるは、郡の北に神あり。此の神、大神の宮に荒妙の衣(みぞ)を奉る。神麻績(かむをみ)の氏人等、此の村に別れ居りき。因りて名と為す。』」 – Исэ-но куни-но фудоки ицубун 「伊勢国風土記」 逸文.

²¹ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 207.

²² Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 208. См. [Ellwood 1990: 201–202].

²³ Ямато-но куни-но мияцуко 【大倭国造】. *Сёдзи-руйбэцу дайкан* 姓氏類別大観.

²⁴ Подробнее см. [Суrowень 2018: 70–71].

²⁵ 「振魂命」 яп. Фуру-мусуби-но микото – Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録, св. 12-й. Синсэн-сёдзи-року, в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷. In: 佐伯有清『新撰姓氏録の研究 本文篇』(Саэки Арикиё. Исследование «Синсэн-сёдзи-року». Основной текст. Токио: Ёсикава кобункан, 1962).

²⁶ 「穂高見命の弟の振魂命は、倭氏・津守氏・尾張氏の遠祖にあたり...」 «Младший брат Хо-таками-но микото [по имени] Фуру-тама-но микото является дальним предком кланов Ямато-удзи, Цумори-удзи, Овари-удзи» (перевод автора статьи). Адзуми-удзи – Адзуми-удзи 阿曇氏・安曇氏.

корпорации охранников из *неполноправных свободных* Мори-бэ [в наследственном звании²⁷ *мурадзи*]²⁸, а также через потомка Фуру-тама-но *микото* в 4-м поколении по имени Амэ-но Осихито-но *микото* – предком кланов Кани-мори-но *мурадзи*²⁹, Кани-мори-но *сукунэ*³⁰, Кани-мори-но *обито*³¹ и Кани-мори-удзи³². Внуком Фуру-тама-но *микото* являлся проводник государя флота в Восточном походе государя Дзимму – Сиинэ-цу хико (др.-яп. Сипинэ-ту пико)³³, назначенный в начале IV в. [испр. хрон.] государем Дзимму

на должность Ямато-но куни-но *мияцуко* (управляющего областью Ямато)³⁴. В свою очередь Итиси-но Нагаоти был потомком этого Сиинэ-цу хико (однако, исходя из полученных результатов ревизии хронологии, можно предположить, что количество поколений здесь было увеличено в угоду «удревнения» правящей династии³⁵) (рис. 1³⁶).

Однако по какой-то причине предложение о назначении Нагаоти сразу **реализовать не удалось**, и оно было исполнено только в царствование следующего

²⁷ 姓 др.-яп. *кабанэ* – *ист.* *кабанэ* (наследственные родовые звания в древней Японии) (БЯРС. Т. I. С. 297).

²⁸ (659) 河内国、神別、天神：「守部連。振魂命之後也。」 – «[Люди рода] Морибэ-но *мурадзи*. Являются потомками Фуру-тама-но *микото*» (Синсэн-сёдзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録. *Саэки Арикиё* 佐伯 有清. «Синсэн-сёдзи-року»-но кэнкё. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究本文篇. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 265); ср.: 「守部連 (もりべのむらじ)。振魂命の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 19-й.

²⁹ (384) 左京、神別、天神：「掃部連。振魂命ノ四世孫 天忍人命之後也。」 – «[Люди рода] Кани-мори-но *мурадзи*. Являются потомками Амэ-но Осихито-но *микото* – отпрыска в 4-м поколении Фуру-тама-но *микото* (Фуру-мусуби-но *микото*)» (Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 219); ср.: 「掃部連 (かにもりのむらじ)。振魂命ノ四世孫、天忍人命の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 12-й. Подробнее историю о получении Амэ-но Осихито-но *микото* наследственного звания Кани-мори-но *мурадзи* из «Когосёи» см. [Суровень 2019а: 243–244]. 「天祖 彦火尊、娚ノ海神之女 豊玉姬命、生ノ彦瀲尊。誕育之日、海浜 立ノ室。干時、掃部連ノ遠祖 天忍人命、供奉ノ陪侍。作ノ第 掃ノ蟹、仍、掌ノ鋪設。遂以 爲ノ職。號 曰ノ蟹守。【今俗 謂之借守者、彼詞之転化。】」 – «Небесный предок Хико-хо[хо-дэми]-но *микото* (дед государя Дзимму – *прим. автора*) женился на Тоё-тама-химэ (бабушка государя Дзимму – *прим. автора*), дочери морского бога, и она родила ему Хико-нагиса-но *микото*. Когда ожидалось [рождение] этого сына, новая хижина [для родов] была построена на морском побережье для его рождения. (Во время отлива – *прим. автора*) Амэ-но Осихито-но *микото* (др.-яп. Ама-но Осипито-но *микото*), (дальний – *прим. автора*) предок семьи Кани-мори-но *мурадзи*, (как прислужник знатного лица помогал – *прим. автора*), ожидал [рождения] божественного сына, убирая *кани*, т. е. крабов, при помощи метлы и [ведал] настилкой циновки вокруг для удобства матери. От этого случая произошло наследственное звание *Кани-мори* (ныне называют "*Каму-мори*", которое есть изменение слов "*Кани-мори*", т. е. тот, кто смахивал *кани*, или крабов)» (Kogoshūi, Hiko-ho, Toyotama-hime) (Kogoshūi: Gleanings from Ancient Stories, tr. Genchi Katō and Hikoshirō Hoshino. Tokyo: Meiji Japan Society, 1926. P. 30); «В день, когда ожидалось рождение [этого сына], помещение [для родов] было возведено на морском побережье. В соответствии с существующим положением (干時 *яп. кандзи*) Амэ-но Осихито-но *микото*, дальний предок семьи Кани-мори-но *мурадзи*, как прислужник знатного лица (供奉 *яп. губу*) помогал (陪侍 *яп. байдзи-сита*). [Ожидая рождения божественного сына, он] сделал метлу [и] сметал крабов (*яп. кани*). В связи с этим [он] ведал (*яп. цукасадоритэ*) обстановкой (в комнате [для родов]) (鋪設 *яп. хо-сэцу*). Отсюда получилась [его] должность (職 *яп. сёку* – "звание чиновника"). Титул (號 *яп. гё*), [который был пожалован Амэ-но Осихито], стал называться *Кани-мори* (досл. "Охраняющий [от] крабов"). (По нынешнему обыкновению называют "*Кару-мори*", [которое есть] изменение тех слов ["*Кани-мори*"])» (*перевод автора статьи*) (Когосёи, Хико-хо, Тоё-тама-химэ) (Когосёи кёги 古語拾遺講義 (лекции по «Когосёи»). Осака 大阪: Бунъёйдзёхан 文陽堂藏版, 1893. С. 177); ср.: Когосёи. *Синто: путь японских богов*. Т. II. Тексты синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 90–91.

³⁰ (657) 河内国、神別、天神：「掃部宿禰。振魂命之後也。」 – «[Люди рода] Кани-мори-но *сукунэ*. Являются потомками Фуру-тама-но *микото* (Фуру-мусуби-но *сукунэ*)» (Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 265); ср.: 「掃部宿禰 (かにもりのすくね)。振魂命の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 19-й.

³¹ (708) 和泉国、神別、天神：「掃部首。振魂命ノ四世孫 天忍人命之後也。雄略天皇ノ御代、監ノ掃除事。賜ノ姓 掃部連。」 – «[Люди рода] Кани-мори-но *обито*. Являются потомками Амэ-но Осихито-но *микото* – отпрыска в 4-м поколении Фуру-тама-но *микото* (Фуру-мусуби-но *микото*). В царствование [государя] Юряку-тэннô, т. к. [люди этого клана] руководили (*цукасадори*) делом уборки (др.-яп. *пакикиёмуру кото*), [поэтому им] было даровано наследственное звание (*яп. кабанэ*) Кани-мори-но *мурадзи*» (Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 273); ср.: 「掃部首 (かにもりのおびと)。振魂命ノ四世孫、天忍人命の後なり。雄略天皇の御代に、掃除る事を^{はききよむ}つかさど^{つかさど}監^{はききよむ}りければ、姓を掃部連と賜ひき。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 20-й.

³² (547) 大和国、神別、天神：「掃部。振魂命ノ四世孫 天忍人命之後也。」 – «[Люди рода] Кани-мори. Являются потомками Амэ-но Осихито-но *микото* – отпрыска в 4-м поколении Фуру-тама-но *микото*» (Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 247); ср.: 「掃部 (かにもり)。振魂命ノ四世孫、天忍人命の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й.

³³ Подробнее об этом: Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 178; Кодзики. 1994. Т. II. С. 35–36.

³⁴ Ямато-но куни-но *мияцуко* 【大倭国造】. *Сёдзи-руйбэцу дайкан* 姓氏類別大観. Подробнее о Сиинэ-цу хико см. [Суровень 2020b: 291–293].

³⁵ Об этом см. [Суровень 2015а].

³⁶ Сост. по: Ямато-но куни-но *мияцуко* 【大倭国造】. *Сёдзи-руйбэцу дайкан* 姓氏類別大観

правителя – государя Икумэ³⁷ (посмертное почетное имя Суйнин, 332–336 гг. [испр. хрон.]³⁸).

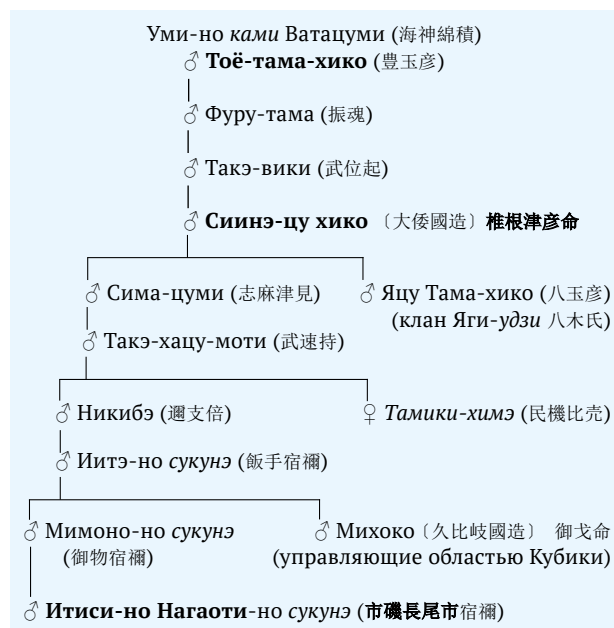


Рис. 1. Официальная генеалогия Итиси-но Нагаоти

(рода Ямато-но кун-но мияцукэ 【大倭國造】)

Fig. 1. Official genealogy of Ichishi-no Nagauchi (Yamato-no kuni-no miyatsuko clan 【大倭國造】)

Отыскание Ё-тата-нэко

Вышеуказанные требования сторонников Мимаки (государя Судзина) были очень кстати государю. Как написано в «Нихон-сёки», «узнав об этих словах, государь в душе безмерно возрадовался, обратился с повелением к Поднебесной, чтобы отыскали Опо-тата-нэко»³⁹ (совр.-яп. Ё-тата-нэко). В «Кодзики» добавлено: «Тогда разослали во всех

четырёх направлениях конных посланцев с застав, искали они человека по имени Опотатанэко»⁴⁰. Найден он был в селении Суэ-но мура округа Тину-но агата (в местности Идзуми, входившей тогда в состав области Пон-Кавати, расположенной на побережье Осацкого залива в южной части нынешнего округа Осака⁴¹). В «Синсэн-сёдзи-року» также написано, что селение Суэ-но мура (др.-яп. Суэ-но мура) находилось в округе Тину-но агата⁴² (Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й, Ё-мива-но асоми). В «Кодзики» в качестве места жительства Ё-тата-нэко названо селение Мино (местность в окрестностях квартала Каминосима города Яо округа Осака⁴³ на юго-восток от нынешнего города Ёсака) в области Кавати (др.-яп. Капути). После чего его немедленно доставили к государю Мимаки⁴⁴ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 7-й год пр., 8-я луна; Кодзики, св. 2-й, Судзин).

Для принятия решений по данному делу специально на равнине Ками-асати-хара были собраны все местные правители ранга *кими*⁴⁵, сановная знать и всё множество корпораций бэ (в источнике досл. '80 бэ', объединений *неполноправных свободных*)⁴⁶ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 7-й год пр., 8-я луна; Кодзики, св. 2-й, Судзин). Видимо, людей было очень много, т.к. они собрались в поле, а не во дворце, который не вместил всех участников. Собранию был представлен кандидат на должность верховного жреца бога Ё-моно-нуса. Прежде всего присутствующих интересовала родословная Ё-тата-нэко.

Родословная Ё-тата-нэко

И в этом вопросе источники расходятся в генеалогических сведениях (рис. 2⁴⁷). По версии «Нихон-сёки», матерью нового жреца была Ику-тама-ёри-химэ (др.-яп. Ику-тама-ёри-пимэ – досл. 'Бодрая'⁴⁸ дева,

³⁷ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии... С. 227–228; [Суровень 1998с].

³⁸ О хронологии см. [Суровень 2015а: 162; 1998с].

³⁹ Нихон-сёки: Анналы Японии... С. 209.

⁴⁰ Кодзики. 1994. Т. II. С. 56; [Ellwood 1990: 202].

⁴¹ Кодзики. 2001. С. 144, прим. 2, с. 197, прим. 5.

⁴² (566) 大和国、神別、地祇、大神朝臣 (おほみわのあそみ): 「茅渟ノ陶邑」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 250; ср.: 茅渟の陶邑 – Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й.

⁴³ Кодзики. 2001. С. 183, прим. 14.

⁴⁴ Нихон-сёки: Анналы Японии... С. 209.

⁴⁵ 諸王 яп. *морэ кими* – «все правители»; где 王 яп. *кими*, кит. *ван* – 1) князь, государь, монарх (БКРС. Т. II. С. 155; БЯРС. Т. I. С. 415).

⁴⁶ 「會レ諸王 卿 及 八十諸部。」 – Нихон-сёки. 1957. С. 161; см.: Нихон-сёки: Анналы Японии... С. 209.

⁴⁷ Сост. по: Нихон-сёки. 1957. С. 161; Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209; Кодзики. 2001. С. 184, 185; см. [Akima Toshio 1993: 159–160]; Кодзики. 1994. Т. II. С. 56; Кудзи-хонки, св. 4-й [4], Потомки Кото-сиро-нуса (Кудзи-хонки. 1901. С. 244–246).

⁴⁸ Акима Тосио поясняет, что в имени 活玉依媛 *Ику-тама-ёри-бимэ* префикс 活 *ику* – означает 'дающая жизнь' (чему-л., кому-л.) [Akima Toshio 1993: 159].

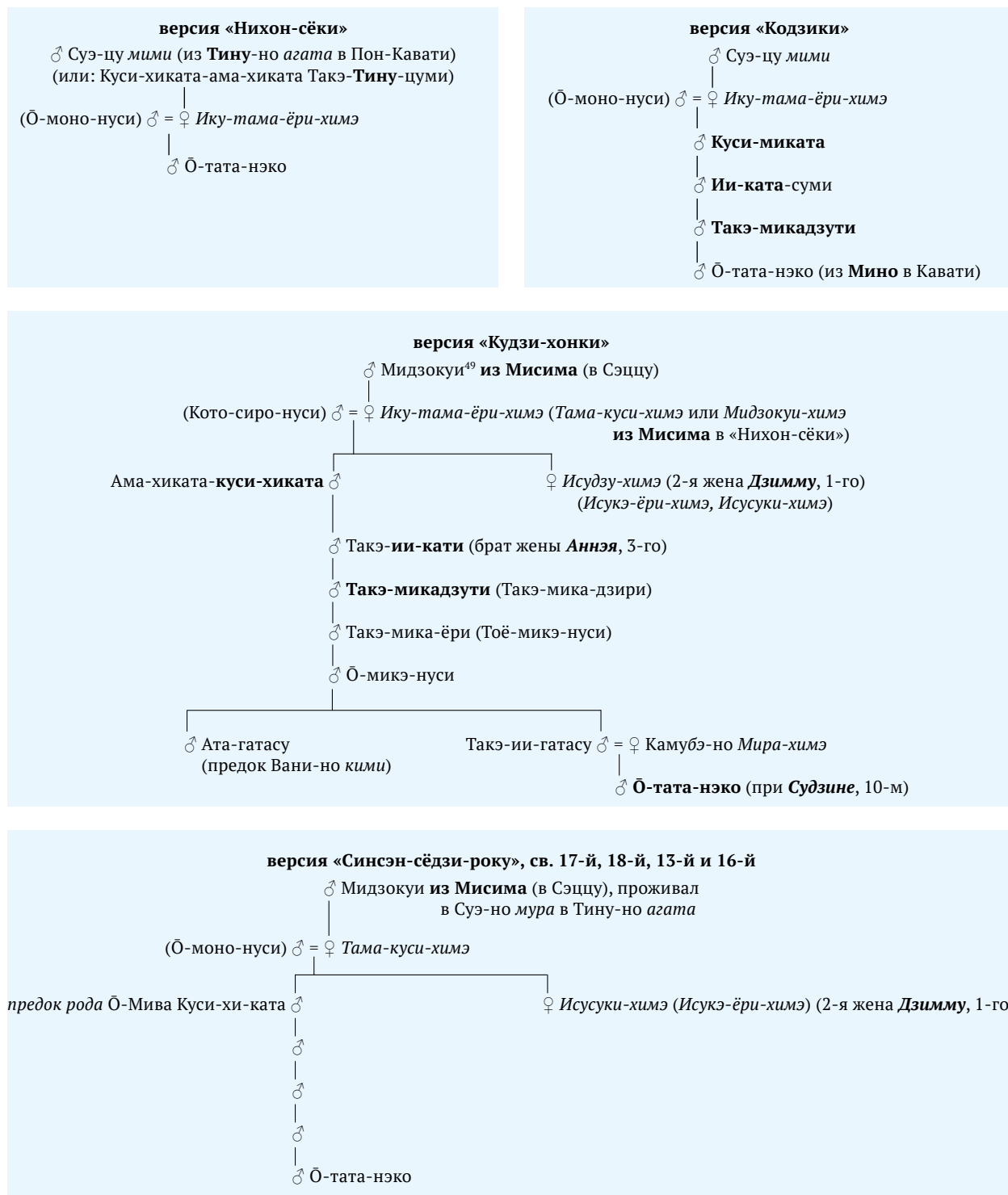


Рис. 2. Генеалогия рода **О**-тата-нэко: версии «Нихон-сёки», «Кодзики», «Кудзи-хонки» и «Синсэн-сёдзи-року»
Fig. 2. Genealogy of the **О**-тата-неко clan: versions of the Nihon-shoki, Koji-honki, Kojiki, and Shinsen-shoji-roku

⁴⁹ Название местности в области Сэццу. В списке святилищ в «Энги-сики» упомянуто святилище Мидзокуи-дзиндзя, располагавшееся на территории уезда Сима-но симо-но *кёри* («Нижняя [часть] уезда [Ми]сима»), части прежнего уезда Мисима, разделенного на Нижний (Сима-но симо) и Верхний (Сима-но ками) уезды [Ми]сима (Кодзики. 2001. С. 157, прим. 18).

[в которую вселяется] Божественный Дух', как предполагают исследователи, видимо, шаманка-жрица⁵⁰). «Нихон-сёки» приводит две версии касательно отца Ику-тама-ёри-химэ. Первая называет ее отцом Суэ-цу мими (др.-яп. Сувэ-ту мими). Вторая версия передает сведения какого-то сказания, где Ику-тама-ёри-химэ названа дочерью Куси-хиката-ама-хиката Такэ-тину-цуми⁵¹ (др.-яп. Куси-пиката-ама-пиката Такэ-тину-туми)⁵².

По «Кодзики», Ику-тама-ёри-химэ была дочерью Суэ-цу мими. Но Ё-тата-нэко не назван ее сыном – он ее праправнук, а она – его прапрабабка⁵³.

По одной версии «Кудзи-хонки» (св. 4-й [4], Генеалогия земных богов), Ику-тама-ёри-химэ (состоявшая в «священном браке» с богом **Кото-сиро-нуси**, а не с Ё-моно-нуси) была матерью второй жены Дзимму⁵⁴ (Кудзи-хонки, св. 4-й [4], Дети Кото-сиро-нуси) (рис. 2). В этом случае Ику-тама-ёри-химэ **отождествлялась** с дочерью Мидзокуи-мими из Мисима (в Сэццу⁵⁵) по имени Тама-куси-химэ (другое имя – Мидзокуи-химэ из Мисима), которая как раз и была матерью второй жены Дзимму (1-го) [названной в конце 1-го свитка⁵⁶ и в разделе «Дзимму-ки» (в конце 3-го свитка) в «Нихон-сёки»⁵⁷]. Вторую жену Дзимму звали Химэ-татара Исудзу-химэ⁵⁸ (другие имена: Химэ-татара **Исука-ёри-химэ**, Хототатара **Исусуки-химэ**)⁵⁹.

В более раннем разделе «Кудзи-хонки», где рассказывается о потомках бога святилища Ё-Мива-дзиндзя – **Ё-моно-нуси** (называемого здесь другим его именем – Ё-намути), приведена несколько сокращенная история о «священном браке» Ику-тама-ёри-химэ с божеством горы Мива (т.е. **Ё-моно-нуси**) (рис. 3⁶⁰),

приведенная в «Кодзики»⁶¹ (бог посещал девушку по ночам и был, по наущению ее родителей, определен по нити с иглой, продетой в подол одеяния бога, которая от горы Тину-но ама через гору Ёсино привела к святилищу на горе Мива) (Кудзи-хонки, св. 4-й (2), Бог горы Мива). В этом разделе «Кудзи-хонки» отцом Ику-тама-ёри-химэ назван Ё-Суэ-цути (др.-яп. Опо-Сувэ-тути) из округа **Тину**-но **агата**. В «Кодзики» отцом Ику-тама-ёри-химэ был **Суэ-цу мими** (возможно, из Мино [др.-яп. **Мину**] в **Кавати**). Очевидно, что **Суэ-цу мими** из **Тину** в Пон-**Кавати** (в «Нихон-сёки»), **Ё-Суэ-цути** из Тину в Пон-**Кавати** (в «Кудзи-хонки») и **Суэ-цу мими** из Мино (др.-яп. **Мину**) в **Кавати** (в «Кодзики») – это одно и то же лицо.

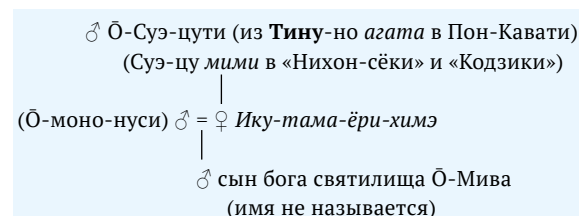


Рис. 3. Генеалогия рода Ику-тама-ёри-химэ: версия «Кудзи-хонки»

Fig. 3. Genealogy of Iku-tama-yori-hime: Kuji-honki version

В данном случае повторяется генеалогия, приведенная в «Нихон-сёки», но без указания имени сына Ику-тама-ёри-химэ. Связано это с тем, что в «Нихон-сёки» ее сыном назван **Ё-тата-нэко**⁶². А в «Кудзи-хонки» сыном Ику-тама-ёри-химэ указан **старший брат второй жены Дзимму** по имени Ама-хи-ката **Куси-хиката** (в «Кодзики» его имя указано как **Куси-ми-ката**)⁶³.

⁵⁰ Нихон-сёки: Анналы Японии... С. 437, прим. 10, с. 209; Кодзики, 1994. Т. II. С. 56; [Ellwood 1990: 202].

⁵¹ В. Дж. Астон, следуя иной разбивке текста, перевел сведения данного сказания иначе: «Икудама-ёри-бимэ, дочь Сувэ-цу мими. Также зовут Куси-хи-ката-амэ-хи-ката, дочь Такэ-тину-цуми» (Nihongi, V, 6) (Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697, tr. Aston W. G. L.: Allen, 1956. Pt. I. P. 153). Этот перевод можно понять двояко: (1) Родительницу Икудама-ёри-бимэ по имени Сувэ-цу мими звали также Куси-хи-ката-амэ-хи-ката. Эта родительница была дочерью Такэ-тину-цуми. (2) Матерью Ё-тата-нэко была не Икудама-ёри-бимэ, а Куси-хи-ката-амэ-хи-ката – дочь Такэ-тину-цуми по имени.

⁵² Нихон-сёки. 1957. С. 161; Нихон-сёки: Анналы Японии... С. 209.

⁵³ Кодзики. 2001. С. 184, 185; Кодзики. 1994. Т. II. С. 56.

⁵⁴ Кудзи-хонки. 1901. Т. 7. С. 244.

⁵⁵ Местность в области Сэццу (ныне северная часть округа Осака) (Кодзики. 2001. С. 157, прим. 17).

⁵⁶ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 146.

⁵⁷ Там же. С. 192.

⁵⁸ Это же имя названо в «Кудзи-хонки» (св. 4-й [4], потомки Кото-сиро-нуси) (Кудзи-хонки. 1901. С. 244).

⁵⁹ Кодзики. 1994. Т. II. С. 42; Кодзики. 2001. С. 158, 159.

⁶⁰ Нихон-сёки. 1957. С. 161; Нихон-сёки. 1997. С. 209.

⁶¹ Кодзики. 1994. Т. II. С. 56–57.

⁶² Нихон-сёки. 1957. С. 161; Нихон-сёки. 1997. С. 209.

⁶³ Кодзики. 1994. Т. II. С. 56.

История о ночных посещениях богом девушки, которая определила его личность при помощи нити, продетой в одежду божества, которая привела к горе Миморо-яма (Мива), рассказана в «Синсэн-сёдзи-року». В этой версии в связь с дочерью Мидзокуи-мими из Мисима по имени Тама-куси-химэ вступил бог **О-куни-нуси** (др.-яп. Опо-куни-нуси)⁶⁴. Теоним О-куни-нуси (досл. 'Хозяин большой страны') считался одним из имён О-моно-нуси⁶⁵. Потомками этой связи стал род (удзи), получивший родовое имя О-Мива (др.-яп. Опо-Мива)⁶⁶ (Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й, [566] О-Мива-но асоми). Причем один раз в 13-м свитке «Синсэн-сёдзи-року» и дважды в конце 16-го свитка указано, кто был сыном О-куни-нуси (или, по версии цитируемого здесь источника «Коги», сыном О-моно-нуси): «Сыном О-куни-нуси-но микото (или как говорит "Коги" – О-моно-нуси) [был] Куси-хиката-но микото»⁶⁷ (Синсэн-сёдзи-року, св. 13-й, [417] Исобэ-но кими). «Сыном О-моно-нуси-но микото [был] Куси-хиката-но микото... Дитя того же господина (микото) – Куси-хиката-но микото»⁶⁸ (Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й, [526] Исобэ-но кими, [527] Кома-хито-но).

Получается, что хотя Мидзокуи-мими был из местности Мисима в Сэццу, судя по всему, семья жила в селении Суэ-но мура в округе Тину-но агата. В «Нихон-сёки» Тама-куси-химэ (другое имя – Мидзокуи-химэ из Мисима) была матерью второй жены Дзимму (Нихон-сёки, конец св. 1-го⁶⁹ и в св. 3-м⁷⁰).

Кроме того, в 18-м свитке «Синсэн-сёдзи-року» О-тата-нэко назван **потомком** О-куни-нуси (одно из имен О-моно-нуси) **в пятом поколении**⁷¹ (Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й, [615] Мива-хито) (рис. 2).

Следует заметить, что в «Кодзики» **мать** второй жены Дзимму (Исусуки-химэ или Исукэ-ёри-химэ) и ее старшего брата названа именем **Сэя-татара-химэ** (рис. 4). И находилась она (как и **Ику-тама-ёри-химэ** в «Нихон-сёки»⁷², а также в разделе «Бог горы Мива» в 4-м свитке «Кудзи-хонки») в «священном браке» с богом **О-моно-нуси**, а не с его сыном Кото-сиро-нуси (история о красной стреле, воткнувшейся в половые органы девушки, когда она испражнялась)⁷³. В одной из версий, помещенных в конце 1-го свитка «Нихон-сёки», отцом Исудзу-химэ также назван бог святилища О-Мива – **О-моно-нуси**, а не Кото-сиро-нуси⁷⁴.

Следовательно, в «Генеалогии земных богов» в «Кудзи-хонки» **Ику-тама-ёри-химэ** (дочь О-Суэ-цуги из Тину в Кавати) отождествляется с матерью второй жены Дзимму – **Сэя-татара-химэ** (дочерью Мидзокуи из Мисима в Сэццу).

Если сравнить сведения «Нихон-сёки» с материалами «Кодзики» и «Кудзи-хонки», то обнаруживается стремление составителей последних к увеличению количества поколений, а значит удревнению и растягиванию хронологии. **Куси-миката** «Кодзики» соответствует Ама-хиката-**куси-хиката** «Кудзи-хонки». Сын Куси-миката – **Ии-ката-суми** – в «Кудзи-хонки»

⁶⁴ (566) 大和国、神別、地祇：「大神朝臣。素佐能雄命ノ六世孫 大國主之後 也。初 **大國主神** 娶^レ三島ノ溝杭耳之女 玉櫛姫。夜 未、曙 去。來 曾 不 昼 到。於是 玉櫛姫 續^レ芋係衣。至^レ明、隨^レ芋、尋^レ覓。經^レ於^レ茅渟泉陶邑。直指^レ大和國ノ真穂ノ御諸山。還、視^レ芋ノ遺。唯 有^レ三 縷。因之号^レ姓ヲ 大三縷。」 – Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏錄。Гунсё руйдзё 群書類從。Вып. 16-й 第十六輯。Токио 東京：Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社，1902. С. 176; Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 250; ср.: 「大神朝臣（おほみわのあそみ）。素佐能雄 命^{すさのをのみこと}の六世孫、大國主の後なり。初め大國主神、三島 溝 杭 耳 之 女、玉 櫛 姫 に 娶 ひ た ま ひ き。夜^{あけ}の 曙^{あけ} ぬ ぼ だ に 去 り ま し て、來 す に さ ら に 昼 到 ま さ ざ り き。こ こ に、玉 櫛 姫、芋^うを 續 み、衣 に 係 け て、明^{あけ}く る に 至 り て、芋^うの ま に ま に、ま ぎ ゆ き け れ ば、茅 渟 泉 の 陶 邑^{ちぬのあがた すゑのむら}を 經 て、直 に 大 和 國 の 真 穂 の 御 諸 山 に い た れ り。還 り て、芋^うの 遺^{のこり}を み れ ば、た だ、三 縷 の み あ り き。こ れ に よ り て、姓^{うぢ}を 大 三 縷 と 号 け り。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й.

⁶⁵ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 144; Кодзики, 1994. Т. I. С. 61.

⁶⁶ 「号^{うぢ}ヲ 姓^{うぢ}ヲ 大三縷。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1902. С. 176; Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 250; 「姓^{うぢ}を 大 三 縷 と 号 け り。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й.

⁶⁷ (417) 左京、神別、地祇、石辺公：「大國主[古記一云。大物主。]命ノ男 久斯比賀多命之後 也。」 – Синсэн-сёдзи-року, 1962. С. 225; ср.: 「大 國 主[古記一に おほく^{おほく}に ぬし^{ある}に いわく、大物主]命^{くしひかたのみこと}の男、久斯比賀多命...」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 13-й.

⁶⁸ (526) 山城国、神別、地祇、石辺公：「大物主命ノ子 久斯比賀多命之後 也。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 243; (527) 山城国、神別、地祇、狛人野：「同命ノ兄 櫛日方命之後 也。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 244; ср.: 「大物主命^{くしひかたのみこと}の子、久斯比賀多命... 同じき命の兄、櫛 日 方 命...」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й.

⁶⁹ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 146.

⁷⁰ Там же. С. 192.

⁷¹ (615) 摂津国、神別、地祇、神人：「大國主命ノ五世孫 大田田根子命...」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 258; ср.: 「大國主命^{おほたねのみこと}の五世孫、大田田 根 子 命...」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й.

⁷² Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209.

⁷³ Кодзики, 1994. Т. II. С. 42.

⁷⁴ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 145.

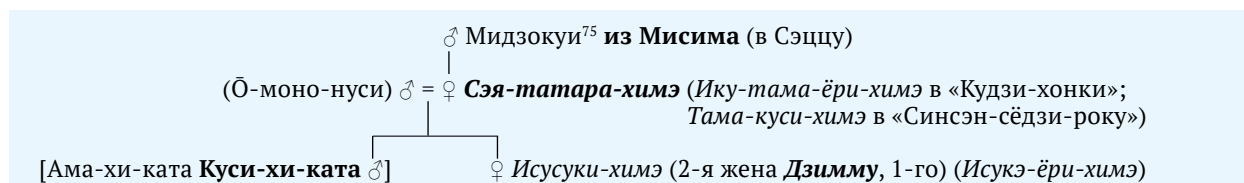


Рис. 4. Генеалогия рода Исусуки-химэ (2-й жены Дзимму): версия «Кодзики»

Fig. 4. Genealogy of Isusuki-hime (Emperor Jimmu's second wife): Kojiki version

назван именем Такэ-ии-кати. Сын Ии-ката-суми – **Такэ-микадзути** – по версии «Кодзики» был **отцом** Ō-тата-нэко. А в «Кудзи-хонки» Такэ-микадзути – *прапрадед* Ō-тата-нэко. Всё это указывает на некую «редакторскую» правку генеалогии составителями источников.

В генеалогии «Кудзи-хонки» после Такэ-ии-кати (др.-яп. Такэ-ипи-кати) в клане Ō-Мива вдруг, в отличие многолетних древнеяпонских семей, стало «рождаться» по одному ребенку. В результате Ō-тата-нэко оказался потомком в 8-м поколении от Кото-сиро-нуси и в 9-м поколении от Ō-моно-нуси (Ō-намути)⁷⁶ (Кудзи-хонки, св. 4-й [4], потомки Ō-намоти, 9-е поколение). А в 18-м свитке «Синсэн-сёдзи-року» Ō-тата-нэко назван **потомком** Ō-куни-нуси (одно из имен Ō-моно-нуси) **в пятом поколении**⁷⁷ (Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й, [615] Мива-хито).

Скорее всего, для того чтобы «растянуть» хронологию правлений (чтобы она совпадала с официальной хронологией и генеалогией «восьми правителей»), братья Такэ-микадзути были выстроены друг за другом в генеалогической последовательности. На рисунке 5 представлена реконструированная версия генеалогии рода Ō-Мива, если сопоставить сведения источников и убрать «редакторскую» правку.

В этом случае предком рода был человек Куси-хиката-ама-хиката (живший **во второй половине III в.** [испр. хрон.]), который первоначально занимал должность Мидзокуи-мими (глава местности Мидзокуи в Сэццу). Он вместе с семьей из Мисима переселился в селение Суэ-но мура в округе **Тину**-но агата в области Пон-Кавати (ныне местность Идзуми). Куси-хиката-ама-хиката стал носить прозвище Такэ-

Тину-цуми (досл. 'Храбрый правитель из [округа] Тину'⁷⁸), указывавшее на связь с местностью Тину), и занял должность Суэ-цу мими – главы деревни Суэ-но мура. Его дочерью, первоначально носившей титул Мидзокуи-химэ (досл. 'знатная женщина [местности] Мидзокуи') из Мисима, была жрица Ику-тама-ёри-химэ (другое имя – Тама-куси-химэ; в «Кодзики» – Сэя-тата-римэ), которая вступила в «священный брак» с богом Кото-сиро-нуси (или с его «отцом» – Ō-моно-нуси). В свою очередь, она стала матерью Исудзу-химэ (другие имена – Исукэ-ёри-химэ, Исусуки-химэ) – второй жены Дзимму (1-го государя Ямато). Внучкой Ику-тама-ёри-химэ была Нуна-соко-нака-цу химэ, жена Аннэя (3-го государя Ямато). Правнуком был Такэ-микадзути (отец Ō-тата-нэко – по версии «Кодзики»). Праправнуком Ику-тама-ёри-химэ приходился Ō-тата-нэко (из селения Мино-но мура в области Кавати), живший в правление государя Мимаки (Судзина, 10-го в официальной генеалогии).

Из этой родословной следует, что Ō-тата-нэко был родственником второй жены Дзимму по имени Исудзу-химэ из рода жриц бога Кото-сиро-нуси (возможно, ветви рода жриц бога Ō-моно-нуси) и правнуком ее старшего брата – Ама-хиката-куси-хиката. В генеалогической линии **Ō-моно-нуси → Кото-сиро-нуси → Ама-хиката-куси-хиката → Такэ-ии-кати → Такэ-микадзути → Ō-тата-нэко** последний оказывался потомком в **пятом поколении** Ō-моно-нуси (как указано в «Синсэн-сёдзи-року»). По сведениям «Синсэн-сёдзи-року», род потомков девы Тама-куси-химэ (Ику-тама-ёри-химэ, Сэя-тата-римэ) получил **родовое имя Ō-Мива** (др.-яп. Опо-Мива)⁷⁹.

⁷⁵ Название местности в области Сэццу (Кодзики. 2001. С. 157, прим. 18).

⁷⁶ Кудзи-хонки. 1901. С. 246.

⁷⁷ (615) 撰津国、神別、地祇、神人：「大國主命ノ五世孫 大田田根子命...」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 258; ср.: 神人（みわひと）：「大國主命の五世孫、大田田根子命...」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й.

⁷⁸ 紙 др.-яп. *туми*, *цу*, *цуми*. Цугита Дзюн возводит *цуми* к старому слову *цукаса-дору* (др.-яп. *тукаса-дору*) – ведать, править (Кодзики. 1994. Т. I. С. 222).

⁷⁹ (566) 大和国、神別、地祇：「大神朝臣。<...> 初大國主神 娶 三島ノ溝杭耳之女 玉櫛姫。<...> 唯有 三三。因之号姓 大三三。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1902. С. 176; Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 250.

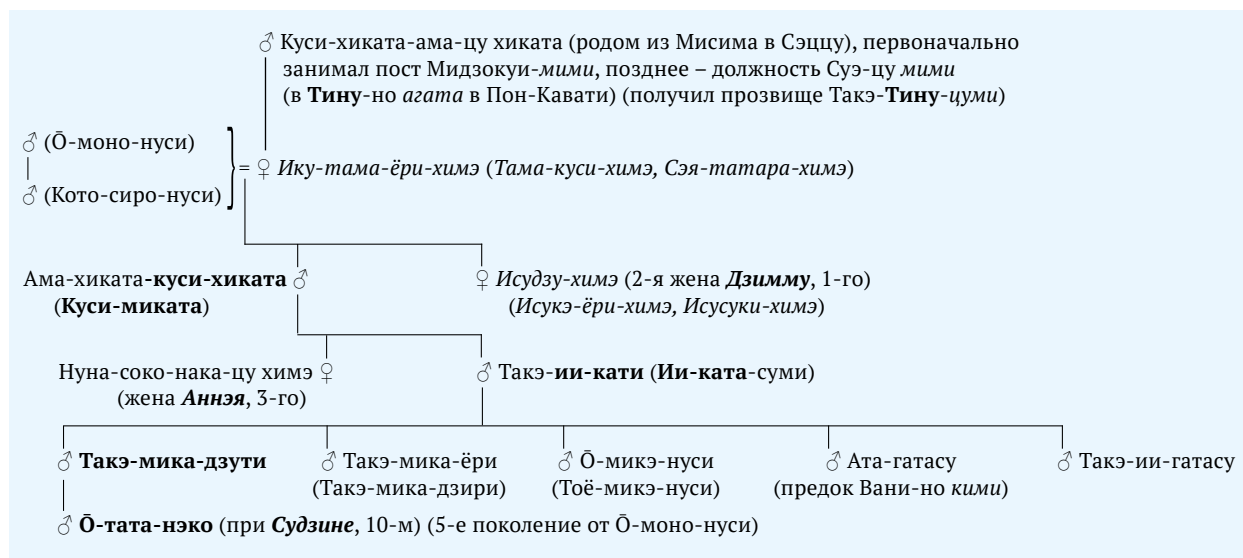


Рис. 5. Генеалогия рода Ō-Мива (предков Ō-тата-нэко): реконструированная версия
Fig. 5. Genealogy of the Ō-Miwa clan (Ō-tata-neko's ancestors): a reconstructed version

Новый жрец бога Ō-моно-нуси

С такой генеалогией Ō-тата-нэко мог спокойно соперничать в борьбе за главенство в сфере культа бога Ō-моно-нуси с дочерью государя Кōрэя – принцессой Ямато-тотохи-момосо-бимэ, которая не могла похвастаться такой родословной. Поэтому «государь (Мимаки [Судзин] – прим. автора) возрадовался весьма»⁸⁰ и заявил: «наверное, мне суждено преуспевание»⁸¹. «И тогда Опотатанэко произвели в священнослужители, и он начал служить на горе Миморо перед великим богом Опомива»⁸² (вместо принцессы-жрицы Ямато-тотохи-момосо-бимэ) (Кодзики, св. 2-й, Судзин, Ō-тата-нэко). В 8-й день⁸³ 11-й луны «было отдано повеление (сановнику – прим. автора) Икагасиково (из рода

Мононобэ-но мурадзи – прим. автора), чтобы Опо-тата-нэко взял (жертвенные – прим. автора) дары⁸⁴, изготовленные многими людьми (букв. ‘80-тью работниками [яп. тэ]’⁸⁵ – прим. автора) из рода (корпорации *неполноправных свободных* [др.-яп. бэ]⁸⁶ – прим. автора) Мононо-бэ, и отправлял ритуалы в честь бога Опо-моно-нуси-но ками»⁸⁷ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 7-й год, 11-я луна, 8-й день). В 20-й день 12-й луны⁸⁸ «государь повелел Опо-тата-нэко устроить (храмовое – прим. автора) празднество (яп. мацури⁸⁹ – прим. автора) в честь Великого бога» Мива⁹⁰. В этот день винодел из селения Такахаси-но мура по имени Икуи (др.-яп. Икупи из Такапаси-но мура; назначенный

⁸⁰ Кодзики. 1994. Т. II. С. 56.

⁸¹ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209.

⁸² Кодзики. 1994. Т. II. С. 56.

⁸³ Nihongi. 1956. P. 153–154.

⁸⁴ 祭神之物 яп. сайдзин-но моно – букв. ‘вещи, приносимые в жертву богу (которому посвящен храм)’; где 祭神 яп. сайдзин, кит. цзйшэнь – приносить жертвы духам (богам) (БКРС. Т. II. С. 796); ср.: 祭神 яп. сайдзин – синт. божество, которому посвящен храм (БЯРС. Т. II. С. 13).

⁸⁵ 「八十手」 – Нихон-сёки. 1957. С. 161; см.: Nihongi. 1956. P. 154; где 手 яп. тэ – 2) рабочие руки; работник (БЯРС. Т. II. С. 318).

⁸⁶ 部 др.-яп. бэ, кит. бэ – сущ. 1) отдел, департамент; подразделение; подведомственные учреждения; **подчиненные** (БКРС. Т. II. С. 776). О бэ (корпорациях зависимых работников) и бэмин (неполноправных свободных) см. [Суровень 2002: 122–124; 2010: 151–153; 2012; 2019b: 125–142].

⁸⁷ 《崇神天皇七年（庚寅）十一月、己卯》：「十一月、丁卯朔己卯。命伊香色雄而以物部八十手所作祭神之物。即以大田田根子。為祭大物主大神之主。」 – Нихон-сёки. 1957. С. 161; см.: Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209.

⁸⁸ Nihongi. 1956. P. 154.

⁸⁹ 祭 др.-яп. матури, совр.-яп. мацури – праздник, празднество; 祭 др.-яп. матуру, совр.-яп. мацуру – обожествлять кого-л., поклоняться кому-л. (БЯРС. Т. I. С. 588).

⁹⁰ 「冬十二月、丙申朔乙卯。天皇以大田田根子令祭大神。」 – Нихон-сёки. 1957. С. 162; см.: Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209.

восемью месяцами ранее на должность «винодела при Великом боге»⁹¹ Мива⁹² [яп. *О-мива-но сакэ-бито*] изготовил «божественное сакэ»⁹³ для ритуальной трапезы (*пира*) этого праздника в храме бога Мива, в котором принял участие государь Мимаки (Судзин)⁹⁴ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 8-й год пр., 12-я луна, 20-й день; 4-я луна, 6-й день).

По сведениям «Синсэн-сёдзи-року», от *О-тата-нэко* вели свое происхождение **две ветви рода** Мива-хито (др.-яп. Мива-пито – досл. 'Люди бога [Мива]')⁹⁵ из области Сэццу (Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й, [615] Мива-хито, [616] Мива-хито). В 19-м свитке этого источника сообщается, что люди Мива-хито имеют одинакового предка с кланом Митэсиро-но *обито* – человека по имени Ахира-но *микото*⁹⁶ (др.-яп. Апира-но *микото*; примечательно, что топоним Ахира [др.-яп. Апира] был названием местности в южном Кюсю на полуострове Осуми, из которой происходила первая жена государя Дзимму). В «Нихон-сёки» написано: «Опо-тата-нэко – первопредок нынешнего рода Мива-но *кими*»⁹⁷. В «Кодзики» добавлено: «Этот Опотатанэко-но *микото* – предок Мива-но *кими*»⁹⁸ [и] Камо-но *кими*»⁹⁹. В «Кудзи-хонки» это описано более подробно: внуку *О-тата-нэко* по имени *О-Камо-цуми-но микото* (др.-яп. Опо-Камотуми-но *микото*) в царствование Мимаки было даровано наследственное звание (*кабанэ*) Камо-но *кими*.

В «Синсэн-сёдзи-року» добавлено: «Камо-но *асоми*. [С родом] *О-Мива-но асоми* [имеют] одинакового предка. [Они] – потомки бога *О-куни-нуси-но ками*. [Происходят от] внука *О-тата-нэко-но микото* [по имени] *О-камо-цуми-но микото* ([еще] одно имя – *О-камо-но сукунэ*). [Люди этого рода в святилище] Камо-дзиндзя проводили очистительные обряды»¹⁰⁰ (Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й, Камо-но *асоми*). Второй внук жреца *О-тата-нэко* – *О-томо-нуси-но микото* (др.-яп. Опо-томо-нуси) получил наследственное звание *О-Мива-но кими* (др.-яп. Опо-Мива-но *кими*; он дожил до правления государи Дзингү¹⁰¹ (347–389 гг. [испр. хрон.]¹⁰²). Третий внук – Тата-хико-но *микото* (др.-яп. Тата-пико) – возглавил две храмовые корпорации (состоявшие из *неполноправных свободных*) – *каму-бэ* и *о-мива-бэ* (др.-яп. *опо-мива-бэ*), получив звания Камубэ-но *атаи* и *О-Мивабэ-но атай* (др.-яп. Опо-Мивабэ-но *атаи*)¹⁰³ (Кудзи-хонки, св. 4-й [4], Генеалогия земных богов, 11-е поколение).

В «Синсэн-сёдзи-року» рассказывается еще об одном назначении, связанном с исполнением обрядов богу *О-моно-нуси*. Э-тараси-хи-но *микото* (др.-яп. Э-тараси-пи-но *микото*) – представитель древнего рода Ямато, жившего здесь, видимо, еще до прихода Дзимму¹⁰⁴, «в царствование государя (*сумэра-микото*) [Мимаки] (посмертное почетное имя

⁹¹ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209; 《崇神天皇八年（辛卯）四月乙卯》：「八年、夏、四月、庚子朔乙卯。以 高橋邑ノ人 活日 為レ大神之掌酒。【掌酒。此云レ佐介苜苜。】」 – Нихон-сёки. 1957. С. 162; см.: Nihongi, 1956. P. 154.

⁹² Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 437, прим. 12.

⁹³ 「是日、活日 自舉レ神酒。獻レ天皇。」 – Нихон-сёки. 1957. С. 162; см.: Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209–210.

⁹⁴ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209–210; Nihongi. 1956. P. 154–155.

⁹⁵ (615–616) 摂津国、神別、地祇：「神人。大國主命五世孫大田田根子命之後也。神人。上同。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 258–259; ср.: 「神人（みわひと）。大國主命の五世孫、おほたねこのみこと 大田田根子の命の後なり。神人（みわひと）。上に同じ。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й.

⁹⁶ (663) 河内国、神別、天神：「神人。御手代首ト 同祖。阿比良命之後也。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 266.

⁹⁷ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 210; Нихон-сёки. 1957. С. 162; см. [Ellwood 1990: 202].

⁹⁸ Мива-но *кими* записано иероглифами 神君 (Кодзики. 2001. С. 188).

⁹⁹ Кодзики. 2001. С. 188; см.: Кодзики. 1994. Т. II. С. 57.

¹⁰⁰ (567) 大和国、神別、地祇：「賀茂朝臣。大神朝臣ト 同祖。大國主神之後也。大田田祢古命ノ孫 大賀茂都美命 [一名 大賀茂足尼。] 奉斎レ賀茂神社也。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 250; ср.: 「賀茂朝臣（かものあそみ）。大神朝臣と同じき祖。大國主神の後なり。おほたねこのみこと 大賀茂都美命 [一名は大賀茂足尼] 賀茂神社を斎き祭りき。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й.

¹⁰¹ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 263, 264.

¹⁰² О хронологии периода регентства государыни Дзингү см. [Суrowень 1998b; 2015b; 2021c: 5–23].

¹⁰³ 「十一世孫：大鴨積命。此命、磯城ノ瑞籬ノ朝ノ御世【崇神】ニ 賜レ賀茂君ノ姓ヲ。次、大友主命。此命、同朝ノ御世、賜 大神君ノ姓ヲ。次、田田彦命。此命、同朝ノ御世、賜レ神部直・大神部直ノ姓ヲ。」 – Кудзи-хонки. 1901. С. 246–247; ср.: 「大鴨積命。おおかもつみのみこと この命は、磯城瑞垣朝の御世に賀茂君の姓を賜りました。次に、弟の大伴主命。おほともぬしのみこと この命は、同じ御世に大神君の姓を賜りました。次に、弟の田田彦命。たたひこのみこと この命は、同じ御世に神部直・大神部直の姓を賜りました。」 – Кудзи-хонки, св. 4-й (4).

¹⁰⁴ Э-тараси-хи считался потомком в шестом поколении бога Ама-хираку-но *микото*, спустившегося с Небес на холм Исиока в местности Ви области Кацураги: (513) 山城国、神別、天神：「神宮部造。葛木猪石岡ニ 天下神 天破命之後也。六世孫 吉足日命...」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 241; ср.: 「神宮部造。かつらぎのゐのいしをか 葛木猪石岡に天下りませる神、天破命あまひらくのみこと の後なり。六世孫、吉足日命...」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й, Каму-мия-бэ-но *мияцук*о.

[яп. *окурина*] – Судзин), правившего территорией [государства] из дворца Мидзугаки-но *мия* в Сики, в Поднебесной были бедствия (яп. *магагото*). Послали Э-тараси-хи-но *микото*, приказав [ему] исполнять очистительные обряды [перед] богом Ё-моно-ниси-но *ками*. Несчастья разные как раз [и] прекратились. Государь [Судзин] провозгласил указ, говоря: "В Поднебесной бедствия прекратились (яп. *ями*). Сто родов (др.-яп. *опо-митакара*, яп. *хякусэй* – *арх.* простой народ) получили благополучие. Отныне и потом должна быть богиня дворца (яп. *Мия-но мэ-но ками*)! По этой причине дарую [тебе] наследственное звание (*кабанэ*) Мия-но-мэ-но *кими* (досл. 'Повелитель храмовых (дворцовых) женщин' [?]), – [так рёк]. Впоследствии, в книге [переписи населения] года *канозэ-ума* (7-го года цикла) [670 г.] в примечаниях записали [клановое звание] Каму-мия-бэ-но *мияцүко* (досл. 'управляющие корпорацией храма [букв. 'священного дворца']')»¹⁰⁵ (Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й, [513] Каму-мия-бэ-но *мияцүко*).

Упорядочение культов Ямато

Дядя государя Мимаки по имени Икагасикоо (др.-яп. *Икагасико*) из рода Мононобэ-но *мурадзи* после 8-й луны этого же года получил поручение «распределять подношения богам»¹⁰⁶ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 7-й год, 8-я луна). В «Кудзи-хонки»

об этом написано: «Икагасиково-но *микото*... В царствование государя [Мимаки], управлявшего поднебесной из дворца Мидзугаки-но *мия* в Сики, этот [сановник в ранге] *опоми* получил государев приказ распределять вещи для подношения богам. Определив святилища небес[ных богов] (др.-яп. *ама-ту ясиро*, совр.-яп. *ама-цу ясиро*) и святилища зем[ных богов] (др.-яп. *куни-ту ясиро*, совр.-яп. *куни-цу ясиро*), исполнили обряды (др.-яп. *матуримасита*, совр.-яп. *мацури-масита*) для восьмисот мириад божеств, [поднеся] жертвоприношения (яп. *кумоцу*) для богослужения (др.-яп. *ками-матури*, совр.-яп. *ками-мацури*), изготовленные [корпорацией] Мононобэ»¹⁰⁷ (Кудзи-хонки, св. 5-й [5], 6-е поколение, Икагасиково). В «Когосёи» приведены подобные же сведения. «Еще всем восьмистам мириадам божеств исполнили обряды (*мацуру*). Ввиду чего определили святилища небес[ных богов] (др.-яп. *ама-ту ясиро*) и святилища зем[ных богов] (др.-яп. *куни-ту ясиро*), а также **священные земли**¹⁰⁸ и **священные дворы**»¹⁰⁹ (Когосёи, Судзин, 6-й [7-й]¹¹⁰ год пр.; Kogoshūi, Sūjin, 6th year of reign¹¹¹). «А потом, в соответствии с наставлением богини великой, во всех провинциях (яп. *куни* – владениях – *прим. автора*), во всех местностях было велено возводить великие святилища (досл. 'искали [яп. *мотомэта*] место для великих храмов [предков] (яп. *ё-мия*)'¹¹² – *перевод автора статьи*)»¹¹³

¹⁰⁵ (513) 山城国。神別。天神。「神宮部造...磯城ノ瑞籬宮ノ御宇ノ[謚 崇神]天皇ノ御世。天下有レ災。因遣レ吉足日命、令レ齋祭レ大物主神。災異即止。天皇詔レ曰：『消レ天下ノ災、百姓得レ福。自今以後可為レ宮能売神。仍賜レ姓宮能売ノ公』。然後庚午年ノ籍注レ神宮部造也。」 – Синсэн-сёдзи-року. 1962. С. 241; ср.: ^{えたらしひのみこと} ^{しきのみづがきのみ} ^{やにあまのしたしろしめし} ^{あまつやしろ} ^{くにつやしろ} ^{いかがしこおのみこと} 磯城瑞籬宮ノ御宇ノ[謚 崇神]天皇ノ御世に、天下に災^{やみ}おこりき。かれ、吉足日命を遣して、大物主神を齋祭らしめたまひしかば、災異すなはち止みき。天皇詔して曰はく：『天下の災^{やみ}消み、百姓^{おほみたち} 姓^な 福を得つ。いまより以後、宮能^{みやのめのかみ} 売^う 神となるべしとのたまふ。よりて姓を宮能^{みやのめのかみ} 売^う 公と賜ひき』。そののち、庚午年籍に、神宮部造と注せり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й.

¹⁰⁶ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209.

¹⁰⁷ 「伊香色雄命... 磯城ノ瑞籬宮ノ御宇ノ天皇ノ御世【崇神】詔レ大臣ニ 為班レ神物、定レ天社・國社。以物部八十手所作祭神之物、祭レ八十萬群神之時...」 – Кудзи-хонки. 1901. С. 269; ср.: ^{いかがしこおのみこと} ^{えたらしひのみこと} ^{しきのみづがきのみ} ^{やにあまのしたしろしめし} ^{あまつやしろ} ^{くにつやしろ} ^{いかがしこおのみこと} 磯城瑞籬宮で天下を治められた天皇の御世、この大臣に詔して、神に捧げる物を分かつたせ、天社・國社を定めて、物部が作った神祭りの供物で八十万の神神を祀りました。」 – Кудзи-хонки, св. 5-й (5).

¹⁰⁸ 神地 др.-яп. *каму токуро* – досл. 'священные земли', т.е. земли, засеваемые для богов (Синто. 2002. С. 415, п. 136).

¹⁰⁹ 「又六年祭レ八十萬群神、仍定レ天社・國社及神地・神戸。」 – Когосёи 古語拾遺. *Когосёи кёги: хётё* 古語拾遺講義: 標註. 大阪: Оэн сёин 桜園書院, 1925. С. 151; Когосёи 古語拾遺 (в одном свитке [с предисловием]一卷【加序】). Токио: Иванами бунко 岩波文庫, 1985; ср.: 「【古語拾遺】: 又、八十万の群神を祭る。仍りて、天社・國社及神地・神戸を定む。」 – Судзин-тэнно-но дзицу-нэндай 崇神天皇の実年代; ср.: Когосёи. 2002. С. 94.

¹¹⁰ В «Нихон-сёки» эти события отнесены к 7-му году (11-й луне) правления государя Мимаки (Синто. 2002. С. 415, п. 135).

¹¹¹ Kogoshūi. 1926. P. 37.

¹¹² 大宮 др.-яп. *опо-мия*, яп. *ё-мия* / *дай-гё*, кит. *дэ-гүн* – * храм предков (БКРС. Т. III. С. 620); 大宮 яп. *ё-мия* – 1) *синт.* большой храм; 2) *уст.* императорский дворец (БЯРС. Т. I. С. 737).

¹¹³ Житие Ямато-химэ-но микото, пер. Л. М. Ермакова. *Синто: путь японских богов*. 2002. Т. II. С. 197; Житие Ямато-химэ-но микото, пер. Л. М. Ермаковой [Ермакова 2020: 551]; 「然後隨レ太神之教、國國處處仁^に 大宮處乎^を 求給倍利^{へり}。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки 倭姫命世紀. *Кокуси-тайкэй*. 1901. Т. 7. С. 481; ср.: 「その後、大神の教へのまに、国々処々に大宮處を求めた。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки 倭姫命世紀. URL: <http://nire.main.jp/rouman/sinwa/yamatohime.htm> (accessed 27 May 2024).

(Ямато-химэ-но микото сэйки, Мимаки, 6-й [7-й]¹¹⁴ год). Таким образом, как сообщается в «Нихон-сёки», «Ямато-химэ-но микото сэйки» и «Когосёи», Мимаки определил для всех богов места их святилищ, а также определил «священные земли» и «священные дворы» (или: «земли и дворы бога»)¹¹⁵ для храмовых хозяйств¹¹⁶ (земли в собственности храмов¹¹⁷ и дворы *неполноправных свободных*, работавших на этих землях) (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 7-й год пр.; 11-я луна; Nihongi¹¹⁸, V, 7). Как считает Р. К. Рэйшауэр и другие исследователи, эти «священные дворы» (яп. *каму-ко*) относились к корпорации *каму-бэ* (объединения *неполноправных свободных*), чей труд использовали на землях святилищ, а полученный продукт шел на содержание данных святилищ¹¹⁹ [Reischauer 1937: 117]. В «Кодзики» и «Нихон-сёки» также сообщается, что тогда было определено поклонение всем без исключения небесным и земным богам¹²⁰ (в том числе лично государем были совершены обряды и богам горных проходов *Суми-сака* и *О-сака* на границах области Ямато – охранителям страны¹²¹). В «Фусё-рякки» сообщается, что в царствование Судзина было создано святилище *Кумано-хонгү*: «Судзин-тэннō... Кумано-хонгү, во время царствования этого императора началось это [святилище]»¹²² (Фусё-рякки, св. 1-й, Судзин). Так функции управления отделялись от культовых функций, но монарх сохранял функции верховного жреца [Конрад 1974: 27; 2023: 51].

Заключение

В результате (пишет Роберт С. Элвуд), предприняв эти широкомасштабные мероприятия, государь Судзин попытался разрешить проблемы своего царствования при помощи введения должного поклонения мужским божествам этой земли, осуществляемого подходящими мужчинами-жрецами, совет о назначении которых мужчина-государь многозначительно получал от бога во сне. Эти изменения были осуществлены после того, как прорицания шаманок старой традиции были признаны не отвечающими потребностям общества [Ellwood 1990: 202] (подробнее см. [Суrowень 2020a; 2020c]).

Таким образом, на третьем этапе своих религиозно-политических реформ государь Мимаки (Судзин, 324–331 гг. [испр. хрон.]) заменил женщин-жриц главных богов области Ямато на мужчин-жрецов, а также упорядочил исполнение обрядов божествам центральной Японии, которые теперь составляли пантеон богов государства Ямато, и определил земли их храмовых хозяйств.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арутюнов С. А. Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция. *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века*, отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. С. 9–12. [Arutyunov S. A. Jimmu-tenno: Mythical fiction and historical reconstruction. *Siberia, Central and East Asia in the Middle Ages*, ed. Larichev V. E. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1975, 9–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wniubf>
- Воробьев М. В. Древняя Япония: историко-археологический очерк. М.: Вост. лит., 1958. 119 с. [Vorobyov M. V. *Ancient Japan: Historical and archaeological essay*. Moscow: Vost. lit., 1958, 119. (In Russ.)]

¹¹⁴ В «Нихон-сёки» эти события отнесены по традиционной хронологии к 7-му году (11-й луне) правления государя Мимаки (Синто. 2002. С. 415, п. 135).

¹¹⁵ 「神地. 神戸。」 – Нихон-сёки. 1957. С. 161.

¹¹⁶ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209; [Ellwood 1990: 202].

¹¹⁷ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209.

¹¹⁸ Цит. по: Nihongi. 1956. Pt. I.

¹¹⁹ Синто. 2002. С. 416, п. 137.

¹²⁰ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 209; Кодзики. 1994. Т. II. С. 56.

¹²¹ Нихон-сёки: Анналы Японии. 1997. С. 210, 438, прим. 16.

¹²² 「熊野本宮、此帝御時 始之。」 – Фусё-рякки 扶桑略記. *Кокусү-тайкэй* 国史大系. Токио 東京: Кэйдзай-дзасси-ся 經濟雑誌社, 1901. Т. 6. С. 453; Фусё-рякки 扶桑略記.

- Воробьев М. В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Наука, 1980. 344 с. [Vorobyov M. V. *Japan in the III–VII centuries. Ethnicity, society, culture, and the world around us*. Moscow: Nauka, 1980, 344. (In Russ.)]
- Ермакова Л. М. Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Т. 2. Переводы. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 591 с. [Ermakova L. M. *When Heaven and Earth were revealed. Myth, ritual, and poetry of Ancient Japan. Vol. 2. Translations*. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2020, 591. (In Russ.)]
- Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М.: Вост. лит., 1995. 272 с. [Ermakova L. M. *Speeches of the gods and the songs of people. Ritual and mythological origins of Japanese literary aesthetics*. Moscow: Vost. lit., 1995, 272. (In Russ.)]
- Конрад Н. И. Древняя история Японии. In: Конрад Н. И. *Избранные труды: история*. М.: Наука, 1974. С. 11–74. [Konrad N. I. *Ancient history of Japan*. In: Konrad N. I. *Selected Works: History*. Moscow: Nauka, 1974, 11–74. (In Russ.)]
- Конрад Н. И. Лекции по истории Японии: древняя история (с древнейших времен до переворота Тайка, 645 г.). *Японские древности (историко-правовые исследования)*, ред. Л. М. Ермакова, Е. С. Бакшеев, Д. А. Суrowень. Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. Вып. 1. С. 6–129. [Konrad N. I. *Lectures on the history of Japan: Ancient history from ancient times to the Taika revolution, 645 AD. Japanese Ancient History: Historical-legal studies*, eds. Ermakova L. M., Baksheev E. S., Surowen D. A. Ekaterinburg: UrSLU, 2023, iss. 1, 6–129. (In Russ.)]
- Косарев В. Д., Соколов А. М. Ама Японии и другие «народы моря». От истоков до XXI века. СПб.: Кунсткамера, 2017. 680 с. [Kosarev V. D., Sokolov A. M. *Japanese Ama and other "peoples of the sea". From origins to the XXI century*. St. Petersburg: Kunstkamera, 2017, 680. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/upgshs>
- Светлов Г. Е. Путь богов: синто в истории Японии. М.: Мысль, 1985. 240 с. [Svetlov G. E. *The way of the gods: Shinto in the history of Japan*. Moscow: Mysl, 1985, 240. (In Russ.)]
- Суrowень Д. А. Верхние слои сказания о двух братьях и морской и горной удаче как источник по истории юго-западной Японии периода позднего яёй. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение*. 2018. № 3. С. 63–91. [Surowen D. A. *The upper layers of the legend on two brothers and sea and mountain luck as the source on histories of southwestern Japan during the late Yayoi period. Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Serii: Epic studies*, 2018, (3): 63–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.11.16941>
- Суrowень Д. А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму. *Genesis: исторические исследования*. 2015a. № 3. С. 136–220. [Surowen D. A. *To a question of chronology of the establishing of Yamato dynasty and reign sovereign Jimmu. Genesis: Historical research*, 2015a, (3): 136–220. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.3.14752>
- Суrowень Д. А. К вопросу о сущности варварского общества и государства на примере древней Японии (конец III – V в.). *Исседон: альманах по древней истории и культуре*. 2002. № I. С. 104–132. [Surowen D. A. *To the question about essence of the barbarous society and state with an example of ancient Japan (III–V centuries A.D.). Issedon: almanakh po drevnei istorii i kulture*, 2002, (I): 104–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sigcaz>
- Суrowень Д. А. Конфедерация Ямато (вторая половина 10-х – первая половина 20-х годов IV века). *Проблемы истории общества, государства и права*, ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021a. Вып. 15. С. 135–286. [Surowen D. A. *Yamato Confederation (late 310s – first half of the 320s AD). Problems of the history of society, state, and law*, ed. Smykalin A. S. Ekaterinburg: UrSLU, 2021a, iss. 15, 135–286. (In Russ.)]
- Суrowень Д. А. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Одзина). *Genesis: исторические исследования*. 2015b. № 6. С. 1–226. [Surowen D. A. *About chronology of reigns of Okinaga-tarahsi-hime (empress Jingu) and Homuda-wake (emperor Ōjin). Genesis: Historical research*, 2015, (6): 1–226. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16206>
- Суrowень Д. А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико. *Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств*, отв. ред. Е. Р. Кастель, Е. С. Соколова. Екатеринбург: УрГЮА, 1998a. С. 175–198. [Surowen D. A. *The foundation of Yamato state and the problem of the Eastern campaign of Kamu-Yamato-Iware-biko. Historical-legal studies of Russian and foreign states*, eds. Kastel E. R., Sokolova E. S. Ekaterinburg: UrSLA, 1998a, 175–198. (In Russ.)]

- Суrowень Д. А. Период регентства Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү). *Проблемы истории, филологии, культуры*. 1998b. № 6. С. 174–180. [Surowen D. A. The period of the regency of Okinaga-tarashi-hime (Empress of Jingū). *Problemy istorii, filologii, kultury*, 1998b, (6): 174–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/musqta>
- Суrowень Д. А. Политическая борьба в государстве Ямато в середине 20-х годов IV века и мятеж Такэ-хани-ясу-бико. Часть 1-я. *Уральское востоковедение*. 2020a. № 10. С. 35–54. [Surowen D. A. Political struggle in Yamato state in mid-20s of 4th century and Take-hani-yasu-biko rebellion. Part 1st. *Uralskoe vostokovedenie*, 2020a, (10): 35–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gdlyuz>
- Суrowень Д. А. Политическая борьба в государстве Ямато в середине 20-х годов IV века и мятеж Такэ-хани-ясу-бико. Часть 2-я. *Уральское востоковедение*. 2021b. № 11. С. 63–80. [Surowen D. A. Political struggle in Yamato state in mid-20s of 4th century and Take-hani-yasu-biko rebellion. Part 2nd. *Uralskoe vostokovedenie*, 2021b, (11): 63–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkjsws>
- Суrowень Д. А. Правовое положение населения в древней Японии. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2010. № 3. С. 133–155. [Surowen D. A. The legal status of the population in Ancient Japan. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*, 2010, (3): 133–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqzmyz>
- Суrowень Д. А. Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве бэмин в IV – середине VII века. *Право. Законодательство. Личность*. 2012. № 2. С. 18–29. [Surowen D. A. Legal status of persons without citizenship in ancient Japanese law: Bemim in IV – mid. VII centuries A.D. *Law. Legislation. Person*, 2012, (2): 18–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaltzn>
- Суrowень Д. А. Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина). *Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Серия 2: Гуманитарные науки*. 1999. № 13. С. 89–113. [Surowen D. A. The problem of the "Eight Rulers" period and the development of the Yamato state in the reign of Mimaki (emperor Sūjin). *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 1999, (13): 89–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqurdx>
- Суrowень Д. А. Проблемы царствования в Ямато правителя Икумэ (Суйнина). *Античная древность и средние века*. 1998c. Т. 29. С. 193–217. [Surowen D. A. Problems of the reign of ruler Ikume (Suinin) in Yamato. *Antichnaya Drevnost' i Srednie Veka*, 1998c, 29: 193–217. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymeftb>
- Суrowень Д. А. Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато. *Проблемы истории общества, государства и права*, гл. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2020b. Вып. 11. С. 241–318. [Surowen D. A. Early form of state in central Japan and formation of the territorial state Yamato. *Problems of the history of society, state and law*, ed. A. S. Smykalin. Ekaterinburg: UrSLU, 2020b, iss. 11, 241–318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhqubl>
- Суrowень Д. А. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Миwa и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020c. Т. 22. № 3. С. 701–713. [Surowen D. A. Religious-political reforms of emperor Mimaki. Part 1: The cult of Mount Miwa and the change of the supreme priestess and ruler with a male supreme ruler and priest. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020c, 22(3): 701–713. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-701-713>
- Суrowень Д. А. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 2: Формирование династического культа богини солнца и его трансформация в общегосударственный культ. *СибСкрипт*. 2023a. Т. 25. № 6. С. 758–775. [Surowen D. A. Religious and political reforms of Emperor Mimaki. Part 2: Dynastic cult of the sun goddess and its transformation into a statewide cult. *SibScript*, 2023a, 25(6): 758–775. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-758-775>
- Суrowень Д. А. Хронология древней Японии. Екатеринбург: Альфа Принт, 2023b. Т. I. 432 с. [Surowen D. A. *Chronology of ancient Japan*. Ekaterinburg: Alfa Print, 2023b, vol. I, 432. (In Russ.)]
- Суrowень Д. А. Эволюция родства и брака в древней Японии. *Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.)*. Т. 1. *Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования*, отв. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019a. С. 206–271. [Surowen D. A. Evolution of relationship and marriage in ancient Japan. *One hundred years of the Ural State Law University (1918–2018)*. Vol. 1. *Evolution of the Russian and foreign state and law: Historical-legal studies*, ed. Smykalin A. S. Ekaterinburg: UrSLU, 2019a, 206–271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lesuzu>

- Суровень Д. А. Япония в конце IV – V в.: период среднего Ямато. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019b. Т. I. 398 с. [Surowen D. A. *Japan in the late IV – V centuries: Middle Yamato period*. Ekaterinburg: UrSLU, 2019b, vol. I, 398. (In Russ.)]
- Суровень Д. А. Япония в середине – второй половине IV века: государыня Окинага-тараси-химэ и Ямато ранне-исторического периода. Екатеринбург: Альфапринт, 2021c. 408 с. [Surowen D. A. *Japan in the middle – second half of the IV century: Empress Okinaga-tarashi-hime and Yamato of the early historical period*. Ekaterinburg: Alfaprint, 2021c, 408. (In Russ.)]
- Akima Toshio. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla. *Japanese journal of religious studies*, 1993, 20(2-3): 95–185.
- Ellwood R. S. Patriarchal revolution in ancient Japan: Episodes from the Nihonshoki Sūjin chronicle. *Journal of feminist studies in religion*, 1986, 2(2): 23–37.
- Ellwood R. S. The Sujin religious revolution. *Japanese journal of religious studies*, 1990, 17(2-3): 199–217. <https://doi.org/10.18874/jjrs.17.2-3.1990.199-217>
- Kanzaki Ivan Hisao. *San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation*. Annapolis, Maryland: United States Naval Academy, 2002, 10.
- Reischauer R. K. *Early Japanese history*. Princeton-L.: Princeton University Press, 1937, pt. A, IX+405.
- The Cambridge history of Japan. Vol. I. Ancient Japan*, ed. Delmer M. Brown. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, XXIII+602.
- 石田 一浪. 神話と歴史. 東京: 新潮社, 1960. 54 頁. [Ishida Ichirō. *Myths and history*. Tōkyō: Shinchōsha, 1960, 54. (In Jap.)]
- 石井 好. 上代地名伝播に関する数値実験: 東遷説の正当性. 研究紀要 (東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). 2000. 第37号. 頁 27–38. [Ishii Yoshimi. Numerical experiments on the propagation of ancient place names: Validity of the theory of eastward transfer. *Bulletin of Research (Tokyo Metropolitan National College of Aviation Technology, Department of Electronic Engineering)*, 2000, (37): 27–38. (In Jap.)]
- 石井 好. 音響工学の観点からみた上代地名(伊都の丸地名)の伝播の研究 // 研究紀要 (東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). 1999. 第36号. 頁 49–64. [Ishii Yoshimi. Research on the propagation of ancient geographical names (Ito-no maru-chimei) from the viewpoint of acoustic engineering. *Bulletin of Research (Tokyo Metropolitan National College of Aviation Technology, Department of Electronic Engineering)*, 1999, (36): 49–64. (In Jap.)]
- 森 清人. 日本新史. 東京: 錦正社, 1962. 366 頁. [Mori Kiyoto. *New History of Japan*. Tokyo: Kinseisha, 1962, 366. (In Jap.)]

Указатель статей, изданных в 2024 г. в журнале «СибСкрипт»

	Стр.	№
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ		
Аблажей Н. Н. Паспортизация населения режимных городов Кузбасса в 1933 г.	990	6
Аблова Е. Е. Подходы к созданию и изучению фонда мемориальных досок в Российской империи, СССР и Российской Федерации	919	6
Бармин В. А. Причины возникновения басмаческого движения и его социальная база в оценках партийного руководства и командования Красной армии советского Туркестана (1918–1924 гг.)	379	3
Бодрова Е. В., Калинов В. В. Реализация правительственных решений о создании производственных мощностей вычислительной техники и комплекса ЭВМ «Ряд»	965	6
Виватенко С. В., Баев О. В. Путеводители по Франции для американских освободителей	471	3
Генина Е. С., Овчинников В. А. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР (отечественная историография проблемы 2010-х – начала 2020 х гг.)	929	6
Гергулев Д. Н., Павлюкевич Р. В., Кузьменко А. С. Динамика подготовки научных кадров в системе аспирантуры Красноярского края в 1949–1988 гг.	415	3
Гизей Ю. Ю. Объекты археологического наследия: вопросы государственного кадастрового учета и государственной охраны	323	3
Гордеев Ю. М. Проблемы основания Оренбургского Неплюевского военного училища в первой четверти XIX в.	345	3
Заика А. Л. Новая писаница высокогорья Восточного Саяна в контексте развития наскального творчества Средней Сибири	857	6
Заика А. Л., Сирюкин И. В. Шаманские атрибуты у антропоморфных персонажей в наскальном искусстве Среднего Енисея	874	6
Калашников А. А. Административно-территориальный раздел бывшего Алтайского округа в 1917–1919 гг.	389	3
Китова Л. Ю., Гук Д. Ю., Фрибус А. В. Яков Абрамович Шер (1931–2019): вехи научного пути	889	6
Куренков А. В. Формирование местных органов РКП(б) на территории Томской губернии (конец 1919 – 1921 г.)	1002	6
Матюхина Е. Н. Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии	441	3
Миронов В. В. Восприятие ситуации в Афганистане в экспертных подходах СССР и США в 1979–1985 гг. По материалам заседаний Политбюро ЦК КПСС и аналитических докладов ЦРУ	481	3
Михайлов Ю. И. Размерный стандарт сейминско-турбинских отливок с ушками	335	3
Морозов Д. С. Смерть И. В. Сталина в восприятии советских граждан (по материалам Кемеровской области)	1016	6
Мязин Н. А. Распространение пятидесятничества и харизматического движения в России в 1991–2020 гг.	940	6
Нам И. В., Наумова Н. И. Этнические меньшинства Бессарабии в контексте политики румынизации (1918–1920 гг.)	459	3
Погорельская А. М., Погодаев Н. П. Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан: предпосылки, сложности и перспективы	492	3

	Стр.	№
Рагимова К. З. Социально-правовой статус административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг. (историографический аспект)	362	3
Рыков А. В. Стратегии, тактики и формы взаимодействия сельского общества и органов власти в рамках реформы административно-территориального деления в 1962–1966 гг.: по материалам «писем во власть» из Алтайского края	1026	6
Семенов О. Ю., Белащенко Д. А. Деятельность Германии в Совете Безопасности ООН в 1995–1996 гг. по урегулированию ситуации в Афганистане	1042	6
Советова О. С., Ермоленко Л. Н., Зинченко С. А. Сидящие «по-восточному» фигуры в наскальном искусстве Минусинской котловины (атрибуция, аналогии)	904	6
Соловенко И. С., Рожков А. А., Пинжин К. А., Жолбин А. П. История форм и методов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.)	978	6
Стародубцев Е. Ю., Ермолаев А. Н. Эволюция подходов к изучению эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии	429	3
Суровень Д. А. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 3: Новый верховный жрец бога Мива и упорядочение культов Ямато	1051	6
Тихомиров Н. В. «В камлания пустились даже дети-подростки»: шаманство в повседневности якутов 1920-х гг. (по материалам газеты «Автономная Якутия»)	404	3
Тихомиров Н. В. Социально-культурные представления колхозников середины 1930-х гг. по отчетам студентов коммунистического университета имени Я. М. Свердлова	951	6
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
Дубаков Л. В. Буддийский взгляд на трансцендентное в творчестве Елены Шварц	618	4
Маликова Ю. В. Тема любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики» (1923)	629	4
Ненарокова М. Р. «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром	140	1
Рудакова С. В., Зайцева Т. Б., Власкин А. П. Формы и функции речевого общения в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского	150	1
Чжу Цзывэй. Призрачный поезд как интегральный образ в романе В. В. Набокова «Машенька» (1926)	637	4
Шестакова Е. Ю. Художественная модель мира как предмет научного исследования	647	4
ПСИХОЛОГИЯ		
Альперович В. Д. Содержательные характеристики образа социального мира в метафорах и нарративах на этапе средней взрослости	748	5
Безносков Д. С. Социально-психологические предпосылки определения понятия <i>правовые отношения</i>	223	2
Белимова П. А., Микляева А. В. Как применение визуальных образов изменяет коммуникацию, опосредованную использованием цифровых устройств? Обзор эмпирических исследований	782	5
Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Силаева А. В., Терехина О. В. Особенности поведения, социального и эмоционального развития детей 5-летнего возраста, зачатых с помощью ВРТ (ЭКО)	757	5

	Стр.	№
Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю., Дубинина Е. А., Михайлов В. А., Никифорова Е. А., Чугунов Д. Н. Разработка методики экспресс-психодиагностики уровня социальной фрустрированности: теоретическое обоснование и опыт применения	659	5
Груздева О. В., Улыбина Е. В. Содержательные характеристики развития самосознания детей в раннем онтогенезе	235	2
Задорожная О. В., Новохатько Е. Н. Параметры самоотношения как предикторы психологического благополучия у студентов с ограниченными возможностями здоровья	823	5
Изюмова И. А. Особенности консолидации и реконсолидации слухоречевой памяти при болезни Паркинсона	161	2
Калашиникова И. В., Белогай К. Н. Модель эколого-психологического сопровождения формирования эмоционального благополучия дошкольников в экстремальных климатографических условиях	243	2
Капустина Т. В., Горшкова О. В., Кадыров Р. В., Транковская Л. В., Худченко А. Г. Пациентоориентированность в контексте корпоративной культуры медицинской организации	795	5
Карабущенко Н. Б., Паришутин И. А., Бобков А. Н. Эмоциональный интеллект субъекта потенциальной научно-технической элиты России	277	2
Красноярцева О. М., Еремина Е. В., Подойницина М. А. Доминирующие стратегии решения сенсомоторных задач у студентов с разным опытом использования когнитивного ресурса	701	5
Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Вариативность неопределенности в ментальной реконструкции опасности и безопасности	172	2
Крылова Н. Н. Взаимосвязь метакогнитивной включенности в деятельность и критического мышления студентов технических специальностей в информационной среде	714	5
Кулик А. А., Мазуркевич А. В. Модель образа жизни жителей регионов с экстремальными природно-климатическими условиями	265	2
Наумов П. Ю., Холиков И. В. Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера	287	2
Нелюбин Н. И. Системно-антропологические характеристики мышления	727	5
Ольхова Ю. В., Сафонова М. В. Факторная модель компетентности жизнестроительства старшеклассников	299	2
Реан А. А., Кузьмин Р. Г. Взаимосвязь представлений учителя о причинах агрессии учащихся по отношению к нему и опыта столкновения с такой агрессией	834	5
Сидорова Г. А., Иванов М. С. Особенности представлений о личной безопасности у подростков с интеллектуальными нарушениями	181	2
Симонова Д. И., Никишина В. Б. Модификация методики буквенного варианта корректурной пробы в условиях предъявления стимульного материала в электронном формате	672	5
Скорова Л. В., Новгородцева Я. В. Субъективная оценка характера взаимодействия отцов с детьми-подростками	314	2
Смерчинская Э. М., Трегубенко И. А., Исаева Е. Р. Особенности письменной речи пациентов с различными психическими расстройствами	739	5
Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А. Методологические основания разработки модели профилактики и коррекции постковидной когнитивной дисфункции	196	2

	Стр.	№
Титков И. В., Логинова И. О. Образовательные возможности геймификации в современном высшем образовании	844	5
Турова И. В. Особенности коммуникативной компетентности будущих врачей	807	5
Филенко И. А., Богомаз С. А. Стандартизация опросника метакогнитивных ресурсов регуляции поведения человека в трудных жизненных ситуациях (МиРТЖС)	685	5
Шачнева К. И., Чернов Д. Н., Сотников В. А. Взаимосвязь когнитивной сферы и стиля саморегуляции в поведении по отношению к своему здоровью у подростков с сахарным диабетом 1 типа	770	5
Щетинина Е. В., Щелкова О. Ю., Чернов Н. В., Костюк Г. П. Сравнительный анализ клиничко-психологических характеристик пациентов первого психотического эпизода с преобладанием дефицитарности в когнитивной и эмоционально-волевой сферах	210	2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Бровина А. В., Маленко Е. Ю. Гендерные стратегии переводов романа «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера	117	1
Булгакова О. А., Пенелова Л. Ф. Концептуализация действительности во фреймовой организации фразеологизмов с компонентом <i>цветы</i> в русском, английском и китайском языках	72	1
Бурмакова Е. А., Полякова Н. В. Комбинированные тактики, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена: на материале передачи <i>Tucker Carlson Tonight</i>	62	1
Голев Н. Д. Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное	94	1
Давуди А., Валипур А. Роль порядка слов в реализации коммуникативной структуры предложения в русском и персидском языках	84	1
Дашининаева П. П., Дамбуева С. В. Семиотика китайского иероглифа: от иконического и индексального знака к символическому	576	4
Загуменнов А. В. Лингвоперсонология и языковая личность как предметы научной рефлексии в трудах В. В. Колесова	108	1
Золотухин Д. С. Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций	597	4
Каменева В. А., Рабкина Н. В., Картавцева А. П., Чепсаракова Н. И. Ассоциативные поля культурно-маркированных лексем <i>Чыл-Пажы</i> и <i>чалама</i> в языковом сознании шорцев: психолингвистический эксперимент	536	4
Коваленко Е. Н., Ларионова Т. В. Функции аллюзии в аспекте теории распределенной когниции в языке и речи (на материале английского языка)	515	4
Куракина Н. А., Филиппова Д. С. Искусственный интеллект и живопись в лингвопрагматическом аспекте: возможности и вызовы	548	4
Лебедева Д. С. Действие закона семиотического ослабления в иероглифической и гадательной системах Древнего Китая	587	4
Лушикова Г. И., Осадчая Т. Ю. Язык общества будущего как объект сатиры в антиутопической дилогии Д. Эггера	130	1
Мокиенко В. М. Крылатые слова-библеизмы в пьесах А. Н. Островского	1	1

	Стр.	№
Осокина С. А., Михиенко Ж. Н. Понятность слов как критерий разработки текстов на легком языке: экспериментальное исследование	557	4
Позднякова Е. Ю., Шпиляная Н. Н. Интерпретационный потенциал абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных	503	4
Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Дуальность в языке и культуре: ценности и метаконцепты	37	1
Румянцева М. В. Когнитивные особенности дуального художественного концепта <i>море-океан</i> в творчестве Б. В. Шергина	49	1
Савватеева И. А. Семантические особенности концепта <i>игра</i> в прагматическом, семиотическом и аксиологическом выражении игровых поведенческих отношений	525	4
Сатучина Т. Ю. Стратегии семантизации слов студентами-иностранцами: экспериментальное исследование метаязыковой деятельности	13	1
Хаджи Мусаи С. А., Мадаени Аввал А. Аксиологическая составляющая фразеологических единиц с колоративом <i>красный</i> в русском и персидском языках	607	4
Хатламаджиян М. А. Когнитивные и структурно-семантические особенности неологизмов с профессиональным компонентом в современном английском языке	22	1
Шарнин М. М., Калинин С. С. Применение методов обработки естественного языка для прогнозирования перспективных направлений использования формальных онтологий в биомедицине	567	4

Index of articles published in 2024 in the journal "SibScript"

	Pages	Issue
HISTORY & ARCHEOLOGY		
Ablazhey N. N. Passport System Campaign in the Closed Cities of Kuzbass in 1933	990	6
Ablova E. E. Memorial Plaques in the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation: Cataloguing and Studies	919	6
Barmin V. A. Basmachi Movement and Its Supporters in Reports by Party Leaders and Red Army Commanders in Soviet Turkestan, 1918–1924	379	3
Bodrova E. V., Kalinov V. V. Government Decisions on Production Facilities for Computing Equipment and Computer Complex Ryad	965	6
Genina E. S., Ovchinnikov V. A. Anti-Cosmopolitan Campaign in the USSR: Russian Historiography in 2010s – Early 2020s	929	6
Gergilev D. N., Pavlyukevich R. V., Kuzmenko A. S. Academic Personnel Training in Postgraduate Education in Krasnoyarsk Region in 1949–1988	415	3
Gizey Yu. Yu. Archaeological Heritage Sites: State Cadastral Registration and State Protection	323	3
Gordeev Yu. M. Orenburg Neplyuev Military School in the First Quarter of the XIX Century: Organization Issues	345	3
Kalashnikov A. A. Administrative and Territorial Division of the Former Altai Region in 1917–1919	389	3
Kitova L. Yu., Hookk D. Yu., Fribus A. V. Yakov A. Sher (1931–2019): Milestones of Academic Career	889	6
Kurenkov A. V. Formation of Local Organs of Russian Communist Party of Bolsheviks in Tomsk Province in late 1919 – 1921	1002	6
Matyukhina E. N. Evolution of India's External Information and Cyber Security Infrastructure	441	3
Miazin N. A. Pentecostalism and Charismatic Movement in Russia in 1991–2020	940	6
Mikhailov Yu. I. Dimensional Standards of Seima-Turbino Castings with Eyes	335	3
Mironov V. V. USSR vs. US Expert Approaches to Situation in Afghanistan in 1979–1985: CPSU Politburo Minutes vs. CIA Reports	481	3
Morozov D. S. Joseph Stalin's Death as Perceived by Soviet Citizens: Materials from the Kemerovo Region	1016	6
Nam I. V., Naumova N. I. Ethnic Minorities in Bessarabia during Romanization in 1918–1920	459	3
Pogorelskaya A. M., Pogodaev N. P. Export of Russian Educational Services to Tajikistan: Prerequisites, Problems, and Prospects	492	3
Ragimova K. Z. Social and Legal Status of Administrative and Academic Staff in West Siberia, 1885–1918: Historiographical Aspect	362	3
Rykov A. V. Strategies, Tactics, and Forms of Interaction between Rural Communities and Governmental Bodies during the Administrative and Territorial Reform of 1962–1966: "Letters to the Authorities" from the Altai Region	1026	6
Semenov O. Yu., Belashchenko D. A. Germany's Policy on Afghanistan in the United Nations Security Council in 1995–1996	1042	6
Solovenko I. S., Rozhkov A. A., Pinzhin K. A., Zholbin A. P. Forms and Methods of Digitalization in Russia's Fuel and Energy Sector between XX and XXI Centuries	978	6

	Pages	Issue
Sovetova O. S., Ermolenko L. N., Zintchenko S. A. Cross-Legged Sitter in Minusinsk Rock Art: Attribution and Analogies	904	6
Starodubtsev E. Yu., Ermolaev A. N. Civil Evacuation to Western Siberia during the Great Patriotic War: Evolution of Approaches in Russian Historiography	429	3
Surowen D. A. Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 3: New High Priest of Miwa and Arrangement of Yamato Cults	1051	6
Tikhomirov N. V. "Even Teenagers Practiced Shamanism": Routine of Shamanism in Yakutia in 1920s as Described in the Autonomous Yakutia Newspaper	404	3
Tikhomirov N. V. Socio-Cultural Worldview of Soviet Collective Farmers in Mid-1930s as Reported by Students of Sverdlov Communist Agricultural University	951	6
Vivatenko S. V., Baev O. V. Guides to France for American Liberators	471	3
Zaika A. L. New Petroglyphs of Eastern Sayan Highlands as Part of Central Siberian Rock Art	857	6
Zaika A. L., Siryukin I. V. Shamanic Attributes of Anthropomorphic Characters in the Rock Art of the Middle Yenisei	874	6
LINGUISTICS		
Brovina A. V., Malenko E. Iu. Gender Strategies in Translation: <i>The Catcher in the Rye</i> by J. Salinger	117	1
Bulgakova O. A., Pepelova L. F. Reality Framing in Russian, English, and Chinese Phraseological Units with <i>Flowers</i>	72	1
Burmakova E. A., Polyakova N. V. Combined Tactics of Communication Strategy: Discrediting Biden's Administration in <i>Tucker Carlson Tonight</i>	62	1
Charnine M. M., Kalinin S. S. Natural Language Processing Tools for Predictive Modeling of Advanced Trends in Formal Ontologies in Biomedical Sciences	567	4
Dashinimaeva P. P., Dambueva S. V. Semiotics of the Chinese Hieroglyph: From Iconic and Indexical Sign to Symbolic	576	4
Davoudi A., Valipour A. Word Order in the Communicative Structure of the Sentence in Russian and Persian Languages	84	1
Golev N. D. Antinomies of Russian Morphology: Communicative vs. Cognitive; Syntagmatic vs. Nominative	94	1
Haji Musaei S. A., Madayeni Avval A. Color Name Red in Russian and Persian Phraseology: Axiological Aspect	607	4
Kameneva V. A., Rabkina N. V., Kartavtseva A. P., Chepsarakova N. I. Associative Fields of Culturally Marked Lexemes <i>Chyl-Pazhy</i> and <i>Chalama</i> in the Language Consciousness of Shorians: A Psycholinguistic Experiment	536	4
Khatlamadzhijan M. A. Cognitive, Structural, and Semantic Features of Professional Neologisms in Modern English	22	1
Kovalenko E. N., Larionova T. V. Allusion and Its Functions in Distributed Cognition Theory in the English Language and Speech	515	4
Kurakina N. A., Filippova D. S. Artificial Intelligence and Art: Opportunities and Challenges	548	4
Lebedeva D. S. Semiotic Weakening Law in Ancient Chinese Writing System and Divinations	587	4

	Pages	Issue
Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Language of the Future as an Object of Satire in D. Eggers's Dystopic Dilogy	130	1
Mokienko V. M. Biblical Expressions in A. N. Ostrovsky's Plays	1	1
Osokina S. A., Mihienko Zh. N. Lexical Comprehensibility as a Criterion for Easy-to-Read Texts: An Experimental Study	557	4
Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Interpretative Potential of Abstract and Concrete Common Nouns	503	4
Proskurin S. G., Proskurina A. V. Duality in Language and Culture: Values and Meta-Concepts	37	1
Rumyantseva M. V. Cognitive Duality of the Artistic Concept of Sea-Ocean in B. V. Shergin's Short Stories	49	1
Satuchina T. Yu. Strategies of Lexical Semantization by Foreign Students: Experimental Study of Metalinguistic Activity	13	1
Savvateeva I. A. Caratteristiche Semantiche del Concetto di Gioco Nell'espressione Pragmatica, Semiotica e Assiologica delle Relazioni Comportamentali di Gioco	525	4
Zagumennov A. V. Linguistic Personology and Linguistic Personality as Subjects of Vladimir V. Kolesov's Scientific Reflection	108	1
Zolotukhin D. S. Language of Signs vs. Sign Language: Equivalence Issues of French and Russian Terms in Metalanguage of Gestural Communication Systems	597	4
LITERARY STUDIES		
Dubakov L. V. Buddhist View of the Transcendent in Elena Schwartz's Poetry and Prose	618	4
Malikova Yu. V. Love in Konstantin Paustovsky's Romantics (1923)	629	4
Nenarokova M. R. Einhard's <i>Vita Karoli Magni</i> : Dialogue with Classical Genre	140	1
Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Vlaskin A. P. Forms and Functions of Speech Communication in F. M. Dostoevsky's <i>Demons</i>	150	1
Shestakova E. Yu. Artistic World Model as a Subject of Scientific Research	647	4
Zhu Ziwei. Phantom Train as Integral Image in Vladimir Nabokov's <i>Mary</i> (1926)	637	4
PSYCHOLOGY		
Alperovich V. D. Image of Social World in Metaphors and Narratives of Adults	748	5
Belimova P. A., Miklyaeva A. V. Effect of Visual Images on Digital Communication: Empirical Research Review	782	5
Beznosov D. S. Theoretical Approaches to the Concept of Legal Relations	223	2
Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Silaeva A. V., Terekhina O. V. Behavioral, Social, and Emotional Development of Five-Year-Old Children Conceived by Assistive Reproductive Technologies (In-Vitro Fertilization)	757	5
Filenko I. A., Bogomaz S. A. Standardizing a Questionnaire of Metacognitive Resources of Human Behavior Regulation in Difficult Circumstances	685	5
Gruzdeva O. V., Ulybina E. V. Developing Self-Awareness in Children during Early Ontogenesis	235	2
Izyumova I. A. Consolidation and Reconsolidation of Auditory-Verbal Memory in Parkinson's Disease	161	2

	Pages	Issue
Kalashnikova I. V., Belogai K. N. Emotional Well-Being of Preschoolers in Extreme Climatic and Geographical Conditions by Means of Ecological and Psychological Support	243	2
Kapustina T. V., Gorshkova O. V., Kadyrov R. V., Trankovskaya L. V., Khudchenko A. G. Patient-Centered Healthcare as Part of Medical Corporate Culture	795	5
Karabushchenko N. B., Parshutin I. A., Bobkov A. N. Emotional Intelligence of Russia's Potential Scientific and Technical Elite	277	2
Krasnianskaya T. M., Tylets V. G. Variability of Uncertainty in Mental Reconstruction of Danger and Safety	172	2
Krasnoryadtseva O. M., Eremina E. V., Podoinitsina M. A. Dominant Strategies for Solving Sensorimotor Tasks in Students with Different Cognitive Resource Experience	701	5
Krylova N. N. Metacognitive Involvement and Critical Thinking in Technical Students in Information Environment	714	5
Kulik A. A., Mazurkevich A. V. Lifestyle Model in Regions with Extreme Environmental and Climate Conditions	265	2
Naumov P. Yu., Kholikov I. V. Value-Based Attitude Towards International Humanitarian Law as Part of Personality Development of Military Students	287	2
Nelyubin N. I. Systemic and Anthropological Characteristics of Thinking	727	5
Olkhova Yu. V., Safonova M. V. Factor Model of Life-Planning Competence in High School Students	299	2
Rean A. A., Kuzmin R. G. Teacher-Directed Aggression: Causes Perceived vs. Aggression Experienced	834	5
Shachneva K. I., Chernov D. N., Sotnikov V. A. Cognitive Sphere and Health Self-Control in Teenagers with Type 1 Diabetes	770	5
Shchetinina E. V., Shchelkova O. Yu., Chernov N. V., Kostyuk G. P. Clinical and Psychological Characteristics of Patients after First-Episode Psychosis with Cognitive, Emotional, and Volitional Deficiencies: Comparative Analysis	210	2
Sidorova G. A., Ivanov M. S. Age-Related Features of Perceptions about Personal Security in Adolescents with Intellectual Disabilities	181	2
Simonova D. I., Nikishina V. B. Modifying the Methodology of Letter Cancellation Test for Digital Representation	672	5
Skorova L. V., Novgorodtseva Ya. V. Subjective Assessment of Father – Teenage Child Interaction	314	2
Smerchinskaya E. M., Tregubenko I. A., Isaeva E. R. Written Narrative in Patients with Different Mental Disorders	739	5
Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A. Post-COVID-19 Cognitive Dysfunction: Methodological Foundations for Prevention and Correction Model	196	2
Titkov I. V., Loginova I. O. Academic Opportunities of Gamification at University	844	5
Turova I. V. Communicative Skills in Medical Students	807	5
Wasserman L. I., Shchelkova O. Yu., Dubinina E. A., Mikhailov V. A., Nikiforova E. A., Chugunov D. N. Social Frustration Level Questionnaire: Substantiation, Design, and Probation	659	5
Zadorozhnaya O. V., Novokhatko E. N. Self-Attitude Parameters as Predictors of Psychological Well-Being in Students with Limited Health Capacities	823	5

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия), tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь, КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 10.12.2024.

Дата выхода в свет __.12.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 26,5. Уч.-изд. л. – 21.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

